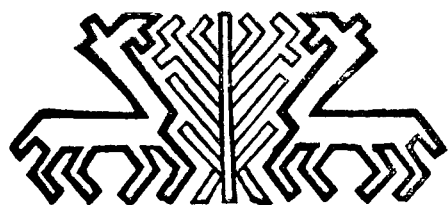

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1 9 5 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 14.VII 1950 г.	Печ. листов $15\frac{1}{2}+2$ вклейки. Заказ 148
Т-03491	Уч.-изд. листов 26,0
	Тираж 2600 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

И. СТАЛИН

ОТНОСИТЕЛЬНО МАРКСИЗМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи с предложением — высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания, особенно в части, касающейся марксизма в языкознании. Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому делу я имею прямое отношение. Поэтому я согласился дать ответ на ряд вопросов, поставленных товарищами.

ВОПРОС. Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?

Ответ. Нет, неверно.

Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения.

Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический — свою. Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка.

Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Взять, например, русское общество и русский язык. На протяжении последних 30 лет в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису. Были, следовательно, заменены старые политические, правовые и иные учреждения новыми, социалистическими. Но, несмотря на это, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота.

Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов. Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целости и остались без каких-либо серьезных изменений, — сохранились именно как основа современного русского языка.

Далее. Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы.

Иначе и не может быть. Надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказать надстройке от этой ее служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла свое качество и перестала быть надстройкой.

Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка, как средства общения людей, состоит не в том, чтобы обслуживать один класс и ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать все общество, все классы общества. Этим собственно и объясняется, что язык может одинаково обслуживать как старый, умирающий строй, так и новый, подымающийся строй; как старый базис, так и новый, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых.

Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества.

То же самое нужно сказать об украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, армянском, эстонском, латвийском, литовском, молдавском, татарском, азербайджанском, башкирском, туркменском и других языках советских наций, которые так же хорошо обслуживали старый, буржуазный строй этих наций, как обслуживают они новый, социалистический строй.

Иначе и не может быть. Язык для того и существует, он для того и создан, чтобы служить обществу, как целому, в качестве орудия общения людей, чтобы он был общим для членов общества и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от их классового положения. Стоит только сойти языку с этой общенародной позиции, стоит только стать языку на позицию предпочтения и поддержки какой-либо социальной группы в ущерб другим социальным группам общества, чтобы он потерял свое качество, чтобы он перестал быть средством общения людей в обществе, чтобы он превратился в жаргон какой-либо социальной группы, деградировал и обрек себя на исчезновение.

В этом отношении язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем, от машин, которые так же безразличны к классам, как язык, и так же одинаково могут обслуживать как капиталистический строй, так и социалистический.

Дальше. Надстройка есть продукт одной эпохи, в течение которой живет и действует данный экономический базис. Поэтому надстройка живет недолго, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса.

Язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется. Поэтому язык живет несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка. Этим собственно и объясняется, что рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и нескольких базисов и соответствующих им надстроек — не ведет в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и к рождению нового языка с новым словарным фондом и новым грамматическим строем.

Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Что изменилось за это время в русском языке? Серьезно пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов; изменилось смысловое значение значительного количества слов; улучшился грамматический строй языка. Что касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка.

И это вполне понятно. В самом деле, для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд уничтожались и заменялись новыми, как это бывает обычно с надстройкой? Кому это нужно, чтобы «вода», «земля», «гора», «лес», «рыба», «человек», «ходить», «делать», «производить», «торговать» и т. д. назывались не водой, землей, горой и т. д., а как-то иначе? Кому нужно, чтобы изменения слов в языке и сочетание слов в предложении происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой в основном вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя? Уничтожить старую надстройку и заменить ее новой можно и нужно в течение нескольких лет, чтобы дать простор развитию производительных сил общества, но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества? Кто же, кроме донкихотов, могут ставить себе такую задачу?

Наконец, еще одно коренное отличие между надстройкой и языком. Надстройка не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе. Это значит, что сфера действия надстройки узка и ограничена.

Язык же, наоборот, связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе. Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична.

Этим прежде всего и объясняется, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и

транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй.

Итак:

а) марксист не может считать язык надстройкой над базисом;

б) смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьезную ошибку.

ВОПРОС. Верно ли, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует?

Ответ. Нет, неверно.

Не трудно понять, что в обществе, где нет классов, не может быть и речи о классовом языке. Первобытно-общинный родовой строй не знал классов, следовательно, не могло быть там и классового языка, — язык был там общий, единый для всего коллектива. Возражение о том, что под классом надо понимать всякий человеческий коллектив, в том числе и первобытно-общинный коллектив, представляет не возражение, а игру слов, которая не заслуживает опровержения.

Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, — то везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения.

Я имею здесь в виду не империи рабского и средневекового периодов, скажем, империю Кира и Александра Великого, или империю Цезаря и Карла Великого, которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки. Следовательно, я имею в виду не эти и подобные им империи, а те племена и народности, которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки. История говорит, что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них.

Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности.

В дальнейшем, с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей в национальные языки. Исто-

рия говорит, что национальные языки являются не классовыми, а общенародными языками, общими для членов наций и едиными для нации.

Выше говорилось, что язык, как средство общения людей в обществе, одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам. Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются «классовые» диалекты, жаргоны, салонные «языки». В литературе нередко эти диалекты и жаргоны неправильно квалифицируются как языки: «дворянский язык», «буржуазный язык», — в противоположность «пролетарскому языку», «крестьянскому языку». На этом основании, как это ни странно, некоторые наши товарищи пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, что реально существуют лишь классовые языки.

Я думаю, что нет ничего ошибочнее такого вывода. Можно ли считать эти диалекты и жаргоны языками? Безусловно нельзя. Нельзя, во-первых, потому, что у этих диалектов и жаргонов нет своего грамматического строя и основного словарного фонда, — они заимствуют их из национального языка. Нельзя, во-вторых, потому, что диалекты и жаргоны имеют узкую сферу обращения среди членов верхушки того или иного класса и совершенно не годятся, как средство общения людей, для общества в целом. Что же у них имеется? У них есть: набор некоторых специфических слов, отражающих специфические вкусы аристократии или верхних слоев буржуазии; некоторое количество выражений и оборотов речи, отличающихся изысканностью, галантностью и свободных от «грубых» выражений и оборотов национального языка; наконец, некоторое количество иностранных слов. Все же основное, т. е. подавляющее большинство слов и грамматический строй, взято из общенародного, национального языка. Следовательно, диалекты и жаргоны представляют ответвления от общенародного национального языка, лишенные какой-либо языковой самостоятельности и обреченные на прозябание. Думать, что диалекты и жаргоны могут развиваться в самостоятельные языки, способные вытеснить и заменить национальный язык, — значит потерять историческую перспективу и сойти с позиции марксизма.

Ссылаются на Маркса, цитируют одно место из его статьи «Святой Макс», где сказано, что у буржуа есть «свой язык», что этот язык «есть продукт буржуазии», что он проникнут духом меркантилизма и купли-продажи. Этой цитатой некоторые товарищи хотят доказать, что Маркс стоял будто бы за «классовость» языка, что он отрицал существование единого национального языка. Если бы эти товарищи отнеслись к делу объективно, они должны были бы привести и другую цитату из той же статьи «Святой Макс», где Маркс, касаясь вопроса о путях

образования единого национального языка, говорит о «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией».

Следовательно, Маркс признавал необходимость **единого** национального языка, как высшей формы, которой подчинены диалекты, как низшие формы.

Что же в таком случае может представлять язык буржуа, который, по словам Маркса, «есть продукт буржуазии». Считал ли его Маркс таким же языком, как национальный язык, со своей особой языковой структурой? Мог ли он считать его таким языком? Конечно, нет! Маркс просто хотел сказать, что буржуа загадили единый национальный язык своим торгашеским лексиконом, что буржуа, стало быть, имеют свой торгашеский жаргон.

Выходит, что эти товарищи исказили позицию Маркса. А исказили ее потому, что цитировали Маркса не как марксисты, а как начетчики, не вникая в существо дела.

Ссылаются на Энгельса, цитируют из брошюры «Положение рабочего класса в Англии» слова Энгельса о том, что «...английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия», что «рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия». На основании этой цитаты некоторые товарищи делают вывод, что Энгельс отрицал необходимость общенародного, национального языка, что он стоял, стало быть, за «классовость» языка. Правда, Энгельс говорит здесь не об языке, а о диалекте, вполне понимая, что диалект, как ответвление от национального языка, не может заменить национального языка. Но эти товарищи, видимо, не очень сочувствуют наличию разницы между языком и диалектом...

Очевидно, что цитата приведена не к месту, так как Энгельс говорит здесь не о «классовых языках», а главным образом о классовых идеях, представлениях, нравах, нравственных принципах, религии, политике. Совершенно правильно, что идеи, представления, нравы, нравственные принципы, религия, политика у буржуа и пролетариев прямо противоположны. Но при чем здесь национальный язык, или «классовость» языка? Разве наличие классовых противоречий в обществе может служить доводом в пользу «классовости» языка, или против необходимости единого национального языка? Марксизм говорит, что общность языка является одним из важнейших признаков нации, хорошо зная при этом, что внутри нации имеются классовые противоречия. Признают ли упомянутые товарищи этот марксистский тезис?

Ссылаются на Лафарга, указывая на то, что Лафарг в своей брошюре «Язык и революция» признает «классовость» языка, что он отрицает будто бы необходимость общенародного, национального языка. Это неверно. Лафарг действительно говорит о «дворянском» или «аристократическом языке» и о «жаргонах» различных слоев общества. Но

эти товарищи забывают о том, что Лафарг, не интересуясь вопросом о разнице между языком и жаргоном и называя диалекты то «искусственной речью», то «жаргоном», — определенно заявляет в своей брошюре, что «искусственная речь, отличающая аристократию... выделась из языка общенародного, на котором говорили и буржуа, и ремесленники, город и деревня».

Следовательно, Лафарг признает наличие и необходимость общенародного языка, вполне понимая подчиненный характер и зависимость «аристократического языка» и других диалектов и жаргонов от общенародного языка.

Выходит, что ссылка на Лафарга бьет мимо цели.

Ссылаются на то, что одно время в Англии английские феодалы «в течение столетий» говорили на французском языке, тогда как английский народ говорил на английском языке, что это обстоятельство является будто бы доводом в пользу «классовости» языка и против необходимости общенародного языка. Но это не довод, а анекдот какой-то. Во-первых, на французском языке говорили тогда не все феодалы, а незначительная верхушка английских феодалов при королевском дворе и в графствах. Во-вторых, они говорили не на каком-то «классовом языке», а на обыкновенном общенародном французском языке. В-третьих, как известно, это баловство французским языком исчезло потом бесследно, уступив место общенародному английскому языку. Думают ли эти товарищи, что английские феодалы и английский народ «в течение столетий» объяснялись друг с другом через переводчиков, что английские феодалы не пользовались английским языком, что общенародного английского языка не существовало тогда, что французский язык представлял тогда в Англии что-нибудь большее, чем салонный язык, имеющий хождение лишь в узком кругу верхушки английской аристократии? Как можно на основании таких анекдотических «доводов» отрицать наличие и необходимость общенародного языка?

Русские аристократы одно время тоже баловались французским языком при царском дворе и в салонах. Они кичились тем, что, говоря по-русски, заикаются по-французски, что они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом. Значит ли это, что в России не было тогда общенародного русского языка, что общенародный язык был тогда фикцией, а «классовые языки» — реальностью?

Наши товарищи допускают здесь, по крайней мере, две ошибки.

Первая ошибка состоит в том, что они смешивают язык с надстройкой. Они думают, что если надстройка имеет классовый характер, то и язык должен быть не общенародным, а классовым. Но я уже говорил выше, что язык и надстройка представляют два различных понятия, что марксист не может допускать их смешения.

Вторая ошибка состоит в том, что эти товарищи воспринимают противоположность интересов буржуазии и пролетариата, их ожесточенную классовую борьбу, как распад общества, как разрыв всяких связей между враждебными классами. Они считают, что поскольку об-

щество распалось и нет больше единого общества, а есть только классы, то не нужно и единого для общества языка, не нужно национального языка. Что же остается, если общество распалось и нет больше общенародного, национального языка? Остаются классы и «классовые языки». Понятно, что у каждого «классового языка» будет своя «классовая» грамматика, — «пролетарская» грамматика, «буржуазная» грамматика. Правда, таких грамматик не существует в природе, но это не смущает этих товарищей: они верят, что такие грамматики появятся.

У нас были одно время «марксисты», которые утверждали, что железные дороги, оставшиеся в нашей стране после Октябрьского переворота, являются буржуазными, что не пристало нам, марксистам, пользоваться ими, что нужно их скрыть и построить новые, «пролетарские» дороги. Они получили за это прозвище «троглодитов»...

Понятно, что такой примитивно-анархический взгляд на общество, классы, язык не имеет ничего общего с марксизмом. Но он безусловно существует и продолжает жить в головах некоторых наших запутавшихся товарищей.

Конечно, неверно, что ввиду наличия ожесточенной классовой борьбы общество якобы распалось на классы, не связанные больше друг с другом экономически в одном обществе. Наоборот. Пока существует капитализм, буржуа и пролетарии будут связаны между собой всеми нитями экономики, как части единого капиталистического общества. Буржуа не могут жить и обогащаться, не имея в своем распоряжении наемных рабочих, пролетарии не могут продолжать свое существование, не нанимаясь к капиталистам. Прекращение всяких экономических связей между ними означает прекращение всякого производства, прекращение же всякого производства ведет к гибели общества, к гибели самих классов. Понятно, что ни один класс не захочет подвергнуть себя уничтожению. Поэтому классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества. Только невежество в вопросах марксизма и полное непонимание природы языка могли подсказать некоторым нашим товарищам сказку о распаде общества, о «классовых» языках, о «классовых» грамматиках.

Ссылаются, далее, на Ленина и напоминают о том, что Ленин признавал наличие двух культур при капитализме, буржуазной и пролетарской, что лозунг национальной культуры при капитализме есть националистический лозунг. Все это верно и Ленин здесь абсолютно прав. Но при чем тут «классовость» языка? Ссылаясь на слова Ленина о двух культурах при капитализме, эти товарищи, как видно, хотят внушить читателю, что наличие двух культур в обществе, буржуазной и пролетарской, означает, что языков тоже должно быть два, так как язык связан с культурой, — следовательно, Ленин отрицает необходимость единого национального языка, следовательно, Ленин стоит за «классовые» языки. Ошибка этих товарищей состоит здесь в том, что они отождествляют и смешивают язык с культурой. Между тем, культура и язык — две разные вещи. Культура может быть и буржуазной

и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру. Разве это не факт, что русский, украинский, узбекский языки обслуживают ныне социалистическую культуру этих наций так же не плохо, как обслуживали они перед Октябрьским переворотом их буржуазные культуры? Значит глубоко ошибаются эти товарищи, утверждая, что наличие двух разных культур ведет к образованию двух разных языков и к отрицанию необходимости единого языка.

Говоря о двух культурах, Ленин исходил из того именно положения, что наличие двух культур не может вести к отрицанию единого языка и образованию двух языков, что язык должен быть единый. Когда бундовцы стали обвинять Ленина в том, что он отрицает необходимость национального языка и трактует культуру, как «безнациональную», Ленин, как известно, резко протестовал против этого, заявив, что он воюет против буржуазной культуры, а не против национального языка, необходимость которого он считает бесспорной. Странно, что некоторые наши товарищи поплелись по стопам бундовцев.

Что касается единого языка, необходимость которого будто бы отрицает Ленин, то следовало бы заслушать следующие слова Ленина:

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное его развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам».

Выходит, что уважаемые товарищи исказили взгляды Ленина.

Ссылаются, наконец, на Сталина. Приводят цитату из Сталина о том, что «буржуазия и ее националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций». Это все правильно. Буржуазия и ее националистическая партия действительно руководят буржуазной культурой, так же, как пролетариат и его интернационалистическая партия руководят пролетарской культурой. Но при чем тут «классовость» языка? Разве этим товарищам не известно, что национальный язык есть форма национальной культуры, что национальный язык может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру? Неужели наши товарищи не знакомы с известной формулой марксистов о том, что нынешняя русская, украинская, белорусская и другие культуры являются социалистическими по содержанию и национальными по форме, т. е. по языку? Согласны ли они с этой марксистской формулой?

Ошибка наших товарищей состоит здесь в том, что они не видят разницы между культурой и языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остается в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую.

Итак:

а) язык, как средство общения, всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком;

б) наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а подтверждает наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены;

в) формула о «классовости» языка есть ошибочная, немарксистская формула.

ВОПРОС. Каковы характерные признаки языка?

Ответ. Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка.

Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе.

Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества,— стало быть, невозможно само существование общественного производства. Следовательно, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестает существовать, как общество. В этом смысле язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества.

Как известно, все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка. Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов. Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык.

Однако словарный состав, взятый сам по себе, не составляет еще языка,— он скорее всего является строительным материалом для языка. Подобно тому, как строительные материалы в строительном деле не составляют здания, хотя без них и невозможно построить здание, так

же и словарный состав языка не составляет самого языка, хотя без него и немыслим никакой язык. Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный осмысленный характер. Грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Следовательно, именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку.

Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетании слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления.

В этом отношении грамматика напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишенные конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишенные всякой конкретности.

В отличие от надстройки, которая связана с производством не прямо, а через посредство экономики, язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы. Поэтому словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения, при этом языку, в отличие от надстройки, не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса.

Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всем основном и используется, как основа словарного состава языка.

Это и понятно. Нет никакой необходимости уничтожать основной словарный фонд, если он может быть с успехом использован в течение

ряда исторических периодов, не говоря уже о том, что уничтожение основного словарного фонда, накопленного в течение веков, при невозможности создать новый основной словарный фонд в течение короткого срока, привело бы к параличу языка, к полному расстройству дела общения людей между собой.

Грамматический строй языка изменяется еще более медленно, чем его основной словарный фонд. Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох.

Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики.

История отмечает большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции. Некоторые историки, вместо того, чтобы объяснить это явление, ограничиваются удивлением. Но для удивления нет здесь каких-либо оснований. Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда. Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьезные изменения, было воспринято не мало турецких слов и выражений, были и «схождения» и «расхождения», однако балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились.

Из всего этого следует, что язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох.

Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем.

Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка. За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми. Все это внесло еще больше изменений в язык и его развитие.

Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путем уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Говорят, что теория стадияльного развития языка является марксистской теорией, так как она признает необходимость внезапных взрывов как условия перехода языка от старого качества к новому. Это, конечно, неверно, ибо трудно найти что-либо марксистское в этой теории. И если теория стадияльности действительно признает внезапные взрывы в истории развития языка, то тем хуже для нее. Марксизм не признает внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка. Лафарг был не прав, когда он говорил о «внезапной языковой революции, совершившейся между 1789 и 1794 годами» во Франции (см. брошюру Лафарга «Язык и революция»). Никакой языковой революции, да еще внезапной, не было тогда во Франции. Конечно, за этот период словарный состав французского языка пополнился новыми словами и выражениями, выпало некоторое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение некоторых слов,— и только. Но такие изменения ни в какой мере не решают судьбу языка. Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд. Но грамматический строй и основной словарный фонд французского языка не только не исчезли в период французской буржуазной революции, а сохранились без существенных изменений, и не только сохранились, а продолжают жить и поныне в современном французском языке. Я уже не говорю о том, что для ликвидации существующего языка и построения нового национального языка («внезапная языковая революция»!) до смешного мал пятишестилетний срок,— для этого нужны столетия.

Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка,— он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов. В течение 8—10 лет мы осуществили в сель-

ском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путем взрыва, т. е. не путем свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это сделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства.

Говорят, что многочисленные факты скрещивания языков, имевшие место в истории, дают основание предполагать, что при скрещивании происходит образование нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к новому качеству. Это совершенно неверно.

Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи.

Далее. Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает.

Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития.

Правда, при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет побежденного языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его.

Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык.

Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития.

Не может быть сомнения, что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее,—она просто не замечает, и не понимает ее.

ВОПРОС. Правильно ли поступила „Правда“, открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?

Ответ. Правильно поступила.

В каком направлении будут решены вопросы языкознания,—это станет ясно в конце дискуссии. Но уже теперь можно сказать, что дискуссия принесла большую пользу.

Дискуссия выяснила, прежде всего, что в органах языкознания, как в центре, так и в республиках, господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с постов или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра.

Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и prosperовать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать.

Один из примеров: так называемый «Бакинский курс» (лекции Н. Я. Марра, читанные в Баку), забракованный и запрещенный к переизданию самим автором, был однако по распоряжению касты руководителей (т. Мещанинов называет их «учениками» Н. Я. Марра) переиздан и включен в число рекомендуемых студентам пособий без всяких оговорок. Это значит, что студентов обманули, выдав им забракованный «Курс» за полноценное пособие. Если бы я не был убежден в честности тов. Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству.

Как могло это случиться? А случилось это потому, что аракчеевский режим, созданный в языкознании, культивирует безответственность и поощряет такие бесчинства.

Дискуссия оказалась весьма полезной, прежде всего, потому, что она

выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги.

Но польза дискуссии этим не исчерпывается. Дискуссия не только разбила старый режим в языкознании, но она выявила еще ту невероятную путаницу взглядов по самым важным вопросам языкознания, которая царит среди руководящих кругов этой отрасли науки. До начала дискуссии «ученики» Н. Я. Марра молчали и замалчивали неблагоприятное положение в языкознании. Но после начала дискуссии стало уже невозможным молчать, — они были вынуждены выступить на страницах печати. И что же? Оказалось, что в учении Н. Я. Марра имеется целый ряд прорех, ошибок, неуточненных проблем, неразработанных положений. Спрашивается, почему об этом заговорили «ученики» Н. Я. Марра только теперь, после открытия дискуссии? Почему они не позаботились об этом раньше? Почему они в свое время не сказали об этом открыто и честно, как это подобает деятелям науки?

Признав «некоторые» ошибки Н. Я. Марра, «ученики» Н. Я. Марра, оказывается, думают, что развивать дальше советское языкознание можно лишь на базе «уточненной» теории Н. Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от «марксизма» Н. Я. Марра. Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультистов» или «рапповцев».

Н. Я. Марр внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка, как надстройки, и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание другую, тоже неправильную и немарксистскую формулу насчет «классовости» языка и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы, противоречащей всему ходу истории народов и языков, развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н. Я. Марра.

Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как «идеалистический». А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов.

Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории «праязыка». А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства

этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Я уже не говорю, что теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения.

Послушать Н. Я. Марра и особенно его «учеников», можно подумать, что до Н. Я. Марра не было никакого языкознания, что языкознание началось с появлением «нового учения» Н. Я. Марра. Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, предыдущий период.

Таким образом, дискуссия помогла делу также и в том отношении, что она вскрыла идеологические прорехи в советском языкознании.

Я думаю, что чем скорее освободится наше языкознание от ошибок Н. Я. Марра, тем скорее можно вывести его из кризиса, который оно переживает теперь.

Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание,— таков по моему мнению путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание.

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ответ товарищу Е. Крашенинниковой

Тов. Крашенинникова!

Отвечаю на Ваши вопросы.

1. Вопрос. В Вашей статье убедительно показано, что язык не есть ни базис, ни надстройка. Правомерно ли было бы считать, что язык есть явление, свойственное и базису и надстройке, или же правильнее было бы считать язык явлением промежуточным?

Ответ. Конечно, языку, как общественному явлению; свойственно то общее, что присуще всем общественным явлениям, в том числе базису и надстройке, а именно: он обслуживает общество так же, как обслуживают его все другие общественные явления, в том числе базис и надстройка. Но этим собственно и исчерпывается то общее, что присуще всем общественным явлениям. Дальше начинаются серьезные различия между общественными явлениями.

Дело в том, что у общественных явлений, кроме этого общего, имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки. Специфические особенности базиса состоят в том, что он обслуживает общество экономически. Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создает для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения. В чем же состоят специфические особенности языка, отличающие его от других общественных явлений? Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки,— языкознания. Без этих особенностей языка языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование.

Короче: язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек.

Его нельзя также причислить к разряду «промежуточных» явлений между базисом и надстройкой, так как таких «промежуточных» явлений не существует.

Но может быть язык можно было бы причислить к разряду производительных сил общества, к разряду, скажем, орудий производства? Действительно, между языком и орудиями производства существует некоторая аналогия: орудия производства, так же как и язык, проявляя своего рода безразличие к классам и могут одинаково обслуживать различные классы общества, как старые, так и новые. Дает ли это обстоятельство основание для того, чтобы причислить язык к разряду орудий производства? Нет, не дает.

Одно время Н. Я. Марр, видя, что его формула — «язык есть надстройка над базисом», — встречает возражения, решил «перестроиться» и объявил, что «язык есть орудие производства». Был ли прав Н. Я. Марр, причислив язык к разряду орудий производства? Нет, он был безусловно не прав.

Дело в том, что сходство между языком и орудиями производства исчерпывается той аналогией, о которой я говорил только что. Но разница между языком и орудиями производства существует коренная. Разница эта состоит в том, что орудия производства производят материальные блага, а язык ничего не производит или «производит» всего лишь слова. Точнее говоря, люди, имеющие орудия производства, могут производить материальные блага, но те же люди, имея язык, но не имея орудий производства, не могут производить материальных благ. Невозможно понять, что если бы язык мог производить материальные блага, болтуны были бы самыми богатыми людьми в мире.

2. Вопрос. Маркс и Энгельс определяют язык как «непосредственную действительность мысли», как «практическое... действительное сознание». «Идеи, — говорит Маркс, — не существуют оторванно от языка». В какой мере, по Вашему мнению, языкознание должно занимать смысловую сторону языка, семантикой и исторической семасиологией и стилистикой, или предметом языкознания должна быть только форма?

Ответ. Семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания. Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в деле изучения языка. Поэтому семантике (семасиологии) должно быть обеспечено в языкознании подобающее ей место.

Однако, разрабатывая вопросы семантики и используя ее данные никоим образом нельзя переоценивать ее значение, и тем более — нельзя злоупотреблять ею. Я имею в виду некоторых языковедов, которые чрезмерно увлекаясь семантикой, пренебрегают языком, как «непосредственной действительностью мысли», неразрывно связанной с мышлением, отрывают мышление от языка и утверждают, что язык отживает свой век, что можно обойтись и без языка.

Обратите внимание на следующие слова Н. Я. Марра:

«Язык существует, лишь поскольку он выявляется в звуках; действие мышления происходит и без выявления... Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идет в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом и новых стяжаний и имеет сместить и замесить полностью язык. Будущий язык — мышление, растущее в свободной от природной материи технике. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, все-таки связанному с нормами природы» (См. «Избранные работы» Н. Я. Марра).

Если эту «труд-магическую» тарабарщину перевести на простой человеческий язык, то можно притти к выводу, что:

- а) Н. Я. Марр отрывает мышление от языка;
- б) Н. Я. Марр считает, что общение людей можно осуществить и без языка, при помощи самого мышления, свободного от «природной материи» языка, свободного от «норм природы»;
- в) отрывая мышление от языка и «освободив» его от языковой «природной материи», Н. Я. Марр попадает в болото идеализма.

Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать, в оголенном виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка.

Короче: переоценка семантики и злоупотребление последней привели Н. Я. Марра к идеализму.

Следовательно, если уберечь семантику (семасиологию) от преувеличений и злоупотреблений, вроде тех, которые допускают Н. Я. Марр и некоторые его «ученики», то она может принести языкознанию большую пользу.

3. Вопрос. Вы совершенно справедливо говорите о том, что идеи, представления, нравы и нравственные принципы у буржуа и у пролетариев прямо противоположны. Классовый характер этих явлений безусловно отразился на семантической стороне языка (а иногда и на его форме — на словарном составе, — как правильно указывается в Вашей статье). Можно ли, анализируя конкретный языковой материал и, в первую очередь, смысловую сторону языка, говорить о классовой сущности выраженных им понятий, особенно в тех случаях, когда речь идет о языковом выражении не только мысли человека, но и его отношения к действительности, где особенно ярко проявляется его классовая принадлежность?

Ответ. Короче говоря, Вы хотите знать, — влияют ли классы на

язык, вносят ли они в язык свои специфические слова и выражения, бывают ли случаи, чтобы люди придавали одним и тем же словам и выражениям различное смысловое значение в зависимости от классовой принадлежности?

Да, классы влияют на язык, вносят в язык свои специфические слова и выражения и иногда по разному понимают одни и те же слова и выражения. Это не подлежит сомнению.

Из этого однако не следует, что специфические слова и выражения, равно как различие в семантике, могут иметь серьезное значение для развития единого общенародного языка, что они способны ослабить его значение или изменить его характер.

Во-первых, таких специфических слов и выражений, как и случаев различия в семантике, до того мало в языке, что они едва ли составляют один процент всего языкового материала. Следовательно, вся остальная подавляющая масса слов и выражений, как и их семантика, являются общими для всех классов общества.

Во-вторых, специфические слова и выражения, имеющие классовый оттенок, используются в речи не по правилам какой-либо «классовой» грамматики, которой не существует в природе, а по правилам грамматики существующего общенародного языка.

Стало быть, наличие специфических слов и выражений и факты различия в семантике языка не опровергают, а, наоборот, подтверждают наличие и необходимость единого общенародного языка.

4. Вопрос. В своей статье Вы совершенно правильно оцениваете Марра, как вульгаризатора марксизма. Значит ли это, что лингвисты, в том числе и мы, молодежь, должны отбросить все лингвистическое наследие Марра, у которого все же имеется ряд ценных языковых исследований (о них писали в дискуссии гг. Чикобава, Санжеев и другие)? Можем ли мы, подходя к Марру критически, все же брать у него полезное и ценное?

Ответ. Конечно, произведения Н. Я. Марра состоят не только из ошибок. Н. Я. Марр допускал грубейшие ошибки, когда он вносил в языкознание элементы марксизма в искаженном виде, когда он пытался создать самостоятельную теорию языка. Но у Н. Я. Марра есть отдельные, хорошие, талантливо написанные произведения, где он, забыв о своих теоретических претензиях, добросовестно и, нужно сказать, умело исследует отдельные языки. В таких произведениях можно найти не мало ценного и поучительного. Понятно, что это ценное и поучительное должно быть взято у Н. Я. Марра и использовано.

5. Вопрос. Одной из основных причин застоя в советском языкознании многие лингвисты считают формализм. Очень хотелось бы знать Ваше мнение о том, в чем заключается формализм в языкознании и как его преодолеть?

Ответ. Н. Я. Марр и его «ученики» обвиняют в «формализме» всех языковедов, не разделяющих «новое учение» Н. Я. Марра. Это, конечно, несерьезно и неумно.

Н. Я. Марр считал грамматику пустой «формальностью», а людей, считающих грамматический строй основой языка — формалистами. Это и вовсе глупо.

Я думаю, что «формализм» выдуман авторами «нового учения» для облегчения борьбы со своими противниками в языкознании.

Причиной застоя в советском языкознании является не «формализм», изобретенный Н. Я. Марром и его «учениками», а аракчеевский режим и теоретические прорехи в языкознании. Аракчеевский режим создали «ученики» Н. Я. Марра. Теоретическую неразбериху внесли в языкознание Н. Я. Марр и его ближайшие соратники. Чтобы не было застоя, надо ликвидировать и то и другое. Ликвидация этих язв оздоровит советское языкознание, выведет его на широкую дорогу и даст возможность советскому языкознанию занять первое место в мировом языкознании.

И. Сталин

29 июня 1950 г.

И. И. ПОТЕХИН

В. И. ЛЕНИН О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ В КОЛОНИАЛЬНЫХ И ЗАВИСИМЫХ СТРАНАХ

(К тридцатилетию тезисов по национальному и колониальному вопросам для Второго конгресса Коммунистического Интернационала)

1

19 июля — 7 августа 1920 г. в Москве состоялся Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Более чем за месяц до конгресса, 14 июня, в журнале «Коммунистический Интернационал» № 11 В. И. Ленин опубликовал «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам», который был издан также отдельной брошюрой на английском, французском и немецком языках. Тезисы В. И. Ленина обсуждались комиссией конгресса по национальному и колониальному вопросам под его руководством, а затем на пленарном заседании конгресса, на котором он делал доклад о работе комиссии. Тезисы и доклад о работе комиссии опубликованы в 25-м томе второго издания Собрания сочинений (стр. 285—290 и 351—355).

Эти тезисы являются завершением той огромной теоретической работы, которую В. И. Ленин вел по национальному и колониальному вопросам на протяжении всей своей предшествующей революционной деятельности. Они явились программой деятельности всех коммунистических партий мира в деле руководства национально-освободительным движением в колониальных и зависимых странах. Прошедшие 30 лет и особенно успехи национально-освободительного движения после второй мировой войны явились блестящим подтверждением их строгой научности и действенности. Дальнейшая теоретическая разработка заложенных в этих тезисах идей принадлежит великому продолжателю дела В. И. Ленина — И. В. Сталину.

На страницах «Советской этнографии» уже неоднократно привлекалось внимание советских этнографов к изучению классических творений Ленина и Сталина по колониальному вопросу, к изучению опыта национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Буржуазная этнография, поставившая себя на службу колониализаторам и утратившая уже всякое представление о научной объективности, рисует колониальные народы примитивными, духовно отсталыми, неспособными к самостоятельной политической жизни; она намеренно концентрирует свое внимание на остатках прошлого, выдавая их за характерное для настоящего, и упорно обходит молчанием рост нового, она намеренно делает упор на изучении отдельных племен и групп, преувеличивая племенную раздробленность, искажая действительную картину национального состава населения колоний.

Перед советскими этнографами стоит почетная задача показать колониальные народы такими, какие они есть сейчас на самом деле, показать, что все эти народы в подавляющем большинстве совсем не первобытны и не нуждаются в «опекунах». Но выполнить эту задачу советский этнограф может только при условии хорошего знания ленинско-сталинской теории, стратегии и тактики колониальной революции.

Тезисы В. И. Ленина являются одним из основополагающих трудов в этой области.

2

«Характерная черта империализма,— говорил В. И. Ленин в докладе о работе комиссии,— состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство, насчитывающее больше миллиарда, по всей вероятности, миллиард с четвертью человек, если мы примем численность всего населения земли в один и три четверти миллиарда, т. е. около 70% населения земли, принадлежит угнетенным народам, которые или находятся в непосредственной колониальной зависимости, или относятся к окраинным колониальным государствам, как напр., Персия, Турция, Китай, или же, будучи побеждены армией крупной империалистической державы, по договорам оказались в зависимости от нее»¹.

В качестве иллюстрации этой важнейшей, отправной мысли ленинских тезисов достаточно указать, что империалистическая Англия, население которой в то время составляло около 45 млн. человек, владела колониями, не считая зависимых от нее стран, с населением в 460 млн., т. е., грубо говоря, на одного жителя английских островов приходилось 10 колониальных рабов.

Колониальные и полуколониальные страны в течение долгого времени являлись глубоким тылом, резервом империалистической системы.

Колонии являются рынком сбыта изделий промышленности метрополий. За счет колоний империалисты пытаются сдерживать неумолимо возрастающее нарастание противоречия между общественным характером производства и частным присвоением продуктов общественного труда — главного противоречия капитализма. Это является одной из причин того, что империалисты не допускают развития промышленности в колониальных и полуколониальных странах. Империалисты превратили их в аграрно-сырьевые придатки своих метрополий: колонии должны покупать товары метрополии и снабжать ее необходимым для промышленности дешевым сырьем.

Колонии являются сферой применения капитала, который не может найти достаточно выгодного, с точки зрения его хозяина, приложения в метрополии. «Необходимость вывоза капитала,— писал В. И. Ленин в своей классической работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»,— создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел», и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ «прибыльного» помещения»².

Зверская, ничем не ограниченная эксплуатация населения колоний обеспечивает империалистам возможность получения необычайно высокой колониальной сверхприбыли, часть которой они используют для подкупа верхушки рабочего класса метрополий, так называемой рабочей аристократии, через которую буржуазия осуществляет свою политику в рабочем движении. «Империализм, означая.. монопольно-высокие прибыли для горстки богатейших стран, создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата и тем питает, оформливает, укрепляет оппортунизм»³.

Колонии являются тем местом, куда господствующие классы метрополии выпроваживают свое избыточное население, сдерживая этим неизбежный для капитализма рост хронической безработицы.

¹ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 351.

² Ленин, Соч., т. XIX, стр. 120.

³ Там же, стр. 155.

Резервная армия труда является неизбежным спутником капитализма, а империалисты используют наличие лишенных работы и средств существования для оправдания колониальных захватов, для демагогической болтовни о недостатке «жизненного пространства». В. И. Ленин приводит в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» высказывание Сесилия Родса, одного из наиболее воинственных, разбойничьих представителей британского империализма конца XIX и начала XX в.: «чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения...»⁴

Наконец, колонии являются поставщиками солдат, пушечного мяса для ведения империалистических войн господствующими классами метрополий. В качестве резерва, своего глубокого тыла, империалисты пытаются использовать свои колонии и в наши дни, когда колониальная система уже переживает глубокий кризис.

Выдвинутая Трумэнem доктрина «помощи» экономическому развитию отсталых стран представляет на деле не что иное, как попытку разрешить за счет колоний нарастающие противоречия американского империализма, отсрочить экономический кризис, в частности. «Сейчас весь капиталистический мир, стремящийся найти выход из кризиса, жадно взирает на Африку и гадает, можно ли превратить ее в доходное предприятие... Соединенные Штаты... возлагают все свои надежды на то, что Африка сможет предотвратить катастрофу», — читаем мы в журнале «Мэсис энд Мейнстрим» (январь 1949 г.).

Англо-французские, голландские и бельгийские империалисты, усиливая и без того чудовищную эксплуатацию своих колониальных рабов, пытаются за их счет ослабить все ту же затягивающуюся долларовую петлю, накинутаю на них американскими империалистами. Председатель правления английской «Корпорации по содействию развитию колоний» лорд Трефгарн в беседе с ливерпульскими промышленниками раскрыл старательно завуалированные лейбористами подлинные цели своей корпорации «по содействию развитию колоний»: «Соединенное королевство, — говорит он, — ежегодно имеет долларовый дефицит в размере 500 млн. фунтов стерлингов — таков фон, на котором нужно рассматривать производительность колониальных территорий империи. Если бы в течение ближайших 10 лет колонии смогли увеличить свою общую производительность на 200 млн. фунтов стерлингов в год, это было бы больше, чем счастье».

Продажа каучука, добываемого в Малайе, дала Англии в 1948 г. 250 млн. долларов, т. е. больше дефицитных долларов, чем весь остальной английский экспорт. За тот же 1948 г. чистая долларовая выручка Англии от вывоза сырья из Нигерии и с Золотого Берега в США составила больше 80 млн. долларов.

Американские заправилы в ООН добились возвращения в Сомали итальянских империалистов под видом опекунов. Выступая в итальянском парламенте по этому вопросу, де Гаспери демагогически указывал на то, что в Италии много «лишних ртов», что в Италии не хватает «жизненного пространства» и что возвращение в Сомали открывает возможность переселения туда части безземельных крестьян, настойчиво борющихся за право обрабатывать пустующие земли итальянских помещиков.

«Колонии и зависимые страны, угнетаемые и эксплуатируемые финансовым капиталом, составляют величайший резерв и серьезнейший источник сил империализма», — писал И. В. Сталин в своей классической работе «Об основах ленинизма»⁵.

⁴ Там же, стр. 134.

⁵ И. Сталин, Соч., т. 6, стр. 145.

Но, используя колонии в качестве своего резерва, империалисты вынуждены строить там железные дороги и порты, горнорудные предприятия и заводы по первичной обработке сырья. Это не меняет аграрного характера экономики колоний, не создает предпосылок для экономической самостоятельности колоний, колонии не перестают быть аграрно-сырьевыми придатками метрополий, но это порождает силы, способные возглавить борьбу эксплуатируемого и угнетаемого империализмом населения колоний за ликвидацию колониального режима, за национальную независимость. Появляется более или менее многочисленный рабочий класс и местная интеллигенция, пробуждается и крепнет национальное самосознание, в колониальных и зависимых странах создается новый антиимпериалистический фронт национально-освободительного движения.

«Это обстоятельство важно для пролетариата в том отношении, что оно в корне подрывает позиции капитализма, превращая колонии и зависимые страны из резервов империализма в резервы пролетарской революции»⁶.

Руководители и теоретики II Интернационала, пораженные оппортунизмом, пособничеством империалистам своих стран, не замечали и не хотели замечать появления этого нового, второго антиимпериалистического фронта. Они попрежнему, как и в доимпериалистическую эпоху, сводили национальный вопрос к вопросу о самоопределении так называемых культурных наций Европы, понимая под самоопределением право угнетенных наций на культурную автономию. «Белых и черных, «культурных» и «некультурных» рабов империализма «не решались,— как говорил товарищ Сталин,— ставить на одну доску»⁷.

Колониальный вопрос не раз ставился на конгрессах II Интернационала — на Парижском конгрессе в 1900 г., на Амстердамском конгрессе в 1904 г. и на Штутгартском конгрессе в 1907 г., но обсуждение его никогда не выходило за рамки филантропического осуждения колониальных зверств и реформистских предложений об «исправлении» колониальной политики империалистических держав. Социалисты — представители колониальных держав — нередко выступали на этих конгрессах даже с оправданием колониальной системы. Представитель Голландии Ван-Коль на Амстердамском конгрессе, например, развивал открыто империалистическую точку зрения, что современные капиталистические страны не могут жить без колоний, что народы колоний не созрели для самоуправления и что предоставление им независимости невозможно. В своем стремлении услужить голландским колонизаторам Ван-Коль дошел до такого абсурдного утверждения, что «даже социалистическому обществу придется вести колониальную политику». Подобная империалистическая пропаганда не встречала должного отпора со стороны руководителей II Интернационала. «Две — три пустых и кисло-сладких резолюции, старательно обходящих вопрос об освобождении колоний,— это все, чем могли похвастать деятели II Интернационала»⁸.

В. И. Ленин всегда занимал в национально-колониальном вопросе позицию прямо и принципиально противоположную реформистской и оппортунистической позиции II Интернационала. Он никогда не делил угнетенные империализмом народы на «культурные» и «некультурные». Он всегда интересовался и живо откликался на все события, связанные с борьбой народов колониальных и зависимых стран против империализма. Он всегда рассматривал борющиеся против империализма народы колоний и полуколоний как надежного союзника пролетариата передовых капиталистических стран.

⁶ И. Сталин, Соч., т. 6, стр. 73—74.

⁷ Там же, стр. 139.

⁸ Там же.

После Штутгартского конгресса В. И. Ленин входил в состав Международного Социалистического Бюро, являвшегося руководящим органом Интернационала, и вел в нем последовательную борьбу за революционный марксизм против оппортунизма. В октябре 1908 г. в большевистской газете «Пролетарий» (№ 37) В. И. Ленин опубликовал статью «Заседание Международного Социалистического Бюро». В этой статье он дает, в частности, полную сарказма характеристику прочитанному Ван-Кодем докладу по колониальному вопросу:

«...Ван-Коль все внимание сосредоточил на перечне возможных «реформ» колониального быта при данных порядках. Как благонамеренный чиновник, перечислял он самые различные вопросы, начиная от собственности на землю, кончая школами, поощрением промышленности, тюрьмами и т. д., подчеркивая при этом необходимость быть попрактичнее, считаться, например, с тем, что всеобщее избирательное право не всегда применимо к дикарям... Весь доклад был пропитан не духом пролетарской классовой борьбы, а духом самого мелкого буржуазного даже хуже: чиновничьего реформаторства»⁹.

Приветствуя китайскую революцию 1912 г., В. И. Ленин публикует в «Правде» статью «Пробуждение Азии»:

«Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию.

Рабочие передовых стран мира с интересом и воодушевлением следят за этим могучим ростом мирового освободительного движения во всех частях света и во всех формах...

Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся, в начале XX века, новую полосу всемирной истории»¹⁰.

В ряде своих статей В. И. Ленин последовательно развивает и пропагандирует мысль о единстве интересов и задач пролетарского движения народов колониальных и зависимых стран, о необходимости взаимной поддержки, о слиянии этих двух движений в единый антиимпериалистический фронт. «Социальная революция не может произойти иначе как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах, и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений неразвитых, отсталых и угнетенных нациях», — писал он в 1916 г. в статье «О карикатуре на марксизм»¹¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России прорвала мировой фронт империализма, открыла новую эпоху всемирной истории. «Октябрьская революция, — писал И. В. Сталин в статье, посвященной десятилетию революции, — расшатала империализм не только в центрах его господства, не только в «метрополиях». Она ударила еще по тылам империализма, по его периферии, подорвав господство империализма в колониальных и зависимых странах»¹².

Вслед за Октябрьской революцией могучая волна национально-освободительного движения прокатилась по всему колониальному Востоку и Африке, потрясая всю колониальную систему империализма: национально-освободительная революция в Турции, завершившаяся победой кемалистов и достижением формальной независимости Турции; борьба эмира Амманулы за независимость Афганистана; первое крупное национально-освободительное движение в Индии; освободительное движение под руководством вафдистов в Египте; освободительная война в Марокко

⁹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 355.

¹⁰ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 384.

¹¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 221.

¹² И. Сталин, Соч., т. 10, стр. 243.

ко под руководством Абдель-Керима; восстание в Корее, в Сирии, Палестине и т. д.

Яркую характеристику решающего влияния Октябрьской революции на развитие национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, в частности в Китае, дал вождь китайского народа Мао Цзе-дун в статье о 28-й годовщине китайской коммунистической партии.

«До Октябрьской революции китайцы не только не знали Ленина и Сталина, они не знали также Маркса и Энгельса. Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла прогрессивным элементам мира и Китая применить пролетарское мировоззрение для определения судьбы страны и пересмотра своих собственных проблем. Итти по пути русских — таков был вывод»¹³.

В. И. Ленин внимательно изучает развертывание событий в колониальных и зависимых странах и констатирует превращение угнетенных народов этих стран «в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма»¹⁴.

Коммунистический Интернационал, организованный по инициативе и под непосредственным руководством В. И. Ленина, сразу же занял ясную и совершенно определенную позицию всемерной и активной поддержки освободительного движения в колониях, объединения, слияния этого движения с классовой борьбой пролетариата в передовых странах капитализма. «Освобождение колоний мыслимо только вместе с освобождением рабочего класса метрополий... Колониальные рабы Африки и Азии! Час пролетарской диктатуры в Европе пробьет для вас как час вашего освобождения», — говорится в «Манифесте Коммунистического Интернационала», принятом на первом конгрессе.

3

В повестку дня Второго конгресса был включен как самостоятельный вопрос «Национальный и колониальный вопросы». Задача состояла в том, чтобы разработать программу действий коммунистических партий по отношению к национально-освободительным движениям.

Тезисы В. И. Ленина, посвященные этому вопросу, начинаются с критики, разоблачения лжи и лицемерия буржуазной демократии, прикрывающей провозглашением формального равенства господство эксплуататоров над эксплуатируемыми, колониальное порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран. Коммунистическая партия, пишет Ленин в своих тезисах, должна в вопросе о равенстве вообще и, в частности, в вопросе о равноправии наций во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а «отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неполноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных». Ленин разоблачает теории «возможности мирного сожительства и равенства наций при капитализме», называя их мещанско-национальными иллюзиями. Уничтожение национального гнета и колониального порабощения неотделимо от уничтожения капитализма.

«Из вышеизложенных основных положений вытекает, — пишет В. И. Ленин, — что во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной рево-

¹³ Мао Цзе-дун, О диктатуре народной демократии, «Правда» от 6 июня 1949 г. (подчеркнуто мной. — И. П.).

¹⁴ Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 428.

люционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которого невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия»¹⁵.

Коммунистические партии не могут ограничиваться формальным декларативным признанием равноправия наций, как это делали партии II Интернационала. Они должны бороться за это равноправие на деле, оказывая прямую помощь революционным движениям в колониальных и зависимых странах. В. И. Ленин указывает при этом, что «в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношении»¹⁶.

Но национально-освободительное движение в колониях и зависимых странах является по своей классовой сущности движением буржуазно-демократическим, так как главную массу населения составляет крестьянство, являющееся представителем буржуазно-капиталистических отношений. Основу национального вопроса в колониях, его внутреннюю суть составляет крестьянский вопрос, вопрос об освобождении крестьянства от феодально-империалистической эксплуатации и национального угнетения. Крестьянство составляет и основную армию национально-освободительного движения. Поэтому вопрос о поддержке национально-освободительного движения является по существу вопросом о руководстве борьбой крестьянских масс колоний со стороны пролетариата.

В большинстве колониальных стран в то время пролетариат был крайне немногочислен, а во многих колониях его почти не было. Однако В. И. Ленин считал, что и в таких колониях, где почти нет пролетариата, коммунистические партии передовых стран должны взять на себя руководство, стараясь «придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западно-европейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на востоке, в колониях, в отсталых странах вообще»¹⁷.

Ленин предлагал во всех колониях широко пропагандировать идею крестьянских советов, идею советской организации, исходя из того, что «Идея советской организации проста, и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям», что крестьянство колониальных стран может отлично «усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»¹⁸.

Фактическое руководство национально-освободительным движением находилось тогда в руках национальной буржуазии или даже в руках феодальных и полуфеодальных элементов: Национальный конгресс в Индии, партия вафдистов в Египте, Амманула-хан в Афганистане и т. д. В отличие от буржуазии империалистических стран, национальная буржуазия угнетенных стран может на определенном этапе поддерживать революционное движение своей страны против угнетающей империалистической державы. В. И. Ленин учит делать строгое различие между революцией в империалистической стране и революцией в колониальной стране, где возможен этап общенационального объединенного фронта.

Но В. И. Ленин уже тогда видел, что национальная буржуазия колоний может поддерживать революционное движение своей страны только при определенных условиях и только на определенном этапе, что она склонна к компромиссу с империалистами угнетающей нации, к ограничению национального движения своей страны рамками ограни-

¹⁵ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 286.

¹⁶ Там же, стр. 289.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 353.

ченных демократических реформ, усиливающих ее политические позиции, но ничего не дающих трудящимся массам. «Между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение,— констатировал В. И. Ленин,— так что очень часто — пожалуй, даже в большинстве случаев — буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов»¹⁹. Поэтому перед пролетариатом и его коммунистическими партиями выдвигается задача изоляции национальной буржуазии, отстранения ее от руководства национальным движением.

В. И. Ленин считал возможным и необходимым временные соглашения и блоки с буржуазной демократией колоний, но только на определенных условиях. «Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме»²⁰. «Мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых»²¹.

Ленин настаивал на том, чтобы коммунистические партии воспитывали пролетарские революционные кадры колониальных стран в духе понимания того, что у них есть свои цели, не совпадающие с целями буржуазного национального движения.

В докладе конгрессу В. И. Ленин выдвинул блестящую идею о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран, освобожденных от империалистического порабощения. Эта идея является логическим продолжением идеи гегемонии пролетариата в национально-освободительном движении. В. И. Ленин формулирует важнейший закон развития отсталых стран в новую послеоктябрьскую эпоху: «с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»²².

4

Тезисы В. И. Ленина вооружили коммунистов всего мира правильным пониманием задач, стратегии и тактики национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Одна за другой создавались коммунистические партии в колониях и полуколониях; летом 1921 г. состоялся первый съезд китайской коммунистической партии, превратившейся очень скоро в руководящую силу китайской революции. Росли взаимные связи и братская помощь коммунистических партий передовых стран революционным партиям и организациям отсталых стран Востока и Африки. Из года в год крепло «сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы», которое выдвигалось в ленинских тезисах как неперемненное условие, как гарантия победы над капитализмом. В наши дни страна победившего социализма, страны народной демократии, борьба пролетариата капиталистических стран и национально-освободительное движение народов колоний образуют единый лагерь борьбы за мир, демократию и социализм, противостоящий лагерю реакции и поджигателей войны, возглавляемому американскими империалистами. «Антиимпериалистический лагерь опирается на рабочее и демократическое движение во

¹⁹ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 352.

²⁰ Там же, стр. 290.

²¹ Там же, стр. 353.

²² Там же, стр. 354.

всех странах; на братские коммунистические партии во всех странах, борцов национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах, на поддержку всех прогрессивных демократических сил, имеющихся в каждой стране»²³. Созданные после второй мировой войны Всемирная федерация профсоюзов, Международная демократическая федерация женщин и Всемирная федерация демократической молодежи объединяют прогрессивные силы всех стран мира — СССР, стран народной демократии, а также капиталистических и колониальных стран. Демократические силы колониальных стран принимают активное участие во всемирном движении сторонников мира. Народные массы, рабочий класс, прежде всего Франции, Англии и Голландии по призыву коммунистических партий ведут активную борьбу против колониальных вооруженных империалистических правительств в Вьетнаме, Малайе и Индонезии. Указание Ленина о необходимости единого антиимпериалистического фронта пролетариатов угнетающих и угнетенных стран выполнено.

За прошедшие тридцать лет и особенно после второй мировой войны произошла коренная перегруппировка классовых сил в национально-освободительном движении колониальных и зависимых стран, перегруппировка, на историческую неизбежность которой указывал В. И. Ленин в своих тезисах. Крупная национальная буржуазия колониальных и зависимых стран все больше сближалась с господствующими классами империалистических держав и сейчас окончательно изменила национальным интересам своих стран, вступила в открытый союз с угнетателями своего народа.

Будучи не в силах управлять колониями по-старому, империалисты отступили на вторые позиции, выдвинув в качестве заслона реакционные слои национальной буржуазии и помещиков колониальных стран. В. И. Ленин в своих тезисах говорил о том обмане, «который систематически проводят империалистические державы, под видом создания политических независимых государств создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства»²⁴. Сейчас это становится обычной тактикой империалистических держав. Английский империализм предоставил «независимость» Индии и Пакистану, Бирме и Цейлону, сохранив за собой экономическое, финансовое и военное господство в этих странах. Голландия предоставила «независимость» Индонезии, разделив фактическое господство над ней с монополистами США. Маневрируя под давлением нарастающего национально-освободительного движения, империалисты и во всех других колониях выдвигают на первый план местные реакционные силы, прикрывая разговорами о самоуправлении и прочем свое фактическое господство. «Боясь революции больше, чем империализма, заботясь об интересах своего кошелька больше, чем об интересах своей собственной родины»²⁵, крупная национальная буржуазия ограничивается этими лавочками и вместе с империалистами выступает в поход против революционного национально-освободительного движения своих стран.

История национально-освободительного движения прошедших 30 лет со всей очевидностью доказала также и то, что мелкобуржуазные националистические организации неспособны отстаивать национальные интересы своих стран. Они обнаружили свою, присущую им, склонность к реформизму, к ограничению задач народного движения достижениями формальной буржуазной демократии, не обеспечивающей подлинной независимости от империализма. Об этом свидетельствует опыт Бирмы, программные заявления мелкобуржуазных лидеров западноафриканских колоний

²³ А. А. Жданов, О международном положении, «Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г.», стр. 23.

²⁴ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 290.

²⁵ И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 148.

Руководящая роль в национально-освободительном движении переходит в руки рабочего класса, объединяющего под своими знаменами все антиимпериалистические силы в единый национальный фронт. «В Китае, в Индонезии и в ряде других стран коммунистические партии стали признанными вождями миллионов трудящихся, завоевав их доверие как политические партии, ведущие наиболее последовательную и самоотверженную борьбу за национальную независимость и суверенитет своих стран... Ведущая роль коммунистов в национально-освободительном движении подавляющего большинства колониальных и зависимых стран выражает руководящую роль рабочего класса в антиимпериалистической освободительной борьбе в послевоенный период»²⁶.

Выдвинутая в ленинских тезисах идея советской организации трудящихся масс отсталых, освобожденных от империализма колониальных стран полностью себя оправдала. Она оправдала себя не только в бывших колониях российского империализма, уже построивших, при братской помощи русского народа, социализм. Она оправдала себя в великой китайской революции. Советы в Китае были органами восстания против реакционного гоминдановского режима, органами борьбы за новый, демократический режим. Советы в Китае были органами революционной власти, осуществлявшими глубочайшие демократические и, прежде всего, аграрные преобразования; они являлись притягательными центрами для всех прогрессивных элементов страны, боровшихся против контрреволюционного гоминдана.

Революционное движение в странах Восточной и Юго-Восточной Европы в конце и после второй мировой войны вызвало к жизни новую форму организации революционных народных масс, новую государственную форму диктатуры пролетариата — народную демократию. Эта новая форма стала возможной только в результате победы советского строя и построения социализма в нашей стране. Эта новая форма легко понятна широчайшим трудящимся массам колоний и полуколоний и практически осуществима. Об этом говорит, в частности, опыт Северной Кореи. Режим народной демократии в Северной Корее по своим конечным целям ничем принципиально не отличается от режима государств народной демократии в Европе. Так же как и в Европе, он обеспечивает возможность дальнейшего прогрессивного развития этих стран по пути к социализму. «Борьба за народную демократию в колониальных и зависимых странах является специфической формой колониальной революции со всеми присущими ей чертами»²⁷. Экономическая отсталость освобождающихся от империализма колониальных и полуколониальных стран, большой объем буржуазно-демократических задач накладывают свой отпечаток на политику народно-демократического строя в этих странах, удлиняют путь к социализму, делают его более сложным, но не отменяют основного и главного — возможности постепенного перехода к социализму.

Колониальная система империализма переживает глубокий и непреодолимый кризис. Угнетенные народы колоний в прочном союзе со всеми антиимпериалистическими силами мира поднялись на борьбу за свое освобождение, за демократию и социализм. Победа будет за ними. Мы являемся свидетелями практического осуществления гениальных идей В. И. Ленина, изложенных им в своих исторических тезисах тридцать лет назад.

²⁶ Е. М. Жуков, Обострение кризиса колониальной системы после второй мировой войны, Статья в сб. «Кризис колониальной системы», Тихоокеанский институт АН СССР, 1949, стр. 6.

²⁷ Там же, стр. 23.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗ

А. П. ОКЛАДНИКОВ

К ИЗУЧЕНИЮ НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ

(Население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке)

Сторонники реакционной культурно-исторической школы, пропагандируя идею так называемой эйкуменальной культуры, приложили не мало труда для того, чтобы изобразить населяющие СССР народы как народы без собственного исторического прошлого, без собственной самобытной культуры. Этими измышлениями сейчас широко пользуются американские поджигатели новой войны против СССР и стран народной демократии.

Советские историки, этнографы и археологи своими исследованиями на основе разнообразного фактического материала успешно опровергают эту злостную клевету. Они достигли уже блестящих и выдающихся результатов в области, например, истории древней Руси, истории народов Средней Азии.

По тому же пути пошли, разумеется, и исследователи прошлого народов азиатского Севера. Одним из первых таких опытов было в частности, попытка автора настоящей статьи, предпринятая еще в 1934—1938 гг., установить связь между древнейшим населением Прибайкалья и Амурского бассейна, с одной стороны, и современным населением этих территорий, т. е. с современными эвенками Прибайкалья и племенами советского Дальнего Востока — нивхами, ульчами, нанайцами, айнами, — с другой¹. То обстоятельство, что в данном случае речь идет не о близких к нам временах, а о каменном веке, III—II тысячелетиях до н. э., не могло, конечно, иметь принципиального значения и не должно было служить препятствием для постановки этой проблемы, ибо, как и всякая другая конкретно-историческая проблема, она решается в зависимости от бесконечно разнообразных конкретных условий.

Хорошо известно, например, что исследованиями неолитических памятников Северного Китая с полной убедительностью была доказана прямая связь неолитической культуры Яншао с современными китайцами и их культурой. Изучая эти памятники, исследователи наглядно показали, что в антропологическом отношении современные китайцы очень близки к неолитическому населению Северного Китая и что национальная культура их уходит своими корнями в культуру Яншао. В резу-

¹ А. П. Окладников, Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья, «Вестник древней истории», 1 (2), 1938.

тате соединенных усилий советских исследователей оказалось, что примерно так же обстоит дело и в Прибайкалье, где имеется не меньше оснований для сближения носителей древней культуры с их потомками в современности, в культуре которых можно обнаружить отчетливые признаки родства с культурой неолита и ранних этапов бронзового века.

В настоящее время мы располагаем рядом новых существенных фактов, не только усиливающих и дополняющих этот общий вывод, но и настолько расширяющих наши представления о древнейших этнических взаимоотношениях в Сибири, что это обстоятельство дает право снова вернуться к этой старой теме с тем, чтобы суммировать старые факты с новыми и заново подвести общие итоги, относящиеся к наиболее изученной в этом отношении области — Прибайкалью.

В конце ледникового времени и в начале послеледниковой эпохи на колоссальных по протяжению территориях Центральной и Северной Азии к востоку от Урала, от Алтая и до Амура, от центральной Якутии до Северного Китая существовала удивительно единообразная в ее общих чертах культура позднепалеолитических племен, резко отличная от других больших культур этого времени в Старом Свете. Повсюду здесь существовал один и тот же уклад жизни бродячих и полубродячих охотничьих племен, повсюду люди жили в надземных жилищах типа шалаша или чума. Везде на этих пространствах они выделывали свои орудия одними и теми же хорошо знакомыми нам, стандартными для Сибири и Центральной Азии, приемами — из расколотых одним поперечным ударом речных галек. Везде эти орудия имеют своеобразный «мустьерский» облик и обязательно сопровождаются изделиями верхнепалеолитических типов. Даже более того, повсюду, где это было возможно, позднепалеолитические обитатели Сибири выделывали свои крупные каменные изделия из одних и тех же видов каменного сырья: из зеленокаменных яшмовидных пород и кварцитов — на Енисее, Ангаре и Лене, или из тех же зеленых яшм, кварцита и черных пород типа лидита — на Селенге и в монгольских степях, вплоть до Ордоса и Тибета. Наконец, повсюду в это время исчезает высокое и своеобразное искусство предшествовавшей стадии верхнего палеолита.

Но вот наступает новое время, отмеченное возникновением современных ландшафтных условий. Сплошным широтным поясом протянулась от Тихого океана и до Балтики лесная зона — безграничная полоса таежных лесов. Вдоль берегов Ледовитого океана вырастает полоса тундры и лесотундры, а по ту сторону лесных массивов — пояс степей, пустынь и полупустынь Центральной Азии. В этих новых естественно-географических условиях одновременно наступает конец и быломu единообразию хозяйственного уклада, образа жизни и всей культуры древнейшего населения Сибири и советского Дальнего Востока.

В настоящее время можно достаточно уверенно и надежно констатировать для неолитического времени (включая сюда и ранние стадии бронзового века), т. е. в конце III и начале II тысячелетий до н. э., в лесной зоне и лесотундре Северной Азии, по крайней мере, шесть больших хозяйственно-культурных областей, в каждой из которых жизнь местного населения и развитие его культуры идут собственным, своеобразным путем, проходят свои собственные культурно-хронологические этапы, стадии.

Первая такая область нам уже хорошо известна. Это — собственно Прибайкалье, территория, охватывающая узкую полосу вдоль озера Байкала на юго-востоке, все верхнее течение Лены до Витима на северо-востоке, всю долину Ангары — до Енисея и, вероятно, часть смежной территории, занятой бассейнами Верхней и Средней Тунгусок на западе. Экономической основой жизни населения этой области в соответствии с естественно-географическими ее условиями издавна была охота на таежных животных, главным образом на лося и косулю, с течением

времени все более и более дополняемая рыболовством и собирательством.

Культурное единство населения этой области прослеживается на всем протяжении основных хронологических стадий прибайкальского неолита и ранней бронзы — исаковской, серовской, китойской и глазковской. Наиболее отчетливо, в самом концентрированном виде, своеобразные черты этой культуры выражены в основной, центральной, ее области — между Иркутском и Братском — в долине Ангары, между Качугом и Жигалово — на Лене.

Вплоть до недавнего времени в литературе было широко распространено мнение о полном отсутствии какой-либо генетической связи между носителем этой древней культуры — неолитическим — и современным населением Прибайкалья. Напомню, что, по мнению В. И. Огородников, автора первого и пока единственного общего университетского курса истории Сибири, включающего ее древнейшее прошлое, в конце ледникового периода северную часть Европы и Азии занимали народы «длинноголовой расы», обитавшие здесь до самого конца неолитического периода. «Между тем, в очень ранние времена во внутренней Азии обитала короткоголовая раса, которая на протяжении ряда веков заселила обширные пространства этой части света и большую часть Европы. Короткоголовые принесли с собой на новые места начатки высшей культуры, которая основывалась на возделывании земли плугом и на скотоводстве; они знакомы были также с медью, бронзой и золотом и умели обрабатывать их. Главными средоточиями этой культуры глубокой древности были Китай и Вавилония. Короткоголовые носители меднобронзовой культуры направились затем двумя потоками за пределы своей родины. Один из этих потоков проник на юг Сибири, оттуда на Алтай и в Саяны. Короткоголовые пришельцы ассимилировали культурно-отсталых долихоцефалов каменного века. Каменному веку и охотничье-рыболовецкой культуре длинноголовых людей был положен конец»². В этих рассуждениях, разумеется, не было никакой оригинальной основы. Они лишь повторяли старую и общеизвестную вульгарно-миграционистскую теорию западноевропейских ученых о вторжении азиатских брахицефалов в Европу и о смене ими первоначального длинноголового населения этой части Старого Света в неолите и бронзовом веке.

Разделяя в принципе мнение о коренной, почти мгновенной, смене древнего населения и его культуры вследствие прихода новой «короткоголовой расы», другие сибирские исследователи, на этот раз уже не историки, а археологи, утверждали, однако, что в Восточной Сибири куда не проникли овладевшие степями Западной Сибири короткоголовые носители бронзовой культуры, такая этническая катастрофа совершилась позднее, лишь в эпоху железа. Обоснованием таких взглядов было якобы установленный археологами «хиатус» между неолитом и железным веком, т. е. отсутствие в таежных областях памятников настоящей бронзовой культуры и прямых потомков длинноголовых неолитических людей среди современных жителей Прибайкалья.

Было бы, впрочем, совершенно напрасно и излишней тратой времени углубляться в историю всех этих заблуждений, в темный лабиринт различных вульгарно-миграционистских концепций, где легкомысленные домыслы и фантастика должны были восполнять отсутствие реальных сведений о древнейшей истории Сибири. Следует поэтому прямо обратиться к фактам, как они даны новейшими исследованиями, выполненными в наше советское время и нашими советскими учеными.

Изучение черепов из неолитических погребений Прибайкалья привело Г. Ф. Дебеца уже в 1929—1930 гг. к неожиданному выводу, что оди-

² В. И. Огородников, Очерки истории Сибири до начала XIX в., вып. Иркутск, 1920.

из выделенных им антропологических типов неолитического населения Прибайкалья, условно обозначенный литерой А, обладает и теперь «этногеографической реальностью в полной мере». Он писал тогда: «Тип, условно названный типом А, ближе всего стоит к черепам раннего железного периода Забайкалья и современным тунгусам Северного Байкала. Я называю этот тип байкальским, он в общем схож с уральским типом Бунака и с эскимосским. Правильнее, однако, выделить те и другие в особые типы палеосибирского варианта (расы). Такое наименование мне представляется наиболее удобным, принимая во внимание широкое распространение этого варианта (расы) среди совершенно различных лингвистических групп, разорванность ареала его распространения, имеющего вид островков, лежащих в стороне от путей позднейшей урало-алтайской колонизации. Возможно, что североамериканский (эскимосский) тип придется выделить в особый вариант (расу). Представляется достаточно ясным, что весь палеосибирский вариант (раса) относится к числу монголоидных. Он обладает всеми диагностическими признаками монголоидного черепа, к числу которых относится высокое и широкое плоское лицо, слабо выступающий нос с узкими носовыми костями и высокие орбиты»³.

В распоряжении Г. Ф. Дебеца в то время не было еще необходимого сравнительного материала по черепам эвенков и других племен Сибири. Он имел данные только о четырех тунгусских черепках с севера Байкала. В последующей работе Я. Я. Рогинского был вскоре опубликован единственный в своем роде антропологический материал, собранный в 1927 г. экспедицией Института антропологии И МГУ и Центрального музея народоведения на северном побережье Байкала среди эвенков Киндигирского, Чильчагирского и Шемагирского родов. Материалы Рогинского целиком подтвердили правильность сближения типа А прибайкальского неолита, с одной стороны, и современных эвенков и манси, с другой. Рогинский пришел далее к выводу, что «байкальская раса имеет большую древность, чем существующие ныне этнические и языковые подразделения Северной Азии, что она ниоткуда не приходила, но образовалась на обширном пространстве лесной Сибири»⁴.

В своей новейшей сводной работе по палеоантропологии СССР Г. Ф. Дебеч в дополнение к прежним своим работам устанавливает, что наряду с палеосибирским типом А, распространенным в верхнем течении Ангары и Лены, идентичным типу прибайкальских тунгусов, и смешанным монголоидно-европеоидным типом («тип В—Д» прежних его работ) в населении Прибайкалья эпохи неолита и ранней бронзы выделяется также третий, эскимоидный, тип, распространенный главным образом в среднем течении Ангары, где нет европеоидной примеси. При этом как палеосибирский, так и эскимоидный типы, по его словам, одинаково представляют лишь местные варианты одной и той же расы, в то время как европеоидный тип связан скорее всего с европеоидным населением, обитавшим в древности к западу от Енисея⁵.

Антропологические данные, свидетельствующие о том, что основной антропологический тип древнего населения Прибайкалья до настоящего времени в неизменном или в почти неизменном виде сохраняется на этой территории у прибайкальских тунгусов, имеют исключительную ценность с чисто исторической точки зрения.

³ Г. Ф. Дебеч, Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита, «Русский антропол. журн.», т. 19, вып. 1—2, 1930; его же; Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941, стр. 15.

⁴ Я. Я. Рогинский, Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья, «Антропол. журн.», 1934, № 3.

⁵ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, Труды Института этнографии, Новая серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 58—59, 328—329.

Как справедливо констатирует тот же Г. Ф. Дебец, «изменчивость расовых признаков не обнаруживает прямой связи с уровнем развития культуры» и вообще любая «специфическая форма ножа или орнамента керамики или какого-либо украшения не связана с формой черепа непосредственно, ни через посредство каких-либо социально-экономических факторов»⁶. Это

Рис. 1. Человек глазковской стадии. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Хабсагаевского могильника. Верхняя Лена

бесспорное обстоятельство открывает драгоценную возможность сопоставить два отдельных, независимых друг от друга, вида источников, взаимно подтверждающих и дополняющих друг друга, — биологических, т. е. антропологических, с одной стороны, и исторических, т. е. этнографических, — другой.

В самом деле, если в культуре современных тунгусских племен найдутся какие-либо общие черты с культурой древнего населения Прибайкалья, то при наличии их антропологической близости это будет означать, что факт прямого генетического родства между современными тунгусами и неолитическим населением Прибайкалья действительно является «этногеографической реальностью», т. е., говоря

иными словами, что современные тунгусы и на самом деле устойчиво сохранили как черты характерного физического облика, так и самобытной культуры своих предков, проживавших на той же территории несколько тысяч лет назад.

Обращаясь поэтому от антропологических фактов к археологическим и этнографическим материалам, мы действительно можем наглядно убедиться в справедливости таких предположений и даже в большей степени, чем на это можно было рассчитывать с первого взгляда. Начиная с такого выразительного в этнографическом отношении элемента материальной культуры, являющегося одним из самых надежных признаков этнической диагностики, как одежда с ее характерным покроем и специфическими украшениями.

Археологические находки на Лене (Хабсагаевский могильник), в Селенге (Фофаново) и в долине Ангары (падь Нохой, Ленковка и другие могильники) дают представление не только о составе украшений бытовавших в энеолите, но и о характере одежды в целом, так и

⁶ Там же, стр. 325.

десятки и сотни перламутровых бус, кружки из нефрита, грушевидные бусы из клыков оленя и прочие украшения сохраняют в могиле свое первоначальное положение. Судя по их расположению, самой характерной деталью одежды был передник или нагрудник, расшитый и унизанный кружочками из раковин или камня. В Фофановском могильнике такой передник, например, представлял собой сплошную широкую полосу из блестящих перламутровых бус, спускавшуюся от шеи до бедер. В пади Нохой и в других могильниках нагрудник имел вид более узкой полосы, покрывавшей позвоночник погребенного и расширявшейся на тазовых костях.

Такой нагрудник или передник — неперменная принадлежность древнего тунгусского костюма. Он всегда дополняет собой тунгусский «фрак» со свойственным последнему разрезом спереди⁷. Путешественники XVIII в. оставили как описания, так и рисунки старинной тунгусской одежды — кафтана или «фрака» с нагрудником. «Поелику верхнее платье, которое впереди не совсем сходится, то привешивают они по большей части красиво выстроченный и корольками или раздувающимся крашеным волосом конским или козьим выложенной нагрудник, который вверху в ладонь, а внизу в пядень, достает до половину лядвей и держится около шеи на веревочке»⁸, — писал, например, Георги о тунгусском нагруднике, размеры которого и украшения («корольки») соответствуют древним энеолитическим нагрудникам с украшающими их бусами из перламутра.

Одежда энеолитических обитателей Прибайкалья имела, следовательно, тот же покрой, что и национальная одежда современных эвенков, столь резко отличающая их от степняков-бурят, от оленеводческих племен тундры и «сидячих» приморских жителей Северо-восточной Сибири.

Головной убор энеолитического времени также нетрудно представить себе по расположению украшавших его бусинок и кружков из камня в погребениях. Он обычно имеет вид «диадемы», охватывающей лоб или темя от виска до виска одной узкой сплошной полоской. В большинстве случаев нефритовые кружки и медные кольца оказываются у черепа, часто под ним; во многих случаях — в глазных впадинах, куда они сползали со лба и с темени. В пади Ленковка четыре круглых кружка из нефрита, симметрично расположенные на лбу, на затылке и по вискам, украшали головной убор; через все темя от виска и до виска узкой двойной полоской тянулись перламутровые бусы.

И этот головной убор тоже вполне разъясняется этнографическими параллелями из быта эвенков. «Диадема» из бус окаймляла в этих случаях помещающийся над глазом и лбом передний край обычной эвенкийской меховой шапочки или темя, как в погребении из пади Ленковка. В белых нефритовых кружках следует видеть не фантастическое кольцо для продевания косы, как думали раньше, а прототип серебряных бляшек, украшавших тунгусские шапочки еще в XVII—XVIII вв. и являвшихся собственными изделиями тунгусских мастеров, которые делали тогда эти кружки-бляшки из привозимого к ним китайского серебра или иногда из олова⁹.

⁷ См. Г. М. Василевич, Тунгусский нагрудник у народов Сибири, Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, XI, 1949.

⁸ И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, часть третья. О народах самоедских, манджурских и восточных сибирских, как и о шаманском законе, СПб., 1799, стр. 44.

⁹ О серебряных и оловянных кольцах и кругах, украшавших тунгусские костюмы в XVII—XVIII вв., см.: «Колониальная политика Московского государства в XVII в.», Сборник архивных материалов, Л., 1936; «Образ жизни тунгусов и коряков, живших в Иркутской губернии в 1766 г., из ведомости, присланной в Сенат

Как и современные эвенки, древние жители Прибайкалья украшали свою меховую обувь нашитыми на нее бусами, но не из бисера, а из стеклянными, а из тех же перламутровых и каменных кружков.

Исключительно интересен костюм «шаманки» из погребения № 3 в Усть-Уде. На голове у нее была традиционная «диадема» из клыков ма-

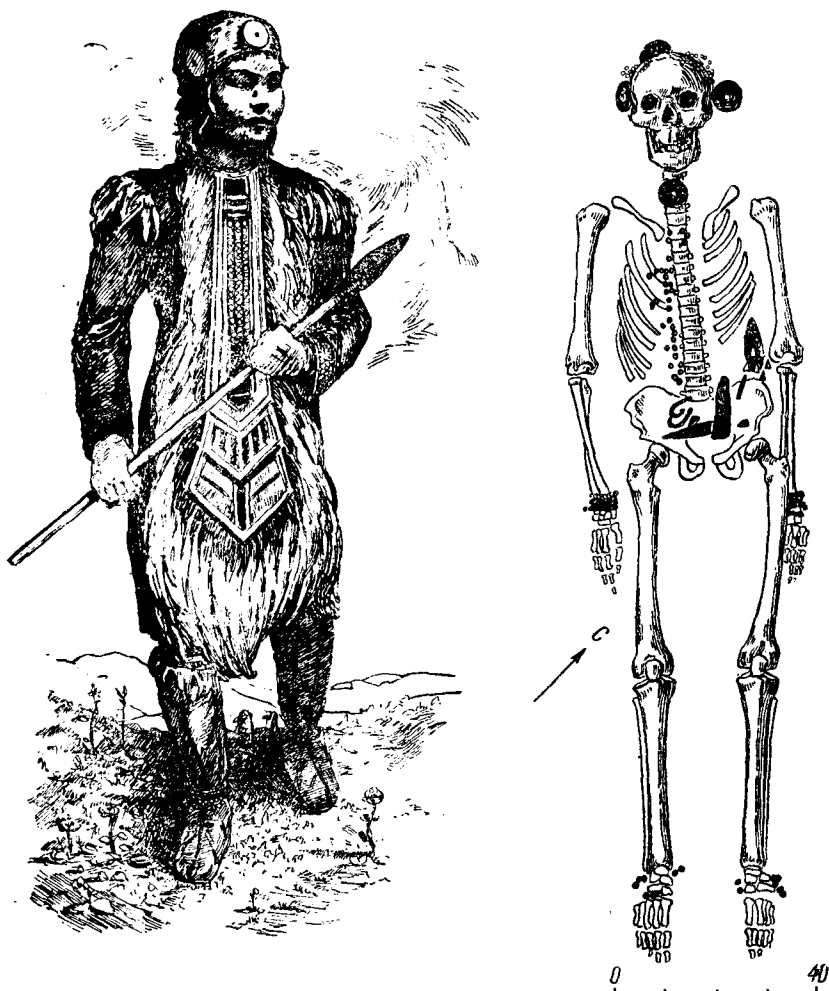

Рис. 2. Справа—скелет мужчины из Ленковки (Ангара). Слева—реконструкция одежды по этому скелету, выполненная В. Д. Запорожской

рала, обрамлявшая шапочку, и нефритовое кольцо, находившееся посередине диадемы; на ее груди располагались каменные кружки и кольца, представлявшие собой украшения обычного передника, а поверх последнего лежали рядом два резных антропоморфных изображения из мамонтовой кости (такое же, но миниатюрное изображение обнаружено было около Братска при детском костяке).

Георги писал о тунгусских нагрудниках, что тунгусы «благоговейно и суеверно носят на таковых нагрудниках, а летом просто на груди — жостяного идола во образе человека, зверя или птицы, и уповают на

его покровительство, ожидают от него счастья в зверином промысле»¹⁰. Приложенный к труду Георги рисунок тунгуса в полном охотничьем вооружении и в праздничном костюме дает представление о таких антропоморфных фигурках, носимых древними тунгусами на нагрудниках.

Отмеченные элементы костюма: фрак с нагрудником, шапка и унты, характерные украшения — кольца и круги, нагрудные изображения — «хранители», имеют, следовательно, важное значение как надежное средство для распознавания этнической принадлежности древних жителей

Рис. 3. Справа—скелет женщины из Усть-Удинского могильника (Ангара), глазковской стадии. Слева—реконструкция одежды этого скелета, выполненная В. Д. Запорожской

Прибайкалья. Но, кроме того, аналогичное совпадение прослеживается и дальше, хотя и в более общих — для хозяйства и материальной культуры — чертах, а также в религии, искусстве.

1) В хозяйстве — это охота, собирательство и отчасти рыболовство в тайге как основное занятие.

2) В соответствующей этому хозяйственно-бытовому укладу материальной культуре: а) жилище: чум с очагом из камней, крытый дерном, шкурами или берестой; б) производственный инвентарь: лодки-

¹⁰ И. Г. Георги, Указ. раб.

берестянки, костяные рыболовные крючки характерной формы, костяные рыбы-приманки типа так называемой «каяды» и многое другое.

3) В социальном строе — уже в глазковское время проявляются основные черты патриархально-родового общества эвенков, имущественное неравенство, рабы, межродовые войны.

4) В искусстве — прямолинейная геометрическая орнаментика, схематизация и условная трактовка объекта, «остроголовые боги». Это была уже подлинная материнская почва искусства лесных племен современной Сибири.

Рис. 4. Тунгус. Рисунок из книги Георги (XVIII век)

эвенков (охрана в могилах и предание о Хеладан, рисующее представления об охре как крови мертвых, восточная ориентировка неолитических костяков и поясняющие ее тексты обращений к духам — проводникам умерших, речная ориентировка умерших в энеолите и представления о «реке мертвых» у эвенков, а также непонятное, на первый взгляд, для исследователей отражение в религии современных оленеводов-эвенков рыболовного быта, объясняющееся важным значением рыболовства в жизни их предков на энеолитической стадии).

Таким образом, следует признать, что основные черты того этнографического комплекса, который характерен для тунгусских племен Прибайкалья, и их антропологический тип уже почти полностью были представлены в пределах этой территории в глазковское время, т. е. около трех-четырёх тысяч лет назад (примерно 1700—1300 гг. до н. э.).

Достаточно взглянуть, с одной стороны, на орнаментацию глиняных сосудов из Улан-Хады или костяных изделий из могильников серовского времени, чтобы увидеть, насколько близки они по своему стилевому характеру и композиционному духу к тем оригинальным украшениям, которые придают такой своеобразный облик древней тунгусской одежде, представленной в наших музейных собраниях богатыми наборами передников, «фраков», шапок и обуви. Особенно показательны в этом смысле наиболее ранние коллекции, собранные еще в XVIII — начале XIX века, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР в Ленинграде¹¹.

5) В области идеологии: уже в энеолите существовала сложная и развитая религия, в которой много общего с позднейшим шаманизмом, особенно эвенков. Судя по погребениям, в Усть-Уде и у д. Аносово тогда уже появились шаманы с их характерным облачением. Многие в неолитическом погребальном ритуале разъясняются верованиями

¹¹ См. Г. М. Василевич, Тунгусский нагрудник у народов Сибири, стр. 42—61.

Отсюда следует и второй вывод — о том, что эти тунгусские племена так или иначе являются прямыми потомками и наследниками культуры не только самих «глазковцев», но и их более отдаленных предшественников — вплоть до позднего палеолита, так как в нашем распоряжении имеются все фактические основания, подтверждающие преемственность культурно-этнического развития в Прибайкалье от палеолита до глазковской стадии, и пока нет никаких данных, которые свидетельствовали бы обратное. Предки тунгусов и родственных им лесных племен Прибайкалья являются, следовательно, первоначальниками этой страны на протяжении по крайней мере тридцати тысяч лет, ее автохтонами.

Изложенные выше антропологические, археологические и этнографические доводы, свидетельствующие о том, что родина тунгусских племен и, очевидно, некоторых других родственных им народов, в том числе юкагиров, помещалась в области их современного распространения, находятся, однако, в резком противоречии с господствовавшими прежде у нас и до сих пор господствующими в буржуазной науке за рубежом взглядами на древнейшую историю тунгусов. Согласно этим последним взглядам, родину тунгусских племен следует искать не в районе Байкала, а гораздо южнее — по крайней мере в Северном Китае, откуда они впоследствии мигрировали на север.

Новейшие и наиболее модные построения этого рода развивал антрополог и этнограф С. М. Широкогоров, признанный на Западе и в Америке самым авторитетным тунгусоведом¹². Одним из основных доводов за южное происхождение тунгусов, по словам Широкогорова, является их одежда: «Этнографические данные, касающиеся северных тунгусов, во многих случаях указывают, — говорит он, — на южное происхождение этого племени». «Тунгусская одежда не вполне приспособлена к сибирскому климату: знаменитая тунгусская открытая одежда не может служить достаточной защитой против холода, как служит этому платье других палеазиатов: передник, с недавнего времени носимый всеми тунгусами, как мужчинами, так и женщинами, покрывает только нижнюю часть груди и живота».

Второй древний элемент тунгусской материальной культуры, указывающий на появление тунгусов с юга, по его словам — простой, не рефлексирующий, лук.

Третий такой элемент, на этот раз уже не вынесенный тунгусами в готовом виде из их южной прародины, а изобретенный на месте в процессе быстрого и невольного приспособления к новому суровому климату, — наглазники для защиты от яркого солнечного света, раздражающего глаза весной: «Приспособление тунгусов к их сибирскому окружению, — заявляет Широкогоров, — нашло себе также выражение в том, что они заимствовали или изобрели наглазники, безусловно необходимые людям, не привычным к весеннему солнечному свету, который настолько сильно отражается снегом, что глаза начинают страдать от особого воспаления, которое иногда продолжается долго после окончания этого времени года... Факт наличия наглазников очень интересен как прием этнического приспособления к новому окружению. Очевидно, что если племенная группа является автохтонною и очень долгое время живет в известных условиях, она во всех отношениях должна приспособиться к этим (новым) условиям. Поэтому, я склонен видеть в наглазниках прямое указание на южную или, по крайней мере, бесснеж-

¹² Эти взгляды развивались Широкогоровым в следующих сочинениях: «Anthropology of Northern China», Shanghai, 1923; «Social Organisation of the Manchus», Shanghai, 1924; «Ethnological Investigations in Siberia, Mongolia and Northern China», The China Journal of Science and Arts, vol. I, No. 5—6, Shanghai, 1923, стр. 513—533; «Northern Tungus Migrations in the Far East (Goldi and their ethnical affinities)», The Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, vol. LVII, 1926.

ную родину тунгусов, отчасти мутацией уже приспособивших свои глаза к новой сфере, сдвигая веки, что теперь и является защитой для глаз благодаря остающейся очень узкой щели. То же самое явление, но в более слабой степени, наблюдается ныне у ранних русских поселенцев в Сибири. Наглазник известен также чукчам и ряду других сибирских племен. Многие из них, — думается мне, — переселились с юга»¹³.

Последний довод Широкогорова, свидетельствующий, по его словам, о южном происхождении тунгусов, относится к области их психологии. «Другое интересное указание на южное происхождение северных тунгусов можно усмотреть в их психической неустойчивости и в их предрасположении к нервным и психическим расстройствам, на что было указано Э. Хентингтоном. Заметим еще, что тунгусы, как северные, так и южные, повидимому, не привычны к морю, которое их явно не привлекает, и представляются типично сухопутным народом, привыкшим только к суше. Фактически не известно ни одно тунгусское племя среди настоящих моряков Дальнего Востока».

Поставив перед собой вопрос о том, где именно мог сложиться этот «этнографический комплекс», Широкогоров рассуждает: «Если мы поищем такую местность на юге, то мне кажется, что по сравнению с Сибирью ею не может быть признана Маньчжурия. Северная часть Маньчжурии или, выражаясь грубо, пространство к северу от 45° северной широты, и юго-восточная часть южной Маньчжурии — район, представляющий колыбель маньчжур, — не может считаться местом, где мог бы возникнуть южный этнографический комплекс, потому что температура доходит там до —40°, весной там масса снега и т. п., так что народ южан едва ли мог бы процветать при таких условиях. Тут климат гораздо больше похож на сибирский, особенно в северо-западной части, чем на какой-либо другой климат. С другой стороны, южная часть Маньчжурии представляет собой узкую полосу, ограниченную морем и горами Большого Хингана, составляющими восточный конец холодного Монгольского плоскогорья. Ее климат, хотя гораздо более мягкий, чем климат северной Маньчжурии, все же является еще слишком холодным для того, чтобы считаться южным. Единственный район с мягким климатом, могущий быть признанным за достаточно обширное для образования самостоятельной этнической единицы пространство, это тот, который образуется низменностями и возвышениями Северного и Центрального Китая, т. е. местности по средним и частью по нижним течениям рек Желтой и Голубой. Это пространство, представляющее собой географическое, в территориальном и климатическом отношении замкнутое, целое, удовлетворяет требованиям, необходимым для создания племенных единиц, живущих на суше охотой. Если остановиться на этом предположении, то ряд проблем без труда находит свое разрешение».

«Найдя», таким образом, путем пустых логических умозаключений воображаемую прародину тунгусов в Северном Китае, Широкогоров пытается подтвердить свою гипотезу антропологическими данными, будто бы указывающими на былую связь тунгусов именно с этой территорией.

Широкогоров начал с того, что путем спекулятивных операций, на основании искусственных и абстрагированных сочетаний признаков, выделил в современном населении Китая ряд типов, в том числе «тип гамма» — основной, по его словам, для тунгусов, являющихся, однако, как и китайцы, тоже своего рода «амальгамой антропологических типов». Отсюда он делает вывод о том, что предки тунгусов обитали прежде именно на территории Северного Китая, в бассейне рек Желтой и Голубой, а на западе от них жили китайцы. К концу III тысяче-

¹³ S. M. Shirokogoroff, The social Organisation of the Northern Tungus, Shanghai, 1929

летия или в начале II тунгусы под давлением китайцев в несколько приемов отступили сначала в Маньчжурию и на Амур. Пройдя область палеоазиатских племен, истари обитавших там, они достигли затем Восточной Сибири. По дороге тунгусы заимствовали у аборигенов Севера оленеводство. То обстоятельство, что тунгусы пошли на Амур и оттуда на север, а не в Приморские области, Широкогоров объясняет тем, что в последних обитали сильные и сплоченные палеоазиатские племена, не пустившие туда тунгусов¹⁴.

Критически рассматривая доводы и схему Широкогорова, нетрудно убедиться в их полной неосновательности.

Совершенно необосновано фактами и противоречит здравому смыслу, например, уже первое и основное его положение — о «южном» якобы типе тунгусской одежды. По Широкогорову получается, что непрактичная и совершенно нецелесообразная одежда существует в силу инерции не менее 4 тысяч лет. Тунгусы предпочитают мерзнуть, испытывать жестокие страдания, но не перенимают у палеоазиатов их подлинно арктических одежд, всецело приспособленных к суровой сибирской природе.

Даже наивные путешественники XVIII в. склонны были смотреть на этот факт несравненно более здраво; они указывали на любовь тунгусов к своему платью, на то, что «они любят свободное, легкое и распахистое и странное, на наш взгляд, платье». Такая «любовь» тунгусов к своему платью объясняется условиями их подвижного бродячего быта, жизнью таежного охотника, где все, что составляет бытовой инвентарь, вплоть до крыши и стен жилья, всегда готово к перевозке, а потому легко, портативно и не связывает передвижения по тайге. Идеальным костюмом оленного и пешего охотника в тайге и был старинный тунгусский костюм, легкий и распахной, не стеснявший охотника на бегу. Зимний костюм палеоазиатов, мешковатый и даже двуслойный, наоборот, великолепно приспособлен к их оленеводческому быту в тундрах и в особенности к жизни оседлых приморских зверобоев, охотников на моржей и на тюленей. В тайге же такой костюм для охотника был бы совершенно ненужен и даже вреден, так как стеснял бы его движения.

Возникновение столь «странного» с первого взгляда, такого необычного, с точки зрения европейца, «тунгусского фрака», поражающего своей легкостью и изяществом, в действительности является, таким образом, прямым следствием сложения быта аборигенных лесных охотников в тайге Прибайкалья, а не результатом прихода пратунгусов с реки Желтой. Историю этого костюма можно здесь проследить, начиная с серовской стадии неолита ангаро-ленской тайги, когда впервые наблюдаются следы шапочек, унизанных раковинными бусами, полное же развитие его устанавливается уже в энеолите, когда широко распространяются нагрудники, унизанные бусами из перламутра.

Гипотеза Широкогорова о возникновении снежных очков — наглазников вследствие того, что тунгусы являются новейшими пришельцами в Сибирь и потому нуждаются в защите глаз от яркого весеннего света, отбрасываемого ледяной корой подтаявшего сверху снега — наста, имеет тот же наивный и бездоказательный характер, что и его домыслы о возникновении тунгусской одежды. Ей противоречит прежде всего широкое распространение таких наглазников у всех, без исключения, северных народов Сибири, доказывающее древность таких очков, не говоря уже о том, что подобная теория не выдерживает никакой критики с чисто физиологической и биологической точки зрения, так как все, без исключения, коренные жители крайнего Севера одинаково реагируют на ослепительно яркое весеннее отражение солнечных лучей зер-

¹⁴ См. С. М. Широкогоров, Указ. раб.

кальной поверхностью наста и употребляют одинаковые способы предосторожности против вредного воздействия этих лучей. Тунгусы вовсе не являются здесь каким-то исключением.

Утверждение Широкогорова о «южных», не рефлексирующих, типах лука основано на отдельных фактах и тоже не имеет никакой цены, что станет особенно ясным, если учесть широкое распространение именно сложных луков у всех тунгусских племен, как это видно даже из работы Адлера о сибирских луках и приложенной к ней карты. Наконец, наличие простого лука вообще есть не признак расы или этноса, но определенной степени технического развития лука, а в целом ряде случаев древние формы, как простейшие, уживаются с более совершенными. Таковы и образцы лука «южного» типа у тунгусов, которые по их простоте может изготовить для своих нужд любой охотник, тогда как сложный лук есть результат длительного труда мастера-специалиста и произведение своеобразного высокого искусства.

Не может быть принято всерьез и последнее утверждение Широкогорова о какой-то особой «психической неустойчивости» и связанной с ней «склонности» тунгусов к шаманству как о прямом и бесспорном доказательстве южного происхождения тунгусов. Такая «неустойчивость» и «склонность» к шаманству связаны с определенными социальными условиями прошлого и вовсе не характерны для всей тунгусской народности в целом. Кроме того, они ни в коем случае не были в старину у сибирских народов особенностью одних только тунгусов: шаманство существовало фактически у всех без исключения сибирских племен.

Что же касается «антропологических доводов» Широкогорова, то в свое время еще Е. М. Чепурковский, антрополог-специалист, а не дилетант, как Широкогоров, со всей ясностью опроверг его построения как основанные на порочной и антинаучной методике, на искусственных и тенденциозных комбинациях признаков. Как показал Чепурковский, выделенные Широкоговым типы не соответствуют действительности и основанные на них выводы не могут быть использованы в научном исследовании.

Тем не менее, появление работ Широкогорова сразу же встретило сочувственные отклики на Западе у сторонников реакционной культурно-исторической школы, объединенной вокруг журнала «*Anthropos*», так как Широкогоров в силу своих реакционных политических взглядов шел навстречу их «теориям». Католические этнологи этой венской школы полностью приняли концепцию Широкогорова о былом проживании тунгусов в Китае и широко рекламировали ее в своих работах. Особенное внимание взглядам Широкогорова уделил Копперс, второй после Вильгельма Шмидта лидер венской католической «школы». Копперс с полной ясностью показал, чем именно привлекла внимание его единомышленников точка зрения Широкогорова на прошлое китайцев и тунгусов, почему они встретили ее так восторженно.

Стремясь доказать, что материнский род и матриархат явление не всеобщее, свойственное лишь определенным культурным кругам, в статье о пережитках матриархата в Китае он специально останавливается на критике эволюционистских представлений А. Конради о прошлом Китая. Основные пороки этой школы сводятся, по мнению Копперса, «к эволюционистским взглядам на историю культуры», «к представлению о глубокой древности и всеобщности матриархата» и к «догматическим утверждениям об автохтонности китайской культуры»¹⁵. Все эти «догмы», в особенности последняя, теперь, т. е. после работ Широкогорова, якобы не только «сильно поколеблены», но и «прямо разрушены».

¹⁵ W. Koppers, Die Frage des Mutterrechts und des Totemismus im alten China, «*Anthropos*», XXV, 1930.

новейшими исследованиями», — пишет Копперс и ссылается затем на другую свою работу «Тунгусы и мяо», где дано сжатое изложение построений Широкогорова¹⁶. Оставляя в стороне вопрос о матриархате, остановимся здесь только на том, как Копперс «освещает» проблему происхождения тунгусов. Концепцию Широкогорова по ее удельному весу Копперс ставит здесь наравне с результатами работ Андерсона, открывшего древнейшую, неолитическую культуру в Северном Китае.

Копперс считает «доказанным», что родина тунгусов находилась не на Алтае, как думал Кастрен, и не на Амуре, как полагал Шренк, а в Северном Китае, куда будто бы и ведут все нити, находящиеся в руках Широкогорова, т. е. тип гамма как прототунгусский компонент в антропологическом составе современных китайцев, а также непрактичная для севера раскрытая спереди и короткополая одежда, по своему покрою аналогичная европейскому фраку. Со своей стороны Копперс обращает внимание на важную роль, которая в тунгусском шаманстве принадлежит змее, в том числе будто бы боа-констриктору (?!), почитание которого было принесено с юга, из Индии и Южного Китая. Не менее существенны с этой стороны, по мнению Копперса, и отмеченные еще Гикишем в его магистерской диссертации о тунгусах черты сходства тунгусского культа неба с древнекитайской государственной религией — конфуцианством¹⁷.

Тунгусский культ неба ничем не ближе, однако, к конфуцианскому, чем такой же культ у всех других народов Сибири, не исключая чукчей. Культ змей точно так же не составляет особенности тунгусского шаманства и не служит признаком южного происхождения.

Центр тяжести этой работы Копперса лежит в утверждении о ближайшем родстве тунгусов и одного из аборигенных племен Южного Китая — мяо. Предполагая, что мяо остались в Китае как обломок пратунгусов и столь же далеко ушли на юг под давлением настоящих китайцев, как их собратья тунгусы — на север, Копперс считает, что тунгусы и мяо одинаково стоят в ряду выделенных им «пракультур» («Urkulturen»), так как являлись примитивными охотниками, рыбаками и собирателями, не знали экзогамии и были прамоноотеистами по своей религии. Основным и «окончательным» доказательством родства тунгусов с мяо Копперс считает наличие у последних пресловутого тунгусского «нагрудника» как части одежды, открытой спереди и приспособленной к теплому климату юга Китая. На самом деле «нагрудник» мяо, как и «нагрудник» северных китайцев, о котором писал еще Широкогоров, ни по виду, ни по назначению не имеет ничего общего с тунгусским. Одежда мяо — типичная одежда жителей южных стран и не может быть сравниваема с одеждой лесных охотников субарктики.

«Антропологические доказательства» близости тунгусов и мяо Копперса тоже не имеют и тени научности, они являются совершенно необоснованными, голословными утверждениями. В действительности же, как окончательно выяснено советским исследователем Н. Н. Чебоксаровым, жители южных областей Китая входят в особую южноазиатскую группу монголоидов, которая связана «с экваториальными вариантами человечества». От прямого контакта с носителями того антропологического типа, представителями которого являются тунгусские племена Сибири, она отделена областью расселения второй древней группы монголоидов, восточно-азиатской или дальневосточной, центр распространения которой находится в Северном Китае. Ни о каком тождестве пред-

¹⁶ W. Koppers, Tungusen und Miao, Mitteilungen der Anthropol. Ges. in Wien, Bd. LX, 1930.

¹⁷ См. К. Нiekisch, Die Tungusen, Dorpat, 1879, стр. 107.

ставителей южно-азиатских монголоидов, с одной стороны, и северо-азиатских, разумеется, при этом не может быть и речи¹⁸.

Статьи Копперса интересны, таким образом, не «новыми доводами», а той откровенностью, с какой он раскрывает реакционные тенденции, руководящие сторонниками культурно-исторической школы в их фальсификаторской «работе» над вопросами этногонии тунгусских племен, с одной стороны, и китайцев,— с другой.

Следует отметить также, что со стремлением представителей «культурно-исторической школы» вывести тунгусов из Китая естественным образом связаны и их попытки доказать, что тунгусы не были в древности оленеводами, не изобрели, а заимствовали оленеводство у тех северных племен, с которыми встретились по пути на новые места, с юга на север. Так, например, Ф. Флор развивает заимствованную в основе от В. Г. Богораза мысль о существовании в древности особого «протосамоедского культурного круга», охватывающего не только всю Северную Азию, но и весь север Прибалтики, которому, как утверждал О. Менгин, принадлежат «костяные культуры» типа Кунда и культура гребенчатой керамики. Центром этого «круга», по его словам, были Саянские горы. В нем будто бы и возникло оленеводство. Тунгусское оленеводство Флор считает более молодым, чем протосамоедское, т. е. саяно-алтайское, и не принадлежащим к собственно тунгусской южной пракультуре.

Основным же источником и базой для тунгусской пракультуры была, по его словам, «культура рогожной керамики» китайского неолита (т. е. культура Яншао, с характерным для последней свиноводством и земледелием)¹⁹. К этому древнему культурному пласту свиноводов и земледельцев юга, по его словам, будто бы восходят и характерные для тунгусов «постройки на сваях», так как «древнейшим центром неолитической культуры свайных построек были прежде очень болотистые области Среднего Китая».

Рядом с исходным свиноводческо-земледельческим пластом Флор, впрочем, ставит и другой культурный пласт, по его мнению, тоже принимавший участие в образовании тунгусской южной культуры,— чисто охотничью высокую культуру, тотемический «Jäger-Schicht», на этот раз уже не матриархальный, а патриархальный с самого начала, имеющий центральноазиатское происхождение. Но при всем том, основой тунгусской культуры была, по его утверждению, именно свиноводческо-земледельческая матриархальная культура Среднего Китая неолитической эпохи. В этих утверждениях Ф. Флор исходит из общих построений О. Менгина о свиноводческой культуре китайского неолита и о мнимой верхнепалеолитической «костяной культуре», носителем которой будто бы являлась не существующая в действительности «урало-алтайская раса», куда входят и гипотетические оленеводы-протосамоеды²⁰.

Развернутая критика взглядов Менгина не входит в наши задачи. Достаточно сослаться на работы В. И. Равдоникаса, в которых обстоятельно разобраны положения Менгина и показано, что все его фальсификаторские приемы имеют своей целью пропаганду расовой теории и, в

¹⁸ См. Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, II, М.—Л., 1947; его же, Северные китайцы и их соседи. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, V, 1949, стр. 66.

¹⁹ Fritz Flor, Zur Frage des Renntiernomadismus, Mitt. d. Anthropol. Ges. in Wien, Bd. LX, 1930, стр. 293—305; его же, Haustiere und Hirtenkulturen. Kulturgeschichtliche Entwicklungsumrisse, Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Veröffentlichungen des Instituts für Völkerkunde und der Universität Wien, I, 1930, стр. 105, 123—130.

²⁰ См. О. Menghin, Zur Steinzeit Ostasiens, P. W. Schmidt-Festschrift, Wien, 1928; его же, Weltgeschichte der Steinzeit, Wien, 1931; его же, Weltgeschichtliche Rolle der Uralaltaischen Völker, Archäologischer Erbesitz, XLII, 1928, стр. 289—310.

конечном счете, политических установок фашизма²¹. Таковы же цели отмеченных выше реакционных археологов и этнографов Запада, смыкающихся с Менгином и Широкогоровым во взглядах на судьбы эвенков и их взаимоотношения с древними китайцами.

Что же касается конкретного вопроса о древности и происхождении тунгусского оленеводства, то, если даже и признать его заимствованным в относительно позднее время от других племен Сибири, это не может служить доказательством южного происхождения тунгусов. Напротив, как устанавливается советскими исследователями, оленеводческой культуре лесных племен Сибири естественным образом предшествовала другая, более архаическая, уходящая своими корнями в глубину каменного века культура пеших охотников и рыболовов. Существование такой культуры устанавливается при этом не только в результате археологических исследований, но и на основе прекрасно дополняющих их специальных этнографических исследований, целиком подтверждающих выводы, сделанные на археологических материалах²². Именно эта древняя культура лесных охотников, а не земледельческо-скотоводческая («свиноводческая») культура Яншао Северного Китая и лежит в основе исконной тунгусской «пракультуры». Ни о какой земледельческо-скотоводческой культуре предков тунгусских племен не может, следовательно, быть и речи, как не может быть и речи о какой-то деградации их культуры в результате переселения из южных областей Азии (т. е. конкретно — из Китая) на север²³.

Культура Яншао не может быть «пратунгусской» уже по одной той причине, что Г. Андерсон и другие исследователи неопровержимо доказали связь ее с современной китайской. Исследователи эти установили, что ее носители были прямыми предками современных китайцев как по всей своей культуре, так и по антропологическому облику.

Аналогичный вывод мы должны, следовательно, сделать и в отношении тунгусов, но уже как прямых и непосредственных потомков древнейшего населения Прибайкалья, носителей местной неолитической культуры. Отсюда не следует, конечно, что этим выводом полностью решается вся проблема этногенеза тунгусских племен и их конкретно-исторических взаимоотношений с другими племенами и народностями соседних с Прибайкальем областей Сибири и более отдаленных стран.

Специальные лингвистические исследования Г. М. Василевич наглядно показали всю сложность этой проблемы. Как выяснила Г. М. Василевич, в сложении тунгусской народности или народностей принимали участие различные древние племена — носители по крайней мере восьми главных этнонимов, в то же время так или иначе вошедших и в состав других народностей — тюрков, монголов, самоедов и, повидимому, палеоазиатских племен. Г. М. Василевич полагает, что коренной тунгусской основой явились племена эджен и эвен. Очень рано, по ее словам, вошли в состав будущих тунгусов — эвенков племена группы

²¹ В. И. Равдоникас, Энгельс и проблема происхождения скотоводства в Европе, «Вопросы истории доклассового общества», Сборник статей к 50-летию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Труды Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, т. IV, М.—Л., 1935, стр. 545—547.

²² См. М. Г. Левин, О происхождении и типах упряжного собаководства, «Советская этнография», 4, 1946; его же, К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии, «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, II, 1947, стр. 84—86. Ср. «Обзор прений по докладом на совещании по этногенезу народов Севера (28—29 мая 1940 г.)» «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941, стр. 129—130; ср. А. П. Окладников, «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, 1946—1947 гг., вып. I, II, III, «Известия АН СССР, Серия истории и философии», т. IV, № 6, 1947, стр. 571.

²³ Следует отметить, что к аналогичным выводам, хотя и на других, лингвистических и историко-этнографических материалах, пришел и Е. М. Залкинд («Кидане и их этнические связи», «Советская этнография», 1948, I, стр. 61).

«бай», генетически связанные с Западной Сибирью. На юге предтунгусов соприкасались с тюрко- и монголоязычными племенами дул ~ дол. На востоке в состав тунгусов вошли ассимилированные ими племена килен и булдэ, аборигены Приамурья, а также племя кимо ~ кима, на Ангаре — тюркоязычные в первом тысячелетии нашей эры курэ (кури, фури, курыканы).

Эти выводы, сделанные на основе лингвистического материала, и существенных своих чертах подтверждаются археологическими данными. Мы знаем теперь, что отмеченный выше процесс протекал в области Прибайкалья и дал определенные результаты уже в то отдаленное время, когда вокруг Байкала жили носители глазковской культуры. Это и должны были быть в первую очередь те древние племена «эвен» и «эджен», о которых свидетельствуют лингвистические данные.

Имеются в распоряжении археологов и такие факты, которые позволяют сделать определенные заключения об этнографическом своеобразии древнего, неолитического населения соседних с Прибайкальем территорий — Дальнего Востока, Западной Сибири, отчасти Якутии, а также и о связях его с современными племенами этих областей, на чем мы предполагаем подробно остановиться в следующей нашей статье.

Все это существенно изменяет положение дела в данной области сибирской археологии, открывает перед советскими исследователями новые широкие перспективы, чуждые и недоступные, как было показано выше, реакционным буржуазным археологам и этнографам. Если раньше археологи были замкнуты в узком кругу своих вещественных памятников, жили в мире мертвых типологических серий и абстрактных культурных комплексов, то теперь они выходят в реальный мир живых людей прошлого, в настоящую конкретную историю каменного века.

М. Г. ЛЕВИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(К проблеме этногенеза народов Северной Азии)

Современные этнические группы сформировались в результате сложных исторических процессов, в которых отразились как общие внутренние закономерности развития отдельных человеческих коллективов, так и разнообразные взаимные влияния, смешения, перемещения различных этнических образований.

Это положение, опирающееся на сталинское учение о нации, является исходным при решении вопросов этногенеза. Изучение этих сложных вопросов требует разнообразных приемов исследования, привлечения различных материалов — исторических, этнографических, лингвистических, археологических, антропологических. Значение различных категорий источников в каждом отдельном случае при изучении того или другого этапа формирования народа неодинаково. Естественно, что роль археологических материалов, например, возрастает по мере того, как мы углубляемся в далекое прошлое, но правильное разрешение любых вопросов этногенеза требует комплексного подхода, сочетания различных материалов¹.

Каково значение и область использования антропологических материалов в этом комплексе?

Исходным положением советской антропологии является бесспорный тезис об отсутствии какой-либо внутренней причинной связи между языком, культурой, уровнем общественного развития народа, с одной стороны, и его расовым типом, с другой. Как отдельные антропологические признаки, так и их комплексы — антропологические типы — абсолютно безразличны для направления исторического процесса, непосредственно не связаны с формой и содержанием культуры. Сложение этнических, языковых и культурных общностей причинно не связано с формированием определенных антропологических типов; современные народы и языки складывались, как правило, на расово разнородной основе; одни и те же антропологические типы входят в состав различных языковых и этнических групп.

Но было бы принципиально ошибочно делать отсюда вывод о непричастности антропологических исследований к решению исторических по своему существу вопросов этногенеза. Напротив, в работах советских антропологов эти исследования впервые получили подлинно научное обоснование и привели к решению многих важных этногенетических проблем².

¹ См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография», 1947, № 4; А. Д. Удадьцов, Теоретические основы этногенетических исследований, Сборник «Советская этнография», VI—VII, 1947; С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, «Советская этнография», 1949, № 2.

² См. Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Труды Института этнографии, н. с., т. IV, 1948; Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, Труды Института этнографии, т. VII, 1949; Н. Н. Чебоксаров, Этногенез Коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2; его же, К вопросу о происхождении китайцев, «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 30, и др.

Каковы же методологические основы и методические приемы этих исследований?

Исходя из положения, что не антропологические, не расовые особенности отдельных человеческих групп определяли их размещение на земном шару, их переселения и скрещения на протяжении их истории мы не можем вместе с тем забывать, что формирование определенных антропологических типов протекало на определенных территориях. Не только для таких крупных делений антропологической систематики как монголоидная, европеоидная и негроидная расы, мы устанавливаем области их первоначального формирования, но и более дробные единицы антропологической классификации — группы типов, отдельные антропологические типы — складывались в конкретные эпохи на определенных территориях. Но и этнические, языковые, культурные общности тоже связаны со своей стороны с определенной территорией. Территории сложения антропологических типов, с одной стороны, языковые этнических и культурных общностей, с другой, — как правило, в своих границах не совпадали друг с другом; процессы их сложения внутренне никак не связаны, но общность территории в той или иной степени все же «является связующим звеном между единицами антропологической и этнографической систематики»³. Так может устанавливаться лишенная внутренней причинной зависимости известная эмпирическая связь между определенными антропологическими типами и этническими образованиями. Но если этническая общность и может способствовать в какой-то степени формированию определенного антропологического типа, то, с другой стороны, в ходе языковых и культурных сближений между человеческими коллективами идет процесс все большего смешения антропологических типов, стирания их прежних границ и образования новых типов, новых границ. Конечно, эти диалектически противоречивые процессы в формировании антропологических типов усложняют нашу задачу использования антропологических данных в качестве исторического источника, но отнюдь не снимают, не устраняют ее.

Проследившая распространение антропологических типов в составе различных современных этнических групп, сопоставляя их, при наличии палеоантропологических материалов, с антропологическими типами предшествующих эпох и учитывая закономерности изменчивости антропологических признаков во времени, антрополог с достаточной определенностью часто отвечает на столь существенные вопросы, как вопрос об автохтонном развитии или пришлом происхождении рассматриваемых групп, о направлении имевших место переселений, о характере скрещивания различных типов. Направление и интенсивность этих скрещиваний определяются всегда социально-экономическими факторами, которые лежат в основе географического размещения населения и перемещения человеческих групп.

Если оставить в стороне вопрос о факторах расообразования человека на ранних этапах первоначального заселения эйкумены и рассматривать процессы сложения современных антропологических типов внутри основных больших рас, то для них характерна полная независимость от условий географической среды, абсолютная нейтральность того или другого антропологического признака для его географического распределения. Поэтому сложение того или другого антропологического типа, т. е. комплекса функционально не связанных между собой признаков, предполагает определенную историческую общность их носителей и возможно было только в результате длительных взаимных брачных связей внутри определенных человеческих коллективов, которые в силу тех или иных условий были менее связаны с другими группами, где складывался иной антропологический тип.

³ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 325.

В условиях низкого уровня развития производительных сил у народов Сибири, обусловивших сравнительную малочисленность отдельных этнических групп, их крайне редкое расселение по огромным пространствам тайги и тундры, процессы смешения различных групп протекали менее интенсивно, чем в более южных степных областях Азии. Это определяет особо выгодные возможности для использования антропологических данных в этногенетических исследованиях.

* * *

В составе коренного дорусского населения Сибири можно выделить ряд антропологических типов, исторически сложившихся на определенных территориях и входящих в различные этнические группы. В целом это население характеризуется преобладанием монголоидных антропологических признаков и антропологически относится к различным вариантам монголоидной большой расы. Наиболее выражено монголоидный комплекс выступает среди народов Средней и Восточной Сибири. У различных народов к западу от Енисея отмечается заметное ослабление монголоидных особенностей главным образом за счет древней европеоидной примеси. К востоку от Енисея примесь немонголоидных типов вновь выступает на Тихоокеанском побережье, но здесь она имеет иное происхождение и связана с древним населением Юго-восточной Азии и островов Тихого океана.

Антропологические исследования Института этнографии Академии Наук СССР, проведенные в последние годы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также новые материалы советских антропологов по населению сопредельных стран позволяют по-новому осветить некоторые вопросы систематики и генезиса отдельных антропологических типов и привлечь данные антропологии для освещения ряда проблем этногенеза народов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Тунгусские народы

Известно, что тунгусские народности Сибири лингвистически объединяются вместе с маньчжурскими народами в одну группу, характеризующуюся рядом общих черт в грамматике и словаре. Этот факт явился основанием для распространенного взгляда о южном происхождении тунгусов. Этот взгляд, восходящий еще к авторам прошлого века, нашел, как известно, своих защитников в лице С. М. Широкогорова, В. Конперса, Ф. Флора и других представителей реакционной так называемой венской католической школы, которые попытались подвести под теорию южного происхождения тунгусов этнографическую и антропологическую базу. Антропологические данные, которыми оперирует Широкогородов, выделяющий в составе китайцев тип «гамма» и считающий его характерным для тунгусов, и с фактической и методической стороны настолько не обоснованы, что не заслуживают специального разбора. Столь же несостоятельна и этнографическая аргументация происхождения тунгусов из Северного Китая, развиваемая указанными авторами.

Выступивший с исчерпывающей критикой этой концепции А. П. Окладников⁴ на археологическом материале убедительно показал глубокие сибирские корни тунгусской культуры и преемственность многих ее элементов с энеолитической и даже более ранней культурой Прибайкалья.

⁴ См. статью А. П. Окладникова «К изучению начальных этапов формирования народов Сибири» в настоящем номере журнала; его же, Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. IX, 1941.

Эта преемственность прослеживается в характерной для эвенков рас-
пашной одежде с нагрудником, типе головного убора, характере укра-
шений, которые имеют свои параллели в энеолитических памятниках
Прибайкалья, в хозяйстве, хозяйственно-бытовом инвентаре (чум, лод-
ки-берестянки, костяные рыбки-приманки), в прямолинейном геометри-
ческом орнаменте и других элементах культуры. «Следует признать,—
пишет Окладников,— что основные черты того этнографического ком-
плекса, который характерен для тунгусского населения Прибайкалья,
и их антропологический тип уже почти полностью были представлены
в пределах этой территории в глазовское время, т. е. около трех-
четырёх тысяч лет тому назад (примерно 1700—1300 гг. до н. э.)»⁵

Как ни важны приводимые А. П. Окладниковым данные для пони-
мания этногенеза тунгусов, они, однако, не исчерпывают всей этой
проблемы. Сложение тунгусов — более сложный процесс, который не
может быть сведен только к компоненту, восходящему к неолиту При-
байкалья. Собранный советскими антропологами материал позволяет
подойти к разрешению этой проблемы на основе новых фактических
данных. Основное значение этих данных — установление неоднородно-
сти тунгусских групп в антропологическом отношении.

Работами Я. Я. Рогинского⁶ и Г. Ф. Дебеца⁷ было показано распро-
странение среди тунгусских народов антропологического типа, описанно-
го в литературе под именем палеосибирского или байкальского. Этот
тип характеризуется следующими признаками: прямые, но сравнительно
мягкие волосы; светлая, по монголоидному масштабу, кожа; значи-
тельный процент глаз смешанных оттенков; темные, но без характерного
для многих монголоидных групп иссиня-черного оттенка волосы; силь-
ное развитие эпикантуса, очень слабый рост бороды. Лицо очень высо-
кое, широкое и плоское, с очень сильно выступающими вперед скулами.
Лоб наклонный. Переносье очень низкое, нос слабо выступающий, с пря-
мой и часто вогнутой спинкой, поднятым кончиком. Губы тонкие, верх-
няя губа очень высокая, прохейличная. Рост низкий (ниже 160 см).
Краниологически этот тип характеризуется малой высотой черепа.

Характерными представителями байкальского антропологического
типа справедливо считаются эвенки Северного Прибайкалья, исследован-
ные в 1927 г. Я. Я. Рогинским при участии автора настоящей статьи⁸.
Однако не в меньшей степени байкальский тип характерен для ламутов
различных районов их расселения⁹ и, повидимому, для юкагиров, к со-
жалению, недостаточно изученных в антропологическом отношении¹⁰.
Преобладание байкальского типа среди ламутов и юкагиров находит
себе подтверждение на краниологическом материале¹¹. В качестве одного
из компонентов байкальский тип входит в состав якутов, для которых
как мы увидим ниже, характерен, однако, другой антропологический
тип. Недавние антропологические исследования на Амуре и Сахалине
позволили расширить область распространения байкальского типа. Ука-
занный выше комплекс признаков оказывается характерным для орско-

⁵ А. П. Окладников, К изучению начальных этапов формирования народов
Сибири, стр. 23.

⁶ Я. Я. Рогинский, Материалы по антропологии тунгусов Северного При-
байкалья, «Антропол. журн.», 1934, № 3.

⁷ Г. Ф. Дебец, Антропологическое изучение Советского Севера, Журн. «Совет-
ский Север», 1934, № 6, стр. 64—66, 72.

⁸ Я. Я. Рогинский, Указ. раб.

⁹ М. Г. Левин, Антропологические типы Охотского побережья, Труды Инсти-
тута этнографии, Новая серия, т. II, 1947; Г. Ф. Дебец, Антропологические иссле-
дования на Камчатке, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. V, 1949.

Я. Я. Рогинский, Указ. раб.

¹⁰ Г. Ф. Дебец, Антропологическое изучение Советского Севера, стр. 69.

¹¹ Неопубликованные краниологические исследования Г. Ф. Дебеца.

Сахалина, негидальцев, отчасти ульчей и нанайцев (гольдов)¹². Ороки и негидальцы отличаются в своем физическом типе от ламутов в основном только брахицефалией и должны рассматриваться как характерные представители того же байкальского типа (в его брахицефальном варианте).

Байкальский тип давно уже считается сходным с основным типом неолитического населения Прибайкалья. Г. Ф. Дебеч¹³ и Я. Я. Рогинский¹⁴ указали на очень большое сходство палеосибирского типа прибайкальского неолита с типом современных эвенков Северного Прибайкалья.

Многолетние исследования А. П. Окладникова позволили ему установить существование в неолитическое и энеолитическое время (IV—начало II тысячелетия до нашей эры) в лесной и тундровой зонах Сибири нескольких различных хозяйственно-культурных областей, каждая из которых характеризуется особым направлением хозяйства, своеобразием всего культурного комплекса. В пределах этих областей в течение длительного времени протекало развитие культуры местного населения, развитие, в котором связи между отдельными областями, конечно, играли известную роль. На рассматриваемой нами территории, не включающей западносибирскую хозяйственно-культурную область бассейнов Оби и Иртыша, А. П. Окладников выделяет следующие области, границы которых могут быть в настоящее время намечены лишь в общих контурах: 1) прибайкальская — от восточного берега Байкала до Енисея — охватывает верхнее течение Лены и долину Ангара; 2) южноякутская — среднее течение Лены, бассейны Алдана, Вилюя; 3) североякутская — нижнее течение Лены, бассейны Яны, Индигирки, Колымы¹⁵.

В культуре указанных трех областей отмечается известное сходство, определяемое в значительной степени общим направлением хозяйства, синтетически сочетавшего охоту и рыболовство и связанного с относительно подвижным образом жизни неолитических насельников этих областей. Учитывая это сходство и возможные пути древнего расселения племен вдоль водных артерий, мы можем высказать предположение о принадлежности древнего населения южно- и североякутской хозяйственно-культурных областей также в основном к палеосибирскому типу. В пользу этого говорит и современное распространение байкальского типа.

Выше уже указывалось, что ламуты, исследованные в разных районах их расселения, характеризуются сравнительно однородными антропологическими чертами, позволяющими видеть в них «классических» представителей байкальского типа. Древний этап этногенеза ламутов, в свете данных этнографии и лингвистики, рисуется как результат взаимодействия тунгусов с юкагирами¹⁶ — древними насельниками очень обширной территории не только бассейна Лены, но и областей к западу и востоку от него. Для юкагиров также характерен байкальский тип. Следовательно, по своему антропологическому типу неолитическое население Прибайкалья может в равной степени рассматриваться и как предки юкагиров.

¹² М. Г. Левин, Антропологические исследования на Амуре и Сахалине, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. V, 1949.

¹³ Г. Ф. Дебеч, Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита, «Русский антропол. журн.», 1930, № 1—2; его же, Палеоантропология СССР, 1948, стр. 56—61.

¹⁴ Я. Я. Рогинский, Указ. раб.

¹⁵ А. П. Окладников, Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IX, 1941, а также устное сообщение.

¹⁶ Г. М. Василевич, Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. I, 1946.

Самобытная культура последних испытала на себе, как известно, сильное влияние тунгусов, но имеющиеся материалы указывают, что многие элементы культуры, характерные для северных тунгусов, восходят именно к древнему юкагирскому комплексу.

Продвижение ламутов на Крайний Восток, проникновение их в северную часть Охотского побережья, Чукотский полуостров и Камчатку — явления очень недавние. Формирование их протекало в более ранних территориях Северной Сибири — области их прежнего расселения.

Эвенки на огромном пространстве их расселения — от Енисея на запад до Охотского побережья на востоке — антропологически изучены крайне недостаточно. Но и имеющиеся материалы позволяют судить об их неоднородности в антропологическом отношении. Байкальский тип впервые подробно описанный на эвенках Северного Прибайкалья, не может считаться характерным для всех эвенкийских групп. Так, группа эвенков Аяно-Майского района на Охотском побережье по многим признакам значительно отличается от эвенков Прибайкалья (у эвенков Охотского побережья по сравнению с ламутами отмечено ослабление эпикантуса, повышение переносья, больший процент выпуклых спинного носа, более высокий рост)¹⁷.

В старой работе И. И. Майнова¹⁸ по антропологии эвенков среди них выделяются два типа, условно обозначенные автором как северный и южный. Характеристика северного типа в общем совпадает с характеристикой байкальского типа; южный же тип характеризуется, по Майнову, значительно более темной пигментацией, менее плоским лицом, более высоким ростом, более высоким головным указателем. Черты этого «южного» типа обнаруживают, по видимому, и эвенки Забайкалья¹⁹. Как отрывочны имеющиеся у нас данные, они позволяют все же выделить среди эвенков два типа.

«Южный» тип эвенков оказывается весьма сходным с типом, распространенным среди монгольских и отчасти тюркских народностей Центральной Азии. А. И. Ярхо описал этот тип под наименованием центральноазиатского. В свете новых данных характеристика этого типа должна быть несколько уточнена. Кемчикские тувинцы, которых Ярхо рассматривал как характерных представителей центральноазиатского типа, представляют собой его локальную форму. Тип в целом должен быть охарактеризован следующими чертами: прямые и умеренно тугие волосы, более темная по сравнению с байкальским типом окраска кожи, глаз, волос, сильное развитие эпикантуса; рост бороды по общему масштабу слабый, но по сравнению с байкальским типом заметно сильнее. Лицо очень высокое, широкое, но менее уплощенное, чем у байкальского типа. Нос со сравнительно высоким переносьем, с прямой и часто выпуклой спинкой. Губы средней толщины. Рост ниже среднего (162–164 см). Краниологически этот тип характеризуется по сравнению с байкальским более высоким черепом. Голова мезокефальная, по абсолютным размерам очень длинная и широкая.

Перечисленный комплекс антропологических признаков характерен в целом для якутов, для бурят, северных монголов и, по видимому, для южных эвенков²⁰.

Прослеживаемый в археологических материалах Прибайкалья комплекс составляет лишь один из компонентов их этногенеза. Другой компонент, если исходить из данных антропологии — наличия в состав

¹⁷ М. Г. Левин, Антропологические типы Охотского побережья, стр. 91.

¹⁸ И. И. Майнов, Два типа тунгусов, «Русский антропол. журн.», 1901, № 2.

¹⁹ Ю. Д. Талько-Гринцевич, Иройские хамнеганы, Труды Троицкосавского-Кяхтинского отдел. Русск. географич. об-ва, т. VII, вып. 3, 1904.

²⁰ М. Г. Левин, Антропологический тип якутов, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. III, 1947.

звенков центральноазиатского типа, связан своим формированием с более южной территорией. Вхождение этого компонента в качестве основного в состав бурят, якутов, северных монголов хорошо согласуется с устанавливаемой лингвистами известной близостью тунгусских языков с тюркскими и монгольскими.

Якуты

Вопросу об этногенезе якутов посвящена очень обширная литература. Еще в XVIII в. был высказан взгляд о южном происхождении якутов. Большинство авторов связывает предков якутов с Прибайкальем. Такое мнение высказывалось Радловым, Петри, Огородниковым, Козьминым и др. Ряд исследователей (Серошевский, Аристов) видели первоначальную родину якутов в Минусинском крае, другие — даже в Средней Азии. Предков якутов искали среди различных древних народов: саков, хуннов, уйгуров, курыканов и многих других. Эти различные теории базируются на анализе этнонимов, данных языка, почерпнутых из китайских и других исторических источников сведений о географическом размещении отдельных народов. Следует согласиться с С. А. Токаревым, что все попытки такого отождествления основывались на отрывочных и поэтому недостаточно убедительных данных²¹.

В свете недавних работ советских исследователей теория южного происхождения якутов получает новое освещение. С. А. Токарев показал наличие в культуре якутов наряду с элементами бесспорно южного происхождения также и многих местных севернотаежных черт и аргументировал положение о сложном скрещенном происхождении якутского народа²². Замечательные археологические исследования А. П. Окладникова в Якутии позволили ему очень ярко восстановить сложную картину формирования якутского народа в бассейне Средней Лены. В культуре якутов А. П. Окладников также выделяет северный пласт, связанный с культурой не только оленеводческих племен тайги, но и доолeneводческого населения этой территории. Эти древние племена были поглощены группами южного происхождения, принесшими на Среднюю Лену высокую материальную культуру, скотоводство, элементы социальных отношений классового общества и тюркскую речь. Эта древнейшая тюркская волна, как устанавливает Окладников на основании исследованных им археологических памятников и надписей рунического облика в долине Лены, появилась на Средней Лене из Прибайкалья, где в первом тысячелетии нашей эры были расселены тюрки-курыканы, известные нам в этой области по китайским источникам. Но в составе якутов прослеживаются и более поздние (вплоть до XVI в.) переселенцы с верховьев Лены²³.

Наличие в составе якутов и бурят элементов общего происхождения отмечалось С. А. Токаревым и в последнее время на основании архивных материалов поддерживается Б. О. Долгих²⁴ (Коринская волость, Хоринский род, Хоринские наслеги — у якутов и бурятское племя — хори др.).

Что дает нам антропология для решения вопросов якутского этногенеза? Уже В. Л. Серошевский на основании, правда, только общего

²¹ С. А. Токарев, Происхождение якутской народности, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IX, 1941.

²² С. А. Токарев, там же; его же, Общественный строй якутов XVII — XVIII вв., Якутск, 1945, стр. 224—230.

²³ А. П. Окладников, Исторический путь народов Якутии, Якутск, 1943 стр. 54—75; его же, Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству, История Якутии, т. I, Якутск, 1949, стр. 218—387; его же, Происхождение якутской народности. Тезисы доклада на Втором всесоюзном географическом съезде, Секция этнографии и антропологии, Изд-во АН СССР, 1947.

²⁴ Устное сообщение.

впечатления указывал на антропологическую неоднородность якутов. В конце прошлого столетия антропологическое обследование в горах Якутске и в центральной части Якутского округа производил Н. Л. Геккер²⁶. Геккер, как и И. И. Майнов, опубликовавший работу по антропологии якутов по материалам Геккера²⁷, указывают на наличие среди якутов двух типов: одного более скуластого и плосконого и другого «горбоногого и длиннолицего». Однако методика сбора и обработки антропологических материалов в этих старых работах не позволяла использовать их данные в должной мере.

На основании краниологического исследования А. Н. Юзefович подтвердил выделение среди якутов двух типов. Один из них Юзefович считает схожим с типом эвенков Северного Прибайкалья, краниологически описанным Я. Я. Рогиным, другой — сближается им с типом бурят-калмыков, торгоутов²⁸.

Специальное антропологическое исследование якутов, проведенное нами в 1945 г.²⁹, позволило заключить, что преобладающим среди якутов антропологическим типом является тот, который был выше описан как центральноазиатский³⁰. Преобладание этого типа, как указывалось также среди бурят, северных монголов и, повидимому, южных эвенков, указывает на возможную область его формирования.

Нам представляется очень вероятной его связь с типом населения позднего железного века Прибайкалья, известным нам по материалам Г. Ф. Дебеца, изучившего черепа этого времени из погребений у с. Туни в среднем течении реки Иркуты³¹. Наряду с центральноазиатским типом в составе якутов выступает и другой компонент, соответствующий всем данным байкальскому типу. Современное распространение центральноазиатского типа среди якутского населения бассейна Лены должно быть связано с теми переселениями предков якутов из более южных районов их первоначального расселения, которые подробно прослежены на археологических материалах А. П. Окладниковым. В процессе этих переселений и произошло смешение более древнего в бассейне Лены байкальского типа с центральноазиатским типом. Вопрос об удельном весе указанных типов в исходных группах древнего населения не может решаться только на основании антропологических данных по современному населению. Здесь необходимо учитывать различную динамику прироста населения у разных автохтонных и пришлых групп, вошедших в состав якутского народа. Решение этого, как и ряд других вопросов антропологии якутов, требует привлечения палеоантропологических материалов, которые пока на территории Якутии полностью отсутствуют.

Этногенетические проблемы на северо-востоке Азии

Центральным вопросом в этом сложном клубке этнографических проблем является вопрос о происхождении эскимосов. Со времени исследований В. Богоразы и В. Йохельсона³² в литературе, посвященной этни-

²⁵ В. Л. Серошевский, Якуты, 1896, стр. 237—247.

²⁶ Н. Л. Геккер, К характеристике физического типа якутов, Записки Восточного Сибирского отдела Географического общества, т. III, вып. I, Иркутск, 1896.

²⁷ И. И. Майнов, Якуты (по материалам Н. Л. Геккера), «Русский антропологический журнал», 1902, № 4, стр. 38—40. Материалы этой работы в основном повторены Майновым в его статье «Население Якутии», Сборник «Якутия», 1927.

²⁸ А. Н. Юзefович, Два типа якутских черепов, «Антропологический журнал», 1937, № 2.

²⁹ М. Г. Левин, Антропологический тип якутов.

³⁰ Это исследование послужило и для уточнения характеристики центральноазиатского типа, принятой в прежних работах.

³¹ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 199—203.

³² Список литературы и более подробное изложение взглядов Богоразы и Йохельсона см. в нашей работе «Краниологические типы чукчей и эскимосов (в связи с

ческим и антропологическим взаимоотношениям Северо-восточной Азии и Северо-западной Америки, господствует теория, согласно которой эскимосы являются сравнительно недавними пришельцами в области Берингова моря, разделившими в прошлом тесно связанные между собой племена по обоим берегам Берингова пролива. Эта теория «эскимосского клина», основывавшаяся на данных материальной культуры, культа и мифологии, была подвергнута в нашей литературе серьезной критике. А. М. Золотарев³³ привел убедительные данные в пользу того, что современная культура чукчей развилась на основе «древнеэскимосской» культуры, которая была в прошлом распространена на Чукотском полуострове и характеризуется на основании исторических, археологических и этнографических данных доминирующей ролью в хозяйстве морского промысла, полуподземными жилищами со стенами из китовых ребер, употреблением орудий древнеэскимосского типа и некоторыми другими чертами. Древнее население Чукотского полуострова не знало оленеводства. Возникновение оленеводства обусловило формирование современной чукотской (и корякской) культуры и поглощение образовавшимися чукотскими племенами древнего эскимосского населения. Согласно излагаемой концепции, эскимосы — не клин, отделивший чукчей от индейцев, а потомки того древнего населения, которое вошло в состав современных чукчей. Археологические материалы отнюдь не противоречат указанной концепции.

Хотя человек на путях первоначального заселения Америки, несомненно, проник на Чукотский полуостров не позднее мезолита, древнейшие из известных до сих пор на этой территории археологические находки датируются значительно более поздним временем — не ранее первых веков до нашей эры. В эту эпоху побережье Чукотского полуострова было заселено оседлыми охотниками за морским зверем — носителями так называемой берингоморской культуры. В глубине полуострова в это и, повидимому, в еще более раннее время существовала культура континентальных охотников, связанная с культурой более западных районов Сибири. На археологическом материале можно проследить проникновение культурных элементов континентального происхождения в культуру приморских охотников берингоморского облика на более поздних этапах³⁴.

Древние культуры Камчатки изучены еще, к сожалению, очень слабо, и пока можно лишь провизорно указать на связь древних культур Камчатки с культурами бассейна Лены, с одной стороны, с другой, — с культурой Амурской области, которая, судя по немногим материалам с Охотского побережья, проникала здесь далеко на север³⁵.

Наиболее характерным для Северо-восточной Азии антропологическим типом является эскимосский³⁶. Он характеризуется подробно описанным в литературе комплексом признаков: волосы прямые и тугие (по степени жесткости волос превосходит все вышеописанные типы),

вопросами этногенеза Северо-восточной Азии)», Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. X, 1949, стр. 301—302.

³³ А. М. Золотарев, Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии, Известия Воронежского гос. пед. института, т. IV, 1938.

³⁴ См. С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, Изд-во Главсевморпути, 1947. Рецензия на эту работу М. Г. Левина, «Советская этнография», 1949, № 1.

³⁵ С. И. Руденко, Культура доисторического населения Камчатки, «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 179; библиографию см. В. В. Антропова, К истории археологического изучения Камчатки, Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. XI, 1949.

³⁶ Следует избегать употребления этнических названий для обозначения антропологических типов, однако по отношению к рассматриваемому типу, который можно было бы назвать северо-восточным, мы сохраняем термин «эскимосский», как прочно вошедший в литературу.

кожа смуглая, глаза темные, почти без примеси смешанных оттенков; волосы иссиня-черного оттенка; слабое, по монголоидному масштабу развитие эпикантуса, повышенный по сравнению с сибирскими монголами рост бороды. Лицо очень высокое, широкое, но менее плоское, чем у байкальского типа. Переносье сравнительно высокое, нос хорошо очерченный, с прямой и часто выпуклой спинкой; губы сравнительно толстые, повидимому, все же несколько тоньше, чем у сахалино-амурского типа (см. ниже). Рост 162—163 см.

Этот тип характерен для эскимосов и в значительной степени для береговых чукчей и коряков, а также ительменов³⁷.

Эскимосский тип, насколько мы можем судить по имеющимся данным, является древним на рассматриваемой территории и лежит в основе формирования антропологического типа как эскимосов, так чукчей и коряков, а также, повидимому, и ительменов. У последних, кроме заведомо поздней русской примеси, можно предположить наличие некоторых айских элементов.

Палеоантропологические материалы, к сожалению, пока еще очень скудные, указывают на наличие выраженных признаков эскимосского краниологического типа в населении области Берингова пролива в берингоморское время. Тип этот отличается от современного типа азиатских эскимосов в основном только более низким головным указателем³⁸.

Центральный вопрос антропологии эскимосов сводится к выяснению хронологического соотношения (относительного возраста на северо-восточном побережье) эскимосского типа и того второго компонента в составе чукчей и коряков, который преобладает среди оленных групп и входит также в состав береговых чукчей, коряков и ительменов. Г. Ф. Дебец выделяет этот второй тип под названием «камчатского». От эскимосского типа он отличается в следующих основных признаках: волосы менее жесткие, чем у эскимосского типа, пигментация несколько светлее, эпикантус и складка века развиты сильнее, борода, напротив, растет слабее; переносье ниже, поперечный профиль спинки носа плосче; губы несколько меньше. По всем указанным признакам камчатский тип отличается от эскимосского в сторону приближения к байкальскому. Но по ряду других признаков камчатский тип, как указывает Г. Ф. Дебец, не занимает такого промежуточного положения, отличаясь как от эскимосского, так и от байкальского. Сюда относится сравнительно небольшая высота лица, меньшая его ширина, большая ширина нижней челюсти; характерны особенности носа: высокий указатель, поперечное расположение ноздрей и сильное выступание крыльев. Г. Ф. Дебец склонен сближать по указанным признакам (комбинация широкого носа с небольшими размерами лица) камчатский тип с южными монголоидными типами³⁹. Древнее проникновение на Чукотский полуостров и Камчатку антропологических элементов южного происхождения представляется вполне вероятным. На южные по своему облику элементы в древних культурах Берингова моря и Северо-западной Америки указывали многие авторы⁴⁰. Однако видеть в этих южных элементах сколько-нибудь существенный компонент в формировании антропологического типа чукчей и коряков, в том числе и оленных, у нас нет достаточных оснований.

³⁷ Г. Ф. Дебец, К антропологии чукчей, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. I, 1946; его же, К антропологии эскимосов, там же, вып. III, 1947; его же, Антропологические исследования на Камчатке.

³⁸ А. М. Золотарев, К вопросу о происхождении эскимосов, «Антропол. журн.», 1937, № 1; М. Г. Левин, К антропологии эскимосов, Сборник «Советская этнография», VI—VII, 1947.

³⁹ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования на Камчатке, «Краткие сообщения» Института этнографии, V, М., 1949.

⁴⁰ См. обширную библиографию в работе С. И. Руденко «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема».

В целом для чукчей и коряков характерен эскимосский тип. Краниологические материалы по эскимосам, береговым и оленным чукчам позволяют установить очень большое сходство всех трех групп между собой. Оленные чукчи отличаются от эскимосов по краниологическим данным разве лишь несколько меньшим выступанием носовых костей.

Таким образом, антропологические материалы, устанавливающие в целом большую близость эскимосов, береговых чукчей и в значительной степени коряков, свидетельствуют против теории «эскимосского клина». Формирование эскимосов, чукчей и коряков протекало в общем на единой основе. В составе оленных групп отмечаются континентальные элементы (скрещивание с носителями байкальского типа). Это не следует относить только за счет возможной, но сравнительно поздней примеси ламутов; проникновение континентальных элементов на побережье Берингова моря и Ледовитого океана датируется более ранним временем и может быть связано с «юкагирским» компонентом.

Этногенетические проблемы в Приамурье

Кроме трех отмеченных выше культурных областей неолитического времени, по материалам А. П. Окладникова выделяется еще четвертая хозяйственно-культурная область — амурская, охватывающая бассейн Амура, Приморье и Сахалин. Она резко отличается от байкальской и обеих якутских областей всем обликом культурного инвентаря и обнаруживает связи с более южными районами Восточной Азии.

Культура неолитических насельников Амура, Приморья и Сахалина — это культура оседлых рыболовов, развивавшаяся на этой территории в течение многих позднейших столетий⁴¹.

Палеоантропологическими материалами по амурской неолитической хозяйственно-культурной области мы, к сожалению, не располагаем. Можно только предполагать, что древнее «палеоазиатское» население этой территории, значительное соответствие культуры которого с культурой нивхов, ульчей и других народов Амура во многих деталях отмечено А. П. Окладниковым, — принадлежало к тому типу, который мы обозначили в современном населении как сахалино-амурский. Для этого типа намечается следующий характерный комплекс признаков: волосы прямые и тугие, кожа по сравнению с кожей предыдущих типов несколько более темной окраски, темная пигментация глаз и волос (процент иссиня-черных оттенков волос значительно выше, чем у центральноазиатского типа). Эпикантус развит сильно. Характерным признаком является сильное, по монголоидному масштабу, развитие бороды. Лицо очень высокое, широкое; по степени уплощенности лица (выступанию скул) сходен с центральноазиатским типом. Переносье низкое, заметно ниже, чем у центральноазиатского, но все же выше, чем у байкальского типа. Нос слабо выступающий, обычно с прямой спинкой. Губы сравнительно толстые. Верхняя губа очень высокая, прохейличная. Рост ниже среднего (160—161 см).

В наиболее выраженной степени сахалино-амурский антропологический тип представлен у нивхов сахалинских и амурских, но входит в качестве заметного компонента также в состав ульчей, возможно, орочей.

Выше отмечалась связь неолитической культуры Амура с более южными районами Восточной Азии. Точно так же некоторые черты сахалино-амурского антропологического типа обнаруживают явное тяготение к южным монголоидам (более темная пигментация, сравнительно большая толщина губ и некоторые другие признаки). В этом отношении очень существенны некоторые черты северного тяготения в антропологическом типе корейцев, сближающие их несколько с северными монголоидами,

⁴¹ А. П. Окладников, Неолитические памятники как источник по этногении Сибири и Дальнего Востока, стр. 12.

в первую очередь с населением Амура⁴². Очевидно, древние с Амура с Кореей шли в обоих направлениях и обусловили многие моменты сходства в неолитических культурах этих областей, отмеченные разными исследователями.

Современное распределение байкальского компонента среди народов Амура и Сахалина — его ясное преобладание в тунгусо-язычных группах — может служить указанием на более позднее по сравнению с сахалино-амурским типом появление байкальского типа на рассматриваемой территории.

Скрещением сахалино-амурского и байкальского типов не может быть, однако, целиком объяснено распределение антропологических признаков среди современных народностей Амура и Сахалина. Антропологические данные указывают на участие в формировании и другого компонента — айнского, который особенно отчетливо выступает среди нивхов, преимущественно амурских, и ульчей.

Нивхи, у которых сахалино-амурский тип выражен наиболее откровенно, выступают как представители того древнего «палеоазиатского» населения, которое до проникновения на Амур тунгусских элементов было, по видимому, распространено здесь значительно выше области временного расселения нивхов. Возможные связи этого древнего населения с Кореей были уже отмечены нами. Айнское влияние в антропологическом типе нивхов бесспорно, но время и пути проникновения айнских элементов к нивхам остаются пока неясными. Его не обязательно связывать с айнами Сахалина; возможны более древние связи «палеоазиатского» населения Амура с «айнскими» (в антропологическом смысле) южными элементами. Скрещенный характер ульчской культуры — сложение ее в основном, если исключить китайско-маньчжурское и позднее русское влияние, из сочетания более древних «палеоазиатских» и позднейших тунгусских элементов хорошо устанавливается по данным этнографии. С этим согласуется и антропологический тип ульчей, занимающий в общем промежуточное место между сахалино-амурским и байкальским типом. Негидальцы, характеризующиеся признаками байкальского типа и сохранившие в недавнем прошлом основные черты культуры и языковые особенности северных тунгусов, связаны по своему происхождению с более северными районами. То же должно сказать и в отношении ороков Сахалина. Эвенки на Сахалине являются очень недавними переселенцами. Время и пути проникновения на Сахалин ороков неясны. Ввиду недостаточности и противоречивости антропологических материалов по нанайцам (гольдам) мы оставляем их здесь вне рассмотрения.

Таковы некоторые выводы, которые можно пока сделать на основе антропологических материалов. Конечно, при крайне сложном родовом составе народов Амура, наличии в их составе различных по происхождению групп, принадлежавших к различным языковым общностям (тунгусские, маньчжурские, монгольские, наряду с древними палеоазиатскими) имеющиеся антропологические материалы могут дать лишь самые общие указания на процессы сложения отдельных народов. Детализация их — дело дальнейших исследований.

Наш общий очерк следует заключить указанием на необходимость дальнейших антропологических исследований в Сибири и особенно в восточных археологических исследованиях, которые несомненно дадут и столь недостающий нам палеоантропологический материал. Будущие исследования должны уточнить и, возможно, многое изменить в тех выводах, которые были продиктованы нам имеющимися материалами.

⁴² М. Г. Левин, Антропологический тип корейцев, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. VIII, М., 1949.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. О. КОСВЕН

СЕВЕРОРУССКОЕ ПЕЧИЩЕ, УКРАИНСКИЕ СЯБРЫ И БЕЛОРУССКОЕ ДВОРИЩЕ

В 80—90-х гг. прошлого века внимание ряда русских историков привлекла к себе оригинальная форма крестьянского землевладения, существовавшая в прошлом на русском Севере под названием *печища*, у украинцев — под названием *сябров* и у белоруссов — под названием *дворища*. Исследование этих форм землевладения, представляющих собой одновременно и формы поселения, привело к значительным результатам, но в ряде отношений осталось все же недостаточным. Не только недостаточным, но иногда и неверным оказывается решение вопроса об общественно-исторической сущности данных форм. Этот именно вопрос преимущественно мы имеем в виду рассмотреть.

Передадим прежде всего вкратце основные черты названных местных форм в том виде, в каком эти формы были описаны и охарактеризованы.

Изучая документы XVI—XVIII вв., относящиеся к Архангельскому краю, А. Я. Ефименко нашла, что в ту пору основным типом сельского поселения было *печище* — село, состоявшее из нескольких родственных семей-дворов¹. Существование в том же крае небольших деревень, состоящих из двух-трех и более дворов, все члены которых носят большей частью одну фамилию, отметил и П. Сергеев уже для XIX в.² Таким образом «печища» — села, состоящие из небольшого числа родственных дворов, существовали и сохранялись в Архангельском крае на протяжении ряда веков и вплоть до 70-х гг. XIX в.

Согласно другому указанию Ефименко, термин «печище» употреблялся в тех же местах в новое время уже в ином значении: «Теперь, — писала Ефименко, — *печище* в Архангельской губернии чаще всего обозначает деревню в нашем смысле слова, т. е. в смысле совокупности угодий, тянущихся к населенному месту, иногда нескольких деревень, имеющих общее землевладение». Отметим еще указание С. А. Приклонского на существование на Севере деревень, состоящих из 3—4 домо-

¹ А. Ефименко, Крестьянское землевладение на крайнем Севере, «Русская мысль», 1882, 4—5; перепечатано в книге: А. Ефименко, Исследования народной жизни, вып. 1, Обычное право, М., 1884.

² П. Сергеев, С севера (Очерки общинного владения в Архангельской губернии), «Дело», 1880, 4.

хозяйств, составляющих каждая особую себру. Этот автор, однако говорит о родственном составе таких деревень, а «себрами» называл «товарищества из 3—4 домохозяйств для совместных земледельческих работ»³.

Характеризуя особенности землевладения исторического печища, Ефименко писала: «Старая северно-русская деревня представляла собою поземельное целое, разбитое на доли. Каждый деревенский совладелец или двор, имел право на известную долю этого целого. Не определен участок земли принадлежал тому или иному двору, а право на известную долю из каждого поля, каждой пожни, каждого угодья, лежащего в район деревни. Отсюда вытекала необходимость передела уравнивания: если деревенский дольщик находил, что земля, которой пользуется, не представляет собой величины той идеальной доли, какую он имеет право, он мог требовать, чтобы земля была переделана и уравнена. С этой стороны старая северно-русская деревня представляла собой типичные черты общинного склада; но зато с другой стороны она очень уклоняется от того, что мы привыкли связывать с понятием поземельной общины. Деревенский дольщик был полным собственником своей доли: если его права собственности и подвергались ограничению, то эти ограничения не вытекали из организации поземельного владения. Он мог покупать и продавать, завещать и наследовать, отдавать в аренду и брать в приданое, мог дробить и даже разрывать на куски свою долю. Естественно, что при этом условии не могло быть равенства в поземельном владении — этого безусловно необходимого элемента поземельной общины». Несколько дополняя и разъясняя эту характеристику, Ефименко в другом месте той же своей работы писала: «Печище, деревня и делясь, все-таки продолжало смотреть на себя, со стороны поземельных отношений, как на целое, до деляжа — простое, после деляжа — сложное. Каждый участник деляжа получал не определенный кусок земли, который бы он мог выделить из целого, а лишь право на известную долю в каждом из лоскутов, полей и угодий, входящих в деревню... Деляж был настоящим собственником своей доли: мог распоряжаться ею по своему произволу, лишь с теми ограничениями, какие проистекали из права выкупа, принадлежащего родственникам и деревенским совладельцам. Беря за основу указанные особые черты землевладельческих отношений северо-русского села — печища, Ефименко предложила называть эту «особую поземельную деревенскую организацию... за неимением соответствующего научного термина, долевого организацией, долевым владением».

Что касается происхождения этого архаического печища — села в несколько дворов, то, по мнению Ефименко, оно представляло собой результат раздела одной семейной общины, в свою очередь именовавшейся в старину «печищем», а возникновение данной формы Ефименко отнесла к эпохе распада родового строя и одновременно распада семейной общины. «Описанная нами... деревенская поземельная организация, писала Ефименко, — была общим типом старой русской поземельной организации (по крайней мере для Новгородского района), выросшим из развалин той последней стадии родового быта, которая называется у юго-западных славян задругой, а на Севере — печищем». С другой стороны, Ефименко считала эти семьи-печища единицами колонизации Севера: «Финский север, — писала она, — колонизовался семейными сообществами, соответствующими сербской задруге». Таким образом та же семья-задруга была, по Ефименко, начальной общественной формой русской колонизации: «Начало достоверной истории, — писала она, — застает Севере господство задружной формы как в семье, так и в организации поземельной собственности».

³ С. А. Приклонский, Народная жизнь на Севере, М., 1884, стр. 48—

Несколько иной, но по существу все же весьма близкий сейчас приведенному, взгляд на происхождение печища высказал В. И. Сергеевич. Сергеевич отверг уподобление былого русского крестьянского двора югославянской задруге, считая, что это было по общему правилу и преимущественно хозяйство малой, индивидуальной семьи⁴. Одновременно Сергеевич считал однодворное поселение начальной формой поселения русского крестьянства. «Первоначальная деревня,— писал он,— есть не что иное, как отдельный пашенный двор с хозяйственными постройками и принадлежащей к нему землей», и т. д.⁵ В соответствии с этим взглядом Сергеевич происхождение архангельского печища выводил обязательным образом из однодворного поселения. «Деревня в один двор,— писал он,— есть деревня, принадлежащая хозяину двора... Деревня в два-три двора есть деревня второго поколения хозяина деревни в один двор. Сыновья первого хозяина деревни в один двор селятся, конечно, тут же рядом. В новгородских писцовых книгах есть деревни в три, четыре двора, которые носят наименование от личных имен: Иванова деревня, Афанасьева и пр. Это деревни родственников. Оне-то и носят в XVIII веке (а может быть и ранее) наименование «печищ»⁶.

Точно такой же взгляд на начальную форму поселения русского Севера высказал, последовав за Ефименко и Сергеевичем, М. М. Богословский. Указав на малодворность русской северной деревни XVII в., Богословский заключал: «Первоначальной и типичной (подчеркнуто нами.— М. К.) деревней на севере была деревня однодворка, т. е. именно двор с принадлежащими к нему угодьями»⁷.

Тема и тезисы А. Я. Ефименко были впоследствии вновь развиты М. Островской, сосредоточившейся, впрочем, преимущественно на вопросе о разложении долевого владения. Чего-либо существенного для характеристики самого печища Островская не дала, но известное значение имеет собранный этой исследовательницей материал о сохранении права родового выкупа долей, представляющего собой пережиточное выражение былого родственно-коллективного владения. И Островская в свою очередь присоединилась к тезису об односемейном или однодворном поселении как начальной форме⁸.

Произведенные И. В. Лучицким исследования документов XVII в., относящихся к районам Полтавщины и Черниговщины, обобщенные в его работе, напечатанной в 1889 г., привели автора к выводу, что распространенной формой крестьянского землевладения было здесь в ту пору так называемое сябрыное землевладение, представлявшее собой форму коллективного владения землей группой родственных семей-дворов. Лежавшее в основе сябриного землевладения начало кровной связи держалось, указывал Лучицкий, весьма стойко, несмотря на то, что самый этот порядок распадался и подвергался трансформации. Сябры составляли отдельный поселок, носивший патронимическое название. Характерной чертой украинских селений того времени была их небольшая величина. «В половине XVII в.,— писал Лучицкий,— крупных сел в рассматриваемой области почти не было. Громадное большинство поселков состояло из 3—20 дворов, причем преобладающими были села с 3 до 7 и 8 дворами. А многие из них, как мы знаем, были заселены либо однофамильцами, либо «кревными» и... владели то совместно все, то отдельно каждая семья общими землями».

⁴ В. Сергеевич, Древности русского права, т. III, СПб., 1903, стр. 42, сл., в особенности стр. 65—66.

⁵ Там же, стр. 45.

⁶ В. И. Сергеевич, Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII века, «Журнал Министерства юстиции», 1907, 2.

⁷ М. Богословский, Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. т. I, М., 1909, стр. 146 и 161.

⁸ М. Островская, Земельный быт сельского населения русского Севера в XVII—XVIII веках, СПб., 1913.

Особенность украинского сябриного землевладения состояла в следующем. При коллективном владении общей землей каждый сябр и каждая семья обладали правом владения своей, выделенной ей, и остававшейся, говоря юридическим языком, идеальной, долей во всех угодьях владений сябринства, или, как гласят украинские акты, являлись владельцами определенного уступа, т. е. «участия» в этом общем земельном владении. Уступы эти подвергались время от времени передаче между отдельными сябрами. Уступ мог быть продан как всем сябромством, так и одной выделившейся из него семьей, как от сябра к сябру так — впоследствии — и посторонним лицам, однако при условии общего согласия всех сябров, причем все это без того, чтобы последовало фактическое дробление общей земли и коллективного ею владения. Иначе говоря, уступалась и продавалась не сама земля, а лишь право владения и пользования в ее определенной части.

«Сябриное землевладение,— приходил к выводу Лучицкий,— было несомненно особой и оригинальной формой землевладения вообще, отличной и от чисто общинной (автор имеет здесь в виду русскую соседскую общину.— М. К.), и еще в большей степени от подворной формы. Своим возникновением оно было обязано распадению единой и цельной сложной семьи на отдельные группы семей или дворов, которые связанные были друг с другом общностью происхождения, кровным родством, представляя собой «род, племя», но при распадении сохранили общее владение землями и угодьями отчизными, дедизными и прадедизными. Земли эти, разбиваемые в некоторых частях своих на пайки, распределялись между группами в момент раздела поровну, а затем, с дальнейшим распадением групп, лишь пропорционально, соответственно доле «уступа» каждой вновь образовавшейся группы. Пайки эти не были постоянными неизменным владением той или иной группы, а переходили от одной к другой периодически путем переделов, и каждая группа имела право не на данную землю, а лишь на идеальную долю определенного размера во всех без исключения общих угодьях и землях»⁹.

Третья, аналогичная северо-русскому «печищу» и украинским «сябрам», форма поселения и землевладения — белорусское дворище — было впервые исследовано в 90-х гг. прошлого века одновременно А. Я. Ефименко и М. В. Владимирским-Будановым¹⁰.

Изучая формы землевладения Полесья (Пинского повета) по документам XVI в., Ефименко констатировала здесь дворищное землевладение, имевшее такой же долевой характер, как и описанное ею раннее северное. Самое дворище Ефименко характеризовала следующим образом: «Дворище,— писала она,— есть совокупность известного небольшого числа дымов», а именно — от 5 до 11. Несколько дворищ составляли село. Так, в одном приводимом автором примере село состояло из 7 дворищ. «Дворища,— указывала далее Ефименко,— были собственности как и северные деревни, «рода-племени», т. е. более или менее обширные группы ближайших родичей, иначе говоря — большой или задружной семьи... Отсюда патримониальные¹¹ названия дворищ». Констатируя уже преимущественно распадное состояние данной формы, Ефименко писала: «В известный период дворищное землевладение уже не было нераздельным землевладением большой семьи-задруги... дымы дворища были са-

⁹ И. Лучицкий, Сябры и сябриное землевладение в Малороссии, «Северные вестник», 1889, 1—2.

¹⁰ Первый исследователь западно-русского сельского землевладения XVI—XVII вв. Н. Д. Иванишев не выделял данной формы (см. Н. Д. Иванишев, О древних сельских общинах в юго-западной России, «Русская беседа», 1857, 3; переиздано отдельно: Киев, 1863; перепечатано в книге: Н. Д. Иванишев, Сочинения, Киев, 1876, стр. 231—295).

¹¹ А. Я. Ефименко хотела, очевидно, сказать «патронимические»: патримоний (лат. patrimonium) — имущество, перешедшее от предков, наследство, то же, что слав. «отчина»; патронимия — название, образованное из собственного имени предка.

мостоятельными земельными хозяйствами», и ниже: «Дворищное землевладение было... землевладением маленьких групп, сначала только родственников, позже и не родственников»¹².

Констатируя в свою очередь существование в Белоруссии, в особенности в Полесье, в XVI в. дворищ, в ту пору уже распадавшихся, М. В. Владимирский-Буданов называл их «родовыми общинами». Дворище, — писал он, — «форма общинно-родовая, имеющая значительное сходство с хорватскою задругою». Дворище, указывал он далее, состоит из нескольких дымов, в которых живут отдельные семейства, на общей усадьбе, однако усадьба может быть и не общей. «В большинстве дворищ, — писал Владимирский-Буданов, — население их образовалось из родственников, из семьи, превратившейся в целый род».

Развернутое определение дворища Владимирский-Буданов формулировал следующим образом: «Дворищем (в смысле личного состава) называется общество лиц, связанных в главной своей части родовым единством, но допускающее примесь чужеродцев, имеющее одного главу (который обыкновенно дает имя дворищу) и членов, именуемых потужниками. Дворищем в объективном смысле называется участок земли, — усадебной, пахотной и угодий, — состоящий во владении одной группы лиц». Члены дворища иначе назывались также «попличниками», «именниками», «братьями», «племенем», «родичами». Если все дворище не называлось по имени его живущего главы, то имело преимущественно патронимическое название. Дворище в приводимых автором примерах состояло из 6—8 индивидуальных семей, 11—12 лиц мужского пола. Земля дворища составляла его общую собственность. Если отдельные члены дворища переходили на жительство в другое место, то земля архаически оставалась в пользу оставшихся его членов, впоследствии — продавалась¹³.

Коснулся вопроса о дворище Ф. И. Леонтович в своей работе о крестьянском дворе в литовско-русском государстве. Отметив здесь распространенность хуторных форм поселений, Леонтович указал, что эти поселения архаически состояли из родственников, носивших одно и то же имя, однофамильцев, или, как они именуются в актах, «именников», также — «братьев», «племени» или «родичей». При этом Леонтович констатировал, что наряду с термином *дворище* в актах встречается термин *печище*, а также, — главным образом в северной части литовско-русского государства, — и термин *сябры*¹⁴.

Общую характеристику белорусского дворища находим также в работе М. В. Довнар-Запольского о западнорусском крестьянстве в XVI веке. «Первичной общинной организацией» (в пределах литовско-русского государства), — писал Довнар-Запольский, — было «дворищное землевладение с семейно-родовым характером, или сябриное. Дворище, служба, могло быть достоянием или одной простой, или сложной неразделившейся семьи; тогда оно не составляло еще общины. Но с увеличением населения дворища чисто семейный его характер постепенно утрачивается. Определяются части общего владения (хотя бы в натуре и не выделенные), принадлежащие совладельцам; в дворище вступают приемные члены, сябры; из совладельцев дворища одни могли выделиться, другие — продать свои доли, третьи — приобрести имущество или землю на стороне, наряду с продолжением своего участия в дворищном сябри-

¹² А. Ефименко, Дворищное землевладение в Южной Руси, «Русская мысль», 1892, 4—5; перепечатано в книге: А. Ефименко, Южная Русь, т. I, СПб., 1905.

¹³ М. Владимирский-Буданов, Формы крестьянского землевладения в литовско-русском государстве XVI в., в книге: «Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая», под ред. И. В. Лучицкого, Киев, 1892, стр. 357—386.

¹⁴ Ф. Леонтович, Крестьянский двор в литовско-русском государстве, «Журнал Министерства народного просвещения», 1896, 2—4, 7, 10, 12; 1897, 3—4; см. в особенности: 1896, 4.

ном хозяйстве. Образуется дворищная или сябриная община. Основой является общее пользование землей и общее хозяйство». Отметим еще той же работы Довнар-Запольского его указание на то, что в описываемое им время «громдадное большинство сел состояло всего из 1—3, редко более, дворищ»¹⁵.

В другой своей работе, о государственном хозяйстве Великого княжества Литовского, Довнар-Запольский, коснувшись вопроса о дворище, отметил следующие его черты. Семья разрасталась и некоторые ее члены выделялись «на свой хлеб» и получали свою «долю», однако земля оставалась общей, в общей собственности. Каждый сябр мог припахивать себе еще землю в лесу. «Долю» можно было продать, но родственники имели право выкупа¹⁶.

Таковы конкретные данные, характеризующие интересующую нас форму в ее проявлениях на русском Севере, на Украине и в Белоруссии.

Если каждому из трех образцов этой формы и свойственны некоторые исторические и локальные отличия и особенности, то нет никакого сомнения в том, что все они представляют собой по существу одну и ту же общественную форму, форму родственного в основе сельского поселения и одновременно — землевладения. Впервые М. М. Ковалевский в статье написанной по поводу ранних работ Лучицкого о сябрином землевладении, высказал, что данный тип землевладения вполне соответствует той северо-русской «долевой собственности», о которой говорила Ефименко¹⁷. Впоследствии Ефименко, говоря о белорусском дворище, с одной стороны, повторила сближение Ковалевского, с другой стороны, отождествила дворище с северным печищем.

Подтверждение тождества описываемой нами формы в ее трех образцах составляет и то, что определяющие ее термины — «печище» и «сябры» — не являются только местными: как было видно, оба эти термина встречаются и на Севере, и в Белоруссии. Что же касается термина «дворище», то в нашем материале он в смысле формы поселения или родственной группы относится только к Белоруссии, вообще же говоря, известен русским письменным памятникам, в частности новгородским, начиная с XII века¹⁸, встречается и позже на Севере в смысле «дома», «двора» или «усадыбы».

Как было сказано, вопрос об общественно-исторической сущности описываемой формы получил недостаточное освещение. Наши исследователи, правда, скорее и не занимались этой стороной предмета, интересуясь преимущественно системой землевладения. Все исследователи правильно отмечали тот, впрочем, достаточно явственно выступающий из материала факт, что перед нами здесь в основе родственная группа, вид родственного коллектива. Однако, какая именно это группа, какой вид, — в этом отношении все авторы отчетливого представления не давали, а подчас и делали прямую ошибку.

Ефименко называла печище и дворище то «родом-племенем», то «большой или задружной семьей», несмотря на то, что тут же определяла эти формы как «совокупность известного небольшого числа дворов», т. е. отдельных самостоятельных дворов-домохозяйств. Точно так же Лучицкий называл сябров «родом-племенем». Владимирский-Буданов

¹⁵ М. Довнар-Запольский, Западно-русская сельская община в XVI веке, «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, 7; в переработанном виде — в книге: М. Довнар-Запольский, Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке, Киев, 1905. — Цит. по этому позднейшему тексту.

¹⁶ М. Довнар-Запольский, Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I, Киев, 1901 (Оттиск из «Университетских изданий» за 1901 г.).

¹⁷ М. Ковалевский, Общинное землевладение в Малороссии в XVIII в. «Юридический вестник», 1885, 1.

¹⁸ См. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам, т. I, СПб., 1893, ст. «Дворище».

называл дворища «родовыми общинами» или «целым родом», одновременно заявляя, что они имеют «значительное сходство с хорватской задругой». Наконец, Довнар-Запольский характеризовал дворище как имеющее «семейно-родовой характер».

Здесь сказалось существовавшее вообще в нашей старой литературе неотчетливое представление об общинно-родовых формах, в частности о семейной общине или большой семье, и смешение ее с родом¹⁹.

Отождествляя, таким образом, данную форму с семьей, наши исследователи одновременно выводили эту форму из размножения и разделения семьи. Так, Ефименко считала печище результатом раздела одной семейной общины, Владимирский-Буданов указывал, что дворище «образовалось из родственников, из семьи, превратившейся в целый род», Довнар-Запольский тоже относил возникновение дворища к разрастанию семьи и выделу из нее отдельных ее членов. Ковалевский в цитированной статье писал, что как сябры, так и печище стоят «в тесной связи... с нераздельной семейной общиной, являясь не более как производной от нее формой, формой, развившейся в эпоху ее разложения», еще раз отмечая далее, что сябры представляют собой «членов распавшейся на отдельные дворы семейной общины». Более удачно формулировал Лучицкий, что сябриное землевладение «своим возникновением... было объяснено распаденню единой и цельной сложной семьи на отдельные группы семей или дворов». Наконец, особо подчеркнутым образом выводил печище из начальной не большой, а малой семьи Сергеевич.

Таким образом, все авторы, касавшиеся этого вопроса, вели происхождение рассматриваемой нами формы либо из семейной общины, либо из размножающейся малой семьи.

Тогда как присущий исследуемой нами форме порядок землевладения (но не землепользования!) является в известных отношениях оригинальным, данная общественно-историческая форма, как родственный коллектив и территориальная единица — селение, имеет многие аналогии и представляется широко распространенной. Форма эта была нами описана на некоторых конкретных ее образцах и выделена под названием патронимии. На вопросе об этой патронимии нам приходилось уже несколько раз останавливаться²⁰. Констатируемая в ее пережиточном состоянии в современной этнографической действительности, патронимия вскрывается точно так же и в историческом прошлом многих народов. Все же; тема эта остается недостаточно освещенной конкретным материалом и недостаточно разработанной. Печище, сябры и дворище дают нам новые, весьма интересные исторические образцы той же формы, или патронимии, как мы будем ее называть.

Патронимия принадлежит родовому строю, но стойко сохраняется во многих случаях при сохранении первобытно-общинного уклада в классовом обществе. Патронимия образуется в результате размножения и сегментации, как мы предпочитаем в данном случае выражаться, семейной общины, или большой семьи, на такие же по существу большие семьи, первоначально меньшего размера, но с течением времени размножающиеся. На более поздней исторической стадии, с наступлением распада родового, а вместе с тем и большесемейного строя, семейные общины распадаются уже не на большие, а на малые, индивидуальные

¹⁹ См. об этом в нашей статье «Семейная община, К истории вопроса», «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», т. III, 1946, 4.

²⁰ См., в частности, наши статьи: «Семейная община, Опыт исторической характеристики», «Советская этнография», 1948, 3; «Патронимия у древних германцев», «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», т. VI, 1949, 4. О патронимии, пережиточно сохранявшейся в Закарпатской Украине, см. статью И. Ф. Симаненко, «Пережитки патронимии, брачные отношения у украинцев Закарпатской области», «Советская этнография», 1947, № 1.

семьи. В том и другом случае каждая выделившаяся семья, будь большая или малая, образует отдельное хозяйство, в особенности в требительском отношении, однако, в силу экономической необходимости более крупной хозяйственной кооперации, выделившиеся указанным рядом родственные семьи, — на ранней стадии — сегменты семейнойщины, представляющие собой большие семьи, на более поздней стадии — малые семьи, — одинаковым образом сохраняют в ряде отношений различных форм прочную связь между собой, образуя коллектив, который мы и именуем патронимией.

Подчеркнем, что следует особо различать образование патронимии из малой семьи, когда таковая размножается, делится и разделившиеся семьи в свою очередь сохраняют между собой связь. Эта форма образования патронимии является более поздней, вторичной, возможной естественно лишь тогда, когда существуют малые семьи, не говоря о том, что патронимия более раннего времени состоит из больших семей, патронимия более позднего времени — из малых семей.

Таким образом, совершенно ошибочно считать, как это делали Еременко и Ковалевский, что формы, которые эти исследователи имели в виду, или, как мы их называем, эти патронимии, образуются только в эпоху полного распада родового строя. Образование патронимии представляет органический процесс, свойственный патриархальному родовому строю и сохраняющийся при сохранении соответствующего уклада. Неправильно также считать, что патронимия состоит всегда из преемственных от раздела большой семьи малых семей. Наконец, считать, что патронимия возникает обязательным образом из размножения малых семей, — значит, опять-таки, относить вообще возникновение патронимии только к той эпохе, когда уже существовала малая семья, т. е. действительно к эпохе глубокого распада первобытно-общинного строя, либо стоять на позиции патриархальной теории и считать малую семью исконной общественной формой.

Патронимия, следовательно, представляет собой группу родственных семей, больших или малых, — это зависит от соответствующей исторической эпохи, в переходную эпоху — тех и других одновременно, — сохраняющих и поддерживающих хозяйственное, общественное и идеологическое единство. Патронимия является одной из родственных групп, свойственных патриархальному родовому строю, одним из тех concentric circles, которые образуют сложную структуру рода.

Элементами единства патронимии являются преимущественно — в области хозяйственной: коллективное землевладение и землепользование, коллективная собственность и на некоторые другие виды имущества, совместно — коллективное производство, хозяйственная взаимопомощь; в области общественной: значение данного коллектива как общественной единицы, входящей при родовом строе в более широкую родственную группу, впоследствии — в соседскую территориальную общину, самоуправление, свой «мир», наличие особого выборного главы, особая общественная солидарность; в области идеологической — общий культ, общее кладбище и пр., наконец, общее патронимическое наименование. Патронимия архаически всегда локализована, иначе говоря, все члены данной патронимии живут в одном месте, все дома-дворы данной патронимии расположены смежно. Вся патронимия образует либо отдельный поселок, либо отдельную часть, квартал, улицу селения, состоящего в таком случае из нескольких патронимий. Патронимии обычно не велики, состоя из нескольких семей-домохозяйств, иногда — из нескольких десятков. В отдельных случаях большая патронимия занимает несколько деревень или селков.

Все те элементы, которыми характеризуются в наших описаниях печище, сябры и дворище, входят в число указанных сейчас элементов патронимии, но далеко не все из нами указанных в этих описаниях пре-

ставлены. Не обратившись к первоисточникам, мы не можем судить, имеется ли возможность восполнить существующие характеристики печища, сябринства и дворища. Позволим себе, однако, высказать, что недостаточно отчетливое представление о данной общественно-исторической форме могло помешать нашим исследователям обратить на нее как таковую больше внимания и более полно ее представить, могло обусловить то, что ряд элементов, в первоисточниках представленных, от внимания ускользнул.

Суммируя те элементы, которые все же отмечены нашими исследователями, мы здесь имеем следующее.

Везде весьма стойко сохраняется родственный состав. Во всех трех ее образцах патронимия состоит из нескольких родственных семей, каждая из которых является в известных отношениях отдельной хозяйственной единицей, домом-домохозяйством, «двором», или «дымом». Размеры всех наших образцов патронимии не велики и более или менее одинаковы. Как гласят наши показания, печище состояло из двух-трех и более дворов, сябры составляли группу из 3—20 дворов, причем преобладающим числом дворов было от 3 до 7—8, дворище — от 5 до 11 дымов, по Ефименко, или от 6 до 8, по Владимирскому-Буданову. Эти группы семей-дворов составляли везде преимущественно отдельный поселок. Такое именно небольшое поселение составляло, по Ефименко, основной тип поселения Севера в XVI—XVIII вв., о преобладании таких именно отдельных небольших сябриных поселков на Украине в XVII в. говорит Лучицкий, и лишь дворища, наряду с такими же однодворищными поселками, образовывали и другой, нам в свою очередь знакомый, тип поселения, в котором несколько дворищ составляли село, т. е. дворища были в селе отдельными его частями или кварталами: по Довнар-Запольскому, в XVI в. громадное большинство сел состояло из одного-трех, редко более дворищ; в одном примере, приводимом Ефименко, село состояло из 7 дворищ. Между прочим, интересный и существенный вопрос, были ли эти соединенные в одном селе дворища между собой родственными, как это встречается во многих этнографических примерах, остается неосвещенным.

Что касается наличия в соответствующие эпохи в районах распространения печища, сябров и дворища поселений, состоящих не из патронимии, а из одной семьи, однодворных, то, при недостаточной и в этом отношении отчетливости существующих показаний, все же стоит вне сомнения, что такие поселения-хутора были лишь исключениями, и даже редкими исключениями.

Общественное единство наших патронимий прямо определялось тем, что они составляли по общему правилу отдельный, следовательно, так или иначе самостоятельный поселок, и это же должно было оставаться их принадлежностью, когда они образовывали отдельный квартал. Лишь единственное указание Владимирского-Буданова, относящееся к дворищу, говорит, что таковое имело своего главу.

Идеологическое единство всех этих патронимий выражалось в том, что все их члены носили одну фамилию, либо патронимия носила патронимическое название. В частности, дворище называлось по имени его живущего главы, либо патронимическим вообще названием, т. е. по имени более отдаленного предка.

Будучи, как по своему происхождению, так и по своему основному существу и по своему основному составу, родственными коллективами, восходя к родовому строю, все формы, о которых идет речь, в ту эпоху и в том их состоянии, которое освещается историческими источниками, находились уже в состоянии глубокого распада. Это объясняет то обстоятельство, что печище, сябры и дворище, состояли, повидимому, уже преимущественно из малых семей. Это же выразилось, в частности, в том, что эти коллективы теряли уже свой чисто-родственный характер и в от-

дельных случаях имели в своем составе и не родственников. Таким образом они превращались из родовой группы в соседскую.

Термины, которыми обозначаются первобытные общественные группы, обычно довольно выразительно определяют сущность этих групп. С другой стороны, весьма не редко термин, обозначающий меньшую группу, переносится на группу более широкую, происходящую от множения первой, причем тогда одним и тем же термином обозначаются разные группы. В наших примерах мы имеем п е ч и щ е — термин, надлежащий к распространенному виду обозначений семейной общины со стороны ее хозяйственно-потребительской сущности, перенесенный на более широкую родственно-хозяйственную общину — патронимию. Встречаемся здесь и с перенесением данного термина на еще более широкий коллектив — село или соседскую общину по тому признаку, что этот новый коллектив в известной мере сохраняет основной элемент прежнего объекта данного термина — коллективное владение землей и некоторые другие элементы общинного начала. К тому же разному термину относится белорусское дворище, где двор является обозначением семейной общины, его производное — дворище — обозначает широкую группу — патронимии. Этимологическое значение термина с я б р ы (себры, шабры), как известно, спорно. Повидимому все первоначальное значение этого общеславянского термина — родственная община, имеющая в виду семью, одновременно — домохозяйство, дом. Таким образом, мы имеем и здесь перенесение термина с основной родственной ячейки на более широкую родственную группу, а затем на группу, созданную иной, территориальной и хозяйственной или только хозяйственной общностью, откуда новые, позднейшие значения: сябры — «соседи», «соучастники», «пайщики».

Единственная сторона печища, сябринства и дворища, освещенная более подробно, — это землевладение, составляющее в сущности основную тему исследования наших авторов. Все же, и эта сторона описана недостаточно, в частности не уделено должного внимания, наряду с земледелием, и землепользованию. А без уяснения порядка землепользования и вопрос землевладения остается освещенным далеко не полностью.

Коллективное землевладение и землепользование составляет одну из основных принадлежностей патронимии. При этом, архаически патронимия в целом не только коллективно владеет всей землей, во всех ее видах, но и коллективно же эту землю эксплуатирует. Затем, в процессе распада первобытно-общинных отношений, в коллективном владении и пользовании остаются в конечном счете лишь некоторые участки пахотной же земли в особенности, а затем сенокосы, выгоны и пр. переходят отдельными наделами в частную подворную собственность. С оригинальную сторону землевладения наших образцов патронимии составляет порядок, названный А. Я. Ефименко «долевым владением», состоящий, однако, преимущественно в принадлежащем отдельным семьям-дворам праве продажи своих идеальных долей, «уступки». Это — несомненно оригинальная форма соединения коллективной собственности с частной собственностью, оригинальная разновидность переходного состояния истории собственности переходного состояния, которую В. И. Ленин назвал «компромиссом между общинным и частным землевладением»²¹. Такое юридическое построение права собственности и распоряжения идеальной долей общего имущества — институт свойственный лишь высокоразвитым правовым системам, представляющий собой замечательное проявление народного правотворчества. Но и с этой стороны дела охарактеризована нашими исследователями, нельзя сказать, что

²¹ В. И. Ленин, Конспект книги К. Каутского «Аграрный вопрос», «Ленинские сборники», XIX, стр. 31.

зять, чтобы вполне отчетливо, что сказалось на тех формулировках данного порядка, которые были нами приведены.

Для нас, впрочем, важно только отметить, что оригинальный порядок землевладения, существовавший в наших образцах патронимии, отражая уже распадное состояние, ярко свидетельствует о былом полном коллективизме землевладения, равно как вероятно и землепользования, и о замечательной устойчивости коллективного землевладения, вместе с устойчивостью самой патронимии и ее уклада. Частными пережитками коллективного владения являются здесь в свою очередь широко распространенные порядки, свидетельствуемые и нашими описаниями: требование общего согласия всей патронимии на продажу земельной доли, принадлежащее родичам — членам патронимии право предпочтительной покупки (*jus preemptionis*), равно как и право выкупа, так называемого «родового выкупа», доли, уже проданной постороннему.

Говоря о возникновении исследуемых нами конкретных форм патронимии и ведя это возникновение от семьи, — большой ли или малой, — некоторые из наших авторов, прямо или косвенно, затрагивали вопрос о «первоначальной» форме сельского поселения, сводя эту форму к поселению одной семьи, однодворному. Этот мотив звучит у Довнар-Запольского, различающего архаическое или первоначальное дворище, состоящее из «одной простой или сложной семьи», и более определенным образом у Ефименко, которая, как это явствует из приведенных нами цитат, считала, что печище в виде одной семейной общины или одного двора было первичным, создавшимся в процессе колонизации, типом поселения русского Севера. Особо подчеркнутым образом выразил этот взгляд Сергеевич, что, как было сказано, соответствовало общему взгляду этого исследователя на архаический тип поселения, а за Сергеевичем, с той же решительностью, и Богословский.

Этот взгляд на «начальный» тип сельского поселения представляет собой выражение широко распространенной, глубоко вкоренившейся и в старой русской историографии, своего рода теории «начальной» однодворной деревни. Не вдаваясь в разбор и критику этой, по нашему мнению, сугубо ошибочной теории, мы хотим здесь только указать, что теория эта во всяком случае не соответствует конкретным данным, содержащимся в материале о печище, сябрах и дворище. Данные эти, извлеченные из показаний наших авторов, были нами с точностью воспроизведены. Речь идет здесь о поселениях, состоящих везде и всегда минимум из двух-трех дворов, т. е. не из одной семьи, одного двора, а из нескольких отдельных домохозяйств. Таким образом эти данные единодушно говорят о том, что в исследованных районах русского Севера, Украины и Белоруссии в XVI—XVIII вв. обычным типом селения были поселения не односемейное, однодворное, а состоящее всегда из нескольких дворов, т. е., как мы бы выразились, патронимическое.

Правда, эти патронимические поселения были в ту пору невелики. Это обстоятельство объясняется тем, что в эпоху, к которой относятся наши данные, патронимия находилась в состоянии глубокого распада, семья была преимущественно малая, вследствие чего и патронимия в свою очередь не могла быть большой. Теми же обстоятельствами объясняется и наличие, наряду с патронимиями, однако, скорее в виде исключения, однодворных деревень, представлявших собой опять-таки свойственную тому же распадному состоянию, вообще говоря, широко распространенную форму отселков и выселков из патронимии. При толковании документов той эпохи необходимо также учитывать и общеизвестную относительность понятия и термина «деревня». Наконец, быть может, более близкое рассмотрение материала показало бы, что эти однодворки находились, во-первых, в тесной территориальной близости, во-вторых, в определенной связи либо между собой, либо со своей исходной патронимией.

Не говоря о перенесении этой «однодворки» в какую-то вне времени

«первоначальность», отнесение этого типа поселения к эпохе колонизации, помимо противоречия фактическим данным, не соответствует общим условиям исторических колонизационных движений восточных славян. В эпоху, когда эти движения происходили, род уже совершил распад, распалась и семейная община. В тяжелых условиях колонизации, при сравнительно низком уровне техники, малая семья была слишком слабой группой для создания на новых местах новых хозяйств. Существовали большие хозяйственные коллективы, которыми и были как раз патронимии. Таким образом, именно патронимиям можно скорее приписывать значительную роль в истории колонизации.

Во всяком случае, о чем бы ни шла речь у названных нами авторов, о каком-то вне времени «первоначальном», либо свойственном процессу и эпохе колонизации «типичном» поселении, мы не видим, на каких конкретных основаниях исходили эти авторы, делая свой вывод о том, что это поселение было обязательно однодворным.

Т. А. КРЮКОВА

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ (УДМУРТОВ, МОРДВЫ)

Изучение одежды народов Поволжья представляет значительный интерес для этнографа. Принадлежа к числу наиболее устойчивых этнических признаков, одежда в своих формах и деталях хранит в течение ряда лет следы своего происхождения, с одной стороны, а с другой, — указывает на культурное взаимодействие народов. Не случайно ряд исследователей разрешают вопросы этногенеза и формирования культуры отдельных волжских народов, опираясь на материалы одежды, дающей им для этого богатый и благодарный материал (работы Н. И. Воробьева, В. Н. Белицер).

Одежда народов Поволжья (и Приуралья) привлекает к себе внимание исследователя также и в плане изучения истории развития одежды в связи с выяснением генезиса отдельных явлений и их дальнейшего развития. Отдельные этнографы, работающие в этой области изучения одежды (в частности, Н. П. Гринко), именно поволжский материал привлекают в качестве сравнительного для выявления стадиальных закономерностей.

Но наряду с анализом ранних периодов должна ставиться проблема изучения современного этапа. В отношении одежды вопрос этот мало ставился и почти не разрешался в литературе. Между тем он представляет значительный научный интерес.

Основным источником данной работы послужили полевые материалы, собранные мной во время экспедиций в Поволжье, начиная с 1938 г. Поездки в Марийскую АССР в 1938—1940 гг. положили начало изучению современного состояния национальной одежды у марийцев. Во время экспедиционных работ в Удмуртии (1946 и 1947 гг.) изучение современной одежды народов Поволжья было продолжено. Собранные за это время экспедиционные материалы по одежде касаются удмуртов и особо выделенной из них этнографической группы — бесермян. Наконец, поездка в Мордовскую АССР в 1948 г. дала интересный материал по одежде у мордвы, причем работа во время этой экспедиции в этнографическом архиве мордовского этнографа М. Е. Евсеева позволила проследить переломный момент в отношении одежды, связанный с коллективизацией сельского хозяйства.

В дополнение к этим экспедиционным материалам использованы литературные источники и коллекционный фонд отдела Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР.

Дореволюционные коллекции Музея по народам Поволжья содержат в основном материал середины, конца XIX и начала XX в., материал, в значительной степени уже не бытующий в настоящее время. Сравнительный анализ и сопоставление старого материала с современным позволили при исследовании проследить черты исторической преемственности, учитывать которую необходимо при рассмотрении всякого этнографического явления. Эти сопоставления выявили ряд интересных моментов, трактовка которых требует сравнительного анализа на мате-

риале хотя бы нескольких народов, чтобы в дальнейшем была возможность установления тех или иных положений. Последнее требование оправдывает широту поставленной мной темы. Расширение материала, включение в тему нескольких народов, позволяет затронуть разнообразный фактический материал и тем самым дает возможность проверить некоторые заключения, выводы, а также отметить и выделить на основании широких и неоднократных наблюдений отдельные закономерности.

Термин «современная одежда народов Поволжья», примененный в заголовке статьи, не означает какую-то общую одежду для всех народов этого района. Речь пойдет о конкретных формах одежды отдельных народов, о национальной одежде удмуртов, мордвы, марийцев, о своеобразных чертах каждой из этих групп в отдельности. Объединение этих конкретных форм закономерно лишь постольку, поскольку мы идем по линии сравнительного анализа для выведения некоторых общих выводов и заключений. В связи с этим мое исследование не претендует на детальное описание одежды того или иного народа, а имеет целью зафиксировать, проанализировать и (в тех случаях, где это возможно) объяснить процессы изменений, которые произошли и происходят в одежде народов Поволжья.

Я излагаю более подробно одежду удмуртов и мордвы. Материал по марийской одежде, поскольку мне неизвестен послевоенный период, берется лишь в качестве сравнительного при рассмотрении отдельных моментов и для аргументации.

Одежда удмуртов мало изучена. В последние годы в области изучения удмуртской одежды много работает В. Н. Белицер¹. Теме мордвской одежды в литературе также не уделено должного внимания, несмотря на то, что для мордвы изучение одежды имеет особый интерес вследствие большого разнообразия форм и вариантов ее составных частей.

Одежда удмуртов

В прошлом она была почти исключительно домашнего производства. Изготовление ее, вплоть до первичной обработки материалов, целиком лежало на женщине. Основой женского удмуртского костюма была рубашка туникообразного (прямого) покроя из конопляного беленного холста, вышитая шелком и серебряной нитью. С середины XIX в. в ряде районов для изготовления рубах стали употреблять льняные пестряди или тонкую шерстяную домоткань — «сукманину», вышивка заменилась нашивками из кумача, ситца. Холщевый белый кафтан «шотдерем» в это же время был заменен во многих местах пестрядным. Рубашка «дерем» была натальной, надевалась прямо на тело, подвязывалась шерстяным пестрым поясом. Под рубашку надевались белые холщевые штаны на завязках, а поверх рубахи — передник из того же тканья, украшенный внизу кружевом. Зимой поверх рубахи надевался кафтан «дуккас» со сборками из белого или серого домашнего сукна.

Нагрудник («кабачи» или «муресазь») представлял собой прямоугольный из холста, покрытый сплошь вышивкой; надевался он поверх рубахи, под кафтан, прикреплялся при помощи завязок. В некоторых районах он рано исчез. К двадцатым годам текущего столетия он уже не бытовал. Лапти выплетались с особой тщательностью, иногда украшались кисточками из разноцветной шерсти.

Головные уборы были весьма разнообразны. Старинным женским головным убором был «айшон» — конусообразной формы, на берестяном

¹ См. ее статью «Национальный костюм удмуртов» («Краткие сообщения» Института этнографии, вып. II, М.—Л., 1947), а также две ее работы: «К вопросу о происхождении удмуртов» («Сов. этнография», 1947, № 4) и «К вопросу о происхождении бесермян» (Труды Института этнографии, Новая серия, т. I, М.—Л., 1947).

основе, крытой холстом и украшенной вышивкой, бахромой и монетами. Сохранился он вплоть до конца XIX в., главным образом в центральных и южных районах. Бытовали головные повязки («йыркертет», «укотук»), платки, головные полотенца («солык», «чалма», «пельшет», «куишь серго») и шлемообразные головные уборы из бисера и монет.

Костюм удмуртов сохранял возрастные отличия, особо оттенялось также и семейное положение носительницы. Эти различия выражались в цвете, расположении вышивок на одежде, а главным образом в головных уборах. Так, шлемообразный головной убор «такья» и головную повязку «укотук» могли носить только девушки. Айшон и чалма были головными уборами замужней женщины, как и повязка «йыркертет». Пельшет или «бигеркышет» надевался пожилыми женщинами, переставшими рожать. Самая манера ношения была различной: старухи носили платок назад концами, молодки — концами под подбородок, девушки, — сильно открывая лоб. Имелись отличия в ношении и других головных уборов.

В первый год замужества («винкулен») женщина носила айшон черный с белым, в последующее время («чномуртлен») — черный с красным. В ряде мест женщина переставала носить девичий головной убор лишь после беременности. Смена головного убора сопровождалась особым обрядом.

Преобладающую группу среди женских украшений составляли металлические — из монет, а также ожерелья из бус и ракошин. Исследователи отмечают связь отдельных украшений удмуртов с родовыми отличиями. Так, подвески одного из нагрудных украшений «крескал», по свидетельству Первухина, были так называемыми «воршудными» знаками, т. е. служили показателем родовой принадлежности. Впоследствии, с христианизацией, они были заменены крестами. С появлением в начале XX в. в деревне фабричных тканей одежда старого образца стала заменяться одеждой из покупных тканей, в первую очередь у зажиточной части деревни. Появляются рубахи с ситцевым верхом, безрукавки из фабричного сукна и т. п. В удмуртской песне конца XIX в. мы встречаем:

На ней драповый кафтан,
Мишурой обшит подол,
Опояска — зелен шелк,
Полушелковый платок,
Из полтинников такья,
Рукавицы — замшевы.

Однако одежда старого типа сохраняла еще в то время свое преобладающее значение, особенно при выполнении свадебного ритуала.

Анализ удмуртского женского костюма позволяет выделить два основных локальных комплекса — северный и южный. В. Н. Белицер связывает происхождение южного комплекса костюма с древними степными культурами юга, а также отмечает в нем более поздние влияния татарской культуры. Детали в покрое рубахи (оборка, ворот), кафтана (безрукавка, камзол) и в характере денежных украшений восходят к особенностям татарской одежды. Северный комплекс костюма по типу и украшениям стоит близко к одежде марийцев, мордвы, а впоследствии русских.

Из локальных особенностей женской одежды следует отметить также детали костюма особой этнографической группы — бесермян. У них мы находим черты, роднящие их с чувашами, башкирами (с тюркоязычным Поволжьем). Особенно характерны в этом отношении их головные уборы и украшения, например «кашпу», женский головной убор из серебряных монет и бисера (соответствует чувашскому «хошпу» и башкир-

скому «кашмау») с круглым отверстием наверху, «такия» — закрытый девичий головной убор из монет и бисера, «камали» или «касита» — плечевая перевязь, соответствующая «тегети» у чуваш и «касита» та или башкир.

Такова в общих чертах характеристика одежды удмуртов к началу XX в. Экспедиционное изучение одежды удмуртского населения в районах Удмуртии: южных (Алнашский и Можгинский), северных (Балезинский и Юкаменский) и центральных (Завьяловский) —

Рис. 1. Удмуртка-колхозница из колхоза «Красный Труд», Завьяловского района, в современной одежде пожилой женщины (платье из домоткани, но нового покроя), 1949 г.

позволяет отметить следующие моменты, касающиеся изменений, происшедших в национальном костюме удмуртов.

1. Национальная одежда в удмуртской деревне сохраняется, но не повсеместно и не равномерно во всех районах: если в отношении южных и центральных районов мы можем говорить о бытовании национальной одежды, то в северных она утрачена почти полностью и сохранилась лишь у бесермян.

2. Национальная одежда удмуртов, при исчезновении ее, заменяется (полностью или частично) одеждой городского типа.

3. Частичные изменения в национальном костюме (при сохранении его основных черт) происходят обычно по двум линиям: а) при сохранении покроя меняется материал для изготовления одежды; б) при употреблении старого материала — домоткани — изменяются отдельные детали покроя.

Изучение современной одежды населения удмуртской деревни в сопоставлении ее с формами старой, национальной, позволило отметить в большинстве случаев, даже при полной замене костюма городским, сохранение национальных традиций. Это сказывается прежде всего в выборе тех форм, а также в применении тех деталей городского костюма, которые соответствуют национальному вкусу, выработанному веками. Например для южных и центральных районов Удмуртии в прошлом характерна рубашка татарского типа с широкой оборкой на подоле. Женщины этих районов, сменив свой костюм на городское платье, избрали и фасон платья с оборкой на подоле. Употребляемые в большом количестве круговые цветные нашивки и воланы, при соединении оборки с пришитым подолом, опираются на традицию вставок узорного тканья. В северных районах шьются и покупаются готовыми платья прямого покроя, соответствующие традиционной туникообразной рубашке этого района. В местах, где бытовал сходный с татарским камзол-безрукавка «сайестем», весьма популярной формой женской одежды является суконная жилетка. Употребление кофта и юбок женским населением Удмуртии встречается ред-

ко. Это подтверждается материалом марийцев, у которых юбка и кофта совершенно не бытуют, поскольку основой их костюма в прошлом была цельная, не отрезная рубаша. Ассортимент покупаемого деревенским населением в магазинах зачастую опирается также на традиции. Мы отмечали, что непременной принадлежностью старинного удмуртского костюма был узкий цветной поясок. В связи с этим весьма большой спрос имеют целлулоидные разноцветные пояски. В современном мужском костюме отмечу большое распространение в деревне фетровых шляп, напоминающих по форме прежние войлочные головные уборы удмуртов.

Одновременно с восприятием городской одежды в привычных традиционных формах появляются совершенно новые формы, чаще всего в различных видах спецодежды, употребляемой в качестве рабочей. В спецовках работают руководители яслей, детплощадок, трактористы, комбайнеры, механики, колхозные кузнецы, мельники. Отсюда покрой спецодежды, как наиболее удобной для работы, переходит к рядовым колхозникам. Излюбленной формой одежды ныне является также одежда военного образца, что особенно заметно после притока демобилизованных в деревню. Гимнастерка в ряде случаев вошла в состав женского костюма в качестве верхней одежды, носимой поверх рубахи или платья. Новым явлением в удмуртской деревне следует считать значительное распространение трикотажных изделий. Появление покупного, чаще трикотажного белья также совершенно новое явление, разрушающее традицию, поскольку нательная рубаша в прошлом являлась одновременно и верхней.

Имеются случаи сосуществования у носительницы и городской и старинной национальной одежды. Городская — чаще всего в таких случаях носится повседневно, национальная же, более колоритная, — в праздники, надевается на свадьбы. По аналогии упомяну тот факт, что и в старинной удмуртской одежде формы, заимствованные целиком от других народов, использовались зачастую в качестве рабочей одежды. Так, ношение удмуртского платья бесермянами, а татарского платья и татарских лаптей удмуртами в прошлом всегда имело место в будние дни. В праздники эти формы одежды не бытовали.

Старинные головные уборы, столь различные по форме, в основном ушли из быта и в ряде мест заменяются простым головным платком. Головные уборы старого типа сохраняются лишь в отдельных случаях, главным образом у пожилых. Девушки свою традиционную головную повязку «укотук» с бахромой из серебряной нити надевают только на

Рис. 2. Удмуртка-колхозница (награждена орденом Ленина) в одежде городского типа. 1949 г.

свадьбы. Женский головной убор, состоящий из описанных выше стей — повязки «йыркертет» и головного полотенца «чалма», — еще сится в отдельных районах, но в ряде случаев в редуцированной форме. Эта редуцировка идет по линии уменьшения размеров при сохранении традиционной формы и локализации орнамента. Аналогии этому мы имеем и у марийцев. Там в большом количестве встречаются редуцированные формы «сороки», «шимакша», сложных головных уборов, которые ныне сильно упрощены. В головных уборах старого типа удмуртов можно было проследить резкие разграничения для отдельных возрастных групп (как в типе, так и в манере носить его). В настоящее время эта традиция сохраняется даже при исчезновении старых форм.

Рис. 3. Удмуртские колхозницы колхоза „Передовик“, Ижевского района. 1949 г.

Манера носить простой головной платок различна у лиц разного возраста и семейного положения. Традиционная обувь женщин (лапони, холщевые чулки) сохраняется лишь пожилыми. Молодежь по-прежнему оставила старую обувь. Носят — спортсменки, сандалины, ботинки, русские сапоги. Иногда надевают яркие шерстяные чулки, калошами. Шерстяные чулки употребляют даже летом. Здесь, очевидно, сказалась привычка к плотному обертыванию ног лапони в любое время года. Аналогии этому мы находим в современной одежде и марийцев и мордвы. Основная часть костюма — рубаха «дерем» сохраняется в том случае, если носительница употребляет национальную одежду. Устойчиво держится и передник узорного тканья. Традиционные черты основной части женского костюма — рубахи — частично теряются в изменении по двум линиям. Зачастую рубаха получает некоторые изменения в покрое (вернее, изменение некоторых деталей покроя) — в выкате, обшлагах, складках и т. д., при сохранении домоткани. В других более частых случаях, для шитья рубахи употребляют фабричный материал, причем зачастую покроем остается традиционным, старым. Имеется и переходная форма — одежда старого покроя из домоткани, для изготовления которой наряду с льняной нитью употребляются домотканная (бумажная нить) и вата.

Для старинной удмуртской одежды характерно большое количество украшений — из монет, бисера, бус, раковин каури. Сразу после

дективизации, в эпоху массового снятия национального костюма, произошло и массовое снятие сложного набора удмуртских украшений; ныне эти украшения, правда, в редуцированной форме и сильно уменьшенных размеров, попрежнему бытуют. Очевидно, возвращение к ним (начавшееся в 1938—1939 гг.) вызвано стремлением сохранить красочность и колоритность национального костюма. При этом зачастую девушки перешивают себе женские украшения, изменяя несколько форму. Из покупных украшений в большом ходу (и у удмуртов и у марийцев) бусы и брошки, причем имеются случаи перенесения на них старой терминологии; зачастую то или иное покупное украшение обозначается старым названием.

Рис. 4. Группа колхозниц дер. Лудорвай Ижевского района, Удмуртской АССР в современных национальных костюмах

Традиционное украшение в костюме удмуртской женщины — плечевой перевязь «бутьмар» (надеваемая через левое плечо под правую руку). Обычно она шьется из ткани и украшается нашивками, металлическими подвесками, раковинами каури и бисером. Но у одной колхозницы, 60 лет, в деревне Куземаево Алнашского района я обнаружила совершенно оригинальную бутьмар. Она представляла собой полосу домотканни, сшитую с узкой полоской позумента. Сверху в большом количестве горизонтально идущими рядами нашиты монеты, среди которых встречаются петровские и екатерининские. В значительном количестве имелись бляшки филигранной работы из низкопробного металла (изделия Рыбной слободы), серебряные кольца с печатками и даже медные ребешки с коньками, типичные для финских могильников. В качестве узоров внизу пришиты железные ключи от старинных, вышедших из употребления замков. Весь этот ассортимент украшений весьма типичен для данной части костюма удмуртской женщины в ее архаичной форме. Однако наряду с этим мной были обнаружены нашитые в верхней части перевязи (слева на груди) и особо отделенные квадратом из разноцветного бисера две медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Медали эти были получены носительницей ее младшим сыном за работу в колхозе во время войны, и она считала необходимым включить их в свой праздничный костюм, определив соответствующее место.

Такие же случаи повторялись в различных пунктах нашего маршрута. Ношение матерью знаков отличия сына, а также хранение их в

специфических местах (на матице, в кеносе, т. е. в местах, связанных домохозяйкой) имели место в ряде районов Удмуртии.

Знаки отличий и различного рода значки зачастую вкомпановываются в орнамент узорного тканья или вышивки. Это можно проследить на примере других народов Поволжья, соседящих с удмуртами. Так, у мордвы эти знаки отличий чаще всего увязываются с традиционной нагрудной орнаментальной фигурой «мещалано» верхней одежды мордовской женщины «руця». У марийцев мы сталкиваемся с аналогичным явлением. У них значки ГТО и ГСО включаются девушкам в узор нагрудной вышивки «мэл» (сернурские и моркинские марийцы). К этому же роду явлений, когда новые элементы социалистической культуры включаются в традиционные национальные формы, следует отнести появление в современном костюме советских мотивов и эмблем в орнаментации. Так, в селе Пайгусово Еласовского района Марийской АССР в 1939 г. мной была обнаружена нарукавная вышивка своего производства на рубашках колхозниц — изображение серпа и молота в обрамлении колосьев. Вышивка эта, помещенная на месте традиционной локализации нарукавной розетки, носит название «герб». Аналогичные явления наблюдаются в Сернурском и Моркинском районах.

Выше уже указывалось, что проникновение в одежду удмуртов белой пестряди падает на середину XIX в., причем эта замена белого холста крашениной происходила постепенно и неравномерно в разных районах. Для ряда районов характерно одновременное употребление белой орнаментированной одежды и пестрядинной, причем первая употреблялась в определенные, строго регламентированные периоды. Такое же положение зафиксировано и у других народов Волжско-Камского края, в частности у чуваш. У них во время «Синьзя», когда, по представлению чуваш, земля считалась беременной и из-за боязни нарушения ее нельзя обрабатывать, все должны одеваться во все белое. Соблюдавшие это правило подвергались нападкам и даже избиениям. Категорический запрет носить крашеную одежду в дни «Синьзя», существовавший вплоть до коллективизации, наглядно характеризует борьбу старого с новым. Эту борьбу старинной белой одежды с новой пестрядинной мы можем проследить и у удмуртов. Так, у северных удмуртов и бесермян почти до последней войны пестрядинная одежда носилась в летнее время, а белая вышитая, как более архаичная, надевалась в праздничное время, зимой. Надевание белой одежды на молебны было обязательным. В настоящее время архаичная форма одежды белая, из конопляного холста не бытует среди удмуртов. Она сохранилась среди бесермян, но употребление ее уже не регламентируется ни особыми бытовыми, ни тем более религиозными моментами.

Узор в пестрядинной одежде был строго регламентирован в прошлом для определенных ее частей. Существовали особые формы для рубах; штанов, передников; различными узорами обозначалась возрастная принадлежность носительницы. Расцветка узора была однообразной, колебалась в пределах белого, синего и красного тонов при различных сочетаниях.

В настоящее время удмуртские женщины, носящие национальную одежду из пестряди, придерживаются старой расцветки, хотя регламентация узора в ряде случаев не удержалась и зачастую нарушается. При употреблении для женского костюма фабричных материалов традиционная старая цветная гамма нарушается. Для женской одежды, в особенности для платков и передников, выбираются яркие ткани — красного, синего, желтого и оранжевого цветов. Выбор тонов при употреблении одежных тканей опирается отчасти на традицию старой удмуртской вышивки, где насыщенные, интенсивные, отчасти контрастные тона были основными и преобладающими. Таким образом, в современной удмуртской одежде замечается тенденция к полихромности.

Одежда мордвы-эрзи

Коснусь формы одежды двух основных групп мордвы-эрзи и мокши. Материал для характеристики современной эрзянской одежды дали экспедиционные исследования в 1948 г. в Мордовской АССР. Его интересно сопоставить с данными по старинной одежде мордвы-эрзи. Основой эрзянского женского костюма XIX в. являлась длинная холщевая рубаша «панар» туникообразного покроя, украшенная массивной рельефной вышивкой коврового типа в виде продольных параллельных

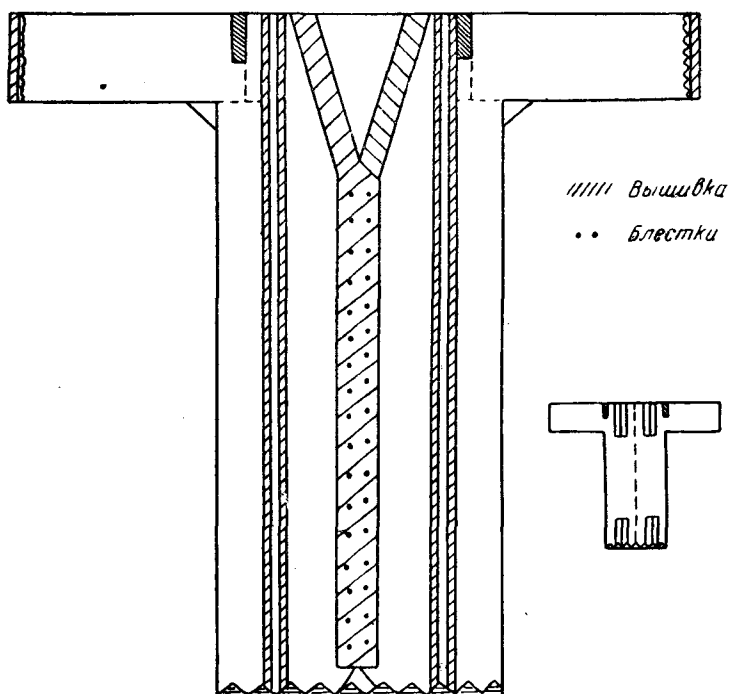

Рис. 5. Панар — женская рубаша. Мордва-эрзя, с. Сабаево, Кочкуровского района. 1948 г.

полос. Поверх рубашки надевался распахной шушпан, украшенный вышивкой, кумачевыми нашивками и блестками.

Неизменной принадлежностью костюма было поясное украшение — «пулай», род назадняка или набедренника из бисера и медных пуговиц с длинной синей шерстяной бахромой. Обувью служили лапти или кожаные сапоги гармоникой (с глубокими частыми складками). Головные уборы представляли большое разнообразие по форме, материалу и чаще всего были на твердой основе. Характерным являлось также большое количество украшений из металла, бисера, раковин каури. Основные формы женской одежды были весьма устойчивыми и сохраняли традиционные черты на протяжении всего XIX и начала XX в., вплоть до коллективизации. Эволюция отдельных частей женского костюма и появление в нем новых деталей имели место, но протекали медленно, ставляя чаще всего общий тип неприкосновенным. Если взять основную часть женского костюма — рубашу (панар), то она чрезвычайно стойчиво сохраняет свой покрой и орнаментацию на протяжении первой половины XIX в. Локализация вышивки, ее характер и форма обычно традиционны. Сокращаются лишь размеры (иногда количество) параллельных полос, в редких случаях вышивка заменяется нашивками. Для самого начала XX в. экспедициями зафиксировано появление осо-

бой формы одежды, носящей в Кочкуровском районе русское название «рукава». Это — род передника с рукавами, типа южной «занавес». Весьма вероятно, что эта форма является следствием близкого соприкосновения с русскими. Характерно и то, что эта часть костюма чаще всего шьется из фабричного материала. К этому же времени, к началу XX в. относится и постепенное исчезновение из повседневной жизни неудобных для ношения головных уборов. В Кочкуровском районе в это время появляется мягкий головной убор «косинка» или «коколка»; шьется она из кумача или белого мадеполама, в зависимости от возраста но-

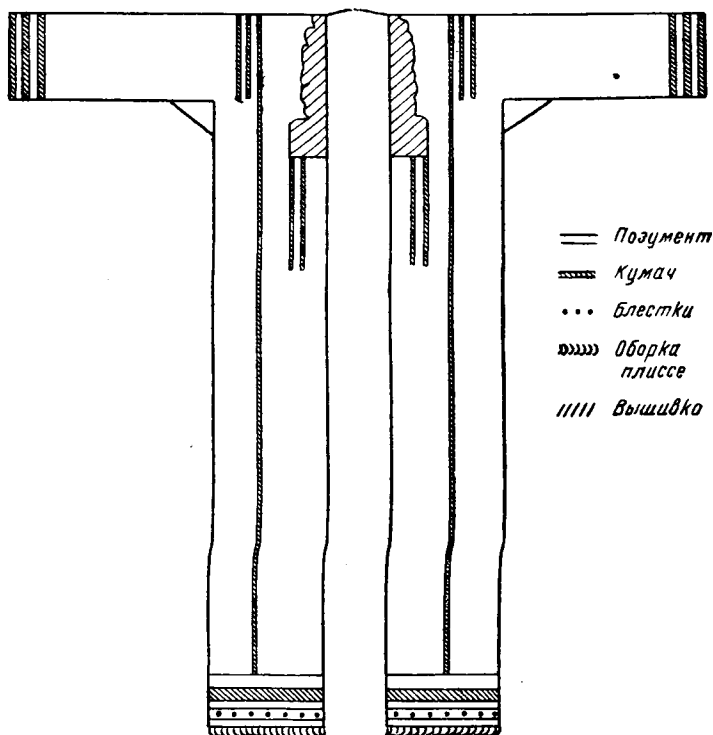

Рис. 6. „Руца“ — женский кафтан. Мордва-эрзя, с. Сабаево, Кочкуровского района. 1948 г.

тельницы. Однако жесткие головные уборы продолжали надевать, например, на свадьбах и похоронах.

Период коллективизации стал переломным моментом в истории национального мордовского костюма. Для этого периода характерен резкий переход к одежде русского типа. В Zubovo-Полянском районе в первые годы коллективизации имел место обряд сжигания старинных и весьма неудобного рогообразного головного убора «ласник». Аналогичные этому могут быть проведены на марийском материале. В различных пунктах Сернурского района в первые годы коллективизации совершался обряд снятия головного убора «шимакш», наиболее вредного с точки зрения антигигиенического из всех старинных марийских головных уборов. Затягивая полосы на макушке, он приводил к облысению и даже тяжелым кожным заболеваниям. О вреде его много писали в марийской печати. В первые годы коллективизации прошло массовое снятие шимакша, в ряде мест оно происходило на специальных колхозных собраниях, публично. Нередко эти головные уборы сжигались тут же, в костре перед правлением колхоза.

В дальнейшем, после массового отхода от национальной одежды, уже в тридцатые годы начинается новая полоса отхода от неудоб-

форм мордовского костюма. Это порождается новыми условиями быта, ростом культуры в деревне и возможностью приобретения промтоваров. Возник даже особый термин для обозначения факта перехода к новому типу одежды. Когда снимают мордовский костюм целиком, то говорят «туан рускась» — по-русски пойду. Наряду с таким резким переходом к новому костюму отмечается и постепенное отмирание отдельных частей, с сохранением основных. Одежда русского типа преобладает. В посещенных мной пунктах произведенный подсчет выявил, что около $\frac{3}{4}$ эрзянок сняло национальный костюм.

У мордвы, как и у удмуртов и марийцев, изменения произошли в первую очередь в головных уборах и обуви. В ряде пунктов старинные головные уборы заменены фабричным платком (ситцевым или шалью). Головные уборы старинного типа сохраняются чаще у пожилых. При замене головного убора платком имеются определенные традиции в его завязывании, для отдельных пунктов зафиксированы разные манеры завязывания. Большое внимание обращается на прическу, она во всех случаях сохраняет свою специфику — локальную и возрастную.

Традиционная женская обувь (лапти, онучи) сохраняется у мордвы, как у удмуртов, лишь пожилыми. Кроме того, надевают ее на работу. Молодежь повсеместно оставила ее. У носящих национальный костюм основная часть его — рубаха — остается, сохраняя устойчиво свои традиционные формы. неизменными остаются покрой, локализация вышивки, характер орнамента, расцветка. Отчасти это может быть объяснено тем, что в ряде случаев носится рубаха, изготовленная еще в двадцатые — тридцатые годы текущего столетия. В последние годы в колхозах при засевах технических культур членам женских бригад выдается конопляная посконь на трудодни. При тканье чаще всего основа делается конопляной, а уток — хлопчатобумажный. Внешний вид рубахи и даже фактура на ощупь не меняются. Характер вышивки остается также неизменным. Вообще традиции старого искусства вышивки у мордвы держатся стойко. Чаще всего вышивальщицы придерживаются старых орнаментальных форм и мотивов. Даже молодое поколение знает основные приемы вышивки, нередко весьма сложной.

Доступна в настоящий момент для собирания и терминология вышивки — название узоров, швов. Она не утрачена в памяти населения. В Кочкуровском районе мне удалось установить, что в прошлом для каждого селения района имелся свой круг традиционных узоров, в пре-

Рис. 7. Сказительница Фе кла Игнатьевна Безубова (орденоносец) в современной праздничной одежде пожилой женщины эрзянки (Кочкуровский район, Мордвская АССР). 1948 г.

делах которого допускались творческая переработка, оригинальные сочетания. Перенесение узоров из одного селения в другое не практиковалось. Вышедшие замуж на сторону (в другое село) несколько отличались по одежде, вернее, по типу вышивки.

В настоящее время имеет место перенесение традиций вышивки одного села в другое в границах района и даже за его пределы; нарушаются локальные запреты. Расцветка современной вышивки у мордвы сохраняет традиции старинной. Для старинной эрзянской вышивки характерны три основных цвета: красный, синий, зеленый. При записи свадебного обряда в экспедицию 1948 г. мной зафиксирован особый момент, связанный с изготовлением пряжи для свадебного костюма. Называется он «сурень усомо» и заключается в следующем: вско-

Рис. 8. Семья колхозника Кочкуровского района Мордовской АССР Мордва-эзря. 1949 г.

после сватовства будущая свекровь с мальчиком из семьи жениха привозит невесте в специально назначенный день три мотка пряжи: красной, синей и зеленой. Даже в свадебном обряде подчеркивается эта традиция расцветки мордовской вышивки. Она держится стойко и теперь. Вышивка до сего времени у мордвы производится шерстью, окрашенной домашним способом. Для красного и синего цветов употребляются растительные красители. Зеленый цвет получают от окраски пряжи в зеленых анилиновых чернилах с прибавлением растительного закрепителя для прочности. Таким образом, рубаха «панар» почти не подвергалась изменениям.

Весьма устойчивым является, несмотря на крайне неудобную, обременительную для носительницы форму, поясное украшение «пулай». Здесь имеют значение, повидимому, связанные с ним запреты. Запрещение снимать пулай в присутствии мужчин имеет действие и теперь для носящих национальную одежду, хотя это запрещение никак не осмысливается выполняющими его. Во время полевых работ женщины, снявшие пулай для удобства, спешат его надеть при появлении мужчин.

Верхняя одежда — распашной халат «руця» исчезает из быта; чаще надевают поверх рубахи ситцевые рукава. Нередки случаи надевания трикотажных или суконных жакетов. Новинкой в эрзянской женской

одежде является покупное белье, в частности трикотаж. Успех, каким пользуется среди мордвы белье, опирается отчасти на традицию, ибо в противоположность другим народам Поволжья (в частности удмуртам, марийцам и чувашам) мордовская женщина в прошлом носила две рубахи. Верхняя (панар) не была нательной.

Сложный набор украшений из бисера, металла, раковин и т. п. почти исчез, но любовь ко всякого рода украшениям, подвескам, брошкам сохранилась, и они охотно раскупаются.

Одежда мордвы-мокши

Изучение новых форм мордовско-мокшанской одежды велось мной в двух районах: Рыбкинском и Коеылкинском. Материал был получен

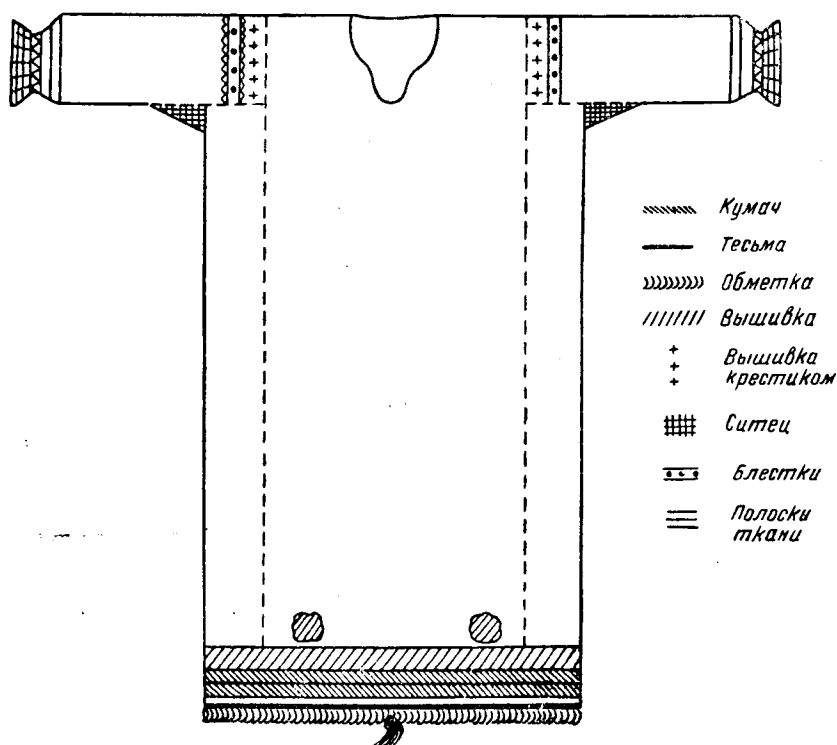

Рис. 9. Панар — рубаха из покупной ткани. Мордва-мокша, д. Волчанино, Рыбинского района. 1940 г.

интересный. Отмечу своеобразные черты реконструкции мокшанского костюма, специфичные именно для этой группы населения.

Мокшанская женская одежда почти повсеместно сохраняется в национальной форме, даже среди молодежи. В посещенных мной селениях процент женщин, носящих национальный костюм, значительно выше процента мокшанок в русской одежде. Кроме того, в праздники, на свадьбу, на гулянья, на базар надевается исключительно национальная одежда. В структуре этого костюма изменения значительны. Обобщая их, отметим процесс творческой переработки национального костюма, который наблюдается прежде всего относительно основной части одежды мокшанки — рубахи, также носящей название «панар».

Если у эрзян покрой и орнаментация «панара» остаются традиционными и почти не терпят изменений, то в мокшанском costume рубаха современного типа существенно отличается от старинной. В переую

очередь это касается материала. Для шитья рубах употребляется не белый материал, встречается домотканина из тонких покупных нит

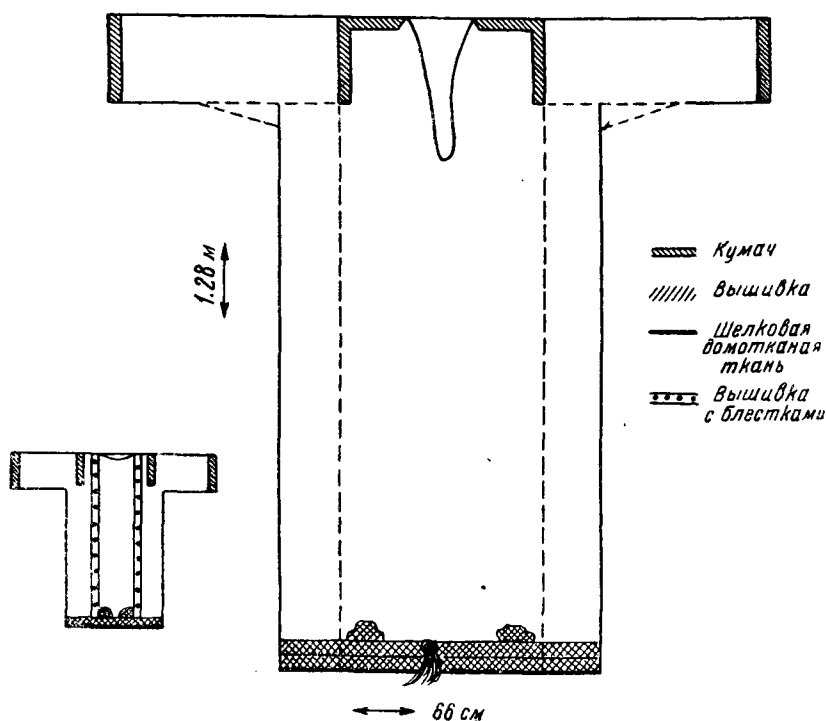

Рис. 10. Женская рубаха. Мордва-мокша, д. Паранино, Ковылкинского района. 1947 г.

Рис. 11. Старуха-колхозница Теньгушевского района Мордовской АССР. 1949 г.

(бумаги). Соответственно изменяется и покррой. Более значительна ширина полотнища меняет расположение соединительных швов, они уходят на бок. Один из основных признаков туникообразного покроя-

прямой рукав — остается, впрочем, неизменным. Часты случаи переработки костюма в мелких деталях — вырезе, вороте, обшлагах, подоле. Иногда появляется кокетка. Некоторые из этих (даже мелких) деталей при частой повторяемости принимают в отдельных пунктах характер типичности.

Творчески перерабатывается и орнаментация одежды. При применении двух основных швов старой мокшанской вышивки («косой стежки» и «контурного») современные вышивальщицы создают новые образцы искусства бытовой вышивки, не уступающие старым. Вышивая рубаху, мокшанка оставляет неизменной только локализацию вышивки; все остальное — сочетания узоров, тонов, мотивы вышивки — меняется. Цветовая гамма мокшанской вышивки значительно обогатилась, вышивка стала многоцветной. Среди традиционных (красного, синего и зеленого) цветов появились промежуточные, дающие оттенки и полутона, причем цветосочетания сделаны с большим вкусом. Чаще всего для вышивки вместо шерсти употребляют цветной шелк-сырец, реже — мулине. Общий характер мокшанской вышивки продолжает оставаться типичным, ажурным и одновременно декоративным, но он стал много мельче.

Некоторые творческие моменты замечаются и в других частях костюма. Исчезновение традиционных для мокши головных уборов (двух типов — каркасных и полотенчатых) и замена их простым платком совершились во многих случаях. Однако одновременно имеет место украшение этого покупного платка гарусными самодельными кистями в сочетании с бисером. При своеобразной обвязке головы таким платком получается весьма красивый тип головного убора. Появление его следует отнести к послевоенному периоду.

Из всего сказанного ясно, что мокшанская современная одежда, в отличие от эрзянской, содержит в себе элементы творческой переработки национального костюма. Если у эрзи в значительной степени он уже отмирает, то у мокши можно наблюдать процесс развития, формирования, создания новых деталей и форм, известную динамичность мокшанского национального костюма.

Рис. 12. Современная праздничная одежда женщины-мокшанки. Ковылкинский район Мордовской АССР

У мокши изготовление одежды не является уделом лишь пожилых женщин, сохраняющих старые традиции и опыт и на основе их творящих новое. Молодые девушки являются также участницами этого творческого процесса реконструкции костюма, совершающегося не искусственно, а органически.

Для первых лет коллективизации характерны массовые случаи полной замены национального костюма русским. С этого же времени процесс не закончившийся и теперь процесс постепенного изменения структуры и состава костюма, творческая переработка его деталей.

Основная причина — коренное изменение условий труда и быта колхозной деревни, проникновение в быт новых культурных норм, гигиенических навыков, а также сдвиги и изменения в социальном составе населения. Замена старой национальной одежды городской происходит своеобразно. Даже при полной замене зачастую наблюдается сохранение традиции, опирающейся на веками выработанный вкус, также на навыки населения.

Одновременно с этим имеет место и сохранение отдельных частей национального костюма при частичном отмирании ряда его деталей. В некоторых случаях в оформлении костюма отмечается желание сохранить его национальную красочность и колорит.

Таким образом, наряду с разрушением и отмиранием старого национального костюма имеется также тенденция к его творческой переработке. В ряде случаев имеет место формирование новых элементов национального костюма.

З. А. НИКОЛЬСКАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДАРГИНСКОГО КОЛХОЗА «КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН»

29 лет назад, на Чрезвычайном съезде Советов, И. В. Сталин, провозглашая советскую автономию Дагестана, заверил горцев, что советская власть вытянет их из той трясины темноты и невежества, куда их бросила царская Россия. За годы советской власти Дагестан в результате претворения в жизнь ленинско-сталинской национальной политики, при братской помощи великого русского народа превратился из отсталой окраины России в цветущую социалистическую республику с развитой промышленностью, механизированным сельским хозяйством, передовой культурой, национальной по форме, социалистической по содержанию. Неизмеримо выросло материальное благосостояние трудящихся Дагестана. Всеми своими достижениями народы Дагестана обязаны прежде всего великой партии большевиков и лично товарищу Сталину, проявлявшему по отношению к ним неустанную отеческую заботу.

Как известно, Дагестан XIX — начала XX в. являлся одной из самых отсталых колоний царской России. Все лучшие пахотные земли, равно как и богатые пастбища, принадлежали либо русским переселенцам, либо местным феодалам. Последние, составляя в начале XX столетия всего 0,7% населения, владели около $\frac{1}{3}$ (37,5%) всей земельной площади в Дагестане. На одно помещичье-дворянское хозяйство приходилось в среднем 394,5 десятины земли, а на крестьянское — 7,2. Нередки были хозяйства, величина участка которых не превышала 20—30 аршин. Остатки такого поля сохранились сейчас в ауле Конхидатль. Там у берега горной реки высится валун, на верхушку которого какой-то бедняк в далекие времена нанес в мешках почву. Получился участок площадью в 6—7 аршин.

Аналогичная картина наблюдалась и в скотоводческом хозяйстве дагестанских горцев. Кулаки-барановоды, составлявшие меньше 3% населения Дагестана, владели половиной всего поголовья овец и коз. Около 70% хозяйств в горных аулах не имели даже овцы.

Техника и методы ведения сельского хозяйства дореволюционного Дагестана отличались крайне примитивными формами (мотыга, деревянная соха, пучок прутьев вместо бороны, молотильные доски с каменными вкладышами и т. д.), что являлось причиной низких урожаев. Так, в 1913 г. с 1 га пшеницы собирали не более 4,5 ц в среднем, кукурузы — 6 ц и т. д. В результате своего хлеба Дагестану хватало всего на три-четыре месяца в году.

Царское правительство, не считаясь с бедственным положением горского крестьянства, облагало его подымной податью, земскими сборами и прочими повинностями. Местные феодалы в свою очередь вводили все новые и новые повинности. Достаточно указать, например, что жители Табасарана обязаны были отбывать феодалам 32 повинности. Жители селения Махрата подали царскому наместнику на Кавказе прошение, в котором писали: «...беки страшнейшим образом угнетают нас... Они произвольно по своему усмотрению назначают налоги на кур, на

яйца, на дрова, на угли, даже с каждого молодого, который думает жениться, берут по 10 рублей»¹.

Жалоба, конечно, осталась без последствий, ибо царское правительство всячески поддерживало местных феодалов. Население находилось под двойным гнетом — царской администрации и местной феодальной знати, приводившим к голоду, болезням, вымиранию горцев. В Даргинском округе, например, в 1899 г. родилось 19 человек на тысячу, умерло 29. Всего по Дагестану в том же году родилось 12 368 человек, а умерло 15 845. Один врач приходился на 63 тысячи населения. Свищевствовали малярия, оспа, трахома, сифилис, туберкулез.

Царская колониальная политика в Дагестане приводила к тому, что тысячи крестьян отрывались от земли, шли батрачить, обращались к отходничеству, искали спасения в кустарных промыслах. За один только 1914 г. 83 тысячи горцев ушло из Дагестана в отход. Накануне революции в кустарных промыслах было занято до 25 тысяч кустарей. Для многих населенных пунктов (Кубачи, Амузги, Унцукуль, Балхар и др.) кустарные промыслы были единственным источником существования. Однако отходничество и кустарные промыслы не могли обеспечить горцам нормальных условий жизни. Кустари и ремесленники разорялись под влиянием конкуренции фабричного производства. Для Дагестана вполне применима характеристика Ленина, относившаяся ко всему Кавказу: «Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия»².

В расчеты царского правительства не входило развитие производительных сил Дагестана и формирование местного пролетариата; напротив, царское правительство стремилось превратить Дагестан в исключительно сырьевой придаток России. Промышленность дореволюционного Дагестана была очень незначительна. Из существовавших до революции 134 промышленных предприятий только 18 можно назвать фабриками в собственном смысле этого слова. Ряд консервных заводов насчитывал от одного до пяти рабочих в сезон. На крупных фабриках в Петровске, Темирхан-Шуре эксплуатация рабочих носила исключительно жестокий характер. При 12-часовом рабочем дне и тяжелом ручном труде средний годовой заработок рабочего в Дагестане был в два раза ниже, чем в Центральной России. Так, например, на текстильной фабрике «Каспийской мануфактуры» в Петровске мужчина зарабатывал всего 40 копеек в день.

В результате колониальной политики царизма Дагестан к моменту революции не успел еще пройти капиталистического развития. В стране сохранялся полуфеодальный — полупатриархальный быт, полунатуральное хозяйство.

Ярким примером тех изменений, которые произошли за годы советской власти, может служить Даргинский колхоз «Красный партизан» объединивший четыре выселка «Акушинского вольного общества», — Урхучи-махи, Ургуба-махи, Цуни-махи и Кули-махи.

В конце XIX — начале XX в. в Дагестане на территории даргинцев в центральной ее части, существовало крупное полуфеодальное объединение, так называемое «Акушинское вольное общество», во главе которого стоял известный всему Дагестану акушинский кади.

¹ Гос. архив при НКВД Грузинской ССР. Дело комиссии для окончания сословно-поземельных дел, дело № 12, л. 237.

² Ленин, Соч., т. III, стр. 463—464.

К началу XX в. Акушинское общество состояло из большого, возглавлявшего это общество, селения Акуша и 26 меньших селений — махи (выселки). Большинство этих выселков образовалось в начале XIX в. выходцами из селения Акуша с целью охраны акушинских границ, пахотных земель и богатых альпийских пастбищ. Все лучшие пахотные земли, равно как и лучшие альпийские луга, оставались во владении Акуши, а все выселки испытывали недостаток в земле и арендовали ее у жителей селения Акуша. Для управления выселками из Акуши назначались особые представители — юзбаши и векили, которые ведали всеми общественными делами. Номинально все жители выселков совместно с жителями Акуши составляли джамаат, который должен был для решения своих хозяйственных и общественных нужд собираться два раза в год на сход в местности «Карбуки-дирка». Фактически этот сход трансформировался в собрание наиболее влиятельных и богатых членов джамаата, в первую очередь жителей самого селения Акуша. Акушинцы ведали распределением и переделом земли, взаимоотношениями с другими обществами, с царской администрацией, назначением и смещением должностных лиц и т. д. Для иллюстрации характера власти акушинского джамаата достаточно указать на практику лишения провинившегося человека прав свободного гражданина. Во время джамаата кади во всеуслышанье объявлял, что такой-то член общества за такие-то проступки лишается прав свободного крестьянина. С этого момента он лишался права посещать джамаат, иметь долю в общественном участке пахоты, женить и выдавать замуж своих детей за равноправных членов общества, хоронить умерших членов семьи на общем кладбище и т. д.

Зависимость выселков от селения Акуша проявлялась также во время свадеб, похорон, праздников и пр. На все требовалась специальная санкция Акуши и специальный представитель, который якобы следил за порядком. Достаточно указать, что вплоть до революции жители выселков не могли иметь своих кладбищ и обязаны были возить своих покойников на кладбище в Акушу.

Самым крупным из этих махи было и остается селение Урхучи-махи. Оно было образовано как выходцами из селения Акуша, так и частично более поздними пришельцами из селений Цуда-хара, Ходжал-махи и Маджелиса. Селение Урхучи-махи делилось, как делится и сейчас, на две части, расположенные одна от другой на расстоянии 400—500 м. Условно мы будем их называть Урхучи I и Урхучи II.

Основу Урхучи I составлял тохум³ Каймаразла, основателями которого считались три родственника-акушинца: Каймараз Юсупов, Амар Ахсановт и Абдурахман Халал. Тохум этот подразделялся в свою очередь на группы более близких родственников — три жинса⁴: Бурту Гаджи, Омар Хаджи Хъала, Витт Омар Хъала. Урхучи II в силу своего более разноплеменного состава не образовало одного тохума и объединяло шесть не родственных между собой и малочисленных жинсов: Халал Буганов, Сулейбандов, Динбуганов, Абдиллачь, Буганд, Раджа. Все эти жинсы состояли из малых семей, являвшихся основными ячейками даргинского общества конца XIX — начала XX в.

Общественная структура трех прочих выселков, образовавших колхоз, была иной. Так, в Ургуба-махи жил только жинс — Мусала, в Цуни-махи — тохум Асала-Али, состоявший из четырех жинсов: Бунгун-боганда, Тубухъла-боганда, Хъаратла-боганда и Шамха-али; в Кури-махи располагался тохум Халак, подразделявшийся в свою очередь на четыре жинса: Халак, Гирга-боганд, Гариба-боганд и Юсупов Гасан.

³ Тохум — группа дальних родственников.

⁴ Жинс — группа родственных между собой семейств.

В предреволюционное время все мужское население этих выселков уходило на весь зимний сезон в Кизляр, Бабаюрт и Дербент, где работало в качестве поденщиков на полях, виноградниках и пр., и только в течение полутора-двух летних месяцев жило в родном селе. Кроме того многим мужчинам приходилось неоднократно в течение лета прибегать к помощи акушинского базара, куда, по образному выражению даргинцев, они ходили «продавать свои руки».

Самый богатый хозяин в этих селениях имел не более $1\frac{1}{2}$ —2 га земли, не более 100 голов мелкого рогатого скота. Большинство же крестьян имело по 1 или $\frac{1}{2}$ га земли и по 5—10 овец. В Кури-мае только 10—15 хозяйств имели по $1\frac{1}{2}$ га земли, остальные — по $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ га. Поголовьем в 70—80 овец владело только три хозяина: Юсуп, Гасан, Гирга-боганд, Гариба-богандов. Многие крестьяне не имели ни земли, ни скота и были вынуждены существовать батрачеством.

Примитивные сельскохозяйственные орудия — соха, коса-горбуша, однополье, отсталая агротехника (отсутствие боронования, удобрения, прополки) приводили к низким урожаям. Бюджет семьи среднего достатка был крайне жестким. Отходничество давало не более 36—40 руб. за весь зимний сезон (из расчета 20 коп. за один рабочий день). Своим хлебом хватало на три — четыре месяца, мяса (50—60 кг) — только на праздничные дни. Овощей и фруктов жители этих селений не культивировали.

Низкий уровень производительности труда, полунатуральное хозяйство явились причиной стойкой сохранности пережитков полупатриархального — полуфеодального быта.

Тохум и жинс, утратив коллективные формы собственности и превратившись в территориальное объединение, перестали играть роль хозяйственных ячеек общества. Земля, скот, сады, сельскохозяйственный инвентарь находились в собственности малой семьи. Исключение составляла печь для сушки зерна, иногда водяная мельница для размола муки, продолжавшие находиться в общественной собственности жинса. Как исключение, в ведении жинса могло находиться также пахотное орудие, составляющее коллективную собственность всех сородичей (сел Цуни). В собственности тохума сохранялись только леса, некоторые постройки и урочища. Это сохранение коллективной собственности тохума объясняется не столько пережитками патриархально-родовых отношений, сколько его территориальным единством. Так, в селении Урхучи с его неродственным составом, леса, пастбища и урочища принадлежали всей территориальной общине, так же как они принадлежали тохуму в тех селениях, которые состояли из одного тохума (Цунимахи).

Утратив свою экономическую общность, жинс в силу низкого уровня развития производительных сил сохранял, однако, еще некоторое хозяйственное значение. Практиковались совместная пахота по очереди на частных полях сородичей, одалживание сельскохозяйственных орудий, совместное лущение кукурузы, молотья, стрижка овец и т. д. Подобная взаимопомощь, организуемая в пределах жинса, носит у даргинцев этого района название «билкъя». Являясь порождением родового строя, билкъя в предреволюционные годы превратилась в форму эксплуатации сородичей. Например, лишь билкъя в домах богатей Бахмудова Муртузали, Абдулгамидова Исы и Пирбудагова Исы собирала всех родственников, а на билкъя, организуемые в доме бедного сородича, собирались только самые бедные родственники и то далеко не все.

Помимо хозяйственной взаимопомощи, родственники жинса были связаны между собой и в общественных отношениях. Свадьба, рождение ребенка, наречение ему имени, воспитание его или, напротив, болезнь, смерть, несчастье сородича осознавались как всеобщая радость или всеобщее горе жинса. Однако и здесь во время свадьбы или рождения только дом богатого сородича собирал много подарков, ибо бедняк

был не в состоянии устроить пышное торжество, богатую свадьбу. Обязанность всех родственников оказывать помощь при организации того или иного торжества наносила урон семьям бедняков, но никак не отражалась на хозяйстве богатого сородича. Наконец, общественные представители, так называемые «векили» выбирались из числа богатых сородичей, в силу чего последние пользовались некоторой властью, подчиняясь, правда, в свою очередь — юзбашам, назначенным из селения Акуша.

Идеологическим цементом, скрепляющим родственников одного жинса, служил культ их общего предка, имя которого они носили и в честь которого устраивались совместные моления. Общественные и идеологические связи тохума по сравнению с такими же связями жинса подверглись более глубокому распаду. Общетохумными праздниками оставались лишь праздник проведения первой борозды, праздник снятия урожая и все мусульманские байрамы. Кроме того, в пределах тохума заключались браки, т. е. тохум был эндогамен. В том случае, если селение включало в свой состав несколько тохумов, оно становилось преемником его общественных функций. Примером может служить Ургубамахи, где все жители селения совместно устраивали сельскохозяйственные праздники, байрамы и т. д.

Семейный быт крестьян этого района сохранял много черт патриархально-родового строя. Главой семьи был мужчина — собственник основного имущества дома, жене принадлежало только ее приданое, которое впоследствии переходило к ее дочери. Основным же производителем, напротив, являлась женщина. Согласно старому адату, сохранявшемуся вплоть до революции, женскими отраслями труда были: посев, сбор урожая, уход за крупным рогатым скотом, приготовление продуктов впрок, заготовка сена, дров, приготовление пищи, изготовление одежды и предметов домашнего ремесла, заготовка стройматериалов (камень, глина) и т. д., наконец, переноска всех тяжестей. Мужским делом считалась пахота, стрижка овец, т. е. сезонная работа. Несмотря на большой удельный вес своего труда, женщина не принимала никакого участия в общественной жизни. Адат лишал женщину права посещать корт — место сельского джамаата, участвовать в сходе, посещать мечеть, разговаривать с мужчинами и даже с мужем в присутствии посторонних. Женщина не могла принять самостоятельно гостя или принять приглашение пойти в гости к соседям. Она не имела права поест раньше мужа или лечь спать до того, как заснул муж. Единственными местами общения женщины с посторонними служили водоразборный пункт, общественная печь для выпечки хлеба, где во время работы она могла обменяться новостями и советами с другими труженицами.

Целиком на плечи женщины ложилось воспитание детей, сводившееся, помимо заботы об их питании и здоровье, к обучению их труду. Девочка с семи лет начинала участвовать в полевых работах и носить тяжести, помогая матери также и по дому. Мальчик, по адату, включался в трудовую деятельность лишь по достижении совершеннолетия (15 лет). Отец не имел права вмешиваться в воспитание детей. Более того, в присутствии постороннего и даже родственников и жены он не мог приласкать ребенка, взять его на руки. Этот запрет снимался с отца лишь по наступлении совершеннолетия сына, когда последний получал право посещать джамаат, присутствовать на корте, участвовать и помогать отцу во время пахоты.

По отношению к дочери запрет адата продолжал действовать вплоть до ее выхода замуж. Женитьба и выдача замуж детей составляли в прошлом, повидимому, дело обоих родителей. В рассматриваемое время отец выступает как полновластный вершитель их судеб. Сватовство и обручение совершались без участия самой молодежи, невзирая на их взаимную склонность и привязанность. Главными требованиями, предъ-

являвшимися к невесте, были «чистота крови» и богатое приданое. Понятием «чистотой крови» понималась принадлежность невесты к той же родственной группе, тому же жинсу или тохуму, что и жених. В связи с этим считались недопустимыми браки между селениями, образовавшие ныне колхоз «Красный партизан», особенно с жителями селения Ургуба-махи, считавшимися «нечистыми» в силу своего разнородного состава.

История жителей выселков, окружающих селение Ургуба-махи, перестит всевозможными кровавыми историями, столкновениями, являвшимися ответом на попытки ургубинцев завязать отношения со своими соседями. Однако, если исстари браки внутри жинса считались предпочтительными перед браками внутри тохума, то в рассматриваемое время наблюдалась уже обратная картина — браки заключались в пределах тохума предпочтительно перед браками внутри жинса. В связи с тем, что экономическая сторона брака начинает играть большую роль, размер приданого приобретает стабильный, обязательный характер. Невеста в качестве приданого должна была принести своему мужу несколько голов скота, пахотный участок размером 0,1 га, пять комплектов постели (матрацев, подушек, ватных одеял), шесть платьев, головных уборов и обуви, пять штук металлических кувшинов для воды и т. д.

Стабильный размер приданого, наносивший ущерб хозяйству беднейшей части общества, способствовал выработке обычая, согласно которому предметы приданого не отчуждались, не использовались в повседневной жизни и передавались из поколения в поколение, от матери к дочери и т. д. Однако для беднейшей части общества этот обычай являлся выходом из положения. При выборе невесты большое значение имела величина ее приданого, в силу чего многие девушки не могли выйти замуж. В свою очередь юноши не могли жениться, ибо свадебный церемониал и подарки невесте требовали больших расходов. За точная верхушка общества, напротив, практиковала многоженство. В этих случаях судьба женщины была еще хуже. Вторая и третья жены лишались последней доли своей самостоятельности, ибо хозяйкой оставалась первая жена. Все ключи от хозяйственных припасов, от скота с платьем находились в распоряжении первой жены, она же следовала за распорядком домашних и полевых работ, за соблюдением всех обычаев и адатов и традиций.

* * *

Установление советской власти в Дагестане ознаменовалось коренным изменением хозяйства и быта его народностей. Уничтожаются основы эксплуатации, сословных привилегий, общественного неравенства. Повсеместно организуются товарищества по совместной обработке земли — ТОЗ'ы, имевшие целью развить в крестьянстве навыки коллективизма, показать преимущества совместной обработки земли. Однако старая сельскохозяйственная техника, а равным образом не прекращавшаяся в эти годы классовая борьба препятствовали созданию в Дагестане высокопродуктивных хозяйств. Только крупное коллективное хозяйство, оснащенное передовой сельскохозяйственной техникой, могло вывести и вывели трудовое крестьянство гор из тупика. Такие хозяйства стали организовываться в горах в 1929 г., последующие 2—3 года шли для Дагестана годами великого перелома. Селения Ургуба-махи, Цуни-махи, Кури-махи, Урхучи-махи объединились в один колхоз, ныне называемый «Красный партизан».

Советская власть передала в вечное пользование колхозу 600 га пахотной земли, в том числе более 60 га новых земель, за счет пере-

ему так называемых общественных земель, принадлежавших в прошлом, как мы знаем, селению Акуша. Кроме того, дополнительно колхоз получил 215 га пахотной земли на кутанах (зимних пастбищах) в Кизил-Юртовском и Баба-Юртовском районах, а также вдоль Акушинской реки, за счет осушки болот путем проведения водоотводных каналов и арыков.

Часть земель, принадлежавших до коллективизации отдельным крестьянским хозяйствам, разбита сейчас на равные доли и передана колхозникам в качестве приусадебных участков.

Изменился хозяйственный профиль этих селений. Крупное значение начинает приобретать в них земледелие, которое постепенно начинает играть ведущую роль в колхозе. Вместе с тем продолжает неуклонно расширяться и скотоводческое хозяйство. Так, если в 1938 г. численность мелкого рогатого скота составляла 449 голов, то в 1949 г. — 5328 голов, поголовья крупного рогатого скота увеличилось за эти же годы с 107 до 484 голов, а лошадей — с 20 до 415 и т. д.

За годы коллективизации существенным образом изменяется организация земледельческого хозяйства. Вводится новая агротехника. Впервые стали широко применяться боронование, периодическая прополка полей, высококачественное удобрение. Только за один 1948 г. колхозники собрали до 16 тысяч килограммов птичьего помета, являющегося лучшим удобрением для полей. Для сбора птицепомета колхоз организовал специальные звенья, которые на высоте 120—150 м в скалах собирают это ценное удобрение. Помимо птицепомета, колхозники научились применять в качестве удобрения обожженный дерн, который полностью заменил недостающий в хозяйстве этого района навоз. Периодическая прополка посевов вместе с подкормкой растений, составляющая также достижение колхозного хозяйства, является показателем высокой агротехнической культуры. Изменился также ассортимент злаков, культивируемых крестьянами. В прошлом урхучинцы сеяли только ячмень и пшеницу. Ныне в колхозе стали успешно культивировать, кроме того, кукурузу, картофель, а на зимних пастбищах — арбузы, капусту, помидоры и даже виноград.

Существенным образом изменилось и скотоводческое хозяйство колхозников. За колхозом закреплены навечно летние пастбища в Акушинском и Рутульском районах, а также зимние пастбища в Кизил-Юртовском, Баба-Юртовском районах Дагестана. На зимних пастбищах организованы коневодческая, овцеводческая и птицеводческая фермы. На летних пастбищах существует, кроме того, еще молочно-товарная ферма. Все фермы ведут с помощью районных зоотехников большую научно-исследовательскую работу по выведению лучших пород скота. Обслуживающий персонал этих ферм обеспечен всем необходимым. На территории пастбищ выстроены жилые помещения, оборудованные электричеством и радио, клубы, избы-читальни, школы. Кутаны посещаются агитколлективами, бригадами артистов и т. д.

Благодаря мероприятиям советской власти, передавшей в распоряжение колхоза большие земельные угодья в горах и на плоскости, а также мероприятиям колхозников, использующих достижения передовой агротехники, значительно возросли доходы крестьян. В качестве примера достаточно привести бюджет средней колхозной семьи. Так, семья колхозника Омарова Магомета, состоящая из мужа, жены и сына-школьника, вырабатала 630 трудодней. Выдача на один трудодень за 1949 г. составляла 5 кг 400 г зерна, 3 кг 700 г картофеля, 900 г овощей (сахарной свеклы, моркови), 400 г фруктов, 250 г мяса, 5 руб. денег. В итоге семья имела: 3402 кг зерна, 2331 кг картофеля, 567 кг овощей, 252 кг фруктов, 3150 рублей.

В результате такого изобилия продуктов, получаемых от общественного хозяйства, отпадает заинтересованность колхозников в приусадеб-

ных участках. Проявлением этого служат факты отказа ряда колхозов от своих участков и предложения передать приусадебные участки колхоз (Патимат Мурадова из селения Цуни, Айшат Магометова селения Ургуба и другие). Несмотря на специальное время, выделенное колхозом для работы на приусадебных участках, последние обрабатываются менее тщательно, чем общественные земли, и урожайность значительно ниже урожайности колхозных полей. Колхозники ежедневно убеждаются в преимуществах коллективных форм хозяйства перед индивидуальными, частными. В то время как на колхозных полях применяются сельскохозяйственные машины, в частности бороны, на приусадебных участках в силу их небольших размеров применение машин невозможно. В то время как колхозные поля в достаточном количестве удобряются птицепометом, добыча которого, как мы знаем, требует коллективной работы многих колхозников, на приусадебных участках удобрение применяется в самых минимальных размерах. Тогда как на колхозных полях широко применяется тяговая сила, на приусадебных участках работы ведутся обычно вручную; при этом, если применяется рабочий скот, принадлежащий колхозу, за него расплачиваются по ценам, установленным общим собранием колхозников.

В результате всего этого урожай на приусадебных участках бывает ниже урожая на колхозных полях.

Подобное же положение наблюдается и в скотоводческом хозяйстве крестьян. В то время как за колхозным скотом ведется регулярное ветеринарное и зоотехническое наблюдение, применяется искусственное осеменение, улучшаются породы скота, индивидуальное скотоводческое хозяйство колхозников ведется по старинке, а потому имеет меньший эффект.

Наконец, вся организация расчетов за работу на индивидуальном хозяйстве колхозников преследует цель научить колхозников смотреть на труд в личном хозяйстве, как на разновидность труда колхозного коллективного. Так, например, чабан, выпасающий личный скот колхозника, получает так же, как и колхозный чабан, за свою работу трудодни, которые ему начисляет колхозный бухгалтер путем удержания части трудодней у тех колхозников, скот которых выпасался. При этом размер оплаты устанавливает общее собрание колхозников. Аналогичные расчеты производятся за использование на приусадебных участках колхозных транспортных средств, рабочего скота, сельскохозяйственных орудий и т. д.

Изменилось отношение колхозников «Красного партизана» к труду. Труд превратился для них в потребность, в творчество. Свидетельством этого могут служить факты широкой и безвозмездной помощи со стороны колхозников колхоза «Красный партизан» другим колхозам Аштинского района и даже колхозам всего Дагестана.

Создание передового социалистического хозяйства повлекло за собой коренное изменение общественного и семейного быта колхозников.

Родовые связи потеряли всякое основание для своего бытования. Бригада включает в свой состав не один жинс, а несколько. Например, бригада № 3 включает шесть жинсов, бригада № 4 — четыре жинса, одного тохума и т. д. Некоторые бригады состоят из жинсов разных тохумов. Например, бригада № 1 состоит из представителей трех различных тохумов. Звенья в свою очередь строятся по территориальному принципу. Часто в звено входят несколько семей — соседей, принадлежащих к разным жинсам. Например, в селении Цуни звено, возглавляемое Гапуровой Джугайрат, включает в свой состав семьи, принадлежащие к двум совершенно различным жинсам.

Отдельные факты совпадения бригады и тохума (например, бригада № 4, объединившая тохум) вовсе не означает, что бригада построена по родовому признаку, ибо, как мы уже указывали выше, тохум

период времени, предшествовавший организации колхоза, утратил свои родственные, общественные, а тем более хозяйственные связи и превратился в территориальное объединение. Пережитки этих связей сохранялись, как мы указывали, в пределах лишь жинса.

В колхозной действительности жинс также утратил последние остатки своего хозяйственного единства. Общественная печь для выпечки хлеба, истари обслуживающая, как мы знаем, родственников — членов жинса, обслуживает теперь соседский квартал селения; все мельницы составляют теперь коллективную собственность колхоза и т. д. Благодаря колхозной организации труда сузился круг работ, во время которых осуществляется обычай взаимопомощи — это обычно постройка дома, лущение кукурузы, валяние бурок.

Свадьба, родильный обряд, наречение имени ребенку производят теперь в пределах бригады, а не жинса, как раньше. Во главе новых хозяйственных ячеек общества — звеньев — находятся теперь обычно женщины. Так, из 16 звеньев колхоза «Красный партизан» 15 возглавляются женщинами; женщины активно участвуют в общественной жизни колхоза, являясь членами правления колхоза, заведуют клубом, избой-читальней и т. д.

В связи с изменившимся общественным положением женщины изменился и семейный быт. Перестают действовать эндогамные запреты, являвшиеся основным регулятором брака даргинцев в прошлом. Характерно, что вслед за экономическими связями и помощью, оказываемой колхозом «Красный партизан» другим колхозам района, между ними возникают также связи свойства. Если в прошлом были недопустимы браки между селениями, образовавшими в настоящее время колхоз, то в настоящее время нами зафиксированы 15 случаев таких браков.

В отличие от прошлого заключение брака стало делом самих брачующихся — делом молодежи. После того как девушка и юноша договорятся между собой, они сообщают об этом посреднице, обычно вдове, которая после этого отправляется к родителям девушки для сватовства. Благодаря тому, что брак заключается по обоюдному согласию молодежи, из свадебного обряда выпал обычай многократного испрашивания согласия на брак у родителей девушки. Этот обряд трансформировался в договор между сватами и родителями девушки, который заключается в первый же и единственный приход сватов. Сватами сейчас, в отличие от доколхозного периода, являются самые уважаемые, а не самые богатые лица селения, обычно бригадир или председатель колхоза. Нынешнему председателю колхоза пришлось бы в качестве свата пять раз в селении Цуни, три раза — в селении Урхучи, хотя сам он житель Кури-махи. Уничтожен стабильный размер приданого невесты и подарков жениха, столь обременительных для крестьян в прошлом. После сватовства молодые в сопровождении подруг и товарищей, родителей и родственников отправляются в сельсовет для регистрации брака, тогда как раньше мусульманский обряд бракосочетания совершался во время уже свадебного торжества и обставлялся глубокой тайной от всех знакомых, родственников, при отсутствии самих брачующихся.

Самое свадебное торжество сохраняет старые формы. Исключение составляет лишь изменившийся круг участников свадьбы. На колхозную свадьбу приглашаются знакомые всех четырех селений колхоза «Красный партизан», в организации же свадьбы принимают участие члены той бригады, к которой принадлежит жених.

После свадьбы молодые поселяются в отдельном доме, который выстраивается с помощью членов колхоза и членов бригады; здесь молодые организуют самостоятельное хозяйство.

Колхозная семья в корне отлична от семьи крестьян данных селений в прошлом. Ликвидированы пережитки неравенства полов в труде, что уравновесило удельный вес мужского и женского труда в хозяйстве как

семьи, так и всего общества. Уничтожены корни отходничества. Муж на активно включился в хозяйственную деятельность, облегчив тем самым непосильное бремя физического труда женщины. Он теперь плетет, сеет, косит, перевозит тяжести и т. д. Уничтожена разделенность имущества мужа и жены. Все то, что они оба получают в колхозе в трудодням и на приусадебных участках, составляет общее имущество семьи. Как жена, так и муж имеют право продать его, обменять и использовать любым образом, тогда как раньше жена могла сделать это только с разрешения мужа.

Исчез обычай, запрещающий жене появляться на улице вместе с мужем, не называть мужа по имени в присутствии других, равно как исчез порядок, запрещающий мужу оказывать знаки внимания своей жене и детям. Напротив, муж является теперь активным воспитателем детей, особенно в дошкольном периоде их возраста.

Показателем равноправного положения женщины в колхозной семье может служить право расторжения брака по просьбе обоих супругов а не только мужа, как раньше.

«Говорят,— писал В. И. Ленин,— уровень культуры всего общества характеризуется юридическим положением женщины. В этом изречении есть зерно глубокой истины. С этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень»⁵.

* * *

В качестве выразительной иллюстрации тех изменений, которые произошли в жизни крестьян рассматриваемого района, приведем биографию трех поколений одной семьи.

История семьи Магомедовых из селения Кури-махи

Первое поколение

В 1899 г. крестьянин Багнад Магомедов с женой и тремя детьми двумя сыновьями и дочерью, испытывая недостаток в земле, переселился с Акушинского выселка Яран-махи на хутор Кури-махи. Здесь он получил небольшой земельный надел, размером около 0,25 га и, кроме того, арендовал у селения Акуша участок так называемой общественной земли, расположенный в долине Акушинской речки. Разрешив таким образом, впрочем, далеко не в достаточной мере, свой земельный голод Багнад Магомедов попрежнему испытывал острый недостаток в пастбищах, что ограничивало размеры его стада.

Как отмечалось выше, все лучшие пастбища, летние и зимние, находились в руках зажиточной верхушки селения Акуша, почему крестьяне хуторов были вынуждены арендовать эти пастбища за высокую плату (150—200 руб. за сезон). Рядовым крестьянам такая плата была не по силу, и пастбища арендовались лишь обеспеченной частью общества. Крупный барановод нанимал чабанов, обзаводился собаками, необходимым инвентарем и имуществом. Все остальные крестьяне селения Кури-махи присоединялись к нему, выплачивая его чабанам от 20 до 50 копеек за каждую голову скота и отдавая ему 30—50% всего молока. Однако этим расчеты не ограничивались. В течение всего года крестьяне старались поддержать «доброжелательные» отношения с таким овцеводом, помогая ему во время сельскохозяйственных работ, постройки дома, изготовлении предметов ремесла, хлопот по устройству угощения при обручении, свадьбе, рождении и других семейных торжествах.

⁵ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 63.

Имея одну корову и десять овец, семье Багнада Магомедова приходилось платить 15 руб. чабану и 45 руб. его хозяину в виде подарков и угощения. В самые удачные годы овцы давали 80—100% приплода, что составляло около 700 кг мяса. В худшие годы, — а таких было значительно больше из-за падежа скота во время перегонов, болезней, из-за плутовства чабанов, — семья получала 300—400 кг мяса в год. Однако в семейный котел попадало не более 200—300 кг. Остальным мясом рассчитывались за пастбища с чабанами, за хозяйственные закупки, в том числе и за хлеб. Своего хлеба Багнаду Магомедову хватало лишь на четыре-пять месяцев.

Из всего селения Кури-махи, насчитывавшего в то время около 200 человек, только три хозяина имели полные упряжки быков и пурц (род деревянной сохи). Все остальные пользовались ими напрокат. Вознаграждение обычно выражалось в форме отработки, которая по-прежнему маскировалась в патриархальные одежды обычая взаимопомощи. Бороны крестьяне хутора Кури не знали, прополки тоже. Женщины только в советское время научились отличать всходы хлеба от сорняков. Унавоживание применялось в весьма ограниченных размерах, так как скот, находясь круглый год на подножном корму, давал очень мало навоза. Кроме того, его транспортировка затруднялась отсутствием рабочего скота.

В результате Багнаду приходилось уходить летом на приработки в Баба-юрт или Кизляр на виноградники, либо же в ближайшие города на промыслы. Это давало ему около 20 руб. в год. Дома оставалась жена Багнада Патимат и дети. Патимат несла на себе все бремя тяжелого физического труда: она сеяла хлеб, косила сено, убирала урожай, запасала дрова, стригла овец, заготавливала молочные продукты, готовила обед, ухаживала за детьми, ткала сукно, шила одежду, носила воду и т. д. Патимат помогала в работе ее дочка. Тяжелая работа рано согнула тело Патимат, которое она так и не смогла распрямить до своей смерти.

Дочка Багнада начала работать в поле с восьмилетнего возраста, в то время как ее братья учились у арабиста из соседнего селения. Обучение сводилось к запоминанию статей Корана. Читать и писать они так и не научились.

Уровень культурных потребностей семьи Магомедовых соответствовал их жесткому бюджету. Жили они в маленьком домишке с топкой по-черному. Скот помещался вместе с семьей, будучи отгорожен невысокой каменной загородкой. Открытый очаг давал очень мало тепла, и поэтому в холодное время члены семьи кутались в тяжелые овчинные шубы. На время сна семья располагалась вокруг очага на войлочных подстилках. Багнад и его сыновья спали с одной стороны очага, а Патимат и дочь — с другой. Помещение скудно освещалось светильниками или лучинами. Домашнее убранство состояло из нар и нескольких треугольных скамеечек распространенного в Дагестане типа. В одежде и обуви семья довольствовалась предметами своего домашнего производства.

Несмотря на большую хозяйственную роль в жизни семьи, Патимат занимала в ней, как и в обществе, зависимое положение. Неограниченным главой семьи был Багнад Магомедов, которому принадлежало и все движимое и недвижимое имущество. Он же решал судьбу детей. В течение всей своей совместной жизни Багнад ни разу не назвал жену по имени, обращаясь к ней всегда в третьем лице или же говоря о ней словами: «наша женщина». В силу адата Багнад ничем не проявлял своей заботы о детях, не брал их на руки, не ласкал. Следуя установленному этикету, он никогда не появлялся на улице вместе с Патимат, не ходил с ней в гости. Семейную трапезу Багнад с сыновьями совершали раньше женщин. Сын, хотя и был моложе своей сестры, имел право требовать от нее послушания и всевозможных услуг.

История этой семьи сохранила память о следующей семейной трагедии. В силу порядков того времени юноши и девушки не могли встречаться в нерабочее время. Исключение составляло лишь предвечернее время, когда девушки, возвратившись с поля, шли за водой. Юноши, чтобы увидеть понравившуюся ему девушку, располагался где-либо поблизости.

Дочь Багнада и Патимат, Хадижат, еще в детстве была очень дружна с соседним мальчиком Магомедом. Пока они были детьми, на эту привязанность не обращали внимания. Когда Хадижат исполнилось 12 лет, ее отец — Багнад посулил ее в жены сыну своего кунака в селении Ургуба. С этого времени старший брат Хадижат, Амин, старательно следил за сестрой, предупреждая все ее попытки встретиться со своим другом. Амин заставлял сестру сидеть дома все свободное от работы время и принимал другие меры, чтобы воспрепятствовать ее встрече с милым. Друг Хадижат часто проходил мимо дома, но она не выглядывала на улицу, боясь своего брата.

Желая лишний раз посмотреть хотя бы у водоема на своего милую, Хадижат предложила соседям носить для них воду. И без того трудный день девушки заканчивался нелегкой работой по переноске воды из одного дома в другой. Но это было единственным развлечением для нее. Брат разгадал тайну сестры и, оберегая ее «честь», убил друга Хадижат.

Четырнадцать лет Хадижат выдали замуж за юношу, которого она никогда раньше не видала. Прожив с ней два года и не дождавшись ребенка, муж прогнал Хадижат. Она вернулась в свой родительский дом, где и дожила свою безрадостную трудовую жизнь.

Отец семьи Багнад умер от малярии, которой заболел в Кизляре в виноградниках. К тому времени его сыну Амину исполнилось четырнадцать лет. Через три года после этого мать Патимат была зарезана родственниками убитого Амином Магомеда. Мстители по ошибке приняли мать за сына вследствие того, что Патимат была одета в бурку сына.

Второе поколение

Амин покинул родительский дом и ушел в город. Второй сын Багнада Магомедова, Багнадов Чанкабаг, стал собственником родительского дома и всего убогого хозяйства. Через год после смерти своей матери Чанкабаг женился на своей двоюродной сестре Пахинат, дочери брата матери. Происходя из семьи, имевшей некоторый достаток, Пахимат получила в приданое корову, пять овец, половину мельницы и земельный участок размером в 0,1 га.

Чанкабаг продал эту землю и приобрел второй камень для мельницы, сделавшись, таким образом, собственником недвижимости. Его сестра Хадижат стала обслуживать мельницу брата. С каждого пуда перемолотой муки в пользу хозяина мельницы удерживалось 2 кг, что сделало семью Чанкабага середнячком. Тем не менее пахотная земля его продолжала оставаться небольшой по размерам, всего в полгектара, а стадо насчитывало всего 10—15 голов мелкого рогатого скота. Доходы Чанкабага были относительно невелики. Его мечта построить новый дом, приобрести сундук-ларь для вещей работы местного мастера не сбылась. Цуни — так и осталась неосуществленной. Может быть, этому помешала преждевременная смерть Чанкабага от малярии, обычной для этой местности. Лишившись мужа, вдова Чанкабага продала мельницу. Но хозяйство продолжало слабеть. Видя, что ей не прокормить семью, состоявшую из четырех детей, она вышла замуж по сватовству за сына кунака своего отца. Своего нового мужа она раньше не видала, так как он жил на дальнем хуторе, куда она и переселилась. Трое младших детей остались на иждивении старшей дочери. Самый старший

них, Магомед пас быков у зажиточных хозяев в разных селениях Акушинского вольного общества.

В 1908 г., когда старшая сестра вышла замуж, имущество было разделено между детьми. Старший брат Магомед поступил в услужение к местному арабисту, у которого пробыл три года. Кроме немногих заученных мест Корана, Магомед ничего не приобрел. С 1911 г. Магомед ушел в сады Кизляра, где проработал до 1915 г. Сирот призывали родственники из жинса отца, которые извлекали из этого для себя выгоды. Младшая девочка Халум носила для всех членов жинса дрова и воду, младший мальчик Мута косил сено, пас лошадей. Кроме того, богатые родственники пользовались трудом сирот при постройке новых домов, где дети выполняли самую тяжелую и грязную работу: их заставляли таскать навоз, работать в поле и т. д. От всех своих родственников-опекунов сироты почти не получали помощи. Дом, в котором они жили, постепенно превратился в жалкую лачугу. Если случалось принять в виде подарка снятую с чужого плеча дырявую одежду, то это расценивалось как благодеяние.

Третье поколение

Великая Октябрьская социалистическая революция изменила жизнь этой семьи. Магомед, которому было тогда 19 лет, впервые смог поступить в школу, а затем на учительские курсы. По окончании курсов он стал учителем в сел. Акуша. В 1929 г. он получил обратно в свое пользование мельницу, но вскоре передал ее сиротам, а затем крестьянскому комитету. С 1930 г. Магомед получает должность заведующего школой в этом же селении, а потом переводится в сел. Усиша в этой же должности. Работая, Магомед не перестает учиться. В городе Махач-Кала он проходит краткосрочные курсы методистов, летом повышает свои знания на учительских курсах. В 1934 г. он некоторое время учится в педагогическом институте гор. Махач-Кала и два месяца на профсоюзных курсах в Ленинграде.

В 1935 г., как только организовалась в селении Ухурчи-махи сельскохозяйственная артель, Магомед становится ее членом. В 1937 г. он имел уже хорошее хозяйство. У него было 0,4 га пахотной земли, 0,2 га фруктового сада, до 15 голов мелкого рогатого скота, две коровы и птица.

В 1942 г. Магомед избирается председателем колхоза, в качестве которого работает и поныне. Колхозники помогли Магомеду построить четырехкомнатный дом с большой верандой. Все комнаты обставлены городской утварью. Национальный колорит всему убранству помещения придают ковры и паласы местной работы, резьба, выполненная на городской мебели — шкафах, кроватях, скамейках и т. п. Дом, в отличие от старого жилища этой семьи, имеет камин и железные печи, что позволяет в зимнее время отказаться от ношения теплой одежды в доме.

Магомед женился на девушке из селения Ургуба, отказавшись тем самым от обычной эндогамии. Он сам договорился с понравившейся ему девушкой. Комсорг сел. Ургуба, пользовавшийся большим доверием со стороны населения, уговорил родителей невесты дать свое согласие на необычайный брак дочери. После этого Магомед заслал к ним сватов. Каждый из них был бригадиром колхоза этого же селения и пользовался в нем большим авторитетом.

Так состоялась свадьба.

Семья Магомеда Исаева ничем не похожа на семьи его отца и деда. Жена равноправна, работает в колхозе наравне с мужчинами. Она грамотна, принимает участие в общественной жизни сельхозартели, посещает собрания и ходит в колхозный клуб. Если раньше бабушка и пра-

бабушка Магомеда встречались с мужчинами украдкой во время их работ или при переноске воды, то теперь жена Магомеда, отходя в клуб, берет с собой свою дочь Патимат. В клубе они слушают беседы на агротехнические темы, изучают «Краткий курс истории ВКП(б)», бывают на читке газет. Вечер заканчивается национальными даггинскими танцами или кинокартиной.

На празднествах и торжествах мать и дочь не остаются безмолвными, безучастными зрителями, как это было раньше, но принимают в них активное участие, проявляя живой интерес. Так, на последнем вомайском празднике жена Магомеда после доклада комсорга о 1 Мая, выступила со своим докладом, посвященным новой жизни советской даггинки. Праздник отмечался обычными для горцев джигрой, соревнованиями по бегу, прыжками, метанием камней и национальными танцами, в которых участвовали и мужчины и женщины.

Дети Магомеда Исаева получили систематическое образование. В настоящее время они окончили школу и готовятся к поступлению в высшие учебные заведения.

Таковы яркие страницы из биографии трех поколений семьи Магомедовых, отражающие три разные исторические эпохи, из которых создателем последней явился великий Сталин.

Я. Р. ВИННИКОВ

СОВРЕМЕННОЕ ЖИЛИЩЕ КОЛХОЗНИКОВ - ТУРКМЕН МАРЫЙСКОЙ ОБЛАСТИ

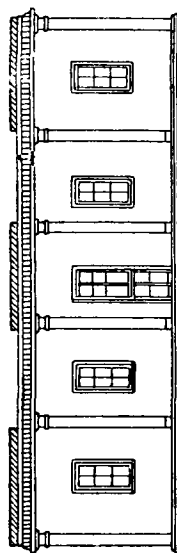
Успехи коллективного социалистического сельского хозяйства в Марыйской области, равно как и в других областях Туркменской ССР, привели к коренному изменению типа сельских поселений. Старые аулы, созданные на основе родового принципа расселения, уступили во всех 295 колхозах области место новым поселениям социалистического типа. Члены колхоза «Зарпчи», например, до 1937 г. жили мелкими группами в 5—10 дворов, разбросанными по всей территории колхоза. Сейчас все они живут в одном благоустроенном поселке (см. план — рис. 1).

Поселок представляет собой три параллельные улицы. По краям их проложены арыки, обсаженные деревьями. Улицы ориентированы в зависимости не только от направления господствующих ветров, как это обычно делается в Туркмении, но главным образом от рельефа места поселения. Ввиду этого улицы имеют направление почти с севера на юг, что позволило наиболее удобно и правильно провести вдоль улиц оросительную сеть, обеспечивающую полив всех приусадебных участков.

За счет обобществленного фонда колхоз построил ряд новых культурно-бытовых и производственных зданий: здание правления колхоза, зерно-овощехранилище, производственные мастерские, кузницу, склад сельскохозяйственного инвентаря с отделением для каждой бригады, склады минеральных удобрений и горючего, гараж на 5 автомашин, тракторный и скотный дворы, конюшни, агылы, птичник и т. д. Расположение комнат в правлении колхоза (рис. 2) произведено таким образом, что колхозники и посетители могут попасть отдельно к председателю, его заместителю по производственной части, отдельно в партбюро, к бухгалтеру, кассиру-кладовщику и в канцелярию. В первой приемной комнате (№ 9) размещены красиво оформленная доска почета, стенная газета, бригадные списки колхозников с обозначением численных за каждую декаду трудодней. Здесь же развешены лозунги, плакаты и т. д. Кабинет председателя, зал заседаний и все другие комнаты правления колхоза имеют современного типа обстановку и по своему оборудованию и вкусу, пожалуй, не уступят оборудованию служебных помещений районных организаций. Правление колхоза действительно создало культурную обстановку, располагающую к порядку в работе.

Нельзя не отметить красивое и удобное здание школы-семилетки, лучшее в области и, пожалуй, в республике (рис. 3), здание детских ясель на 100 детей, дом для приезжающих, здание столовой, колхозный магазин, общежитие для наемного персонала (шоферов, медработников, учителей, агрономов и т. д.), противотрахомный пункт, телефонный узел на 20 номеров, связанный с сельсоветом и районным центром г. Мары. Колхоз заканчивает строительство собственной гидроэлектростанции. Замечательным фактом, показывающим внедрение в быт колхозников «Зарпчи» новой культуры, является баня, состоящая из мужского и женского отделения и имеющая ванну, душ и все необходимое

Главный фасад

План здания

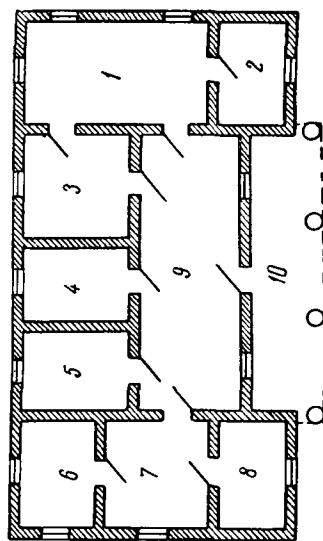
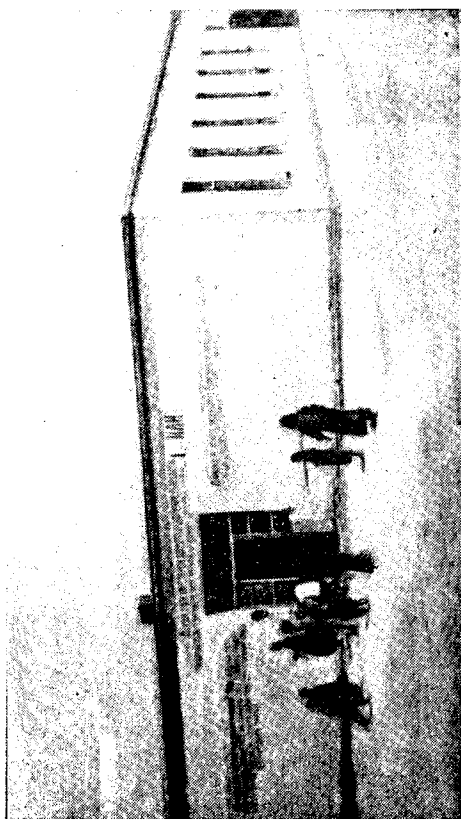

Рис. 2. Здание правления колхоза «Зарпчи» Марыйского района: 1 — зал заседаний, 2 — читальня, 3 — кабинет председателя, 4 — сберкасса, 5 — партбюро, 6 — бухгалтерия, 7 — канцелярия, 8 — касса, 9 — приемная, 10 — веранда

План здания

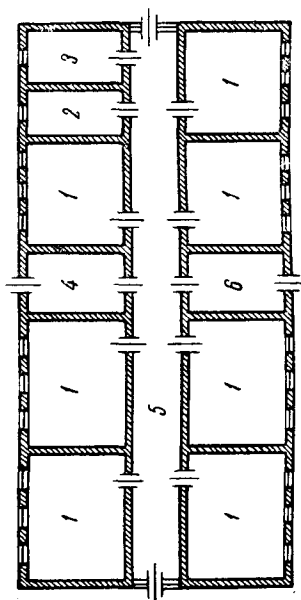
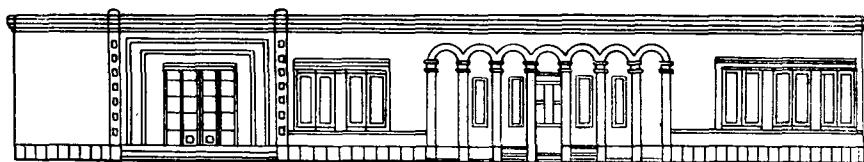

Рис. 3. Здание неполной средней школы в колхозе «Зарпчи» Марыйского района. План здания: 1 — классы, 2 — учительская, 3 — кабинет директора, 4 — библиотека, 5 — коридор, 6 — комната отдыха

В колхозах возникли парки культуры и отдыха, например, прекрасный парк в колхозе имени Сталина Марыйского района или в колхозе «Горельде-Ярыш» Сагар-Чагинского района; следует отметить и красное здание клуба в колхозе им. Сталина (рис. 4).

Главный фасад

План здания

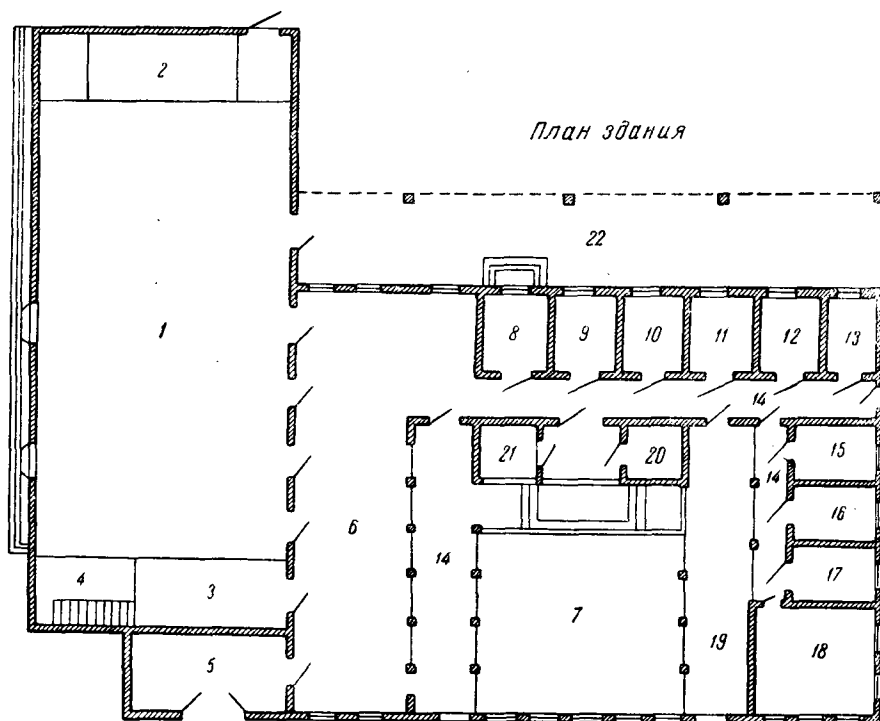

Рис. 4. Клуб колхоза им. Сталина Марыйского района. План здания:
1 — зрительный зал, 2 — сцена, 3 — кинобудка, 4 — лестничная клетка,
5 — вестибюль, 6 — фойе, 7 — чайхана, 8 — буфет, 9 — бильярдная, 10 —
шахматная комната, 11 — военный уголок, 12 — кабинет директора, 13 — му-
зыкальная комната, 14 — коридор, 15 — библиотека, 16 — книгохранилище,
17 — парткабинет, 18 — зимний читальный зал, 19 — летний читальный
зал, 20 — парикмахерская, 21 — курительная комната, 22 — веранда

Своеобразные исторические судьбы туркменцев-текинцев, их социальные и земельно-водные отношения наложили свой отпечаток не только на дореволюционный тип расселения, но и на тип и форму жилища.

Господствующим типом жилища сельского населения на территории современной Марыйской области, как и у киргиз, туркмен Ашхабадской и Красноводской областей, казахов, каракалпаков и ряда других народностей Средней Азии, была и теперь нередко бытует кибитка «ой

или, как часто ее называют, «гара-ой». Имеющиеся в литературе¹ описания ее устройства далеко не полны, а в отдельных частях и элементах неправильно ее характеризуют. Поэтому мы остановимся на описании конкретной ой, принадлежащей колхознице из колхоза «Зарпчи» Марыйского района — Героя Социалистического Труда Набат Ходжа Мурадовой (рис. 5). Ее ой состоит из четырех решетчатых складных стенок «тарим», связанных между собой шерстяной тесьмой, называемой «багыш». Концы двух крайних тарим прикрепляются к косякам двери «суе». На косяки вверху через два имеющихся отверстия надевается притолока «басага», а внизу — подобной же формы, но более массивная подставка, имеющая два углубления, куда вставляются нижние концы суе. Все сооружение в плане представляет правильный круг. Встречаются кибитки с 6, а иногда с 8 таримами. Тарим делается из чуть выгнутых еловых жердей толщиной в 6—8 см, длиной до 1,8—2 м, сложенных под углом в 45° и скрепленных ремешками из верблюжьей сыромятной кожи, называемыми «хам-юп».

На эти четыре связанные и установленные по кругу тарим с дверью «чилик» устанавливается куполообразная верхняя часть кибитки, состоящая из 92—102 «ук» и одного «туйнык» — массивного деревянного обруча диаметром в 1,85 м. Туйнык скреплен 10 дугообразно расположенными жердями и по окружности имеет отверстия, в пазы которых вставляются верхние концы ук; нижним концом они прикрепляются к верхней части тарим с помощью шерстяного шнура «ук-баг». Кибитка размером в 4 тарим имеет 92—102 ук; при 6 тарим число их доходит до 140—145. Для предотвращения прогиба верха кибитки уки на небольшой высоте скрепляются между собой шерстяной тесьмой «дузи» шириной в 3—5 см. Для придания деревянному остову кибитки наибольшей устойчивости она на высоте примерно 1 м от земли стягивается прочной шерстяной веревкой или толстой железной проволокой, называемой «бил-юп».

Деревянный остов кибитки Набат Ходжа Мурадовой образует площадь диаметром 5,3 м; высота ой равна 4,1 м. Вся эта конструкция приспособлена к быстрой сборке и разборке. Нижняя часть кибитки до изгиба ук закрыта четырьмя прямоугольными кошмами «дурлук» размером 4—5 м × 2,2 м, которые пришитой на верхних углах шерстяной веревкой прикрепляются к деревянному остову ой. Позади дурлук устанавливаются камышовые цыночки «гамыш-дурлук», которых бывает обычно три: две из них укреплены прочно, а средняя «гозерек» закрепляется так, чтобы ее можно было легко снять.

Изготавливается гамыш-дурлук из камыша, причем каждый стебель в нескольких местах обмотан тонким, но прочным шерстяным шнурком, скрепляющим всю цыновку. Высота гамыш-дурлук чуть превышает тарим, т. е. равна 2 м. Поверх гамыш-дурлук идет стягивающая его шерстяная веревка, а иногда широкая цветная тесьма, как, например, в кибитке бригадира Мухомед Хал-Назарова. Дурлук прикреплен к остову кибитки так, что его низ почти касается земли. На зиму низ кибитки засыпается землей, чтобы стекающая по кошме дождевая и снеговая вода не могла проникнуть в кибитку. На лето один из средних дурлук обычно убирается и заменяется упомянутой выше камышовой цыновкой гозерек.

Куполообразная часть остова кибитки покрывается двумя полотнищами кошмы, называемыми «узук». Они прикрепляются к остову кибитки

¹ См. Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении (в 1880—1881 гг.)*, т. I, Асхабад, стр. 82 — приложения; К. М. Федоров, *Закаспийская область*, Асхабад, 1901, стр. 27; П. Иванов, *Хозяйственные постройки туркменского жилища и дворовые постройки туркменского двора*, журнал «Туркменоведение», № 8—9, 1930, стр. 47—48; Г. П. Васильева, *Туркменское племя нохурли* (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Архив Института этнографии АН СССР), и др.

имеющимися на их углах веревками «узук-баг». Обычно узук с верхней частью доходит до туйнык, а нижней покрывает верхнюю ча

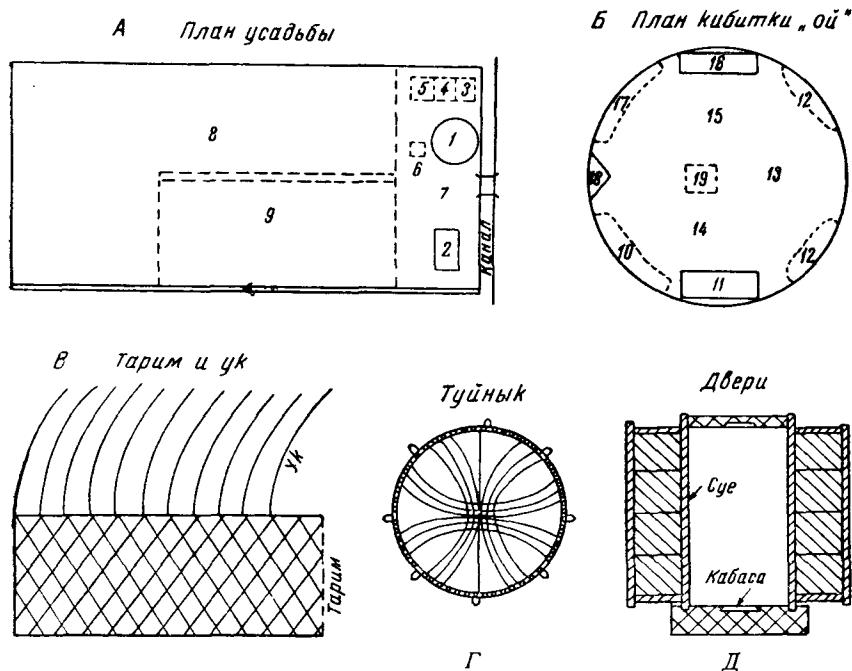
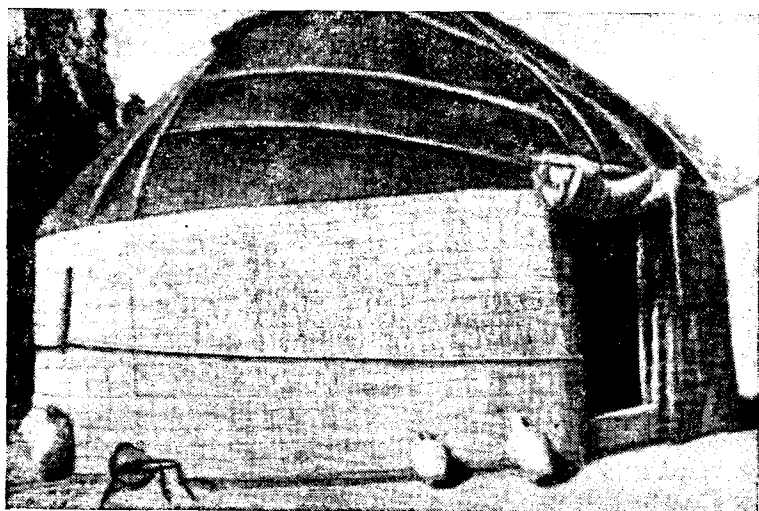

Рис. 5. Усадьба и жилище звеньевой колхоза «Зарпчи» Марыйского района Героя Социалистического Труда Набат Ходжа Мурадовой; А — план усадьбы: 1 — кибитка «ой», 2 — там-кэпбе, 3 — навес для топлива, 4 — навес для грубого фуража, 5 — навес для скота, 6 — очаг, 7 — двор, 8 — посе́вы, 9 — виноградник; Б — план кибитки «ой»; 10 — кухонная утварь, 11 — шкаф, 12 — ковровые чувалы, 13 — место для гостей, 14 — женская половина, 15 — мужская половина, 16 — сундук, 17 — настил для продуктов, 18 — дверь, 19 — очаг; В — тарим и ук; Г — туйнык; Д — дверь кибитки

дурлук. Полотнища узук имеют на боковых сторонах по три «узук-ю» которыми и прикрепляются к осто́ву кибитки.

Верхние края узук и дурлук обшиты шерстяной тесьмой, что предохраняет их от быстрого износа. «Туйнык» покрыт войлоком четырехугольной формы — «серпик», три угла которого веревкой прикреплены к тарим, а четвертый откидывается или закрывает туйнык с помощью специального шеста «серпик-агач»; через отверстие туйнык проходит дневной свет и выходит дым от очага.

Вся кибитка скрепляется двумя веревками «гоуш-баг», проходящими с севера на юг и охватывающими куполообразную ее часть; концы гоуш-баг прикрепляются к глубоко врытым в землю двум колям.

В центре кибитки против входной двери, под туйныком, устраивается очаг, занимающий огороженную маленьким глиняным валиком площадку размером $0,8 \times 0,8$ или $0,8 \times 0,9$ м. Здесь устанавливается на трех ножках железная подставка под котел, служащий основной посудой для приготовления пищи. На этой же железной подставке и нередко прямо на очаге кипятят чай в специальном сосуда «тумгче».

Дверь кибитки «ишик» всегда ставится на запад. По распространенному у туркмен обычаю умершего должны класть ногами к двери кибитки, а головой к противоположной, глухой стенке, а так как покойник должен быть обращен лицом к Мекке, то и двери кибитки ставят в том же направлении.

Прямо против входа в кибитку, у противоположной стенки, находится центральное, почетное место, где размещаются гости. Это место как в жилище Набат Ходжа Мурадовой, так и всюду у туркмен, покрыто лучшими цветными орнаментированными кошами, а нередко и текинским ковром. На противоположном от входа в кибитку тариме подвешены две ковровые сумки «чувал», где хранится разная одежда. По правую сторону от входа в кибитку расположен туркменского типа шкаф с посудой и мелкой утварью, здесь хранится также часть продуктов. Эта половина кибитки еще и теперь считается женской. По левую сторону от двери на деревянной подставке размещены мешки с зерном и мукой, стоит сундук с положенными сверху постельными принадлежностями.

Подобный тип жилища бытует и теперь в районах Ашхабадской области, у сарыков Иолотанского и Тахта-Базарского районов, а также у номудов Ташаузской области.

Описанная кибитка «ой» Набат Ходжа Мурадовой находится на территории ее меллека — четырехугольного приусадебного участка, размером 36×70 м; ой расположена сразу вправо от входного мостика, тыльной стороной к улице. Далее в глубине направо находится навес для скота, топлива и грубого фуража. Налево от входа на меллек находится «там-кэпбе» — жилое помещение свекрови хозяйки кибитки. Во дворе против входа в кибитку устроен очаг «ожар», где в летнее время готовится пища. Весь двор с жилыми и хозяйственными строениями занимает 600 м^2 . Против там-кэпбе разбит молодой виноградник площадью 550 м^2 , а остальная часть усадьбы занята посевами люцерны и пшеницы.

Вторым типом жилища, созданным туркменским народом в течение 2–3 дореволюционных поколений, является там-кэпбе, в котором умело сочетаются использование местных строительных материалов, правильный учет климатических условий и национально-бытовые навыки населения. Широкое бытование там-кэпбе, хотя и вытесняемого постепенно жилищем городского типа, объясняется силой традиции и связано с длительным обитанием в нем ряда поколений. Этот тип жилища составляет этническую особенность туркменского населения, главным образом Марыйской и восточной части Ашхабадской областей.

Конструкцию, технику строительства и строительный материал этого типа жилища мы покажем на конкретном примере там-кэпбе бригадира 4-й бригады колхоза «Зарпчи» Аман Нурлиева (рис. 6). Строительство

этого типа жилища обычно начинается с того, что врывают в землю четыре угловых столба, намечающих размеры жилища, в данном случае $4 \times 5,5$ м при высоте 2,7 м.

Если крыша там-кэпбе устраивается двускатная — «эшек-арка» по середине торцовых стен екапываются в землю дополнительные столбы на 0,2—0,3 м выше остальных угловых. Верхние концы всех столбов-стоек имеют развилку «яб-ялы агач». В развилки этих стоек в длину положены три «кесе-агач», т. е. бревна (стропила) диаметром в 12—14 см. На образовавшуюся таким образом конструкцию по-

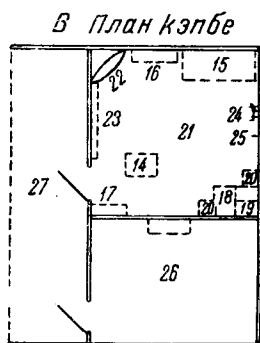
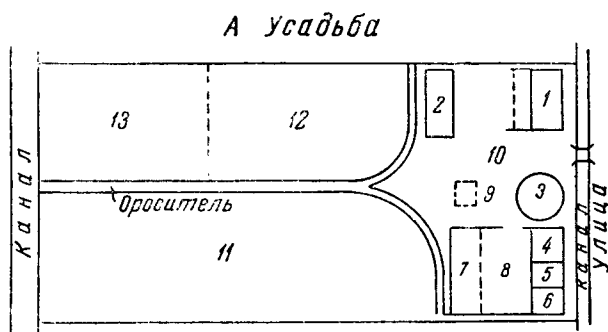

Рис. 6. План усадьбы лица бригадира в «Зарпчи» Марыйского она Аман Нурлиева усадьба: 1 и 2 — там-кэпбе, 3 — кибитка ой, 4 — вая, 5 — сарай для 6 — коровник, 7 — 8 — скотный двор, 9 — 10 — двор, 11 — винник, 12 — молодой сад посевы. Б — там (внешний вид); В — там-кэпбе; 14 — железная печь, 15 — железная печь, 16 — шкаф, 17 — ве, 18 — стол, 19 — радионик, 20 — стулья, 21 — покрытый цветными м, 22 — колыбель, 23 — тил для продуктов, 24 — кало, 25 — семейные графин, 26 — амбар, 27 — ранда

дикулярно, через 0,3—0,4 м, положены «капырга-кайма» из дюйм досок, закрепленных по концам гвоздями. Нередко досчатые капырга-кайма заменяются брусками толщиной в 5—6 см. К каждой боковой стене на высоте одного-двух метров прикрепляются два бруска. За на западной стороне укрепляется рама для двери, а на противоположной стороне — рама для окна. Образовавшийся таким образом деревянный остов там-кэпбе покрывается камышовой цыновкой или просто тонким слоем (до 2 см толщиной) камыша «кушек-камыш». Эти камышовые стенки и крыша обмазываются глиной. Толщина внешней обмазки штукатуркой достигает 3—4 см, а внутренней обмазки стен и потолка — 2 см. Никаких орнаментальных украшений они не имеют.

В описываемом жилище бригадира Аман Нурлиева, как и во многих других, установлена дверь, размером $0,85 \times 1,9$ м, и на уровне 0,2 м от земли двустворчатое окно городского типа с одной рамой и двустворчатой же ставней, размером $0,7 \times 0,9$ м. Нередко встречаются окна местного типа размером $0,3 \times 0,4$ м, устанавливаемые на высоте 1 м от пола.

Отапливается такое жилище железной печью, которая устанавливается на расстоянии 1—1½ м от стен и входной двери. В крыше для трубы делается отверстие, обкладываемое черепками из обожженной глины для предохранения от пожара. Печь служит не только для обогрева жилища, но и для приготовления пищи в холодное время. Жилища подобного типа встречаются и двухкамерные, того же устройства.

Отметим условное деление жилища Аман Нурлиева на мужскую и женскую половину, соответственно чему расставлены мебель и домашняя утварь. В кибитке, как сказано, женской половиной считается правая часть, во всех же других видах жилища, наоборот, женской половиной является левая. Противоположная от входной двери часть жилища и здесь является центральным местом «михман-джай», которое всегда застлано лучшими цветными кошами «кече» и нередко текинским ковром «хали». Здесь по традиции на полу происходит угощение гостей и чаепитие, хотя рядом — в углу справа имеются стол и два стула. Стол служит для занятий школьников, на нем же находятся радиоприемник, книги, газеты. Между столом и окном расположено зеркало в красивой деревянной оправе. Слева от окна на уровне зеркала размещены семейные фотографии. По левой стене стоит красивая никелированная кровать, но она редко служит по назначению, так как по традиции спят на полу. Над кроватью и на центральной стене развешаны портреты вождей. Рядом с кроватью стоит туркменского типа орнаментированный шкаф для посуды и мелкой домашней утвари. На нем сверху укладываются постельные принадлежности. Левый угол жилища занят колыбелью «салланчак» следующего устройства. В стене на расстоянии 1,5 м от угла и на высоте 1 м от пола прочно укреплены кольца, за которые привязаны две веревки, расперты двумя палочками; все вместе образует прямоугольник, к краям которого подшито полотно — ложе для ребенка. По левой от входа стене на высоте 15—20 см устроен деревянный настил, на котором в шерстяных чучалах хранятся зерно, мука и пр., а промежуток под настилом используется для хранения деревянной посуды, таза, кастрюль, чайников и другой утвари.

Довольно удачно и по-хозяйски используется территория приусадебного участка «меллек». Направо от уличного входа находится описанная там-кэпбе. Против нее, на расстоянии 7—8 м, стоит вторая там-кэпбе, где живет семья младшего брата хозяина. Налево, в 2—3 м от входного мостика, расположена кибитка «ой», в которой живет старуха-мать. Весь левый угол занят сараем для фуража и скота и скотным двориком. Левая часть усадьбы занята виноградником, который отделяется от правой части арыком, обсаженным абрикосовыми деревьями. Правая дальняя часть усадьбы используется под посев люцерны и зерновых культур. Между двумя названными выше там-кэпбе устроен летний очаг «ожар». Такие дворы, как Аман Нурлиева, Набат Ходжа Мурадовой и многих других, принадлежат к типу открытого двора, широко бытующему не только в районах Марыйской и Ашхабадской областей или в других местах Средней Азии, но и в степных районах юга России.

Третьим, широко распространенным типом жилища колхозников Марыйской области является одно- или двухкамерный дом «там». Иногда встречается там, состоящий из одной жилой комнаты и узкого коридора. В качестве примера опишем там лучшей звеньевой первой

бригады колхоза «Зарпчи», стахановки Акгозель Сапар Дурдыев. Ее там построен из сырцового кирпича, стены гладко оштукатурены с обеих сторон глино-соломенным раствором, а внутри, как и потолки, побелены известью. Крыша — плоская, земляная, пол земляной, хорошо смазан толстым слоем глины и по традиции застлан цветными орнаментированными кошками. Этот тип дома имеет дверь городского типа, два окна, одно из которых обращено на улицу, а другое, как и входная дверь, во двор, на запад. Здание в плане имеет форму прямоугольника 4×5 м при высоте жилой комнаты в 2,8 м.

Внутреннее убранство комнаты по своему расположению и входу в него предметам во многом напоминает описанное жилище бригады Аман Нурлиева. В силу традиции и здесь мебель не всегда используется по назначению. Хозяйка, принимая гостей, усаживает их на пол у противоположной от входа стены и каждому подает нарядную цветную подушку, подкладываемую под локоть. Далее следует традиционное угощение. В доме Акгозель, как и во всех других колхозных семьях, наблюдали наличие новых предметов быта, как, например, швейные машины, постельное белье, полотенца, скатерти, лампы, кастрюли, тарелки, чашки и т. д.

Четвертым видом жилища туркмен Марыйской области, получающим под влиянием растущих культурно-бытовых потребностей все большее распространение, является дом городского типа.

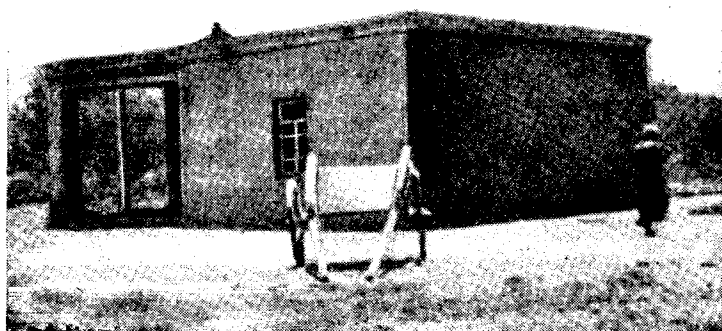
Процесс социалистического переустройства быта вызвал все возрастающую замену широкой массой колхозников своих старых жилищ новыми односемейными домами городского типа, состоящими из трех или четырех, а иногда и пяти комнат. Это новое жилище по своим размерам и форме полностью отвечает хозяйственно-бытовым и культурным интересам колхозников.

Яркими показателями этого процесса являются социалистические поселки колхозов «Зарпчи» и имени Сталина Марыйского района «Тезе-Ел» и «Большевик» — Байрам-Алийского района и многих других колхозов советской Туркмении, где переход колхозных масс к новому быту идет по линии приспособления жилища городского типа соответственно национальным навыкам и традициям. Это находит свое выражение в планировке, внешнем виде, архитектуре, а особенно во внутреннем устройстве и убранстве дома.

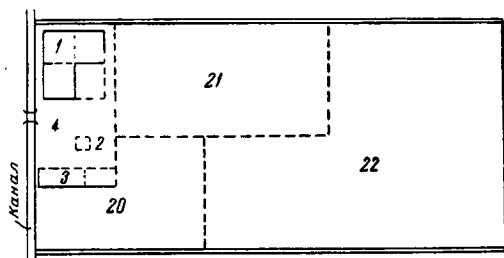
Характерным комплексом таких жилых домов являются наиболее распространенные односемейные трехкомнатные дома с выходом на крытую веранду, как, например, жилые дома Абит Нурли, Рахманова, Ходжа Эсенова, Нургельды Мухомед Берды в колхозе «Зарпчи», Акат Мурадова, Ораз Мухомед Яздурды в колхозе имени Сталина Язча Чарыева в колхозе «Тезе-Ел» и многих других. Все они по своему устройству однотипны, прямоугольны, меняются в плане только их размеры и внутренняя планировка. Поэтому приводимое ниже описание дома Абит Нурли или Ходжа Эсенова из колхоза «Зарпчи» Марыйского района дает достаточное представление о новом типе жилища, широко распространенном в быт колхозного дехканства.

Трехкомнатный односемейный дом своими двумя жилыми комнатами, как правило, обращен на улицу, а верандой «айван» и входными дверями — во внутрь приусадебного участка. Первая изолированная комната со входом непосредственно через веранду и одним окном на улицу предназначена для приема гостей. Две смежные комнаты (рис. 7) являются основным жильем семьи: проходная служит столовой, а в холодное время и кухней; вторая является спальней. Стены такого дома кладутся из сырцового кирпича (наружные в два, а внутренние — в полтора кирпича). Раствором служит жидко разведенная глина. Стены ставятся непосредственно на грунт, кладка начинается 2—3 рядами обожженного кирпича. Дверные и оконные коробки (об-

но из завозного соснового леса) ставятся одновременно с кладкой стен. Перекрытие делается большей частью из толстых досок (8—10 см), укладываемых на ребро — через каждые полметра. В некоторых домах для этой цели употребляют бревна завозного леса. Настил кровли делается из завозных сосновых досок, укладываемых непосредственно

А План усадьбы

Б План дома

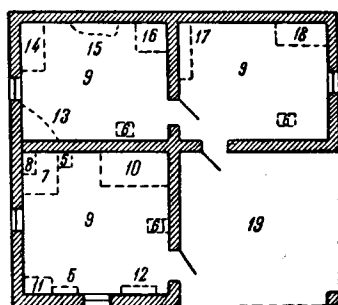

Рис. 7. Усадьба и жилище колхозника колхоза «Зарпчи» Марыйского района Ходжа Эсенова; А — план усадьбы: 1 — жилой дом, 2 — очаг, 3 — навес, 4 — двор, 20 — огород, 21 — виноградник, 22 — посевы; Б — план дома: 5 — стулья, 6 — железная печь, 7 — стол, 8 — радиоприемник, 9 — пол, покрытый цветными кошмами, 10 — железная кровать, 11 — шкаф, 12 — вешалка, 13 — колыбель, 14 — шкаф, 15 — ковровый чучал, 16 — сундук, 17 — настил для хранения продуктов, 18 — кухонный шкаф, 19 — веранда

на перекрытие. На эти доски кладется камыш слоем в 8—10 см. Его смазывают глиной, поверх которой идет слой в 5—7 см слегка утрамбованной земли, которую вновь смазывают глиной, замешанной на соломе. Края крыши «там-усти» делаются на 15—20 см выше ее уровня, придавая ей уклон 0,05—0,04 для лучшего стока дождевой и снеговой воды. Этот тип крыши в условиях туркменского климата лучше предохраняет здание от перегрева знойными лучами солнца, создает более прохладную температуру помещения.

После укладки крыши производится внешняя и внутренняя отделка дома. Стены с обеих сторон штукатурятся глино-саманным раствором, затираются раствором песка с известью и белятся мелом. В некоторых домах, например, у Абит Нурли, у Абды Сапар, у Аллаберды Атага-

рыева и других колхозников колхоза «Зарпчи», произведена отделка фриза внутренних стен клеевыми красками с произвольным рисунком трафарету. Пол кладется деревянный или из обожженного кирпича застилается кошмами, а в некоторых семьях коврами или паласами.

Размеры окон различны: наиболее распространены $0,75 \times 1$ м и $0,8 \times 1,1$ м. Окон бывает 3—8, в зависимости от величины дома. Петли окон делаются на 4, 8, чаще всего на 6 стекол. Вторые рамы, принятые в центральной части СССР, здесь не встречаются; почти всюду их заменяют внутренние двустворчатые ставни. Двери — стандартного городского образца размером $0,9 \times 1,8$ м. Двери и окна обычно красятся яркими масляными красками. Высота жилых комнат в доме Ходжа Эсенова — 2,9 м, у Абит Нурлиева — 3,2 м, а в других домах колхозов «Зарпчи» или «Тезе-Ел» — 2,8—3,5 метра.

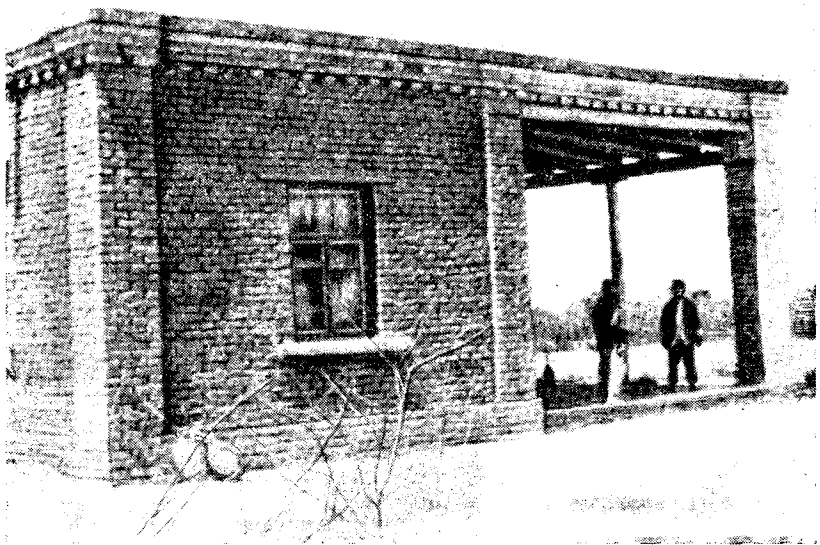

Рис. 8. Жилой дом звеньевой из колхоза «Зарпчи» Марыйского района. Фото автора. 1949 г.

Отапливаются жилые комнаты железными или (реже) чугуными печами, топят их саксаулом и сухими стеблями хлопка «гузапая». Большую часть года пищу готовят на открытом воздухе, для чего у каждого жилого дома имеется очаг того же типа, который распространен у всех народов Средней Азии.

Внешний вид новых жилых домов колхозников прост. Почти всюду гладкие стены, заканчивающиеся небольшим парапетом, выложенным из одного-двух рядов обожженного кирпича. В домах, например, Абит Нурли, Ходжа Эсенова и других колхозников колхоза «Зарпчи», кирпич на парапете уложен под углом 45 градусов, что придает парапету большую рельефность и украшает здание. Убранство в каждой из трех комнат (например, в доме Ходжа Эсенова или Рахман Ханова) различно. В комнате для гостей, в ее правом углу, расположена вешалка, далее по этой же стене стоит шкаф туркменского типа с положенными на него постельными принадлежностями для гостей. Центральная стена против входа украшена портретом И. В. Сталина, плакатами и семейными фотографиями. Пол, как и всюду, устлан орнаментированными цветными кошмами.

Во второй комнате сосредоточены продукты питания, кухонная утварь и посуда, третья комната — спальня. Здесь в правом от входа углу стоит сундук, поверх которого складываются постельные принадлежности семьи. Левый угол занят колыбелью салланчак, описанной выше. На стене подвешен ковровый чувал, где хранится одежда.

Многосемейные колхозники нередко имеют дом на четыре комнаты; три из них используются так же, как в описанном трехкомнатном доме, четвертая отводится старикам.

Двухкамерное жилище, например, колхозника Чары Хан Дурды или бригадира Хал Мухомед Кули из колхоза «Тезе-Ел», состоит из комнаты $4 \times 5,5$ м, освещенной двумя окнами, выходящими во двор. В этой комнате проходит вся жизнь семьи. Здесь в холодное время готовят на железной печке пищу, едят, спят и выполняют домашнюю работу. Вторая комната, направо от входа, размером 4×4 м, освещенная одним окном, обращенным на улицу, является «мыхман-жайы», т. е. комнатой для гостей. Убранство ее отличается от первой отсутствием кухонной утвари и запасов продовольствия. Каждая из этих комнат отапливается самостоятельно железной печью.

Если постройка там-кэпбе или там производилась, да и теперь производится, силами самих колхозников, то постройка нового современного типа жилища является делом рук мастеров-строителей. В колхозе «Зарпчи» каждая колхозная семья сама выполняет всю работу, связанную с приобретением и завозом необходимых материалов, а также с привлечением специалистов-строителей и осуществлением самого строительства дома. В колхозе «Тезе-Ел» организована специальная строительная колхозная бригада, которая за счет правления колхоза и по утвержденному им календарному плану выполняет все строительство домов для колхозников, а правление в течение 3—5 лет, в рассрочку, взывает соответствующую сумму с каждого новостройщика. Этот порядок не только дает возможность произвести строительство в наиболее короткий срок, но и обеспечивает лучшее качество стройки и значительно сокращает затраты материальных и денежных средств. Строительный сезон в колхозе «Тезе-Ел» продолжается почти круглый год. Для строительства используется сырцовый кирпич, выделка которого производится недалеко от объекта строительства, близ какого-либо арыка. Измельченная земля, политая несколько раз водой, перемешивается с саманом и затем кетменем выбрасывается из образовавшейся ямы. Для изготовления кирпича имеются специальные четырех-пяти-камерные формы из досок. Это — прямоугольник, имеющий дно, ручки по бокам и четыре внутренние перекладины, обеспечивающие общепринятый стандарт кирпича. Чтобы глина не прилипала, форма предварительно обсыпается песком, а иногда сильно смачивается водой. Наполненная глиной форма переворачивается так, чтобы кирпичи ложились на землю плашмя, рядами. Спустя 3—5 дней кирпич переворачивают на бок, а через 7—8 дней он может идти в дело.

Почти на каждом приусадебном участке колхозника имеются хозяйственные постройки, например, сарай или навес для скота, фуража, хранения топлива. Все они возводятся из местных строительных материалов, силами семьи, без найма посторонних.

У некоторых колхозников из колхозов «Тезе-Ел», «Зарпчи», колхоза имени Сталина, как и у киргиз, каракалпаков и других народов Средней Азии, кибитка ой стоит рядом с новым жилым домом и используется как вспомогательное летнее помещение.

Новый, социалистический тип колхозного жилища быстро распространяется в туркменском ауле, свидетельствуя о полной перестройке быта и росте культурных запросов колхозников Туркмении.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Б. И. ШАРЕВСКАЯ и Ю. А. ЗУБРИЦКИЙ

КЕЧУА — ИНДЕЙСКИЙ НАРОД АНДИЙСКОГО НАГОРЬЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

(Основные моменты формирования народности)

1

Кечуа — многомиллионный индейский народ, составляющий большую часть современного населения нескольких стран Андийского нагорья Южной Америки. По численности, по занимаемой территории, удельному весу в экономической и политической жизни тех стран, они расселены, кечуа представляют самый значительный народ коренного населения Нового света. Уже один этот факт привлекает к ним особое внимание этнографа.

Наименование «кечуа» впервые встречается в письменных источниках 60—80-х гг. XVI в. Хронист эпохи конкисты Доминго де Санта-Томас составил датированное 1560-м г. руководство по изучению языка кечуа¹. Разъяснение происхождения и значение этого наименования можно почерпнуть из географического описания Перу, датированного 1586-м г.² Из этих источников явствует, что инки, а за ними и конкистадоры применяли термин «кечуа» в двойном смысле. «Кечуа» назывались глубокие ущелья или долины Андийского нагорья такого типа, как, например, то, в котором лежит Куско. Буквально кечуа означало «теплая долина». Это наименование применялось инками, а потом конкистадорами в отношении племен, обитавших в подобных долинах («люди теплых долин») в отличие от обитателей холодного плоскогорья — племен колья (аймара).

Насколько можно выявить факты из преданий, записанных писателями-хронистами, древнейшая история кечуа представляется в следующем виде. Кечуа были одним из многочисленных племен Андийского нагорья; они жили в долинах с субтропическим климатом, расположенных вокруг современного города Абанкай, в 60 км к юго-западу нынешнего города Куско, недалеко от племени инков, обитавшего

¹ Santo Tomás, Domingo de. Arte de la lengua quichua, compuesta por Domingo de Sancto Thomas, publicado de nuevo por Julio Platzmann. Edición facsimilar, Leipzig, 1891.

² Relaciones geográficas de Indias, Perú. Editor Marcos Jiménez de la Espada. 4 vols., Madrid, 1881—1897.

долине Куско. В начале XV в. кечуа, очевидно, были одним из самых больших и могущественных племен в области Средних Анд. Они занимали территорию, позже известную в государстве инков как провинции Чанка (или Андауайлья) и Котапампа. Вероятно, в это время они представляли уже союз нескольких племен, говоривших на близких между собой диалектах. В первые же десятилетия XV в. на кечуа с запада напало племя чанка и вытеснило их с территории будущей провинции Андауайлья (которая поэтому стала потом называться также провинцией Чанка). Во время нападения племени чанка кечуа, возможно, состояли в союзе с инками; во всяком случае инки одержали победу над чанка в 1438 г. В последующие десятилетия под руководством военного вождя и правителя Пачакути (1438—1463) инки завоевали ряд племен и положили начало образованию государства, которое достигло наивысшего расцвета примерно к 1525 г.³

Очевидно, племя инков говорило на языке, близком к кечуа или представлявшем один из его диалектов. В начале XV в. в период могущества племени кечуа и союза с ним инков последние перешли на язык, позже получивший название «кечуа». Сами инки и кечуа называли свой язык «руна-сими», буквально «человеческий язык». В период возвышения инков и образования их государства кечуа стал преобладающим языком. Обязательное введение языка кечуа в завоеванных областях и применение его в системе административного управления, а в связи с этим обязательное обучение языку кечуа всех должностных лиц высших слоев общества в завоеванных областях было одним из наиболее значительных моментов в формировании централизованной деспотии инков. Распространение языка кечуа шло также и другим путем: инки переселяли часть завоеванных племен из их родных областей в другие, и часть кечуа оказалась расселенной за пределами их первоначальной этнической территории. Поэтому значительная часть населения государства инков или говорила на кечуа, как на родном языке, или употребляла его в качестве второго при взаимоотношениях с властями.

Ко времени испанского вторжения племена кечуа были расселены на территории 8 провинций: Куско, Кечуа, Янауара, Вилькапампа, Ларе, Паукартампо, Кавина, Чильке. Наименования Кечуа, Янауара, Ларе и Кавина совпадают с названиями племен, обитающих в них. В Куско, которое состояло из столицы и прилегающей территории, жило 7 мелких племен, в том числе и племя инков (Inca, Inga). В Паукартампо жило племя поке. В Чильке, кроме племени чильке, жили еще маска, ако, папре, куйо. Эти провинции составляли компактную территорию с центром Куско. По протяженности территория эта была невелика, во всяком случае гораздо меньше, чем территория, занятая аймара и другими более мелкими племенами.

От многих племен не сохранилось наименований, но и сохранившихся насчитывается несколько десятков. Каждое из них имело свой язык или диалект и характерные черты материальной культуры. Последнее засвидетельствовано археологическими памятниками. Племена отличались также по уровню общественного развития (почти все они стояли ниже кечуа и инков) и по своему положению в государстве. Племена кечуа — собственно кечуа, янауара, ларе, кавина и чильке — получили еще в правление Пачакути, в половине XV в., право считаться «инками по привилегии». Они были освобождены от наиболее тяжелых повинностей. Таким образом, к моменту вторжения испанцев кечуа почти сливались с инками; в представлении подчиненных племен они

³ Garcilaso de la Vega (El Inca). Primera parte de los Comentarios Reales... Madrid, 1723, ч. 1, кн. 3, л. 44. Цитир. по «Handbook of South American Indians», Washington, 1946, стр. 189.

и их язык были неотделимы от системы централизованного управления инков и противопоставлялись множеству подвластных инкам племен.

Испанское завоевание уничтожило государство инков. Колониальные власти использовали классовые различия в индейском обществе, выделяя знать — курака, наделяя их привилегиями, назначая на административные должности. Племенные различия перестали играть роль в реальном положении отдельных групп населения. Индейские племена утратили всякую независимость, они подвергались тяжелому угнетению со стороны должностных лиц — коррехидоров. Кроме выплаты дани индейцы обязаны были выполнять трудовую повинность — миту. Отбывавших миту отсылали на далекие расстояния от родины в рудники, в строительство дорог и общественных зданий, на плантации. Срок устлавливался произвольно, и на деле митайосы редко возвращались в родину; они умирали на чужбине от голода и непосильного труда. Взимание дани и другие виды принудительных поборов уравнивали все племена в их бедствиях, а мита перемешивала и скрещивала представителей разных племен, объединяемых в условиях жестокой эксплуатации и отрыва от родины.

Особую роль в колониальном угнетении индейцев играло католическое духовенство. Миссии, конгрегации, ордена и другие духовные организации получали от короны огромные поместья, так называемые «редукции», к которым прикреплялись для эксплуатации массы индейцев. При этом часто намеренно насильственно переселяли и расселяли индейские племена. Вся система колониального управления была направлена к тому, чтобы подавить волю к сопротивлению, разъединить до предела и ослабить индейцев. Однако факты исторической действительности опровергли политику колонизаторов.

Тяжелое угнетение, жестокая эксплуатация и свирепые поборы будили ненависть к угнетателям и поднимали массы на борьбу. Весьма знаменательно, что неоднократные восстания поднимались под лозунгом восстановления «империи инков» и вожди принимали титул «великого инки». Таково было восстание 70-х гг. XVII в. в Тукумане (современная Аргентина) под руководством Педро Бооркеса, затем восстание в Перу в 1742 г. во главе с индейцем племени кампа Хуаном Сантосом. В 1765 г. в Кито (современный Эквадор) городская беднота, состоявшая из индейцев, подняла бунт против испанцев.

Наиболее значительным было революционное движение, развернувшееся в Перу и Боливии в 1780—1781 гг., которое вовлекло десятки тысяч индейцев — кечуа, аймара и мелких племен. Во главе его встал молодой касик (старейшина) деревни Тунгасука провинции Тинта — Хосе Габриель Кондорканки. Он провозгласил борьбу за восстановление государства инков и принял титул и имя последнего «великого инки», боровшегося против испанцев, Тупак-Амару. Собрав до 60 тысяч повстанцев, он освободил индейцев нескольких провинций, отменил миту и предпринял осаду Лимы. Огромные массы индейского населения с воодушевлением встали под его знамена. Но большая испанская регулярная армия разбила повстанцев, и в мае 1781 г. Кондорканки со своей женой и двумя сыновьями был казнен. Некоторое время борьба еще продолжалась под руководством брата Тупак-Амару — Диего Кристобаля. Революционное движение 1780—1782 гг. было буквально потоплено в крови, но воспоминания о нем сохраняются в памяти индейцев-кечуа до сих пор.

Восстания индейцев были проявлением протеста народных масс против насилий и грабежа ставленников феодальной испанской монархии. В то же время они свидетельствовали, что за несколько столетий, прошедших со времени испанского вторжения, произошли значительные изменения в жизни индейских племен. Если во времена инков подчиненные племена смотрели на них, как на угнетателей, то теперь, когда

железный сапог испанских конкистадоров сравнял всех в бесправии, государство инков стало символом независимости. Если раньше язык кечуа был языком угнетателей, то теперь он стал символом свободного развития самобытной индейской культуры. Тот факт, что миссионеры переводили на язык кечуа молитвы и церковную литературу, не помогал этому отношению к кечуа, а практически даже способствовал его распространению.

Миссионеры пользовались языком кечуа для проведения насильственной христианизации, а также для записи преданий и легенд. От первого периода колонизации остались сборники текстов на языке кечуа, записанных латинизированным алфавитом. Наиболее ранние тексты не представляют цельных памятников, это разрозненные предания, сказания, гимны, песни. Из косвенных источников известно, что наиболее развитой формой устного творчества на языке кечуа в колониальный период были драмы народного театра. Известно, что после подавления восстания Тупак-Амару и казни последнего колониальные власти запретили представления народных драм на языке кечуа. Очевидно, этот запрет был вызван тем, что представления наиболее распространенной драмы «Апу Ольянтай» и ей подобных служили агитацией и поднимали дух повстанцев.

Текст драмы «Апу Ольянтай» записывался неоднократно в XVII и XVIII вв. Последний вариант был записан в середине XIX в. неким Педро Загарра, который также перевел на язык кечуа трагедию Расина «Федра».

Другой тип литературы представлен драмами религиозного содержания, которые писались миссионерами. Такова драма «Блудный сын» в 3 актах и 23 сценах, написанная в середине XVII в. Хуаном де Эспиноза Медрано — креолом, архидиаконом кафедрального собора в Куско.

Таким образом, из периода феодальной колонизации индейское население Андийского нагорья вышло в значительной мере иным, чем оно было в начале его. Большинство мелких племен перешло на язык кечуа, возникла объединяющая их идея восстановления свободы и независимости, изгнания испанских угнетателей. Складывается общекечуанская литература.

Война за независимость и образование самостоятельных государств Андийского нагорья — Эквадора, Перу, Боливии — не приостановила процесса объединения языка и культуры индейских племен. К середине XIX в. подавляющая масса индейских племен уже начала сливаться в единую народность. Это выразилось прежде всего в том, что язык кечуа стал общим для преобладающего большинства индейцев Андийского нагорья. Из четырех главных языковых групп, бывших распространенными в государстве инков, от языка мочика в настоящее время не осталось и следов, на языке пукина в 30-х годах XX в. говорило лишь несколько сот человек племен уру и чипайя на побережье оз. Титикака (Перу — Боливия). В Эквадоре с XVIII в. старые диалекты стали отмирать, уступая языку кечуа. В настоящее время большая половина индейцев Эквадора — более 1 млн., — принадлежавших в прошлом к десяткам мелких племен, говорит на языке кечуа и по культуре мало отличается от кечуа Перу и Боливии. В начале XX в. кечуа уже представляли собою преобладающую народность андийских стран.

Данные о современном положении народа кечуа, имеющиеся в нашем распоряжении, скудны и отрывочны. Точных данных о численности индейцев кечуа не может быть приведено, так как официальная

статистика латино-американских стран намеренно преуменьшает число индейцев, сохранивших свой язык и культуру. Классификация этнических групп, принятая официальной статистикой, также не отвечает действительному положению вещей, во всяком случае она крайне условна и большей частью произвольна. С одной стороны, причисляют к та называемым метисам и индейцев, знающих хотя бы несколько слов на испански или имеющих в роду хотя бы «брызги белой крови», а с другой стороны, группы индейцев, говорящих на испанском языке, та называемых *latinos* или *cholo*, причисляют к «туземцам» по «расовому» или «культурному» признакам, а фактически — по общественному и имущественному положению.

По различным сведениям, численность индейцев кечуа колеблется от 3,5 до 11 млн. Из сопоставления разных данных можно сделать вывод, что истина лежит где-то посередине, склоняясь ближе к последней цифре. Сравнение этих цифр с данными относительно этнических групп в других частях американского континента позволяет сделать вывод, что современные кечуа — самый большой и значительный индейский народ.

Кечуа расселены в пяти государствах — Перу, Боливии, Эквадоре, Аргентине и Чили (см. карту на стр. 125). Как и в отношении других этнических групп, политическая граница между этими государствами проходит безотносительно к расселению кечуа, рассекая на части народ единого языка и единой культуры.

Данные по демографии кечуа отрывочны и неточны. Лучше изучена часть народа в пределах Перу; относительно Боливии приходится довольствоваться лишь общими сведениями; о Чили и Аргентине есть лишь глухие данные.

По переписи 1940 г., которой ни в коем случае нельзя доверять полностью, в Перу из населения в возрасте свыше 5 лет говорило на испанском языке 2 443 390 человек, т. е. 46,7%, на кечуа — 1 625 156 человек, т. е. 31,0%, на испанском и кечуа — 816 966 человек, т. е. 15,8%.

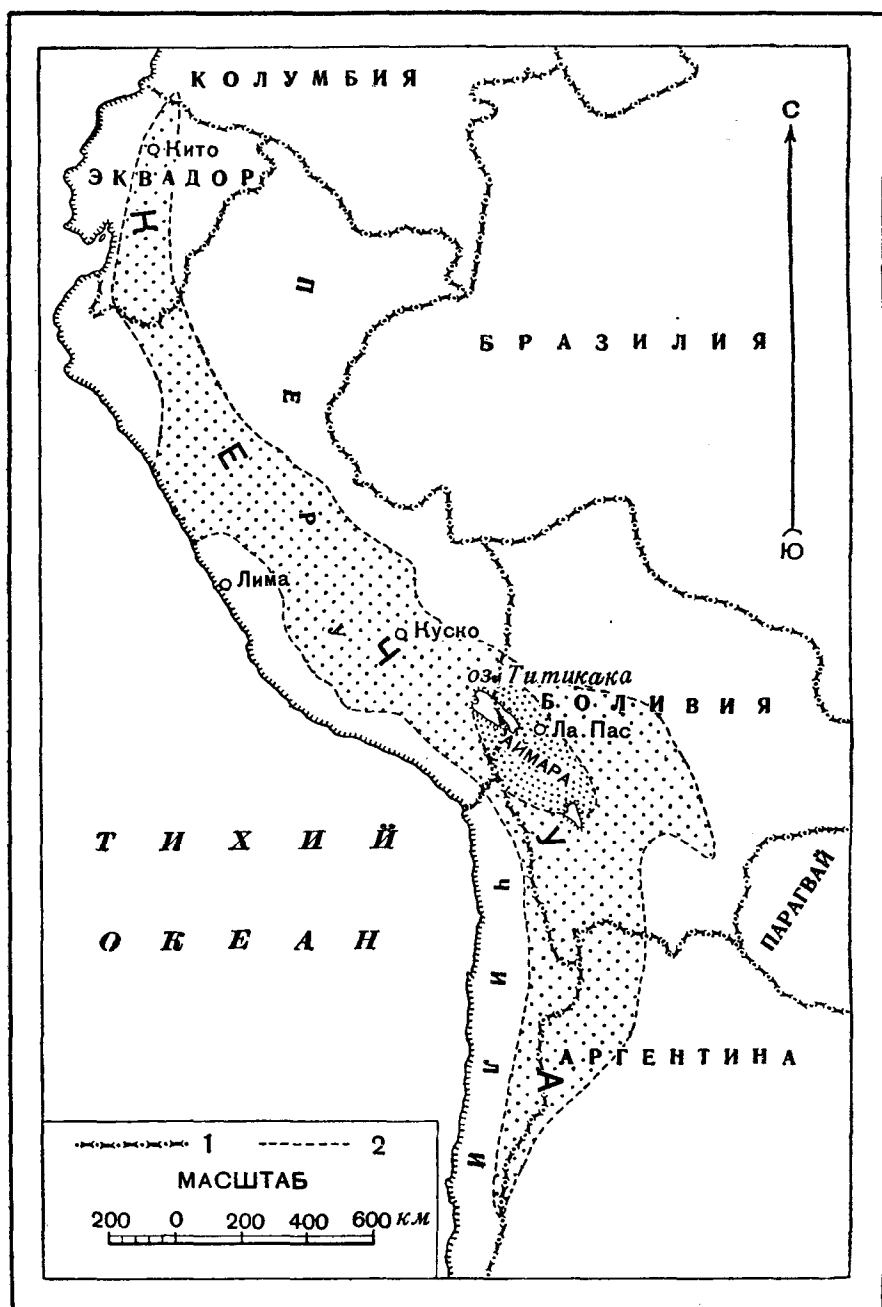
Следовательно, даже по этой таблице число кечуа, говорящих на родном языке, во всяком случае больше, чем число перуанцев-креолов (первых (46,8%, вторых — 46,7%). Если же учесть, что значительная часть кечуа, в особенности в северном Перу, а также в горных Побережья, перешла на испанский язык, то преобладание численности кечуа над креолами становится вполне очевидным.

В Перу кечуа составляют большинство населения в центральных и южных департаментах. В Куско на кечуа говорит 98%, а в Аякучо — 99% населения. В Боливии кечуа живут в основном в департаментах Оруро, Потоси, Кочабамба, а также частично в Чукисаке. В Эквадоре основная масса кечуа живет в горном районе и частично в прибрежном. В Чили и Аргентине они занимают некоторые северные высокогорные пустынные районы.

В целом кечуа составляют основное население нагорья, так называемой Сьерры, и прилежащих долин. В последние десятилетия, в связи с усиливающимся процессом экспроприации общинных земель индейцев, часто при открытом применении вооруженной силы, кечуа стали переселяться в районы Тихоокеанского побережья и джунглей восточных областей.

Основными занятиями кечуа являются земледелие и скотоводство, в меньшей степени — кустарные промыслы и труд в промышленности главным образом в горнорудной.

В высокогорных районах основными культурами до настоящего времени остаются растения, освоенные здесь в глубокой древности: картофель, который именно отсюда распространился по всему миру, и родственные картофелю другие клубнеплоды — ока, улюка, затем зерновые типа проса — киноа и каньяуа. В долинах с умеренным климатом

Современное расселение народа кечуа

выращивают кукурузу, ячмень и пшеницу; на побережье — тропическую культуру, как какао, кофе, ананасы, цитрусовые, а также хлопок.

В прибрежной полосе господствуют монопольные компании, эксплуатирующие кечуа в плантационных хозяйствах. Что касается крестьянского хозяйства в горных районах и в прилегающих к ним долинах, несмотря на огромное количество затрачиваемого труда, крестьяне кечуа не получают хороших урожаев. Лучшие земли захвачены помещиками, которые владеют подавляющей частью годной к обработке земли. На долю крестьян кечуа остаются небольшие участки неплодородной и к тому же истощенной вследствие отсутствия удобрения земли. Отсталая техника и примитивный севооборот, лоскутность и чересполосица при малоземелье сокращают урожаи до самых низких пределов. Техника ведения сельского хозяйства у крестьян кечуа осталась в многом такой же примитивной, какой она была в XVI в. Правильно в долинах практикуется пахота на быках, но перуанский плуг — деревянный и самой первобытной формы. В высокогорных районах используется тягловая сила. Здесь крестьяне кечуа употребляют для обработки земли орудия того же архаического типа, что и во времена инков. Основным орудием является так называемая чакитакля — узкая лопата с поперечным выступом. Работа производится нажимом на лопату, причем работник упирается ногой в выступ. Единственным новшеством современности является замена прежнего деревянного или бронзового лезвия железным. Если для своего времени чакитакля с выступом для упора ноги, облегчающим вскапывание, была значительным изобретением, то сохранение ее в качестве основного орудия настоящего времени свидетельствует, что в условиях капитализма крестьянское хозяйство Эквадора, Перу и Боливии стоит у предельной отсталости.

Употребляют еще несколько орудий: таклю — мотыгу с железным лезвием, насаженным на палку с развилкой; дубинку для разбивания комьев земли с каменным или железным наконечником; палку молотбы и серп.

Кечуа работают на пашне обычно группами по три человека, которых двое мужчин поднимают грунт чакитаклей, а третий человек — женщина или мальчик, — идет следом и разбивает выбрасываемые комья земли. Проведя несколько продольных рядов, вскапывают поперечные. Перекрещивание борозд играет значительную роль на крутых склонах, где этот прием помогает задерживать дождевые воды.

Для части обрабатываемой земли необходимо орошение. В долинах и по берегам рек влаги достаточно, но на склонах гор и на плоскостях требуется искусственное орошение. Кечуа применяют ирригацию в древнейшей, известной со времен инков форме, в сочетании с террасированием полей уступами по склонам гор. Каждая община открывает узкую канаву от реки. За время сухого сезона канавы высыхают и работу приходится возобновлять. Помещики-креолы располагают большими возможностями, так как они в основном уже захватили территории, более близкие к реке. Затем они пользуются более совершенной техникой и большим количеством рабочей силы. В некоторых случаях владельцы асienд — поместий даже поворачивают русла рек в нужном им направлении. Воды не хватает, борьба за воду непрерывно во всех странах Андийского нагорья. Чаще всего борьба между общиной и помещиком, и последний всегда оказывается победителем, так как ему помогают власти.

Скотоводство, также имеющее в андийских странах древнюю историю, играет большую роль в горных районах. Лама служит как выючное животное; используется шерсть и мясо этого животного, а также навоз — как удобрение и топливо. В высокогорных районах другого

юплива вообще нет. Животные, которые в древности разводились ради их превосходной шерсти — альпака и в особенности вигонь, — ныне вытеснены овцами. Овцы в крестьянских хозяйствах малы и худосочны, шерсть обычно низкосортна.

У кечуа до настоящего времени значительно развито ремесло: прядение, ткачество шерсти и хлопка, окраска пряжи и тканей, керамика, резьба по дереву, изготовление серебряных и медных украшений, плетение циновки и веревок, сооружение лодок и мебели из камыша, изготовление фетровых шляп и плетение шляп типа «панамы» (эти шляпы производятся не в Панаме, а преимущественно в Эквадоре). Уровень техники этих производств приблизительно тот же, что и во времена инков. Вследствие отсутствия средств на покупку машин большей частью применяются самые примитивные приспособления и инструменты собственного изготовления. По разнообразию видов, богатству орнамента и тонкости отделки ткачество, керамика и златокузнечество современных кечуа стоят ниже, чем памятники эпохи инков. Но им также присущи художественные, хотя и простые формы, гармонические сочетания темных и ярких тонов, самобытный характер рисунка. Наиболее значительной отраслью народного производства кечуа является ткачество. В высокогорных районах ткут из шерсти, на побережье — из хлопка. И шерсть и хлопок прядут на веретене с деревянным или керамическим пряслицем. Прядут все: мужчины, женщины, дети. Женщины прядут все время, когда они не заняты другой работой; на ходу они засовывают за пояс деревянную рогатку с клоком шерсти на ее рогах и прядут эту шерсть посредством длинного пестро раскрашенного веретена.

Ткут главным образом мужчины. Существует несколько типов местных примитивных станков. Наиболее распространен горизонтальный станок с колышками и станок с приводным ремнем. На особых маленьких станочках ткется тесьма шириной 2 см, которая употребляется в качестве каймы для рубашек, юбок и пончо.

Пряжа окрашивается до тканья. Применение растительных и минеральных красок сохранилось лишь в немногих отдаленных горных районах. Теперь повсеместно распространены анилиновые красители. Для пончо изготавливают очень плотную ткань темных тонов; излюбленный орнамент ткани — полосы или треугольники, шашки. Пончо из шерсти вигони не окрашивают. Шали для женщин изготавливают обычно натуральных оттенков или с тканым орнаментом в полоску, в шашку.

Почти все крестьяне кечуа ткут и для собственных нужд и на продажу. Однако в большинстве общин имеются мастера, прославившиеся ткачеством и крашением, и они отдают производству большую часть своего времени. Есть особенно искусные пряжи, многие ткачи славятся прекрасным орнаментом изготавливаемых ими пончо.

Керамика — прекрасное искусство древних инков — пришло в упадок в колониальный период. В настоящее время керамика кечуа имеет сравнительно простые и вместе с тем художественные формы. Ассортимент поделок довольно обширен: блюда, тарелки, миски, чашки, большие и малые кувшины и другие сосуды. В Перу до 98% употребляемой посуды — это гончарная посуда выработкой кечуа. Изготавливаются также статуэтки — изображения людей и животных. Большинство гончаров — мужчины. Употребляются различные виды местных глин. Посуду лепят без гончарного круга, начав с плоского или сферического дна, возводя стенки налепом, концентрическими лентами. При помощи скребков, ложила и мокрой ткани сглаживают поверхность стенок. После сушки на стенках выглаживаются контуры, по которым наносится красочный орнамент. В южном и центральном Перу излюбленные тона — красный и оранжевый с белым. Часть посуды вообще не раскра-

плавается. Обжиг производится в специальных печах, а в горах — очагах, растапливаемых навозом.

Гончарное производство локализовано, в каждом департаменте в свои центры керамики, в значительной степени в зависимости от мест нахождения глин.

У кечуа в значительной мере сохранился национальный костюм, особенности женский. Женщины надевают поверх рубашки несколько широких и длинных юбок, одна короче другой, так что яркая край нижней выглядывает из-под юбки, надетой сверху. Большую роль в женском костюме играет шаль. Кроме своего прямого назначения, будучи подвернута особым образом на спине у поясницы, превращается в заплечный мешок, в котором женщина носит ребенка, а также тяжести. Основной верхней одеждой мужчины кечуа служит повяз, которое в сельских местностях носят также и землевладельцы-крестьяне. Пончо представляет собой плащ, сшитый из двух полотнищ тяжелой шерсти. Полотнища сшиваются с концов, посередине остается отверстие. В теплую погоду пончо складывают вдоль и носят на плече в виде пледа.

У кечуа имеются селения как кучевого типа, так и широко раскинутые, состоящие из хуторов. Во всех случаях центром селения служат базарная площадь, окруженная несколькими общественными строениями, церковью или часовней и лавками или тавернами.

3

Подавляющая масса кечуа — крестьяне и сельский пролетариат. Сравнительно небольшая часть кечуа занята в промышленности, однако и они часто сохраняют связь с деревней. Большая часть крестьян кечуа вышла из феодального периода закрепощенными. Война за независимость и установление буржуазно-республиканского правления почти не отразилась на положении индейцев. Большинство их осталось попрежнему приписанным к большим землевладениям или предприятиям, в соседстве с которыми они были насильственно водворены на жительство. Однако примерно третья часть кечуа, главным образом горных прилежащих к ним районов, сохранила свои земли и свое исконное общественное устройство — общину.

По неточным данным 1920-х гг., в Перу в общинах оставалось еще около 30% индейцев. Несмотря на все увеличивающийся напор со стороны помещиков и плантационных предприятий, к 1929 г. еще 25% земли горных районов оставалось в руках общин.

Община в андийских странах — пережиток основной общественной единицы государства инков. Древний термин айлью (ayllu) теперь употребляется редко, он заменен наименованием испанского происхождения — «комунитад» (comunidad).

Исследователь Кастро Посо указал на существование в Перу в 1920-х гг. общин, члены каждой из которых носили одинаковые прозвища⁴. Однако уже со времен инков у кечуа оформилась соседская или сельская община. Община современных кечуа всегда состоит в крайней мере из нескольких разросшихся семей, каждая из которых ведет свое особое происхождение, несмотря на то, что они жили в близком соседстве в течение длительного времени.

Места расположения и наименования многих общин восходят до колумбовых времен. Другие образовались уже во времена колониализма.

⁴ Данные книги Hildebrando Castro Pozo, *Nuestra comunidad indígena* (Lima, 1924) цитируются по статье А. М. Зориной «Индийская община в Перу», журн. «Революционный Восток», 1935, № 4.

нального захвата, перейдя на новые земли. Наконец, существуют общины, возникшие уже в республиканский период, почти на памяти старейших их членов. Эти последние обычно состоят из остатков нескольких общин, слившихся вместе в стремлении спастись от захватнических действий помещиков. Во многих деревнях кечуа существует основное ядро общинников, считающих себя исконными жителями и владельцами окружающих земель (*originarios*, как они себя называют испанским термином), и семьи, которые рассматриваются как пришельцы, вступившие в общину позже (*agregados*).

Общинная территория подразделяется на несколько категорий. Основная масса земли находится в пользовании членов общин и подразделяется на: 1) семейные усадьбы, дома и огороды, которые представляют неотчуждаемую собственность общинников; 2) семейные участки пахотной земли и пастбищ, которые принципиально подлежат разделу. Вторая часть земли общины предназначена для того, чтобы снятым с нее урожаем выплатить налоги. Третья часть называется «землей святого-патрона»; урожай с нее идет на содержание церкви и часовни и причта.

Вся пахотная земля общины разделяется, исходя из пригодности к обработке, плодородия и положения, на соответственные секторы, так называемые «суэрте» (*suerte*). Одна суэрте включает земли в пампе (на равнине), другая — по горным склонам, третья — по берегу реки и т. п. Суэрте имеет несколько километров в длину и несколько сот метров в ширину и делится приблизительно на 100 участков. В центральном Перу средний надел общинника состоит из 6 участков: 4 в пампе и 2 по горному склону.

Точных и полных данных о размерах владений общинников не имеется. По некоторым данным, в 1940 г. в долине Куско землевладение общинника кечуа в среднем состояло из 1 топо (размером 100 × 80 м) земли под кукурузой, 1 топо под картофелем и 1/3 топо под пшеницей.

Основной принцип общинного землевладения — передел земли в настоящее время фактически уже не проводится в жизнь. Все земли общин закреплены за отдельными владельцами — семьями. Отличие от частной собственности состоит лишь в том, что эти земли неотчуждаемы, по установившимся обычаям владельцы не имеют права их продавать. Пережитком существовавшего в прошлом ежегодного распределения наделов остается церемония, называемая по-испански «распределение» (*reparticion*). Она совершается ежегодно весной губернатором округа и обставлена торжественно, согласно установившейся традиции. По существу она представляет собой теперь лишь подтверждение губернатором округа границ закрепленных за крестьянами участков. Момент, когда называется имя владельца и проводится черта вдоль его участка, считается подходящим для оспаривания границ, если существует недопонимание. Ввиду крайнего малоземелья возникают споры даже из-за каждого метра.

Что касается участков, предназначенных для податных нужд, то они распоряжаются старшины, которые или сдают их в аренду с аукциона, или нанимают батраков для их обработки и сбора урожая. Доход с продажи урожая идет на уплату налогов. Церковные участки обрабатываются несколькими назначенными общиной крестьянами. Они должны собрать урожай и приготовить угощение причту и мирянам на празднестве в престольный праздник святого-патрона.

В общинах кечуа существуют две формы организации коллективного труда: 1) мингай (или мингас) — общественные работы на нужды общины, а также совместная отработка повинностей по требованию властей округа; 2) трудовая взаимопомощь общинников.

Мингас представляет собой одну из форм колониальной эксплуата-

ции индейцев и состоит в осушении болот, поддержании дорог, в дении мостов, постройке школ и больниц. Участие в них обязательно для всех общинников; на практике теперь в большинстве случаев они ники и зажиточные крестьяне откупаются от мингас денежными сами или нанимают вместо себя бедняков.

Взаимопомощь общинников практикуется главным образом сборе урожая. Каждый член общины принадлежит к определенной рабочей группе — так называемой маса, состоящей из 3 человек. К на участке работают две маса, обычно трое участников работают помочах, так как в каждом домохозяйстве имеется в среднем три ботника. По окончании работ в данном хозяйстве его владелец от тывает время, затраченное участниками помочей, на землях после Взаимопомощь не ограничивается земледелием. В пастьбе скота проводится та же организация. Если владелец стада занят на своем участке, его дети помогают ему, а жена готовит обед работающим, то скот ручается кому-либо из соседних детей или старух. Помощь возмещается также пастьбой или некоторым количеством шерсти, в последнее время — деньгами. Женщины помогают друг другу в домашней работе на тех же основаниях. Даже дети, пасущие скот, практикуют взаимную помощь.

Организация взаимопомощи проста, когда у всех участников рабочей группы маса приблизительно одинаковые земельные наделы.

На практике, вследствие все растущего расслоения и вытекающего отсюда различия в количестве и качестве земли и скота, патриархальная организация взаимопомощи дополняется, а то и уступает место оплате труда продуктами или деньгами. Но организация рабочих групп и попрежнему основывается на традиционных принципах родственной связи и соседства. Этим пользуются более зажиточные общины, эксплуатируя своих сородичей и соседей⁵.

Сохранившиеся до настоящего времени общины неоднородны. В высокогорных районах имеются такие общины, в которых вся масса общинников живет в условиях крайней нищеты, эксплуатируемая крупными землевладельцами и скупщиками. Фактически такая община превращается в коллектив батраков, главным образом пастухов. Однако в большей части общин имеется зажиточная и влиятельная группа семей, отстаивающая свое положение ссылкой на то, что они исконные члены общины; они противопоставляют себя «пришельцам». В Боливии, например, в 1920-х гг. первые имели в среднем по 3 топо хорошей и 6 топо плохой земли, а последние — по 2 топо хорошей и по 4 топо плохой. В земледельческих и скотоводческих общинах южной части Сьерры (горной области) Перу в 1920-х гг. встречались отдельные кресты общинников, которые владели стадами лам и альпака в 5—6 тысяч голов. Они использовали наемный труд в прикрытой форме помощи. В средней общине центрального Перу в 40-х гг. нашего века только 20% семейств могли продавать излишки, вывозя их на рынок. Пвина членов общины с трудом поддерживает существование. Наказ 30% не могут собрать урожая, достаточного хотя бы для того, чтобы удовлетворить собственные нужды, и принуждены покидать свои хозяйства в поисках дополнительного заработка. В настоящее время расслоение общины пошло еще дальше. Богатые крестьяне не работают на землях других общинников; труд работающих на них бедняков возмещают, выставляя им угощение, еду и напитки, что обходится дешевле оплаты деньгами. Фактически часть бедняков-общинников переходит на положение батраков, работая под видом родственников и соседей.

⁵ Mishkin Bernard, The Contemporary Quechua, Handbook of South American Indians, Washington, 1946, стр. 411—470.

Родовитые и зажиточные общинники обычно живут в лучшей части территории, бедняки — в другой части, на худших землях. Представители привилегированных семей занимают общественные должности, из поколения в поколение из них выбирают старшин.

С расслоением общины образуется кечуанская сельская буржуазия. В нее входят кулаки, эксплуатирующие труд родственников и соседей, которых они обращают в своих батраков. Кулаки наживаются на сбыте зерна, овощей, мяса и шерсти в города. Из этой же зажиточной верхушки общинников выходят скупщики, наживающиеся на разнице цен на сельскохозяйственные продукты между горными районами и городами побережья.

Для управления общиной выбираются старшина и несколько помощников (4—6). В Перу они называются общим наименованием *vagaуосс*, т. е. носители жезла «вара»⁶ — регалии индейских должностных лиц. Старшина носит испанское звание алькальда, его помощники называются альгвасилами и рехидорами. Институт варайокков приобрел современный вид в XIX в. В период феодально-крепостнической эксплуатации часть индейцев находилась под управлением королевских чиновников-коррехидоров; другой части, крестьянам, приписанным к определенным округам, — энкомиендам, разрешалось выбирать своих старшин — касикоз, но последние подчинялись «попечителям» — энкомендорес. В республиканский период правительство перуанской, боливийской и эквадорской буржуазии поставило себе на службу традиционный институт старшин, наградив их испанскими чинами. Должности алькальда и его помощников — выборные, сроком на год, но большей частью старшины остаются на своих постах помногу лет, часто до смерти. После смерти старшины собираются взрослые члены общины и выбирают его преемника. В собраниях активно участвуют и женщины. В большинстве случаев выбор заранее определен. Претендент намечается наиболее влиятельными общинниками из числа немногих, наиболее значительных членов, большей частью из старых родовитых семейств. Выборы алькальда утверждаются губернатором округа, после чего новый старшина называет имена помощников, выбранных на собрании. Символическим атрибутом власти старшин являются их жезлы — вара. Вара представляет собой трость с утолщенной рукоятью и суживающимся острым концом. Верхняя часть украшается серебряной насечкой, изображающими святых на серебре. К рукояти на цепочках подвешиваются медальоны и ладанки с реликвиями. Последние, несомненно, представляют видоизменение древних культовых предметов.

Старшины распоряжаются хозяйственной жизнью общины, распределяют рабочую силу на общественные работы, организуют аренду и наем рабочей силы, продажу урожая и взнос налогов. Они имеют право разрешать внутриобщинные споры и семейные тяжбы. Фактически в своей деятельности они выполняют предписания губернатора округа. Власти на местах стремятся к тому, чтобы старшины были верными исполнителями их приказаний и служили интересам помещичье-буржуазного правительства.

Община кечуа — архаический пережиток, сохранившийся со времен варварского государства инков. Еще до вторжения испанцев айлью перешла уже на стадию сельской или соседской общины. При капитализме община кечуа представляет собой форму патриархального уклада, сохранившуюся в андийских странах до настоящего времени вследствие отсталости экономики и общественного строя этих стран. В течение века община кечуа боролась с наступлением крупных помещиков, захватывавших их земли. Несмотря на все усиливающееся расслоение

⁶ Vaga — по-испански трость, палка, жезл.

внутри общины, членов ее до последнего времени связывает солидарности в борьбе против врагов — помещиков, использующих своих интересов чиновников буржуазно-помещичьего правления. В защите земли и независимости общины кечуа проявили отчаянное упорство и беззаветную отвагу. История Перу за последний век знает много примеров борьбы крестьян кечуа за свои общинные и национальные права. В последние десятилетия борьба стала еще более жестокой, безнадежной, так как обороняться против плантационных хозяйств американских монополий общины не могут. Общее политико-экономическое положение крестьянства андийских стран неумолимо ведет к распаду общины. Вместе с этим расторгаются и традиционные связи общинной солидарности, заменяясь общностью классовых интересов.

Эксплуатация крестьян на помещичьих землях в андийских странах носит полуфеодальный или даже феодальный характер. Большая часть крестьянства кечуа с распадом общин переходит в круг помещиков — асиенды, где они нанимаются батраками или издольщиками.

Кечуа, идущие на работу в асиенды, попадают в сложную систему зависимости. Те, которые имеют деньги, чтобы арендовать участки земли, еще сохраняют видимость независимости. Это так называемые «ушаконьки». Но точно фиксированная арендная плата очень редко устанавливается в андийских странах, разве только для «белых» или «метисов». Для индейцев арендный договор большей частью заключается таким образом, что условия контракта устанавливаются устно и возобновляются каждый год. Эксплуатация арендаторов осуществляется в форме взимания отработочной ренты, фактически представляющей собой повинность. В районах с более развитыми денежными отношениями арендная плата исчисляется из расчета поденной заработной платы батрака.

Большей частью арендатор полностью подчинен произволу помещика. Он обязан работать в асиенде столько дней, сколько сочтет нужным помещик, т. е. все самое важное для сельскохозяйственных работ. Во многих округах устанавливается еще дополнительная повинность: кроме работ в асиенде, арендаторы обязаны доставлять собственный урожай в городской дом землевладельца, иногда километрах в 100 от имения. В других случаях арендаторы обязуются доставлять продукты помещика на рынок, что часто приходится делать на собственных спинах, так как у многих арендаторов нет лам. Далее арендатор включает обслуживание помещика в качестве домашней прислуги, как в асиенде, так и в городском доме.

В некоторых случаях повинности арендатора ограничиваются определенным количеством дней. Но и здесь царит произвол землевладельца, поскольку он, конечно, выбирает наиболее важные для сельского хозяйства дни. Крестьянину остаются для работы на своем участке последние дни в сезоне, когда уже поздно производить посевы или посев, или погода может испортиться каждую минуту и повредить урожай.

Когда арендная плата исчисляется из расчета поденной оплаты труда, последняя определяется так низко, что крестьянин фактически принужден работать на помещика весь сельскохозяйственный сезон. Например, при установлении арендной платы в 20 солей и заработной платы в 20 сантавов арендатор может отработать свой участок лишь за 100 дней.

Существует еще вид аренды, называемый «компания». Арендатор обязан удобрить землю помещика и обработать своими орудиями, опечить ирригацию участка, засеять, собрать урожай и свыше 50% следующего отдать помещику. Это фактически издольщина.

Беднейшие крестьяне не в состоянии арендовать клочок земли, даже на таких тяжелых условиях. Они поступают в батраки. При

теме вербовочной контрактации и выдачи большей части заработной платы бонами в помещичью лавку батрак входит в неоплатные долги и превращается в долгового раба — леона. Он не только работает безвозмездно сам, но еще оказывается принужденным в счет возрастающего долга отдать свою жену или дочь в «работницы» (*uamgas*) в асиенду. Часто женщины служат до старости, так и не выплатив долга мужа или отца, который давно умер. Система *уамрас* применяется не только в глухих горных районах, но и на побережье. Власти узаконили это фактическое рабство. В случае, если женщина пытается уйти из поместья, полиция водворяет ее обратно, как беглую рабыню. Пеоны и янаконы фактически настолько закабалены, что становятся почти собственностью помещика. Они не могут уже переходить из поместья в поместье, они опутаны долгами и прикреплены к земле. Когда в современных газетах андийских стран помещаются объявления о продаже поместий, то, кроме размеров владений, указывается численность янаконов и *эачов*; последняя определяет ценность имения даже в большей степени, чем остальные условия.

В городах и промышленных центрах в рядах квалифицированного индустриального пролетариата до настоящего времени насчитывается небольшое число индейцев. Это объясняется расовой дискриминацией, хотя официально не узаконенной, но устойчиво применяемой на практике.

Еще со времени испанского завоевания кечуа эксплуатировались в промышленности. В первый период колониальной экспансии рудники и текстильные мастерские были организованы на принципе принудительного труда. На добыче серебра, золота, олова и других ценных руд, а также в городских промышленных заведениях в нечеловечески тяжелых условиях работали исключительно индейцы, в подавляющем большинстве кечуа. Отмена трудовой повинности «миты» в республиканский период не внесла существенных изменений. Захват общинных земель и усиление эксплуатации крестьян индейцев в разнообразных формах гнали крестьян кечуа в город и на прииски, в рудники и шахты с неменьшей неотвратимостью, чем закон о принудительном труде. В последние десятилетия вторжение североамериканских монополий и организация крупных плантационных и скотоводческих хозяйств, разоряя крестьян и мелких фермеров, все больше заставляют их искать заработка за пределами родных земель и соседних асиенд. Миграция кечуа из высокогорных и прилежащих к ним сельскохозяйственных районов идет с возрастающей скоростью. Часть здоровой мужской молодежи устремляется на рудники в Потоси, Оруро и Ла Пас (Боливия). По приблизительным данным, в начале 1930-х гг. численность индейского горно-промышленного пролетариата в Боливии достигала 20 тыс. человек. К концу 30-х гг. она уже возросла до 30 тыс. человек. Что же касается Перу, то там в начале 30-х гг. общая численность горно-промышленного пролетариата равнялась 40% всего рабочего класса страны, причем преобладающая его часть — около 80% — составляли индейцы.

Как на рудниках и шахтах, так и в городских индустриальных предприятиях заработная плата индейцев ниже, чем креолов. Индейцев принимают почти исключительно на тяжелую физическую работу, не дают возможности квалифицироваться. Основная масса индейского городского населения остается чернорабочими, грузчиками или рабочими мелких кустарных мастерских. Небольшие заработки едва дают им возможность с трудом поддерживать существование. Лишь очень немногие, как исключение, возвращаются на родину для того, чтобы обзавестись хозяйством на скопленные сбережения. Часть молодежи, соблазненная посулами вербовщиков, заключает контракты на работу в восточных джунглях, главным образом на сбор каучука или на сбор кожи на плантациях на побережье. Непривычные климатические условия, маля-

рия, а главное жестокая эксплуатация монополистических компаний все это ведет к массовым заболеваниям, потере трудоспособности почти повальной смертности законтрактованных. Оставшиеся в живых превращаются в пожизненных должников и теряют надежду вернуться домой.

Кроме этой миграции постоянного характера, часть крестьян принуждена уходить на временные заработки. Значительный процент перуанского пролетариата состоит из общинников-отходников, старающихся сохранять связь с сельским хозяйством. На время сбора урожая они возвращаются домой. В тезисах к учредительной конференции Латино-американского объединения профсоюзов в 1929 г. констатировалось: «Развитие горной промышленности привело в последнее время к росту применения туземной рабочей силы и в горном деле, но и этих рабочих, индейцы-общинники, продолжают оставаться в землях; большую часть года они проводят на рудниках, а на сезон сельскохозяйственных работ возвращаются к себе и работают на своих малых участках, которые недостаточны для того, чтобы их прокормить».

В некоторых районах отходничество приобретает массовый характер. В северном Перу в октябре и ноябре, в центральном Перу — в августе и в южном — в ноябре многие крестьяне кечуа оставляют свои семьи для работы в городах побережья. Целые общины снимают места в поисках заработка, оставляя заботу о поддержании хозяйства старикам и детям. Небольшие деньги, заработанные на временных работах, лишь в очень незначительной степени помогают крестьянам свести концы с концами в сельском хозяйстве, которое в условиях капитализма андийских стран все меньше оправдывает себя.

На плантациях побережья и особенно в городах кечуа соприкасаются со смешанным населением, с креолами, неграми и азиатскими иммигрантами. Они перестают носить национальный костюм, переходят на испанский язык, отвыкают от старинных обычаев и стола. Но расовая дискриминация наряду с эксплуатацией держит их в положении, несколько отличном от положения «белого» пролетариата.

Язык кечуа хотя и подразделяется на диалекты, но является единым, общим для всего народа. Диалектологические различия так невелики, что не мешают взаимному пониманию их представителей. Язык кечуа имеет много терминов для отвлеченных понятий, он богат сравнениями и позволяет выразить как философские идеи, так и тонкие психические оттенки. Кечуа — язык агглютинативный; в настоящее время в нем имеется много испанских слов. В испанском языке андийских стран в свою очередь много слов заимствовано из кечуа.

Язык кечуа прошел долгий путь развития и претерпел изменения, отражающие развитие народности. Язык народной драмы «Апу Ольятай», записанной в XVII в., уже мало понятен современному кечуа.

В государстве инков у кечуа существовала система узелковых записок «кипу» и зачатки пиктографии. Современные кечуа пользуются упрощенным алфавитом, выработанным в колониальный период. Основная масса кечуа в условиях капиталистической действительности лишена возможности учиться грамоте, хотя бы на испанском языке. По данным 1940 г., из населения горной области Сьерры школьного возраста неграмотных насчитывалось 76,39%. В среднем по Перу грамотных кечуа едва достигает 25%, в других странах оно гораздо меньше.

Литература кечуа развивалась своеобразно вследствие особых условий истории народа. Широкое распространение имеет устное народное творчество. Особого внимания заслуживают народные предания о временах испанских, о войне с конкистадорами, о героях народных восстаний. Певцы и сказители заучивают на память предания и песни, в которых воспеваются подвиги их предков в борьбе с конкистадорами.

Английский путешественник Стивенсон в 1806 г. был зрителем исполнявшейся индейцами-кечуа на их родном языке народной драмы, в которой изображалось вторжение испанских захватчиков, их насилия, пленение и умерщвление последнего «великого инки» Атауальпы⁷. Часть фольклора была записана латинизированным алфавитом образованными индейцами и миссионерами. Таким образом, была записана впервые в XVII в. упоминавшаяся выше народная драма «Апу Ольянтай». Это произведение народного творчества восходит ко временам инков. В нем воспеваются героические подвиги вождя кечуа, восставшего против верховного правителя инков. В драме «Апу Ольянтай», очевидно, нашли художественное отражение события и представления эпохи военной демократии, периода формирования государства инков — борьба отдельных племен против подчинения их централизованной власти инкской деспотии. Однако в период колониального гнета кечуа переосмыслили старое содержание древнего сказания. Ужасы испанской колонизации вытеснили из сознания народа представления об инках как о притеснителях. Герой драмы «Апу Ольянтай», как и герои других аналогичных произведений, воспринимаются как борцы за свободу и независимость народа, они вдохновляли слушателей и зрителей на подвиги в борьбе с испанскими захватчиками. Именно поэтому народные драмы были запрещены во время восстания 1780-х гг. Но, вопреки запрету, эти произведения народного творчества продолжали играть большую роль в духовной жизни кечуа, в формировании единого народного самосознания и общей культуры.

У современных кечуа широко распространен фольклор в виде песен, присказок и прибауток, загадок и пословиц, а также сказок нравоучительно-юмористического и фантастического содержания. В последних выступают горные духи с служащими им пумами и кондорами, а также духи болезней и злокозненные колдуны-оборотни.

В последние десятилетия особенно развилась одна отрасль литературы на языке кечуа — именно драматургия. Имеется ряд драм и комедий, которые пользуются большим успехом среди широких масс, особенно вследствие неграмотности основного населения кечуа. Среди этой литературы особый интерес представляют драмы исторического содержания, повествующие о борьбе с конкистадорами. Таковы драма «Манко II» (о восстании против Писарро) и ряд других. Драммы и комедии представляются как любителями, так и профессиональными актерами. Одна из профессиональных театральных трупп образовалась в г. Пуно (в Перу) в конце 1920-х гг. Этот театр с успехом ставил пьесы молодых кечуанских авторов и организовывал гастроли за пределами Перу⁸.

Наряду с литературой большую роль в жизни кечуа играет музыка, а также пляски.

Народные празднества в деревнях и городах, на которые сходятся кечуа из окрестных районов, в современных условиях остаются наиболее яркими проявлениями самобытной культуры кечуа, которая не находит сейчас других возможностей претворения в жизнь. Красочно, гармонически сочетающиеся тона одежды крестьян и нарядов танцоров, полные жизни и огня пляски отдельных исполнителей и танцы молодежи, звучащая природной прелестью музыка, веселые, часто юмористические песни и прибаутки, дышащие отвагой игры и соревнования юношей, — все это дышит самобытностью и с большой силой заявляет о своих правах на жизнь и дальнейшее развитие.

Сквозь века феодального закрепощения и колониально-капиталисти-

⁷ В. Мирошевский, *Освободительное движение в американских колониях Испании*, М.—Л., 1946.

⁸ «Un drama indigena», журн. «Amauta», Lima, 1927, № 12; «Tucupae tucacacani», comedia quechua, там же; 1928, № 14.

ческого гнета кечуа пронесли свою самобытную яркую культуру, деятельствующую о силе и полнокровности породившего ее наро-
возможностях дальнейшего его развития.

4

Национальный вопрос, проблема формирования наций и взаимоотношений отдельных народностей стоит очень остро в андийских странах. Господствующие круги креольской буржуазии каждой из этих стран провозглашают необходимость укрепления якобы единой нации с основным ядром «белых» путем сплочения вокруг этого ядра «цветного» населения. Что касается индейцев, в особенности кечуа, то еще в начале этого века они рассматривались буржуазными учеными и политиками как остатки древнего населения, не играющие никакой роли в современности. Но развитие национально-освободительного движения заставило господствующие круги рассматривать их не только как остатки прошлого, но и как современную реальность. Буржуазно-помещичья креольская верхушка разными путями стремится обезопасить себя от растущего сопротивления индейских народных масс. Созданы государственные органы «попечительства» над индейцами, департаменты министерства. Официально провозглашается необходимость включения индейцев в нацию (перуанцев, боливийцев, эквадорцев, колумбийцев). В газетах помещают фотографии приема президентом той или иной страны делегации индейских старшин в живописных костюмах, во время конфликтов с соседними странами в нотах ссылаются на то, что соседняя страна угнетает «бедных индейцев». В Боливии государственный гимн переведен на языки кечуа и аймара с целью воспитания патриотизма.

Конечно, эта политика циничной демагогии не имеет ничего общего с защитой интересов индейских народных масс. Фактически она направлена на то, чтобы использовать индейцев как пушечное мясо. Еще во времена Перу с Чили в XIX в. перуанские офицеры говорили индейцам, что чилийские войска состоят из одних белых, чтобы разжечь в солдатах свою ненависть. Разумеется, при первых проявлениях такой ненависти к белым угнетателям своей страны на индейцев обрушиваются самые жестокие кары.

В 1920—1930 гг. среди перуанской и боливийской либеральной буржуазной интеллигенции возникло движение в защиту интересов индейцев. Помощь индейцам представлялась в форме распространения среди них «благ культуры». Среди молодежи были энтузиасты-учителя, посвящавшие свое отпускное время обучению детей кечуа и аймара родному языку, доктора, организовывавшие медицинскую помощь в отдаленных горных районах, агрономы, стремившиеся ввести новые способы ведения сельского хозяйства. Доктора говорили, что главное — это гигиена, учителя, — что спасение в грамоте, агрономы предлагали новые калорийные культуры, а крестьяне кечуа, слушая их, думали о том, как просуществовать ближайшее время, как распределить скудный урожай снятый с клочка земли, чтобы прокормить семью и выплатить срочные взносы помещику и налоги в казну⁹. Разумеется, эта просветительская деятельность интеллигентов-одиночек не может помочь индейцам.

Специфика национального вопроса в андийских странах состоит в тесном переплетении классовых и расово-национальных моментов, глубоких исторических корнях классово-национального угнетения. С начала вторжения испанских захватчиков и до настоящего времени индейцы представляли основную массу производительного эксплуатир-

⁹ Linke Lilo, *Andean Adventure, A social and Political Study of Colonial Ecuador, Bolivia, Peru, London, 1939—1941.*

ного населения андийских стран. Крестьянство, сельскохозяйственный и горнопромышленный пролетариат Перу, Боливии и Эквадора в преобладающем большинстве состоят из индейцев-кечуа. Господствующие классы — помещики и торговая буржуазия — состоят главным образом из креолов, последняя частично из метисов.

Не говоря уже о полуфеодальной закрепощенности масс индейского крестьянства, в городском быту с давних пор и до наших дней также наблюдаются скрытые формы рабовладения, и остается в силе унизи-тельное положение кечуа. Хотя официально не существует дискримина-ционных законов, индейцев не принимают ни на какие квалифицирован-ные работы, не дают им возможности повышать свою квалификацию, им остаются самые тяжелые формы физического труда, самое унизи-тельное положение. Например, вся прислуга в андийских странах — индейцы, с основным кечуа, главным образом женщины кечуанки. Дети служанок с 4—5 лет также начинают прислуживать и фактически пре-вращаются в домашних рабов. Если служанка по каким-нибудь причи-нам уходит от хозяев, то ребенок, родившийся в доме, обычно остается служить хозяевам. Он считается принадлежностью дома, да и мать не в состоянии прокормить детей сама и поневоле расстается с ними¹⁰. Не только в доме, но и на улице индеец должен всегда помнить о своем подчиненном положении. При встречах на улице индеец обязан уйти с дороги, уступить дорогу креолу. Положение индейцев — рабо-чих и батраков — таково, что им приходится выносить даже физические наказания и зверское обращение своих «белых» хозяев и над-смотрщиков.

Несмотря на наличие общего языка, этнической территории и единой своеобразной культуры, консолидации кечуа в нацию препятствует ряд исторически сложившихся условий. Андийские страны, в которых рас-селены кечуа, представляют собой капиталистические государства с сильными пережитками феодализма, которые «политически, формально самостоятельны, на деле же опутаны сетями финансовой и дипломати-ческой зависимости»¹¹. С начала своего самостоятельного существова-ния они были ареной борьбы между иностранными капиталистическими державами. За проникновение в эти страны боролись главным образом Англия, Германия и США. После второй мировой войны ключевые позиции в экономике андийских стран захватил североамериканский империализм. Иностранное засилие в экономике и в политике препят-ствует созданию обрабатывающей промышленности, удерживает андий-ские страны на положении сырьевых придатков великих империалисти-ческих держав. Местная буржуазия остается немногочисленной и срав-нительно слабой, она применяет свои капиталы главным образом в экспортной торговле и то в качестве посредников. Это — буржуазия компрадорского характера. Очень немногочисленна группа из крупных землевладельцев, которые сохранили в своем владении месторождения ценных ископаемых.

Развитие сельского хозяйства андийских стран направлено на выра-щивание экспортных культур. Плантационные хозяйства побережья, вырабатывающие на вывоз хлопок, сахарный тростник, цитрусовые, кофе (Перу), какао и другие субтропические культуры (Эквадор), находятся в руках иностранных монополистических компаний, устанавливающих экспортные цены, а также цены на рис, потребляемый внутри Перу. На долю помещичьих креольских и крестьянских индийских хозяйств нагорья остаются зерновые продукты и овощи, сбыт которых очень ограничен. Мелкие крестьянские хозяйства кечуа с трудом сводят концы с концами, продавая часть своего урожая картофеля и зерна, чтобы

¹⁰ Там же.

¹¹ Ленин, Империализм как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 250.

удовлетворить минимальные потребности и выплатить налоги. Иностранные компании организуют большие овцеводческие хозяйства в горных районах, завозят породистых производителей, устанавливают цены на экспортную шерсть. Крестьянские кечуанские хозяйства могут конкурировать в сбыте шерсти ни с иностранными компаниями, ни с помещичьими асиендами. Вследствие этих причин торговля сельскохозяйственными продуктами в андийских странах мало развита и ограничена районными границами. Фактически ни в одной из этих стран не существует общегосударственного внутреннего рынка растительных и животных продуктов.

Слабое развитие товарооборота в значительной степени определяет и то, что вся железнодорожная сеть андийских стран ориентирована на подвоз к портам экспортной продукции горной промышленности нагорья и плантаций побережья. Сообщение между отдельными странами внутри каждой из андийских стран и между странами до сих пор в значительной мере осуществляется пешеходным образом; товары перевозятся на ламах.

Отсталость экономики андийских стран отражается на развитии социальных отношений. Слабое развитие местной индустрии обусловливает медленный рост промышленного пролетариата. Так как расслоение общества и обезземеление крестьян кечуа заставляют большие группы населения искать работы в городах и на рудниках, то капиталисты, в особенности иностранные монополистические компании, устанавливают предельно низкую заработную плату. Вследствие этого большинство рабочих вынуждены поддерживать связь с деревней, чтобы с помощью собранного урожая прокормиться и содержать семьи. Поэтому рабочие стремятся найти работу вблизи своих родных селений или возможно ближе к ним. Медленно идет и процесс образования кечуанской буржуазии. В деревне кулаки, скупщики, торговцы имеют сравнительно небольшие возможности накопления за счет эксплуатации беднейших крестьянства и батраков. В городах владельцы лавок и таверн, хозяева кустарных мастерских также не выходят за пределы местной торговой буржуазии.

Все эти обстоятельства задерживают дальнейшее развитие общины кечуа. Разделение народа кечуа политическими границами также препятствует созданию общности. Установление границ Перу, Боливии, Эквадора при образовании этих государств совершенно не учитывает расселения этнических групп. Современные государственные границы андийских стран пересекают на части народ кечуа. Предельно низкий материальный уровень жизни препятствует повышению грамотности населения, и развитию литературы, в особенности прессы, печати. Это задерживает дальнейшее развитие общности языка и культуры. Все эти причины мешают кечуа в условиях современной капиталистической действительности сложиться в нацию, хотя для этого имеются исторические предпосылки.

5

Национальное движение кечуа, основным центром которого является Перу, начинается с конца XIX в. Это движение унаследовало от предыдущих столетий лозунг восстановления инкской «империи», но содержание этого лозунга сильно изменилось. Крестьянские массы, являвшиеся основной движущей силой народных движений в этот период, подразумевали под восстановлением инкской «империи» прежде всего возвращение отнятых у них креольскими помещиками общинных земель. Жестокий социальный и национальный гнет прежде всего давил трудовые массы индейцев, рабочих, крестьян и мелких ремесленников. Они составляли и составляют движущие силы национально-освободительного кечуанского движения; их активное участие в национальном

борьбе придает ей силу, размах и решительность действий, проявившиеся в ходе неоднократных восстаний.

В 1885 г. в округе Уарас департамента Анкачс (Перу) вспыхнуло восстание под предводительством Педро Пабло Атуспария. Кроме крестьян-горцев, пришедших в долину для выполнения принудительных работ и принесших в связках соломы ножи, в восстании участвовали и рудокопы. Кечуа засели в старинной крепости инков Пумакайан, заняли горные проходы, захватили ружья, порох и динамит и успешно их использовали. Против индейцев были направлены правительственные войска. Повстанцы были разбиты и почти все истреблены. Все участники восстания проявили беззаветную храбрость и презрение к насильникам. Память об этом восстании до сих пор живет в народе. О вожде восстания Атуспарии и о его боевых подвигах сложены легенды и сказы.

Следующее крупное восстание индейцев-кечуа имело место в 1914 г. как и в предыдущий раз, в Перу. Вождем восстания был майор перуанской армии Теодомиро Гутьеррес, по всей видимости выходец из кечуанской буржуазной семьи. Помимо испанского он имел также кечуанское имя — Румимаки и считал себя «спасителем» своего народа. К этому времени индейцы испытывали столь невыносимый гнет, а их недовольство, готовое каждую минуту вылиться в народное восстание, было столь очевидным, что правительство президента Билингхерста вынуждено было послать Румимаки в качестве своего официального представителя в департамент Пуно для расследования положения. Прибыв на место, Румимаки вошел в тесный контакт с местными индейцами и вскоре после падения правительства Билингхерста, встав во главе поднявшегося восстания, двинулся по направлению к столице.

Многие тысячи индейцев, присоединившиеся к нему в пути, были плохо вооружены и экипированы, и восстание было потоплено в крови правительственными войсками.

Дальнейшее развитие национального движения происходит в условиях общего кризиса капитализма. Серьезное влияние на него было оказано Великой Октябрьской социалистической революцией и расколом мира на две системы. Победа Октябрьской революции расшатала в индийских, как и во всех колониальных и независимых странах, устой империализма.

В первые ряды демократического и национально-освободительного движения постепенно выходит рабочий класс. Для него, как и для рабочего класса всех стран мира, Октябрьская революция есть «вместе с тем революция в умах, революция в идеологии рабочего класса»¹². В 1919 г. в Перу возникло мощное стачечное движение рабочих. В качестве основного было выставлено требование установления восьмичасового рабочего дня. Создаются и крепнут профсоюзы. В 1921 г. в Эквадоре была основана социалистическая партия, которая после преодоления ею ряда ошибок в 1928 г. была принята в Коминтерн. Непрерывавшаяся в течение многих десятилетий борьба индейского крестьянства за самоуправление и землю, против захвата общинных земель помещиками приняла такие широкие масштабы, что перуанское правительство вынуждено было в 1919 г. издать закон о закреплении за индейскими общинами права на их земли. Однако закон фактически остался на бумаге, и борьба индейского крестьянства против произвола помещиков и местных властей продолжалась.

Чтобы привлечь на свою сторону кечуанскую буржуазию и интеллигенцию, отколоть их от народного движения и опереться на них, перуанское правительство организовало созыв «Индийского конгресса».

¹² И. Сталин, Международный характер Октябрьской революции, «Вопросы Ленинизма», изд. 11-е, стр. 180.

Решением конгресса был создан «Комитет в защиту прав индейцев Тауантинсуйо» (на языке кечуа Тауантинсуйо буквально «четыре священные друг с другом области» — название государства инков). Комитет был лишен каких-либо политических прав. Революционные элементы были представлены в комитете очень слабо; руководство оказалось в руках реформистски настроенной кечуанской буржуазии и интеллиции. Все это лишало комитет всякой силы, всякого значения и не разрешило атмосферы возмущения политикой правительства. В 1922 крестьянство вновь поднялось на восстание. Один из индейцев был коронован и принял титул «великого инки», это было уже после восстания под этим лозунгом¹³. Особенно большой силы движение достигло в 1923 г.

Комитет в защиту прав Тауантинсуйо не поддержал движения, выступил с программой мелких реформ, наиболее значительными требованиями которой была отмена закона о дорожной повинности крестьян индейцев и отделение церкви от государства. Отрываясь от крестьянского движения, комитет подрывал основы собственного существования. Подавление восстания дало правительству возможность перейти к политике открытых преследований и репрессий. В 1924 г. были арестованы все революционно настроенные члены комитета в защиту прав индейцев Тауантинсуйо. В 1927 г. комитет был разогнан окончательно. По ним отзывком вышеописанных событий было образование в 1927 г. в городе Куско Группы возрождения, носившей характер культурно-просветительной организации. В деятельности группы, помимо интеллигенции, принимали участие также индейцы-рабочие. Группа возрождения вскоре была разогнана, а ее руководитель — арестован.

1921—1927 годы завершили первый период национального движения. В последующий период на арену политической борьбы во главе своего авангарда выступает пролетариат.

Еще в 1923 г. была создана Региональная Индейская рабочая партия, в основе деятельности которой лежали принципы и методы мелкобуржуазной организации анархо-синдикалистского типа. Руководимой федерацией оказалось в руках мелкобуржуазных элементов. На революционно настроенное меньшинство, настаивавшее на защите интересов трудовых масс, — двое индейцев-кечуа были отправлены в ссылку. В том же 1923 г. в Перу организованы были крупные рабочие и студенческие выступления антиправительственного характера, способствовавшие росту организованности рабочего класса.

В 1927 г. в Перу было положено начало созданию Конфедерации труда. В 1929 г. в Монтевидео был создан профсоюзный центр — Ла-но-американская конфедерация профсоюзов.

К началу 30-х гг. мировой экономический кризис ударил также и в андийских странах, где кризис перепроизводства сочетался, как и во всех колониальных странах, с разрушением крестьянского хозяйства, доведенного эксплуатацией феодалов и непосильными налогами до полного истощения¹⁴. Факторы эти имели революционизирующее значение.

В 1931 г. в Перу вспыхнуло грандиозное восстание кечуа и аймара. Созданная к тому времени коммунистическая партия Перу установила связь с восставшими и выдвинула лозунг создания федерации самостоятельных государств кечуа и аймара, нашедший горячий отклик среди трудящегося индейского населения.

Первый опыт борьбы в союзе с пролетариатом показал индейцам единственно правильный путь социального и национального освобождения. Позиция перуанской компартии в период восстания завоевала небывалый авторитет и популярность в среде индейцев-трудящихся.

¹³ Yrigoyen Pedro, El conflicto y el problema indigenas, Lima, 1922.

¹⁴ И. Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 347.

Эта позиция нанесла первый удар по национальной розни среди трудящихся Перу, положив начало их сплочению вокруг компартии. На президентских выборах в Перу в 1932 г. индеец — коммунист Киспе-и-Киспе — получил 20% общего числа голосов, несмотря на аннулирование правительством его кандидатуры, несмотря на жестокий террор, несмотря на устранение от голосования многочисленных масс индейцев, не умеющих читать и писать по-испански.

Новый этап национально-освободительного движения кечуа начинается после второй мировой войны, когда основным его содержанием становится борьба, в союзе со всеми прогрессивными силами, за независимость стран Южной Америки против северо-американского империализма и его агентуры в Южной Америке. США выступают в странах андийского нагорья, как и в других странах, в качестве жандарма, душиателя всякого демократического движения. Последние восстания кечуа, имевшие место в Боливии в 1947—1948 гг., были подавлены лишь с помощью военной авиации, полученной боливийским правительством из США.

Начавшийся экономический кризис несет новые беды всем латиноамериканским странам, в том числе и андийским. Монополии США торопятся свернуть свою деятельность прежде всего за счет контролируемых ими предприятий в этих странах. Сокращается производство в добывающей промышленности, идет массовое увольнение рабочих, в Боливии и Колумбии тысячи горняков выброшены за ворота предприятий. Сокращение вывоза из андийских стран обрекает на голод крестьянство и мелкую буржуазию. В Боливии после того, как правительство, под давлением горнопромышленников, провело девальвацию денежной единицы, жизненный уровень трудящихся резко понизился.

Трудовые массы латиноамериканских стран дают все более резкий отпор нападению на их кровные интересы. За 1949 г. резко поднялось забастовочное движение в Мексике, Бразилии, Боливии. В начале 1950 г. в Боливии имели место значительные забастовки горняков. Растущая борьба за права трудящихся возглавляется коммунистическими партиями и Конфедерацией трудящихся Латинской Америки, насчитывающей в своих рядах до 6,5 млн. членов. Антинародные правительства андийских стран пытаются всеми мерами ослабить все возрастающую силу сопротивления народных масс. В Боливии правительство пустило в ход изобретенную им версию о «заговоре», намереваясь, под угрозой «коммунистической опасности», методами жестокого террора подавить народное движение против правительства, подчиненного интересам горнопромышленников и иностранного империализма. Однако никакой террор не в силах остановить роста борьбы трудящихся Латинской Америки за свои права. Эта борьба тесно связана с движением за мир, против североамериканских поджигателей войны.

Большую роль в общем движении трудящихся масс за мир и демократию играет Федерация индейцев Эквадора, входящая в Конфедерацию трудящихся Латинской Америки. На конгрессе женщин, созванном в защиту мира в 1949 г. в Москве, представительница Эквадора призывала включиться в борьбу за мир 15 млн. индейских женщин, расселенных на американском континенте.

Интересы национально-освободительного движения народа кечуа совпадают с интересами всего латиноамериканского пролетариата и трудового крестьянства, борющихся против захватнических планов североамериканского империализма, за мир и демократию вместе со всем антиимпериалистическим, демократическим лагерем, возглавляемым великим Советским Союзом.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Г. БОМШТЕЙН

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В РАБОТЕ С. П. КРАШЕНИННИКОВА «ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ»

В 1756 г. Петербургская Академия Наук опубликовала труд при С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»¹. Это фундаментальное исследование явилось яркой демонстрацией силы и плодотворности русской научной мысли XVIII в.

Выходец из народа, Крашенинников был одним из блестящих представителей ломоносовской плеяды. М. В. Ломоносов вспоминал, что «недоброхоты российских наук», заседавшие в Академии, препятствовали продвижению Крашенинникова, старались не допускать его, «как многих россиян, к высоким наукам». Великий ученый считал своей заслугой, что «сквозь многие нападения прошед... Попова за собой вывел и Крашенинникова»².

В своих воззрениях и научной методике автор «Описания земли Камчатки» безусловно был связан с Ломоносовым и являлся одним из соратников в создании русской национальной научной традиции.

«Описание земли Камчатки» характеризует Крашенинникова как ученого-энциклопедиста. Общеизвестно, что этот труд является не только блестящим произведением русской географии и этнографии, но и содержит также и в историю ряда других наук.

Однако в многогранном научном наследии, оставленном Крашенинниковым как автором «Описания земли Камчатки», есть стороны, видимо, оставшиеся неучтенными. К ним мы относим те материалы и научные наблюдения в книге, которые позволяют ставить вопрос о Крашенинникове как об одном из зачинателей русской фольклористики мысли.

Так называемая «традиционная», по существу космополитическая историография русской фольклористики проявляет свою порочность в вопросе о времени возникновения в России научного интереса к народному творчеству. Она в лучшем случае «замечает» признаки внимания к народной поэзии для конца XVIII — начала XIX в., всячески снижая при этом уровень самих фольклорных интересов. Представляя историю

¹ «Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академиком Наук профессором. Том первый. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук. 1755 год». Под тем же годом — том второй. В 1786 г. вышло второе издание. Нумерация страниц в первом и втором изданиях «Описания земли Камчатки» совпадает. Цитируем труд С. П. Крашенинникова по 2-му изданию, так как в настоящее время не имеем в своем распоряжении 1-го издания. В дальнейшем сносках мы будем обозначать «Описание земли Камчатки» начальными буквами «О.З.К.».

² П. Пекарский, История императорской Академии Наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 923—924.

русской фольклористики как «производное» от западноевропейской, буржуазная историография игнорирует оригинальную русскую традицию. Поэтому для нее не существует вопроса о национальных истоках русской фольклористики.

Для нас совершенно ясно, что в историю науки входит и тот период жизни фольклористических идей, когда они еще не отдифференцировались от других наук и не сложились в специальную дисциплину. Теоретические фольклорные интересы зарождаются в России в первой половине XVIII в. как явление оригинальное. Процесс их возникновения и развития в этот период находит воплощение в работах по теории поэзии, версификации, филологии, истории и этнографии. В историю фольклорных изучений России первой половины XVIII в. включаются теоретические работы Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Татищева, Крашенинникова. Уже в это время фольклор используется не только в качестве материала названных выше наук, но привлекает к себе внимание такими своими сторонами, которые характеризуют его как форму искусства. В работах первой половины XVIII в. обнаруживается интерес к фольклору как источнику изучения быта и нравов данного народа, тенденция рассмотрения фольклорно-этнографического материала в чертах национального своеобразия. Истоки русской фольклористики надо искать в русской прогрессивной общественной, научной мысли первой половины XVIII в.³

В учебных курсах реальные формы выражения интереса к народной поэзии второй половины XVIII в. ограничиваются преимущественно собиранием фольклора. Так, например, в работе проф. Замотина «Русская народная словесность» мы читаем: «Развитие интереса к народному творчеству во второй половине восемнадцатого века выразилось в том, что в это время, помимо смешанных сборников, куда попадали, между прочим, и былины, появляются специальные сборники сказок, суеверий, пословиц»⁴. Вплоть до мифологической школы весь материал, характеризующий отношение к фольклору в России, идет обычно в шаблонных историографических обзорах под рубрикой «История собирания», с мифологической школы начинается раздел «Изучение»⁵.

Не составляет исключения в этом плане и курс академика Ю. М. Солодова «Русский фольклор». Историографический раздел этого учебника построен на порочных основах либерально-буржуазных схем истории науки.

Конечно, теоретическим обобщениям всегда предшествует процесс накопления материала, но нельзя согласиться с тем, какой смысл получает это расчленение в старых историографических схемах. Оно превращается в разрыв этих двух начал и отрицание какой бы то ни было теоретической основы работы собирателей фольклора в XVIII столетии. Согласно традиционным оценкам, собирание народного творчества в это время имеет чисто эмпирический характер.

В действительности уже в первой половине XVIII в. сбор народной словесности сочетался с ее научным осмыслением. Собирание фольклорного и этнографического материала уже в то время так или иначе освещалось определенной идеей и подчинялось ясно осознанному, подчас очень широкому научным задачам. Один из первых собирателей народной поэзии — Татищев был и ее первым исследователем, он записывал фольклор с научными целями. Подобные примеры дает также деятельность Ломоносова, Крашенинникова и других русских ученых.

³ Обосновать и развить эти положения мы попытались в статье «К вопросу об истоках русской фольклористики». (См. «Прикамье», литературно-художественный альманах, Молотовгиз, 1948, № 11).

⁴ И. И. Замотин, Русская народная словесность. Лекции. На правах рукописи. 1919, стр. 17.

⁵ См., например, М. Н. Сперанский, Русская устная словесность, М., 1917.

«Описание земли Камчатки» — одно из произведений, свидетельствующих о несостоятельности «традиционных» схем истории русской фольклористики в общих курсах по фольклору.

* * *

«Описание земли Камчатки» включает в себе богатейший фольклорный материал. Исследователь, очевидно, тщательно собирал в течение всего времени пребывания на Камчатке.

Труд Крашенинникова охватывает самые различные виды художественного творчества камчадалов XVIII в. Здесь сказания и мифы об происхождении неба, земли, гор, о громе, ветре, дожде, заре, радуге, землетрясении, о реках, озерах, о горячих ключах, о заповедных лесах, о рыбах, птицах, животных и т. д. Довольно подробно описаны мифы о верховном боге и родоначальнике Куте и других богах, о духах воды, лесных, морских, подземных и пр. Приведено много интересных фактов и наблюдений из области «промыслового» фольклора камчадалов (охота и рыбная ловля). В книге дана богатейшая картина обихода камчатского фольклора — праздничного, свадебного, родильного и др., охарактеризованы пляски камчадалов, уделено значительное внимание слесарному и музыкальному фольклору.

Однако «Описание земли Камчатки» ценно для русской фольклористики не только богатством фактического материала, интересующего исследователя. Еще более важным является другое обстоятельство: изучение книги убеждает в том, что у автора есть определенная точка зрения на фольклор, есть последовательная методика их использования. В исследовании Крашенинникова фольклор не является чем-то само собой разумеющимся, он воспринят и освещен в подчинении задачам всестороннего изучения природы и населения Камчатки. Это определяет и расположение фольклорного материала. Так, например, горный фольклор излагается преимущественно в связи с геологическими и географическими данными в таких главах первой книги, как «2. Об огнедышащих горах и происходящих от них опасностях», «3. О горячих ключах», «4. О промысловом фольклоре — в главах, где описывается охота и рыбная ловля (главы первой книги: «6. О зверях земных», «8. О зверях морских», «9. О рыбах» и др.).

Однако наиболее богатый фольклорный материал сосредоточен в второй книге, в третьей части, где речь идет уже не о природе Камчатки, а о ее населении; показательно и само название главы: «О Камчатских народах». Характеристика камчадалского фольклора подана этой последней теме. Крашенинников осмысливает народное творчество в связи с бытом камчадалов; через фольклор исследователь раскрывает их представления о мире. Здесь, между прочим, снова появляются некоторые из мифов, сообщенных ранее, при характеристике «натуры Камчатки», причем на этот раз более подробно.

Во второй книге следуют одна за другой главы, специально посвященные мифологии и обрядности, песенному и танцевальному искусству; таковы главы: «11. О боге и о сотворении земли по их (камчадалов. — Г. Б.) мнению», «13. О праздниках и церемониях», «14. О пирах и забавах», «16. О сватаньи и свадьбах». Характеристика плясок и песен дана в главе «О пирах и забавах Камчатских», причем составлено основное ее содержание. Крашенинников совершенно четко формулирует положение о камчадалском фольклоре как материале науки. Местные «басни» помогают, по мнению автора, изучению природы и нравов Камчатки, «басни» имеют познавательное значение. Так, например, Крашенинников использует различные сказания, «объясняющие» особенности геологии Камчатки, в частности, говорящие о происхождении

геологических изменений на ее территории. Ученый отмечает, что «Камчадалы, которые на басни такиеж художники, как старинные греки, всем знатнейшим горам и ужасным по их мнению местам, каковы, напр. кипящие воды, горелые сопки и прочая, приписывают что-нибудь чудесное...»⁶ Он сообщает, что, согласно сказаниям камчадалов, гора Шивелич переменила свое место: «сказывают они, будто Шивелич стоял при Восточном море, на самом том месте, где ныне Кроноцкое озеро, но не стерпя беспокойства от Еврашек точивших его, принужден был переселиться на сие (новое.— Г. Б.) место. При том описывают и путешествие его оттуда...»⁷ Это сказание Крашенинников использует в связи с другим — о происхождении озер Кайнач и Кульхолянгин, «которые по камчатскому суеверию сделались от ступени вышеописанной горы Шивелича, т. к. источник на горе Еликоне от ископыти Пегаза: ибо сказывают они, что сей их Пегаз поднявшись с прежнего своего места третий ускорил очутился на нынешнем»⁸.

Далее автор определяет свое отношение к сказаниям: «Басни камчадалские сколь ни глупы, однако их по моему мнению вовсе презирать нельзя: по тому, что в них без сомнения заключается некоторое известие о древней перемене сих мест...»⁹

Таким образом, в фантастических легендах Крашенинников усматривает «некоторое известие» о фактах геологической истории Камчатки; камчадалские басни хранят в себе отклики на действительно бывшее. Поэтому их можно использовать в интересах естественной истории. Исследователь устанавливает, что камчадалы в своих сказаниях, преданиях и мифах осмысливают все явления окружающей действительности, философствуя по своему смешному разуму и любопытству, и ничего без изъяснения не оставляя»¹⁰.

Автор убедительно показал, что для обитателей Камчатки фольклор — это не только их «изъяснение» природы, это в то же время их история, у камчадалов «все доказательства древности состоят в словесных преданиях»¹¹.

Для уяснения подхода Крашенинникова к фольклору представляет значительный интерес, например, его мотивировка необходимости полного и точного описания праздничной обрядности.

Обращаясь к своему читателю, а может быть, имея в виду и тех, от кого зависела в той или иной степени публикация его труда, Крашенинников сообщает: «опишу я все обряды их с начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой безделицы не столько для удовольствия читателя, ибо такие мелочи читать больше скуки, нежели приятности, но наипаче для того, чтобы не погибла память толикого их заимствования... ибо ныне все оные языческие обряды оставлены, и через несколько лет совершенному предадутся забвению к некоторому ущербу истории»¹².

Очень сдержанный в оценке эстетических достоинств камчадалской обрядности, этнограф видит в ней иную ценность: научную, историческую; автор считает необходимым зафиксировать уходящие обычаи и взгляды, так как убежден в том, что их игнорирование исследователем будет «некоторым ущербом» для истории.

Крашенинников специально ездил в селения северных и южных камчадалов для того, чтобы полнее изучить местные праздничные обряды. Он считал необходимым дать совершенно цельную и полную карти-

⁶ «О. З. К.», кн. I, стр. 12.

⁷ Там же, стр. 12—13.

⁸ Там же, стр. 14—15.

⁹ Там же, стр. 15.

¹⁰ Там же, стр. 169.

¹¹ «О. З. К.», кн. II, стр. 10.

¹² Там же, стр. 85.

ну праздничной обрядности, «не опуская никакой безделицы», по причине, что каждая из деталей, «безделиц» занимает в обряде традиционное, «обязательное» место. «При праздновании,— чита «Описании...»,— бывают у них (камчадалов.— Г. Б.) между п¹³ нного и таких мелочей, которые не достойны воспоминания; но п¹⁴ всему у них непреременный порядок, то опишу я все обряды их с п¹⁵ до конца праздника, не опуская никакой безделицы...» Для этног неприемлемо субъективное «редактирование» обряда. Крашенин проявляет, таким образом, очень бережное отношение к фольклор тексту.

Исследователь не считал возможным ограничиться общей, сумми характеристикой праздничного фольклора северных и южных кам лов, потому что обрядность южных и северных камчадалов имеет личия. «И понеже южные Камчадалы,— пишет Крашенинников,— некоторую разность в обрядах против северных, то объявлю я по о праздновании их...»¹³ Описание праздничного обряда северных к далов занимает в книге 10 страниц, столько же страниц — описани же обрядности у южных камчадалов.

В своем стремлении проследить весь ход обряда ученый столкну с такими препятствиями, как существование «тайных» обрядов, щих в состав праздничной игры у северных камчадалов. Это «тайное действие, при котором кроме некоторых стариков и двух с телей никому быть не должно». Крашенинников упросил старикоб: бы они разрешили присутствовать при отправлении тайного (переводчику, который затем и рассказал ученому о том, что пр дило¹⁴. Не можем не упомянуть детали, характеризующей не добросовестность Крашенинникова: переходя к описанию празд обрядности северных камчадалов, он считает необходимым предуп читателя, что не застал начала обрядового действия.

Крашенинников — один из первых собирателей фольклора, стр шихся к точной, полной, научно-добросовестной фиксации фактов.

Изложение фактического материала Крашенинников сопровож замечаниями, вскрывающими назначение некоторых моментов в пр ничном действе в целом. Так, например, Крашенинников разо «Китово действие» и «игру о волке», входившие в годовой праздни обряд южных камчадалов. Он путем опроса выяснил сюжетную ос игры о волке. «А баснь,— пишет автор,— которую они представл есть следующего содержания: На некоторой реке жил одинокий Ка дал и имел у себя двух малых сыновей. Отходя на промысел при ден он был детей одних оставлять в юрте; и для безопасности, что ушиблись, привязывать к столбам. В небытность его приходили к д его волки, и спрашивали, скоро ли отец их будет, которым они о ствовали: зимою. Дети его от того страха через долгое время без были. Между тем отец с промыслу возвратился, и увидав, что во его отлучки происходило, пошел промыслять волка, и застрелил ег лука»¹⁵.

В игре используется травяное чучело волка, которого «убивает» ражая стрелой, тойон — старшина селения. В «Китовом дейст дети — участники игры — растерзали травяное чучело кита.

В той и другой игре Крашенинников выявляет магический, «пр ческий» характер. Он пытается выяснить смысл «Китового действ игры о волке у самих участников обряда, но они оказались не в со нии ответить на вопросы этнографа. Таким образом, он основыв только на своих собственных наблюдениях: «хотя сами Камчадалы

¹³ «О. З. К.», кн II, стр. 85.

¹⁴ Там же, стр. 102.

¹⁵ Там же, стр. 95.

зять и не умеют, касается ли оно до их суеверия или нет, и для чего бывает, однакож мне кажется, что оное представляется вместо комедии только для увеселения, или чтоб им прямых китов и волков промышлять и есть, как с травяными поступали»¹⁶.

Крашенинников устанавливает символический характер каждого элемента игры: «Что же касается до Китового действия, то травяной кит делается во образ носимого волнами мертвого кита, вороны из кишек во образ воронов клюющих труп его, а малые ребята, терзающие его, во образ Камчадалов режущих жир его»¹⁷.

Аналогично объяснен им обряд, отправлявшийся после разделывания тюленьего мяса. Два камчадала привалили большой камень к стене и осыпали его мелкими камнями, в то время как два других принесенную в мешках сладкую траву рвали на куски и вязали в узлы. «Большой камень, — выясняет Крашенинников, — значил у них морской берег, мелкие камни волны морские, а сладкая трава в узелки связанная тюленей»¹⁸.

Крашенинников показал, что символика связана с магией, с «практически-магическим» назначением обряда. Травяных тюленей камчадалы волочили по камням «для того, чтоб тюлени в море думали, что им лустить у Камчадалов весьма приятно, особливо что в юртах у них и море есть, а сие б самое побуждало их в большем числе попадаться в Камчатские руки»¹⁹.

Крашенинников приводит мифы, в которых непосредственно отражается материальная культура камчадалов XVIII в., характер их производственной жизни; таковы мифы о боге Кутху, научившем своего сына делать лодки, о сыне Кутху, первым начавшем вязать рыболовные сети, о скотьем боге, который начал шить из звериных кож камчадалские кухлянки и парки, и т. д.

Весьма подробно описаны различные виды промыслового фольклора Камчатки. И тут снова дает себя знать научная, анализирующая мысль. Этнограф устанавливает факты профилактической магии у обитателей Камчатки: киты, касатки, медведи и волки не назывались своими именами, их обозначали одним и тем же словом «силанг», т. е. беда; камчадалы во время охоты на акул никогда не называли их, думая, что «рыба пузырь свой испортит и сделает негодным к употреблению». Характеризуя охотничьи и рыболовецкие промыслы, Крашенинников дает анализ промыслового фольклора не только камчадалов, но и русских. В охотничьих суевериях русских «промышленников» автор также отмечает профилактическую магию: согласно традиции, охотники не должны называть ворона, змею и кошку «прямыми именами», «а называли бы верховым, худую и запеченкою».

Этнограф выяснил, что «в прежние годы на промыслах гораздо больше вещей странными именами называли, на пример: церковь востроверхою, бабу шелухою или белоголовкою, девку простыгою, коня долгохвостым, корову рыкушею, овцу тонконогою, свинью низкоглядою, петуха голоногим и прочая; но ныне все кроме вышеобъявленных слов оставили»²⁰.

Автором приведены различные охотничьи суеверия и приметы, имеющие своей основой очеловечение соболя.

Охотники были убеждены, что о всех их нарушениях законов охоты соболю знает и наказывает их; в таких случаях охота на соболя оказывается неудачной. Как рассказывает автор, он пытался убедить охотников в том, что они заблуждаются, но «в сем суеверии так они тверды,

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, кн. I, стр. 267.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 246.

что не токмо не принимают никаких здравых советов для отведения от той глупости, но и великое оказывают неудовольствие, предлежало упорно в противность тому, что от сего так как и от воровства в мысли бывает порча»²¹.

Подобным же образом Крашенинников показывает связь обряда промыслом у других народов. У якутов перед охотой приносилась жертва богу, — «владеющему зверями и лесом», кровью жертвы обильно обмазывался идол с таким желанием, «чтоб промышленный промыслу по всякой день видеть кровь, так как у него лицо тогда ваво будет»²².

Крашенинников обратил внимание на отражение анимизма и магии в таких языковых явлениях, как омонимы. Он заметил, что валы в одном из проливов именуются у курилов Когач, т. е. хребет, этим же словом именуются и спинки у рыбы. Крашенинников указывает, что этим перенесением имени курилы «думают изъяснить покрытое морем его качество». Те же валы имеют и другое имя — Камуй, т. е. бог, «тому что от великого страха почитают их как самого бога», и при плавании через пролив камчадалы приносили валам жертву, в то время рулевой непрерывно колдовал.

В «Описании земли Камчатки» уделяется также известное внимание заговорам и приметам. Своими наговорами камчадалы «...лечат болезни, ...отвращают несчастье и будущая предвозвещают». Этнограф обнаружил, что текст заговоров сохраняется втайне, записать их не удалось. «А какие слова при наговорах употребляют, или кого призывают за помощью того я как великой тайны не мог вывесть»²³. Изучая камчадалские приметы, Крашенинников обнаружил, что некоторые из них стали достоянием русского населения Камчатки — казаков. «Возгорание огнедышащих гор не токмо Камчадалы, — сообщает он, — но и казаки почитают за предзнаменование кровопролития; и то свое суеверное мнение доказывают многими примерами, что ни одного случая, когда металл пламя, без того не проходило: и при том, утверждают, что чем больше и сильнее она горит, тем и больше крови проливается»²⁴.

Значительный интерес представляют наблюдения над хореографическим, словесным и музыкальным фольклором. Таковы, например, сведения о курильских плясках, пении и рассказывании сказок, как об одном из моментов обряда встречи. Во время встречи родственников, долго видавших друг друга, исполнялась военная игра: «приезжие с байлами своих, а жители из юрт с великими обрядами сходятся; обе стороны одеты бывают в военное платье и с оружием махая саблями и копьями натягивая друг против друга луки, так как бы быть сущему сражению, а при том все пляшут. После того, как гости и хозяева обоюдно посетят друг друга в свои дела, курилы торжествуют по своим обычаям: едят, пляшут, поют и сказывают сказки»²⁵. В книге упомянуты «любимые басни», которые, согласно обычаю, рассказывают друг другу камчадалы.

Автор сообщает о существовании «шутов», «которые забавляют других своими проказами», однако не передает ничего из репертуара шуты считая его непристойным.

В книге описано пять танцев. Первый из них наблюдал сам автор. Он отмечает, что танец, показавшийся ему диким, с большим удовольствием воспринимался зрителями. Это объяснено тем, что танец камчадалов является родным для них, «природным». «Таким образом, замечает этнограф, — природные забавы сильны произвести во всяком

²¹ «О. З. К.», кн. I, стр. 246.

²² Там же, стр. 258.

²³ Там же, кн. II, стр. 82.

²⁴ Там же, кн. I, стр. 178.

²⁵ Там же, кн. II, стр. 182—183.

некоторое движение, хотя бы другим казались и странными»²⁶. Крашенинников рассказывает о существовании старинных, «коренных» камчадалских танцев и дает описание одного из них,— это у камчадалов «главнейший танец», исполняемый одной из женщин (тогда как другие «сидятя вкруг»), которая при этом «кричит голосом различных зверей и птиц...» Он указывает далее на существование камчадалского «кругового» танца, однако ничего не сообщает о последнем, так как не видал его и никакими достоверными данными, повидимому, не располагал. По словам Крашенинникова, «великая честь» была тому, кто всех перепляшет; пляска продолжалась часов по 12—15, и в юрте не оставалось никого, кто бы не принял участия в пляске, включая и «самых дряхлых стариков». Крашенинников обратил внимание на связь репертуара камчадалских танцев и их «сюжета» со способом добывания пищи, с родом занятий; так, например, речь идет о танце, распространенном у тех камчадалов, которые на байдарках промыслили морских зверей, это танец мореходов; текст, связанный с танцем мореходов, целиком определяется содержанием охотничьего промысла. «Употребляемые при том слова,— замечает Крашенинников,— все принадлежат до их промысла»...²⁷ В «Описании земли Камчатки» дана краткая общая характеристика мелодии камчадалских песен, их содержания, характера, а также и некоторых поэтических особенностей. Автор привел образцы камчадалского песенного фольклора. Он отмечает относительную мелодичность камчадалских песен. Эти произведения — как бы прямой отклик на факты, которые привлекли к себе внимание создателей песен: «...в материи песен нет никаких замыслов, токмо одни простые понятия о вещах, которые им странными кажутся или смешными, или достойными удивления»²⁸. «Таким образом,— пишет Крашенинников,— все их песни составлены, в которых упоминаются токмо некоторые действия или другие какие обстоятельства без всякого склада»²⁹.

О любовной лирике камчадалов Крашенинников говорит: «В любовных песнях изъявляют они склонность к своим любовникам, печаль, надежду и другие обстоятельства...»³⁰ Крашенинников привел образец любовной песни. Эта песня, «называемая Аангич, сложена на голос морской утки, Аангич называемой». Он приводит текст этой песни — на камчадалском языке русскими буквами и ее перевод — переложение. «Весь смысл песни состоит в том: Я потерял жену свою и душу, с печали пойду в лес, буду сдирать кору с дерева и есть, после того встану лоутру, погоню утку Аангич с земли на море, и на все стороны поглядывать имею, не найду ли где любезного моего сердца»³¹.

Крашенинников замечает, что произведения песенной лирики создаются преимущественно женщинами, и добавляет при этом, что они «имеют весьма чистые и приятные голоса». Вообще Крашенинников счел, что «сей народ имеет к музыке великую склонность...»³²

В качестве образца песенного фольклора камчадалов Крашенинников привел также текст и мелодию «Песни на подполковника Мерлина, Маеора Павлуцкого и Студента Крашенинникова». Крашенинников дает камчадалский текст песни (камчадалские слова русскими буквами) и подстрочный русский перевод. Песня состоит из 12 строк.

Цитируем часть этой песни в русском переводе: «Ежели бы я был Студент, то бы описал всех морских чаек. / Ежели бы я был Студент, то бы поснимал все орлиные гнезда. / Ежели бы я был Студент, то бы опи-

²⁶ Там же, стр. 111.

²⁷ Там же, стр. 112.

²⁸ Там же, стр. 113.

²⁹ Там же, стр. 115.

³⁰ Там же, стр. 114.

³¹ Там же, стр. 116.

³² Там же, стр. 114.

сал горячие ключи. [Ежели бы] Студен был тоб описал все горы. [Ея бы я] Студент был, тоб описал всех птиц...» и т. д.³³

Запись песни о Мерлине, Павлуцком и Крашенинникове имеет не только как свидетельство фольклорных интересов Крашеникова. Она до некоторой степени говорит об уровне этих интересов определенном подходе к фольклорному тексту, — собиратель стрем не только к точности передачи произведения, он руководству мыслью о необходимости передачи песен народа на языке данного рода.

Крашенинников обратил внимание на некоторые черты поэтической структуры песни. Он останавливается на взаимоотношениях словесного текста и «голоса» в такой песне, как уже упоминавшаяся «Аангич». отмечает несопадение словесного и музыкального ритма и приемы, с помощью которых достигается единство словесного текста и «ноты», хотя подведенные слова, — пишет он, — с нотой несходны, однако Камчадалы дополняют и исправляют оные прибавлением неких ничего значащих слов...» Цитируя песню, Крашенинников выделяет звукооттания, «незначащие слоги», которые введены в текст для достижения единства «слов» и «ноты»³⁴.

Он устанавливает такую особенность поэтической структуры камчадалских песен, как употребление в большинстве из них слов «Ганика» и «Баюн»: «Во всякой почти песне употребляют слова Ганика и Баюн так как казаки здунай, Якуты нага, которые разделяя по членам иногда сокращают, иногда продолжают, как того голос песни требует»³⁵.

Мимо Крашенинникова не прошел и такой момент художественной культуры камчадалов XVIII в., как их музыкальные инструменты. Он между прочим, высказывает удивление по поводу того, что камчадалы, имея «к музыке великую склонность», не создали никаких инструментов кроме «дудок дягильных», на которых при этом не могут «песен...» играть».

Исходя из того, что на Камчатке «Природных тамошних жителей считается три народа Камчадалы, Коряки и Курилы» и что «род жити двух последних весьма сходствует с Камчадалами», Крашенинников обращает внимание на некоторые особенности каждого из этих народов а также, пусть незначительные подчас, различия тех или иных групп пределах каждой народности, — например, особенности обычаев и мифологии оленных и сидячих коряков, своеобразие обычаев и обрядов северных и южных камчадалов. Крашенинников указывает иногда и различия в обрядности камчадалов и других народностей Севера, например, при характеристике камчадалских заговоров он называет о. из деталей камчадалского обряда, не свойственную шаманским нагсам «у Якутов, Коряк, Тунгусов, Бурятов и всех Сибирских языков...»³⁶.

Это внимание к особенностям обряда у данной народности — одна черта сходства в этнографических изучениях Крашенинникова и Таттисева.

Крашенинников отмечает взаимообмен фольклором у камчадалов, курилов и коряков, имеющий своим источником общность «рода жития» некоторые курильские обряды «идолослужения» «приняли от Курилы южные Камчадалы».

При характеристике камчадалских обычаев и фольклора Крашени

³³ «О. З. К.», кн. II, стр. 115.

³⁴ Там же, стр. 116.

³⁵ Там же, стр. 114.

³⁶ Там же, стр. 82, 157. Крашенинников сообщает, между прочим, различия между бродячими и оседлыми коряками в «телесном виде», эти различия он ставит в зависимость от условий жизни: «Коряцкой народ по разности жития разнствует и телесным видом» («О. З. К.», кн. II, стр. 147).

Крашенинников учел такой фактор, как имущественное неравенство. Исчисляя расстояние днями (т. е. за сколько дней можно покрыть данное расстояние), богатые коряки рассчитывают его не так, как бедные: «У богатых расстояние одного дня больше, нежели у бедных: для того что они надеются тем доказать, что у них лошади или олени хорошие, когда они со всеми своими тяжестями и с домом столько могут переехать, сколько бедные налегке, по причине худых лошадей или оленей»³⁷. «Женятся богатые на богатых, а скудные на скудных, не взирая на разум и на пригожество»³⁸. «Как скоро родятся дети, то богатые отделиют им несколько оленей на их щастие, которыми однакож не могут дети пользоваться до возраста совершенного»³⁹.

В главе «О Боге, о состоянии земли и догматах Камчатской веры» Крашенинников показал, что имущественное неравенство отразилось в камчадалских мифах о загробной жизни: «...говорят, что бедные здешнего света будут там богатыми, а богатые убогими». В той же главе сообщается миф о великом и сильном камчадале, родившемся от верховного бога Кутхы и первым умершем на Камчатке. Он, «главный в подземном свете», принимает умерших камчадалов, «и кто прибудет в новой и богатой собачьей куклянке, и на хороших собаках, тому дает худое платье и худых собак, а кто в худом платье и на худых собаках, тому дарует хорошее платье, хороших собак и хорошее отводит место к поселению»⁴⁰. В этом внимании к отражениям социальной дифференциации в обряде и мифе Крашенинников не одинок.

Татищев в своих этнографических характеристиках тоже показывал значение данного фактора в обрядности ряда народов. В частности, в комментариях к первой книге «Истории российской с самых древнейших времен» Татищев опубликовал подробное описание татарского свадебного обряда, который он видел в 1721 г. Он сообщает, что само исполнение обряда похищения невесты было вызвано имущественным неравенством жениха и невесты.

Крашенинников весьма упорно добивался выяснения вопроса о том, чем является камчадалский фольклор для самих камчадалов, как они относятся к их собственным суевериям, мифам, легендам, как они осмысливают обряды, которые исполняют. С этой целью он многократно расспрашивал камчадалов, вникая подчас в детали того или иного обряда. По словам автора, он «о всяких вещах у таможенных жителей спрашивал с всевозможным старанием»⁴¹.

Он приходит к выводу о том, что «камчадалские фантазии» принимаются камчадалами еще «за истину», «ни о каком мнении никогда не думают, справедливо ли оно или несправедливо и можно ли тому стать или не можно, но все принимают за истину»⁴².

Крашенинников фиксирует силу предания, традиции в фольклоре жителей Камчатки. «Главное основание веры их,— сообщается в «Описании»,— утверждается на древних преданиях, которые наблюдают они плече закону, не приемля никаких доказательств в опровержение»⁴³.

Итак, основа языческой мифологии, верований, обрядности камчадалов XVIII в.— древнее предание, сохраняющее для многих из них значение закона и господствующее над их сознанием. Таково мнение Крашенинникова. Он неоднократно отмечает, что исполнители обряда, песни, танца не могли объяснить смысла того, что исполняли, ссылаясь на старину, на традицию, на то, что это «исстари в употреблении».

³⁷ Там же, стр. 160—161.

³⁸ Там же, стр. 163.

³⁹ Там же, стр. 165.

⁴⁰ Там же, стр. 78.

⁴¹ Там же, кн. I, стр. 58.

⁴² Там же, кн. II, стр. 77.

⁴³ Там же.

Приведем некоторые примеры. Как говорилось выше, жители Камчатки не сумели объяснить Крашенинникову, для чего бывает «Камчатское действо» и «игра о волке». Оседлые коряки справляют праздники обрядность вместе с камчадалами, «но кому и для чего, столь же не ведают как и камчадалы. Вся причина состоит в том, что предки их поступали»⁴⁴.

В составе праздничного действия северных камчадалов Крашенинников описал фаллический обряд, который посвящен Пому («сделали его подобие человека»), олицетворяющему плодородие. Этнограф хотел выяснить, как представляют себе участники обряда смысл последнего, ответа не получил, — или потому, что камчадалы утратили древнее приятие обряда, или же не хотели посвящать Крашенинникова. По этому поводу он пишет: «Что значит оной Пом и для чего делается, того сами Камчадалы сказать или не умели, или не хотели...»⁴⁵

Крашенинникова не удовлетворяет внешнее описание курильских обоготворения стружек (стружки служили курилам «вместо идолов» в юртах) и установление их функции (стружки — Ингул — «надежное средство к безопасному плаванью по морю»); он хотел узнать, как место занимают эти суеверия среди других, в каком отношении находятся они к местным представлениям о добрых и злых духах: «однажды не мог я того выведать, за бесов ли они их вменяют или за бога»⁴⁶.

«Описание земли Камчатки» дает многочисленные примеры тщательного выяснения смысла и конкретного назначения (в камчадалских представлениях) различных магических словесных формул, входящих в состав обряда. В обряде, долженствующем обеспечить успешную охоту на тюленей, участники обряда «...таскали тюленей своей охотой по каменному морю под тем видом, будто их бьет волнами, а по окончании вышед из юрты кричали кунешит алулаик, погода прижиная; для того, чтобы ветер восстал с моря и нажал бы льду к берегу, причем обыкновенно бывает лучшей промысел морских зверей». Словесная формула должна вызвать в природе явления, облегчающую охоту. Исследователь сталкивался с такими фактами, когда понимание подобных формул уже не было доступно опрашиваемым, так что многие словесные формулы поддерживались, очевидно, силой традиции. В том же обряде Крашенинников отмечает словесную формулу «лигнульхъ» — слово, которое выкрикивалось четыре раза. Узнать смысл и назначение этой формулы ему не удалось, — камчадалы могли ему лишь сказать о древности обычая: «что сие слово значит и для чего они кричат, тому не мог добиться толку, кроме того, что сие слово из стари в употреблении»⁴⁸.

Подчеркивая силу традиции, Крашенинников в то же время выявляет, что отношение камчадалов к их собственным традиционным представлениям изменяется. Им замечено пробуждающееся недоверие, двойственное отношение к некоторым местным мифам, «басням» в среде носителей этих мифов. Крашенинников вступил с ними в беседу по поводу одного странного обряда и старался заставить их осознать несуразность их «басни». Оказалось, что и у них это суеверие вызывает недоумение. «Нам де и самим, ответствовали они, то дивно», но обряд они все-таки исполняли⁴⁹.

Крашенинников оперирует наблюдениями над восприятием обычаев, мифов обрядового фольклора старшим и младшим поколением местных жителей Камчатки. Миф о переселении горы Алаид старики и женщины

⁴⁴ «О. З. К.», кн. II, стр. 160.

⁴⁵ Там же, стр. 104.

⁴⁶ Там же, стр. 181.

⁴⁷ Там же, кн. I, стр. 268.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, кн. II, стр. 97.

принимали за истину, тогда как «молодые люди» смеялись над ним⁵⁰. Традицию поддерживают старики; молодежь идет на разрыв с обычаями и верованиями отцов: «Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодежь почти все восприняли христианскую веру и стараются во всем Российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию»⁵¹.

Автор заметил изменения в бытовой традиции. Обычай женщин закрывать лицо при встрече с посторонними, по его словам, перестает быть всеобщим: «Но сие токмо о тех разумеется, которые старой своей грубости не оставили: ибо другие не столь зазорны...»⁵²

В то же время Крашенинников имел возможность зафиксировать новые «басни». Они возникают как объяснение некоторых явлений природы, поразивших камчадалов. Автор сообщает такой пример. На одной из рек Камчатки «не в давние времена» из-за наводнения или землетрясения оторвало часть берега вместе с камчатским селением на его мысу. Жители Камчатки немедленно дали фантастическое объяснение происшедшего. «Камчадалы,— сообщает автор,— тот час сложили о том баснь, будто оной острожек разорен от морских касаток по причине происшедшей между ими и Камчадалами ссоры за ножик, которого требовали касатки»⁵³.

Итак, идея восприятия фольклора его носителями несомненно руководила Крашенинниковым-этнографом.

Очевидно, именно ко времени издания своей книги о Камчатке Крашенинников считал возможным утверждать о ее населении: «...ныне же языческие обряды оставлены и через несколько лет совершенному предадутся забвению». Умирание камчадалских суеверий Крашенинников считал обусловленным таким факторами, как христианизация, воздействие русских обычаев, насаждение грамоты и др.

В методике Крашенинникова — этнографа и фольклориста — обнаруживается и другая научная тенденция: точное обозначение времени и места записи мифа, обряда, поверия, танца и т. д. и в ряде случаев района их бытования. Выше мы сообщали факты из цикла обрядов послеохоты на тюленей, столь обстоятельно описанные и проанализированные Крашенинниковым. Прежде чем излагать обряды, он сообщает, что наблюдал их «в 1740 году в острожке Какеиче, который стоит над речкою тогож имени впадающею в Восточное море»⁵⁴. Обрядовый фольклор праздника у южных камчадалов Крашенинников наблюдал в 1738 и 1739 гг. в селении Чаапынган на реке Кыкчике. Он пишет, что специально с этой целью «в 1738 и 1739 годах нарочно для того ездил и в знатном их остроге Чаапынган называемом, что на реке Кыкчике, жил по трои суток»⁵⁵. Свадебные обряды Крашенинников наблюдал «в 1739 году в Камчатском острожке, что на речке Ратуге...»⁵⁶. Шаманство он видел в 1739 г. в Нижнем Камчатском остроге и т. д.⁵⁷

Крашенинников обратил внимание на вопрос о районе бытования того или другого обряда, мифа и пр. Поклонение божкам Ингул или Ианаху Крашенинников считает обрядом курильским, но обнаруживает этот «образ идолослужения» в одном из районов, заселенных южными

⁵⁰ Там же, кн. I, стр. 109.

⁵¹ Там же, кн. II, стр. 24.

⁵² Там же, стр. 125.

⁵³ Там же, кн. I, стр. 49.

⁵⁴ Там же, стр. 266.

⁵⁵ Там же, кн. II, стр. 85.

⁵⁶ Там же, стр. 122.

⁵⁷ Между прочим, Крашенинников называет имя шамана («именем Карыляча») некоторые данные о нем. По словам Крашенинникова, того шамана «не токмо амашные язычники, но и казаки за великого знатока почитают...». Шаман жульничал довольно «грубо». «Я между тем,— пишет Крашенинников,— довольно смеялся, что он свое дело так худо знает, что к нашим Ташеншпиллерам не годится и в школу».

камчадалами,— у камчадалов, «кои живут на первом Курильском острове и на лопатке...»⁵⁸

По его мнению камчадалы, заселяющие Курильский остров, усвоили обряд курилов. Изучение камчадалского фольклора привело Крашенинникова к выводу о том, что одни и те же явления в различных районах Камчатки получали различное фантастическое объяснение, претворенное в баснях. Если одну из почитаемых гор одни считали жилищем умерших, а другие — жилищем духов, то этот факт не удивляет Крашенинникова: «Что касается до разности в объявлении Камчадалов тому удивляться не должно», так как разноречия в камчадалских «баснях», посвященных одной и той же теме,— явление типичное.

В книге Крашенинникова указаны различия не только в самих обрядах («южные Камчадалы имеют некоторую разность в обрядах против северных»), но в названиях одних и тех же фольклорных произведений, распространенных среди населения и Южной и Северной Камчатки,— оригинальные камчатские танцы «от Южных называются Хаютеа, а от Северных Кузелькина...»; другую пляску — «Южные Камчадалы называют ...Ирскина, а Курильцы Римзег»⁵⁹.

В «Описании земли Камчатки» — в богатых, разнообразных изданиях камчатских народов свое место занял вопрос об их языке. Этой вопросу специально посвящена особая глава «О различных наречиях камчатского народа» (гл. 20, кн. II). Принцип районирования сказан в изложении лингвистических наблюдений Крашенинникова,— при этом гораздо ярче, чем в материалах фольклорных. Повидимому, это объясняется тем, что исследователь нашел больше различий — по районам — в речи камчадалов, чем в мифах, обрядах, плясках и песнях. Так, например, о коряках Крашенинников говорит: «Главная разность сего народа от Камчадалов состоит в языке». Считая, что «курильский народ житием своим... сходен с Камчадалами», он все же специальную главу посвятил курилам, так как они имеют особенности «в телесном виде» «в языке». «Камчадалов по разности языка можно разделить на два народа: Северный и Южный» и т. п. Крашенинников приводит камчадалские, коряцкие и курильские названия одних и тех же местностей, гор, рек, озер, названия зверей, птиц, рыб и т. д.

В «Описание земли Камчатки» включены лингвистические таблицы «Коряцкие звания рыбам, зверям, птицам, плодам и произрастающим, которые им знаемы», «Имена мужские» и «Имена женские» камчадалские, «Имена мужские и Имена женские», курильские, «Собрание слов Курильского языка», «Звания зверям, птицам и рыбам и другим известным им вещам натуральным».

В главе «О различных наречиях Камчатского народа» приведена таблица под названием: «Собрание слов разных Камчатских наречий». В ней три столбца. Цитируем авторские пояснения к его диалектологической таблице: «В столбе А содержится наречие северных Камчадалов, Б южных, а в столбе В живущих от Воровской реки на севере почти до Тигиля»⁶⁰. В главе «О Коряцком народе» есть таблица «Собрание слов различных Коряцких наречий», состоящая из четырех столбцов в соответствии с особенностями речи коряков по районам, чем свидетельствует опять-таки авторский комментарий: «Под литерою А содержатся слова Оленных Коряк, которые живут в Севере. Под литерою Б слова Оленных же Коряк, которые не в давние годы лишь табунов своих поселились на реке Аваче. Под литерою В слова сидящих Коряк, которые живут на Уке реке, а под литерою Г слова остроумных Карагинцов»⁶¹.

⁵⁸ «О. З. К.», кн. II, стр. 181.

⁵⁹ Там же, стр. 111.

⁶⁰ Там же, стр. 138.

⁶¹ Там же, стр. 169.

В этих наблюдениях над диалектами Камчатки мы склонны видеть зародыши некоторых идей диалектологии.

Крашенинников в своем труде постоянно и разнообразно использует различные языки камчадалов. Это один из путей, которым идет автор к решению некоторых исторических и этнографических вопросов.

Довольно многочисленны в труде Крашенинникова наблюдения топонимического характера. Автор анализирует названия различных местностей. Река Шопхад названа по имени «острожка», который находился раньше на ее устье, «а острожек так назван по великому изобилию в поселениях, которых жители на привальном льду промышляли, и как кряжи поленицами клали: ибо Шопхад значит кряж или толстой отруб»⁶². Река Озерная у местных жителей имела название «Коочь-а-й» что то есть Еловское устье, потому что по ней можно проходить в местах на Еловку...»⁶³ Одна из рек — Биокос — имеет название, отвечающее ее особенностям: ее дно покрыто черным песком, от чего она получила и название: ибо Биокос на камчатском языке значит — черной песок»⁶⁴.

Особенно интересно рассмотрение Крашенинниковым вопроса о происхождении названия реки Камчатки. Существовало мнение, что это название употребляется и местными жителями, и приводили его от имени собственного Кончата, «знатного воина», «аки бы он жил при той реке, и будто от него река получила название...»⁶⁵ Этот вопрос специально рассмотрен во 2-й главе книги «О происхождении звания Камчадал и Камчатского народа по одним токмо догадкам». Автор объясняет, что слово камчадал происходит от коряцкого «Хончало». В данной главе автор сообщает, «с чего Коряки Камчадалов так называют...»⁶⁶ Крашенинников отвергает версию, согласно которой русские прозвали жителей камчадалами по «имени» реки Камчатка, которое якобы произошло от собственного имени «славного воина Кончата». По мнению Крашенинникова это «искусный вымысел и предрассуждение...»⁶⁷ Среди соображений, которые приводит Крашенинников в доказательство ложности указанной версии, назовем следующие.

Крашенинников утверждает, что «имя Хончат Камчадалам неизвестно», т. е. что у камчадалов нет такого собственного имени. Впрочем, допускает Крашенинников, если бы у них и был когда-то человек с именем Хончат, то река не могла бы получить его, «ибо Камчадалы ни рек, ни озер, ни гор, ни островов именем людей не называют; но дают им имена по некоем свойственным им качествам, или по сходству с другими вещами». У самих камчадалов река Камчатка называется «не Кончаткою, но Уйкуал, то есть большею рекою...» Что касается значения, «знаменования» коряцкого «Хончало», то «Коряки и сами притчины тому не ведают...»⁶⁸.

Крашенинников выдвигает следующую гипотезу о происхождении этого слова. По его мнению, «не без основания думать можно, что Хончало есть испорченное слово из Коочь-ай, что значит жителя по реке Еловке, которая течет в Камчатку, и Коочь называется...»⁶⁹. Слово типа Коочь-ай сопоставляется Крашенинниковым с камчадалскими словами, обозначающими ту или иную территориальную группу камчадалов по имени «рек или других урочищ, где они жилища свои имеют:

⁶² «О. З. К.», кн. I, стр. 42.

⁶³ Там же, стр. 50.

⁶⁴ Там же, стр. 16.

⁶⁵ Там же, стр. 7.

⁶⁶ Там же, кн. II, стр. 8.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, стр. 9.

⁶⁹ Там же.

так, например, Кыкша-ай, житель при большой реке, Суачу, житель при Аваче, Коочь-ай, Еловской житель и прочая...»⁷⁰ Крашенинников указывает, что «ай приложенное к званию реки или другого какого урочища значит жителя того места, к которому прилагается». Возможность превращения Коочь-ай в Хончалю, а из Хончалю «Камчадала» подтверждается для Крашенинникова изменением слов языка юдного народа после того, как они входят в язык другого народа, как «и в самых Европейских языках чужестранные слова портятся»⁷¹.

Здесь же в качестве аргумента Крашенинников использует наблюдения над процессом переделки слов камчадалского языка русскими обитателями Камчатки: «Так например из Ус-кыг, то есть Ус реки, сделаны у них ушки, из Кру кыг крюки, из Ууту утка, из Кали-Халилики, из Кужи Курил или Курилец и прочая»⁷².

Крашенинников опирается на свои наблюдения над усвоением русских слов камчадалами. При этом принятое слово, согласно свидетельству Крашенинникова, так изменялось, что лишалось «с сущим именем и подобия»⁷⁴. Он приводит доказательства: «Таким образом священный у них называется Богбог, без сомнения для того, что часто бога употребляет; Доктор Дуктонас, Студент Сокейнахч, студеной...; Колокол Куи и т. д.»⁷⁵ Что касается легенды о храбром воине Кончате, то исследователь так представляет ее происхождение: это герой, которому приписаны типичные качества всех жителей Еловских; «храбрость оную одно человеку приписали, которую надлежало приписать всем Еловским жителям, из которых каждой Коочь-ай или по их Кончат — называется. По словам Крашенинникова, Еловские жители издревле славились на Камчатке своей храбростью; «славны были перед прочими, чего ради и Корякам, как по соседству, так и по той знати под именем своего Коочь-ай, которым они и от других Камчадалов называются, были ведомы»⁷⁶.

В своем труде Крашенинников выражает несогласие с рядом положений своего современника — исследователя Камчатки Штеллера. Многочисленные возражения Штеллеру, критика многих его соображений и гипотез представляют значительный интерес как материал, характеризующий зрелость научной мысли Крашенинникова. В этих критических замечаниях проявляется материалистическая тенденция в подходе Крашенинникова к решению ряда вопросов этнографического порядка. Приведем следующий пример. В 10-й главе (II книги) «О военном Камчатском ополчении» Крашенинников разбирает мнение Штеллера о причинах междоусобных войн на Камчатке и появления старейшин и военачальников, которым подчинялись камчадалские народности. Штеллер считал, что причинами междоусобий были ненависть и роскошь, а также властолюбие, «женщины и желание обладать вещами».

На Камчатке «главного начальника» прежде не было, но всякий жил «по своей воле». Однако «страсти», «ненависть и роскошь» побуждали людей к военным столкновениям, так что камчадалы сами отвергли мирную жизнь. Войны повели к взаимному истреблению и ослаблению. Тогда камчадалы стали «поддаваться» «старшим, храбрейшим и умнейшим людям, и по одержании некоторых побед начальникам своим оказывали такую любовь, какая потребна была к намерению их, чтобы смирением, получением добычи и равномерным ее разделением укрепить во своей власти. Чего ради и между самыми народами есть знаки,

⁷⁰ «О. З. К.», кн. II, стр. 9.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, стр. 9—10.

⁷³ Там же, стр. 10.

⁷⁴ Там же, стр. 4.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, стр. 9.

ни имели в мысли своей нечто высочайшее, то есть чтоб быть владетелями...» От этого, по мнению Штеллера, и последовало разделение одного народа на несколько, «и учинились многие равносильные стороны». Так произошло разделение народностей на Камчатке, отсюда последовало их расселение, здесь, по Штеллеру, и причины возникновения «самодержавства» на Камчатке. Штеллер усматривал в жизни различных групп камчатского населения пережитки якобы существовавшего когда-то на Камчатке «самодержавства»⁷⁷. Представителя такого «самодержавства» Штеллер будто бы нашел у так называемых шанталыцев. После «Коряков» восстали «Шанталыцы», которые возглавлялись Шандалом. «А как сей власть свою распространить вознамерился, желая сплутчить ласкою то, что зависело от силы и оружия, то есть способ наложить дань на всех камчадалов мужеска полу и женска, то сделались таки две стороны, одна у вершин реки Камчатки, которая продолжалась до приходу Россиян, а другая в Крконоках, которая простиралась к югу до самой лопатки»⁷⁸.

Крашенинников подверг критическому разбору гипотезу Штеллера. Как просветитель, он готов признать вероятным, что если было разделение камчатского народа, то оно могло иметь своей причиной «властолюбие», «ибо, — пишет автор, — кто может подумать, чтоб и в самых диких народах не было властолюбия или, по крайней мере, тщания о преимуществе, когда оное и в бессловесных животных примечается»⁷⁹. Но междоусобные войны, взятие в плен и похищение съестных припасов — это факты, из которых «заклчить нельзя такого важного предприятия, каково о учреждении самодержавства». Против гипотезы Штеллера говорит то, что Шандал, если бы такой существовал в природе, прежде чем стать «самодержавцем», должен был «прежде власть свою утвердить над своим родом и иметь в совершенном послушании, которого однакож и с самого начала покорения Камчатки нигде ни следу не примечено, но напротив того везде совершенное равенство»⁸⁰.

Иное объяснение предлагает Крашенинников и для такого факта, как «разделение народов и рассеяние по разным местам Камчатки», — оно могло сделаться «по тесноте места, по недостатку довольного к пропитанию для множества, и прочая». Крашенинников подверг сомнению и самое существование имени Шандал и производство от него нарицательного шанталыцы, как это сделал Штеллер. Крашенинников рассуждает следующим образом: сомнительно, чтобы когда-либо существовал камчадал под этим именем, чтобы было, самое имя Шандал, так как «сжели бы такое имя у Камчадалов было, то бы оно не вышло и ныне из употребления, однако нет его между мужескими и женскими именами нигде в Камчатке». Автор допускает, что под этим именем следует разумеать не одного человека, а «всех Шанталыских жителей, которые живут около урочища Шанталы, как под именем Кончата всех Еловских жителей»⁸¹.

В решении конкретных вопросов об именах народов и народностей Камчатки Крашенинников применяет к конкретному материалу методику, которая имеет своей основой идею, в общем виде сформулированную позднее Ломоносовым. В своей «Древней Российской истории» Ломоносов высказал замечательно верные мысли о названиях народов. «Народы от имени не начинаются, но имена народами даются»; при этом, указывал Ломоносов, само название народа может не совпадать

⁷⁷ Там же, стр. 68.

⁷⁸ Мы приводим гипотезу Штеллера в изложении Крашенинникова, указ. раб., стр. 69.

⁷⁹ Там же, стр. 70.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, стр. 70—71.

с теми названиями, под которыми он известен у соседей. На эти важные идеи Ломоносова обратил внимание акад. Б. Д. Греков⁸².

Полностью подходят под ломоносовские обобщения и те данные, которые сообщает Крашенинников по вопросу об «именах Камчатских народов». В главе I «О камчатских народах вообще» (книга II) приводит не только имя, которым называет себя данная народность Камчатки, но и те имена, которые имеет данная народность у других народностей и народов. Крашенинников утверждает: «...довольно можно всякому, что мы ни одного народа собственным его именем называем, но по большей части таким, каким они назывались от соседей, которые прежде от России завоеваны были, придав имени их свое окончание и несколько испортив. Таким образом Камчадалов называем по Коряцки, ибо Камчадал от Коряцкого Хончала происходит; Курильцев по Камчатски, ибо Курилец от Куши имеет свое начало»⁸³.

Мы сочли возможным выйти за пределы «собственно-фольклористической» темы и воспользоваться не только фольклорными материалами «Описания земли Камчатки». Привлечение этих «нефольклорных» материалов в той или иной степени показывает, какую солидную научную базу имеют и фольклористические наблюдения Крашенинникова.

Ломоносов в оде 47 года так обращался к будущим русским ученым:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих

И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих...

Фольклор Камчатки оказался в руках исследователя, чья научная методика была оригинальной и более совершенной, чем у тех, кто был приглашен «от стран чужих».

В фольклорно-этнографических изучениях Крашенинникова есть качество, которое Добролюбов в статье о сборнике сказок Афанасьева назвал жизненным началом. Крашенинников изучает фольклор камчадалов как творчество данного, конкретного народа.

Внимание к чертам своеобразия изучаемой культуры постоянно привлекается в книге Крашенинникова, это один из моментов, дающих направление исследовательской работе этнографа. В наблюдениях Крашенинникова над народным творчеством камчадалов XVIII в. проявляется тенденция исходить из жизни, рода занятий создателей фольклора, объяснять художественную культуру камчадалов, связывая ее с практической, хозяйственной жизнью народа.

Все выявленные выше черты исследовательской методики Крашенинникова создают представление об определенном направлении научной мысли, обращенной на факты фольклорной культуры.

Это направление не является достоянием одного Крашенинникова. В той или иной степени оно сказывается и в фольклористических изучениях других русских ученых первой половины XVIII в. — прежде всего Татищева и Ломоносова.

Крашенинников не изложил какой-либо фольклористической системы, — ее еще не было; но тем не менее в самой его методике изучения материала вскрывается зарождение тех фольклористических идей, которые сформировались и развились в передовой русской науке о народном художественном творчестве.

Имя Крашенинникова должно занять свое место в истории русской фольклористики.

⁸² Журнал «Историк-марксист», 1940, стр. 29, № 11; Ломоносов, Древняя российская история... С объясн. прим. акад. М. И. Сухомлинова, СПб., т. V, 1900, стр. 253—254.

⁸³ «О. З. К.», кн. II, стр. 5.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

А. Н. РЕЙНСОН-ПРАВДИН

СОВЕТСКАЯ ПЕСНЯ В ИСКУССТВЕ ПАЛЕШАН

С первых лет существования искусства палехской миниатюры на папье-маше художники Палеха широко пользовались и пользуются в своих работах темами и образами фольклора — былин, песен и сказок. Особенно большое место в творчестве палешан занимает русская народная песня. Повидимому, эмоциональный песенный образ облегчал художникам поиски художественной формы и цветовых построений, легче воссоздавался в плане изобразительного искусства, чем образы прозаических произведений. Живое ощущение и понимание народной песни, ее содержательных, красочных и полных жизненной правды образов, богатой речи и музыкального песенного строя позволили палешанам создать яркие произведения, хорошо раскрывающие внутренний мир народной поэзии, ее национальную самобытность. В целом ряде работ¹ им удалось достичь полной созвучности произведений изобразительного искусства с образами народного устного и музыкального творчества и воплотить в линиях, красках, в композиционном приеме не только содержание, но и мелодию песни, напевность, свойственную русской народной лирике. Для этих произведений характерны тонкий и уверенный рисунок, пластичность форм, живые, легко запечатлевающиеся образы, чистый и яркий цвет, узорность в отделке деталей, декоративность композиции в целом.

Свой большой опыт работы над образами русской народной песни и сложившиеся новые художественные традиции палешане хорошо используют в решении образов современных советских песен, мотивы которых начинают особенно сильно звучать в их творчестве в период Великой Отечественной войны. Подлинная народность многих песен, созданных в этот период советскими поэтами и композиторами, идейное содержание, созвучное мыслям и чувствам народа, яркость и поэтичность образов, музыкальность — вызвали большой ряд творческих откликов палехских художников: с начала войны ими переведено на язык изобразительного искусства свыше двадцати песен. Более половины их принадлежит перу любимого палешанами песенника-поэта М. Исаковского. Из числа песенников-композиторов художникам Палеха хорошо известны имена А. Александрова, В. Захарова, М. Блантера, В. Седого, К. Листова, З. Компанейца, Б. Мокроусова. Интересы палешан при выборе песен для миниатюр разнообразны: они пользуются песнями колхозной и военной тематики, много внимания уделяют песне бытовой, лирической, стремятся выразить в своих композициях образы таких сложных и глубоких по содержанию произведений, как «Гимн партии большевиков» и «Гимн Советского Союза». Как правило, их привлекают в песне конкретность реалистических образов, ярко выраженные характеры и чувства, слитность слова с мелодией, когда последняя хорошо выражает содержание песни.

Работы художников Палеха на мотивы советских песен далеко выходят за пределы собственно иллюстрации. Хотя художники и исходят из содержания песни и стремятся раскрыть его шире и подробнее, дать правильное решение образов и обстановка, совпадающее с замыслом и решением автора песни, все же толкование сюжета художниками настолько самобытно, настолько обогащено их переживанием, так своеобразна художественная манера палехской живописи, что композиции палешан являются подлинно творческими, имеющими самостоятельную ценность произведениями.

Высоким чувством любви к Родине отмечены работы палешан на темы песен Великой Отечественной войны. Эти фронтовые песни волнуют художников

¹ Можно напомнить композиции И. М. Баканова и И. И. Голикова на темы песни «Вниз по матушке, по Волге», И. В. Маркичева «Раз полоску млада жала», И. М. Баканова «Как по морю, морю синему», Д. Н. Буторина «Вечер поздно из лесочка» и т. д.,

и в послевоенные годы. Их композиции ярко отражают многогранные чувства народа, его героическую борьбу и непреклонную волю к победе. Таковы работы А. А. Дыдыкина «Священная война» (1942), И. А. Чельшева «До свидания, подорожная» (1942), А. А. Котухиной «В бой за Родину, в бой за Сталина!» (1942), И. А. Дорофеева, А. В. Котухина и В. Парамонова «В лесу прифронтовом» (1943, 1948) и др. Красноармейские и комсомольские песни эпохи гражданской войны так живут в творчестве Палеха, — напомним работы С. Д. Солонина «Уходили коммольцы», А. М. Куркина «Тачанка», Г. К. Буреева «Щорс». Героические образы легендарных героев близки и дороги художникам, создавшим немало композиций, замечательных славные подвиги своего народа.

Палехские работы на темы военной песни разнообразны не только по содержанию, но и по своему художественному решению: в каждой из них проглядывают индивидуальное мастерство, оригинальная художественная манера, свойственная художнику. В композиции «В бой за Родину, в бой за Сталина» художник А. А. Котухина на слова Л. Ошанина (музыка З. Компанеца) создает яркий образ красной кавалерии, овеянной боевой славой со времен гражданской войны. А. А. Котухина хорошо использует художественные традиции покойного И. И. Голикова: она умеет передать неустойчивый бег огневых коней, пользуется ярким насыщенным цветом. У нее всеобъемлющая, сильная лепка фигур, стремление к правдивой, жизненной трактовке образа. Она добивается громкого звучания песни-марша, заряжает зрителя впечатлением силы и непобедимости красной конницы.

О партизанской борьбе рассказывает С. П. Бахирев в композиции на слова М. Исаковского (музыка В. Захарова) «Ой, туманы мои, разгуманы». По ходу песни художник делит композицию на две части: проводы партизан и их борьба с врагом. Слова песни «День и ночь партизанские выюги над разбойной гудят головой» он переводит в конкретные образы, рисуя подвиги партизан.

Мужеством, презрением к смерти и в то же время очень лирично звучат композиции А. В. Котухина, В. Парамонова и И. А. Дорофеева «В лесу прифронтовом» (музыка М. Блантера). Дорофеев выбрал известный палехский прием построения композиции посредством отдельных рисунков (клейм), расположенных вокруг центрального мотива. Выходя за пределы текста песни, художник значительно обогащает ее, вводя в клейма ряд сцен, рисующих фронттовую жизнь бойцов. Отдельным клеймом выделены воспоминания о доме, о любимой девушке. В центре — группа бойцов, слушающих старинный вальс. Ритмичное построение композиции, ее спокойный, сдержанных зеленых тонах колорит, задушевность и теплота образов хорошо передают содержание и мелодию песни.

Тот же композиционный прием, помогающий шире раскрыть содержание песни, использует С. Д. Солонин в миниатюре «На солнечной поляночке» (рис. 2), написанной на слова А. Фатьянова (музыка В. Седого). В центре — основной мотив, содержание первого куплета песни: девушка и парень с гармоникой на «солнечной поляночке». В лирических сценах художник рисует прощание с девушкой, эпизоды боевой жизни и радостную встречу после войны. Солонин хорошо, правдиво решает образы советской молодежи: в них много чувства, лица молоды и красивы; костюмы современны.

Образы этой песни воссоздает также талантливый художник третьего поколения палешан И. А. Чельшев, создавший ряд творческих работ на темы советских песен. В 1942—1943 гг. Чельшев работал над большой и сложной композицией «Гимн партии большевиков»² (музыка А. Александрова). Ему удалось своеобразно и свежо раскрыть содержание гимна, его революционную символику. Многоплановая композиция (на крышке бювара) стремится в своем построении к центральному верхнему клейму, где на фоне красного знамени с портретами Маркса, Энгельса, Ленина разработан образ вождя народов И. В. Сталина, окруженного своими соратниками. Образ вождя дышит большой простотой и мудростью. Несмотря на мелкое письмо, Чельшев старается передать портретное сходство — здесь В. М. Молотов, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов и другие борцы за дело Ленина — Сталина. Слева к нижнему плану композиции даны образы воинов — защитников Родины; справа плавной спускающейся лентой разработан мотив общенародного празднества, воплощающий идею братского единения народов под руководством партии Ленина — Сталина. Композицию завершает очень тонко разработанный золотом орнамент, в который вписаны слова гимна. Не все в рисунке фигур сделано с достаточной убедительностью — местами рисунок еще слаб, неуверен в линиях. Не все удачно в световом решении миниатюры: центр ее несколько затемнен. Чувствуется еще боязнь цвета, присущая творчески молодым художникам; отсюда — впитывание рисунка в черный фон, недостаточная рельефность живописи. В ярких тонах и более смело разработанный нижний план, что дает композиции торжественное, праздничное звучание. При имеющихся погрешностях эта работа говорит о больших творческих возможностях художников третьего поколения и является залогом дальнейшей успешной работы на темах большой социальной значимости.

Создание Гимна Советского Союза вызвало творческий отклик художников И. Г. Серебрякова и Н. Ф. Вихрева (композиции «Ленин и Сталин» и «Союз

² Хранится в Гос. музее палехской живописи.

Рис. 1. Ленин и Сталин. Работа И. Г. Серебрякова, 1947. Шкатулка

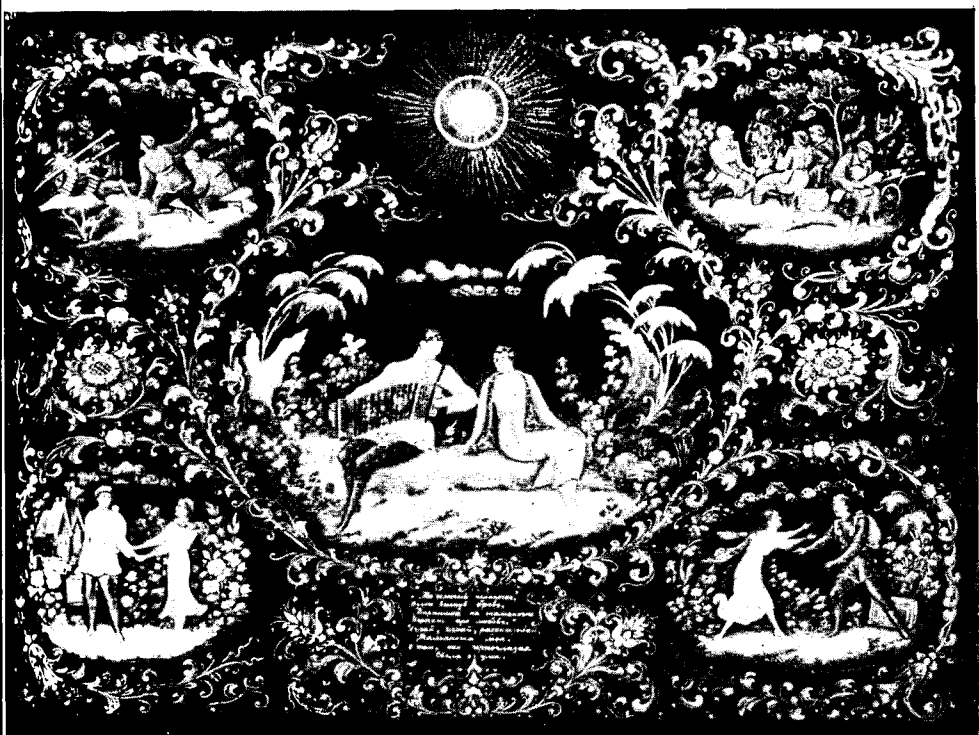

Рис. 2. «На солнечной поляночке». Работа С. Д. Солонина, 1947. Шкатулка

Рис. 3. «Зашумели, заиграли провода». Работа Ф. А. Коурцева, 1946. Коробоч

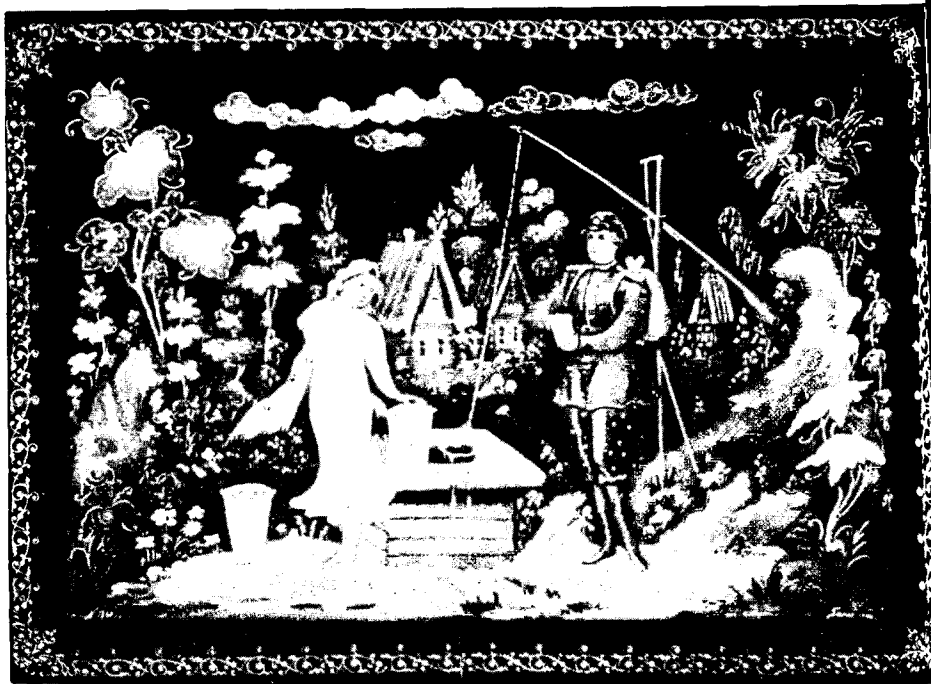

Рис. 4. «Шел со службы пограничник». Работа С. Д. Солонина. Шкатулка

рушимый республик свободных»). Вихрев смело подходит к решению образов советских людей, воплощая в композиции идею единства и сплоченности советского народа. Цветовые задачи решаются им неплохо, но недостатком его работ, в частности данной миниатюры, является композиционная перегрузка — обилие фигур и декоративных деталей, что затрудняет восприятие композиции в целом.

Один из лучших палехских мастеров реалистического портрета И. Г. Серебряков к празднованию 30-летия Октября создал прекрасную композицию «Ленин и Сталин» (рис. 1). Портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина, написанные с большим художественным и техническим мастерством, даны на красном фоне и вписаны в богатый, тонкий орнамент, где в стилизованные растительные элементы введены золотые колосья. Орнамент Серебряков вписывает третью строфу гимна СССР:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Эти слова гимна, в которых так ярко звучит любовь народа к своим вождям, прекрасно завершают композицию палехского художника.

Идея братства свободных народов, сплотившихся под знаменем Ленина — Сталина, единства и непобедимости Советского Союза, заложенная в содержании гимна, звучит в ряде произведений Палеха, воспевающих победу над врагом (Н. М. Зиновьев «Покорение победы», 1945, «Салют», 1947; Д. Н. Буторин «Победа», 1945; С. Д. Соколов «Встреча победителей», 1945; Н. Ф. Вихрев «Салют победы», и др.). Хотя эти композиции не связаны непосредственно с текстами определенных песен, они настолько поэтичны и музыкальны, что при взгляде на них невольно слышишь мощное звучание гимна и праздничных песен на площадях, залитых огнями салюта.

Большой любовью палешан пользуются песни на темы колхозного быта, песни юмористические и шуточные, частушки. Среди композиций этой серии выделяются работы художников второго поколения Ф. А. Коурцева «Загудели, заиграли провода» («Вдоль деревни», слова М. Исаковского, музыка В. Захарова; см. рис. 3) и С. П. Бахирева «Что за славные ребята» (музыка В. Седого), 1947. Ф. А. Коурцев решает композицию лаконично, но очень декоративно, несколько плакатно — пронизанные электрическим светом избышки, яркое солнце, озаряющее пейзаж, тонко освещенные золотом деревья и травы, «торопливые столбы», зашагавшие «вдоль деревни от избы и до избы». Провода их «гудят и играют», как натянутые золотые струны. Образ девушки, введенный в композицию, написанный живо и реально, хорошо связывает композицию с песней: это девушка поет песню о колхозной деревне, где горит теперь лампочка Ильича». Декоративность миниатюры, тонкая игра красок и золота, умело разработанное освещение композиции хорошо раскрывают слова:

А в деревне — частоколы из огней;
А в деревне — развеселая краса,
И завидуют деревне небеса.
Загудели, заиграли провода, —
Мы такого не видали никогда.

С. П. Бахирев на слова песни «Что за славные ребята» пишет сложную многофигурную сюжетную композицию, очень подробно иллюстрируя каждую строфу песни. В центре — образы храбрых и веселых моряков из Кронштадта:

Как сойдутся все четыре,
Да с гармошкой пройдут —
За собою на буксире
Всю околицу ведут.

Бахирев тонко, с юмором раскрывает конфликт между действующими лицами — отношение девушек храбрыми моряками и ревность парней, приунывших от того,

Что девчат в одну неделю
Покорил Балтийский флот.

Художнику удалось образы молодежи, особенно матросов и девушек. Бахирев умеет передать настроение, характеры своих героев. Привлекают внимание современные, разнообразные платья девушек. К сожалению, в разработку костюма колхозных девушек художник мало внес нового, — в решении их чувствуется старая иконописная традиция.

Слабее работы художников третьего поколения — Ф. И. Ключиной «Шел со службы пограничник», 1946 и Г. М. Мельникова «Снова замерло все до рассвета» (музыка Б. Мокроусова), 1948. Мельников, пытаясь передать ночной колорит, погасил краски и излишне перетемнил композицию. Портрет его работы также не оправдал ожидания чрезмерно стилизованных элементов пейзажа. Композиция Ф. Ключиной решена в манере гротеска, образ девушки сильно шаржирован, отчего пропадает теплота и интимность, присущие песням М. Исаковского. Лиричность образов в песнях хорошо передана С. Д. Солониным в композиции работы 1944 г. (рис. 4).

Отдельно необходимо остановиться на творчестве художницы третьего поколения Т. И. Зубковой, являющейся одним из лучших палехских художников-песенников и систематически работающей над образами советской песни. Ее кисти принадлежат четыре варианта композиции на слова песни М. Исаковского «И кто его знает» (музыка В. Захарова). С каждым вариантом композиция этой песни усложняется, идет более глубокое развитие сюжета, обогащается пейзаж, появляется второй, третий архитектурный план, достигается большая выразительность образов, обстановка живее, расширяется цветовая гамма. Зубковой в 1948 г. разработана оригинальная композиция на слова песни «Ничего не говорила» (А. Фатьянов, В. Седой), очень приятная своим колоритом зеленых тонов, с припесками охры и киновари. В ней хорошо, по-настоящему и смело разработаны образы бойцов. Фигура девушки слишком удлинена, этот недостаток в решении человеческой фигуры, сохранившийся от старых палехских традиций, Зубкова преодолевает в других своих миниатюрах.

К одной из лучших и наиболее серьезных и сложных работ Т. И. Зубковой бесспорно, относится ларец под названием «Лучше нету того цвету» (1947), где в миниатюрных композициях, расположенных на стенках ларца, художница обобщила образы целого ряда песен М. Исаковского: «Лучше нету того цвету» (музыка М. Блантера), «Шел со службы пограничник» (музыка В. Захарова), «Дайте в душе мне гармонию» («Провожание», музыка В. Захарова), «На позицию девушка повожала бойца» и «Катюша» (музыка М. Блантера). Все композиции проникнуты большой теплотой, хорошо передают образы советской молодежи, ее чувства и переживания. Зубкова в своих миниатюрах добивается большой выразительности и отлично решает современную одежду. Содержание песни, ее образы и мелодия приобретают глубокое звучание в ее композициях, отмеченных стремлением к реалистической трактовке образов. Наименее удачной в этом цикле надо признать миниатюру на слова песни «Катюша», где пейзаж — горки, волны и солнце — слишком вычурно и стилизованы. Вообще же для творчества Зубковой характерно очень тонкое понимание природы, умение передать своеобразие именно русского пейзажа с его зелеными березками, цветущими яблонями, небольшими пригорками и полянками («Шел со службы пограничник», «Провожание» и др.). Зубкова пользуется богатой цветовой гаммой, построенной на сочетании киновари, кармина, охры с ультрамарином и изумрудной зеленой, с припесками голубого и желтого к зелени, красного к охре, фиолетовыми нежными, мягкими переходами тонов. Миниатюры Т. И. Зубковой декорированы тонким золотым орнаментом, в который вписаны слова песни.

Большим достижением Зубковой в ее работе над советской песней является также композиция (на тарелке из папье-маше) на слова известной песни «Будьте здоровы, живите богато» (музыка И. Любана). Художница глубоко раскрывает содержание песни, показывая в ясных, верных образах новую, зажиточную жизнь колхозного села. Использование в рисунке мотивов узорного убранства белорусских орнаментов говорит о стремлении художницы передать национальный колорит песни. Как и в других миниатюрах Зубковой, эта работа характерна богатством и тонкостью декоративной отделки, причем декоративность композиции всегда органично сливается с содержанием и жизненной трактовкой образа. Творчески воспринимая традиции палехской живописи и умело используя их в создании образов советской песни, Т. И. Зубкова является одной из лучших выразительниц той благородной романтики, которой насыщены песни советской молодежи.

Работы палехан в области советской песни ярко показывают их способность творчески воспринимать поэтический образ, его ритмику и гармонию, идущую от строя музыкального произведения, и воссоздавать этот образ в произведении из дерева, с его выразительностью и зрительным богатством. Стремление художников Палеха служить своим творчеством интересам общества нашей социалистической эпохи помогает им овладевать идеями содержанием, вложенным в советскую песню, и отражать его в своих произведениях. Есть все основания надеяться, что палехане при дальнейшей систематической работе над образами советской песни создадут еще более интересные и ценные композиции и будут такими же прекрасными иллюстраторами советской песни, какими уже показали себя в области старой русской народной песни.

Л. М. МЕЛИКСЕТ-БЕКОВ
PONTICA TRANSCAUCASICA ETHNICA

(По данным Миная Медици от 1815—1819 гг.)

Этнографы и лингвисты-кавказоведы, имеющие целью изучить быт и нравы, а также особенности речи так называемых «бесписьменных» (разумеется, в досоветскую эпоху) народов и племен Кавказа в историческом аспекте, в сущности говоря, располагают весьма малым количеством материала, пригодного для их суждений и выводов. Отдельные указания, содержащиеся в том или ином произведении античной эпохи (греко-римские классики), раннего, зрелого и позднего средневековья (византийские и восточные авторы), а также отчеты русских и западноевропейских путешественников, дипломатических агентов и католических миссионеров, не дают, к сожалению, возможности составить более или менее цельный обзор этнографии кавказских племен и народов в историческом разрезе. Представители же двух богатейших литератур древнего мира — армянской и грузинской, если и сохранили данные историко-этнографического и языкового характера, то по преимуществу об армянах грузинах, в исключительных же случаях и о ближайших соседях.

К этой последней категории авторов относится, между прочим, Минас Бжишкян, известный в европейской литературе под именем Мина Медици или Медичи (Mina Medici [от арм. слова «бжишк» — врач, медик]), как автор «Истории Понта», изданной на армянском языке в Венеции в 1819 г., которая включает в себе довольно богатый материал по этнографии Кавказа, главным образом населения причерноморских районов.

Этот материал в извлечении из названной «Истории Понта» в нашем переводе армянского и с соответствующим аппаратом мы и сочли целесообразным предложить вниманию читателей «Советской этнографии».

* * *

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О САМОМ АВТОРЕ

Минас Бжишкян, он же Мина Медици или Медичи, — это член конгрегации венецианских мхитаристов (армяно-католического братства) на острове св. Лазаря. Родился в Трапезунте 15. X. 1777 г. По окончании образования в венецианской конгрегации в 1804 г. принял монашеский постриг и вначале занимался педагогической деятельностью, будучи одно время преподавателем Ришельевского лицея в Одессе, затем викарием в Карасу-базаре в Крыму (supérieur des Arméniens catholiques de Karassou-Bazar en Tauride). На литературном поприще выступил в 1815 г. и остался на таковом до смерти, последовавшей 26. XI. 1851 г. на острове св. Лазаря, где и погребен. Перу его принадлежат ряд учебников на армянском языке, напечатанных в Венеции в 1815—1851 гг. и позже в качестве посмертных изданий. Особо следует отметить: «Армяно-русскую грамматику» на армянском и русском языках, Венеция, 1840; «Grammaire polyglotte contenant les principes des langues arabe, persane, turque et tatare, avec des remarques analytiques d'autres langues», Venise, 1844; «Путешествие в Польшу и другие страны, населенные армянами, потомками выходцев из гор. Ани» на армянском яз., Венеция, 1830; и, наконец, «История Понта, который есть Черное море», на армянском яз., Венеция, 1819. Последняя — в VI + 160 стр. in 8°, с изложением текста в 273 параграфах и с индексом¹. Она как раз и изобилует наблюдениями по этнографии Кавказа в результате объезда автором Черноморского побережья в начале XIX столетия.

¹ О нем см. наши статьи: в газ. «Тифлисский Листок», 1913, № 285; журн. «Агс» (Тифлис), 1918, № 2—3; «Известия Одесского Библиографического об-ва при Новороссийском университете», т. III, 1914, № 3; а также наши же работы: История древнеармянской литературы, Тбилиси, 1941, стр. 229 (на груз. яз.); Публикация письменных источников по истории Грузии. Каталог 1. Тбилиси, 1949, стр. 300, 302 — 303 (на груз. яз.).

* * *

Как усматривается из контекста «Истории Понта», М. Медичи начал свой очерк Черноморского побережья — юго-восточного, восточного и северного — от Трапезунта, т. е. своего родного города, в 1815 г., поскольку в параграфах 123 (стр. 76), 124 (стр. 103) и 153 (стр. 103) упоминает последнего имеретинского царя Соломона II (1773—1815), скончавшегося в Трапезунте 15. II. 1815 г. и погребенного там же в мавзолее в ограде греческой соборной церкви св. Георгия², именно в бытность М. Медичи в Трапезунте. Таким образом, хронологические рамки написания «Истории Понта» очерчиваются 1815—1819 гг.

Материалы М. Медичи касаются вопросов истории, исторической географии, этнографии, этно- и топонимики и языковых особенностей племен, населяющих восточное побережье Эвксинского Понта (Черного моря), как-то: халтов, хампинов-армавирцев (чанов), гурийцев (гурджов), мегрелов (колхов), абхазов и абазинцев (абхазов), черкесов, кистов, ингушей, осов и пр. Поэтому труд М. Медичи представляется ценным подспорьем в деле изучения в историческом аспекте, т. е. применительно к началу XIX в., этнографии народов и племен Кавказа, по преимуществу Причерноморья, их быта, нравов, обычаев, поверий, суеверий, предрассудков и языковых особенностей отдельных этнических групп, равно как отдельных институтов обычного права (пережитков геронтократии, гинекократии и пр.).

Данные М. Медичи, которые нами приводятся в извлечениях, в переводе с итальянского³, главным образом касаются свадобных и похоронных обычаев, а также обычаев гостеприимства, с центром тяжести на описании религиозных воззрений, сводящихся к пережиткам так называемого «язычества», т. е. конкретно тотемизма и пантеизма, в частности, — культа дерева, на фоне которого христианские ритуалы, правда, очень слабо выраженные, выглядят привнесенными извне позднее или произвольными элементами. При этом нужно учесть, что записи М. Медичи сделаны в тот период, когда Черноморское побережье только частично было присоединено к Российской империи (1803 г. — Мегрелия, 1804 г. — часть Гурии без Батума, 1810 г. — Абхазия); большая же часть его продолжала находиться под османско-турецким игом. Характерно также и то, что автор, в сущности, — католический монах, рассматривающий явления общественной жизни под углом своих узких клерикально-капитулярных интересов. В частности, о тенденциозности по вопросу о «разбое» см. примеч. (стр. 149, прим. 27).

Особенно ценны в труде М. Медичи указания на отуречение древнего населения Лазии-Лазистана (халтов-лазов, армян) через их исламизацию, а также на торговлю рабами (пленными)⁴.

Характерно, что греческие названия Черного моря «Аксинский» и «Эвксинский» Понт М. Медичи возводит к этническому термину «Аксан[аз]» (пар. 1, стр. 1), который, как нам кажется, перекликается с *Εξουδός Πόντος* Феокрита и соответствующими этно- и топонимическими названиями Армении и Грузии, в частности «Аскана» (в Гурии), — от имени скифов-саков. Это же море у М. Медичи дважды названо «Лазистанским» (пар. 21, стр. 10; пар. 149, стр. 99), а один раз — «Аксинским» (пар. 21, стр. 10).

Автору известно и турецкое слово «лазут» (пар. 150, стр. 100; пар. 163, стр. 100), происходящее от этнического имени «лаз» и воспринятого турками для обозначения египетского зерна или кукурузы (*Zea mays* L.), в связи с усвоением ими культуры этой последней от лазов⁵.

Наконец, интересна и концепция М. Медичи, совпадающая с концепцией армянского историка XV в. Фомы Мецопского о происхождении грузинского народа из ряда племен, в соответствии с историческим процессом складывания народа из племен, разумеется, в ту пору (начало XIX в.), когда понятия грузинской нации еще не было.

Остается еще указать, что под чужестранцами и иноплемениками М. Медичи разумеет всех не-аборигенов — жителей обойденной им территории Причерноморья в частности турок-османов.

² Ср. Rottiers, *Itinéraire de Tiflis à Constantinople*, Bruxelles, 1829, стр. 100. Акты Кавк. археограф. комиссии, т. V, Тифлис, 1873, стр. III—IV; С. Н. Какабадзе, Документ о смерти имеретинского царя Соломона II, Письма и материалы истории Грузии, II, Тифлис, 1914, стр. 99—102 (на груз. яз.); Г. Вешапел, Турецкая Грузия, Лазистан, Трапезунд и Чорухский край, Москва, 1916, стр. 39.

³ Некоторые извлечения из этого труда, касающиеся абазов и черкесов, при в неточных переводах с подлинника, приводятся в издании Михаила Селезнева «Руководство к познанию Кавказа», кн. I, СПб., 1847, стр. 14—15, прим. 27.

⁴ Ср. Специальный трактат по этому вопросу С. Симеона Ереванского «О дурном обычае у грузинского племени имеров», Архив армянской истории, т. I, изд. Г. Аганяна, Тифлис, 1894, стр. 76—82 (на арм. яз.).

⁵ С. Джикия, К происхождению слова «Lazut», «Сообщения Академии Наук Грузинской ССР», т. V, 1944, № 2, стр. 227—236; его же, Заметки по поводу «минди-семидали», Труды Тбилисского гос. университета имени Сталина, т. XX, XXXI-B, 1947, стр. 437—446.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ

1

[Причерноморские племена и народы]⁶

Пар. 24, стр. 25

Трапезунтцы, колхи, дрилы или саны [чаны], махелонийцы, гениохи, читретийцы, лазы, апсилы, абаски — пожалуй, абазинцы, санниги.

Пар. 169, стр. 112

В этой стране, начиная от Трапезунта, обитает 7 племен: лазы или лезги [sic], иверы или метрелы⁷, кисты, осы, татары, черкесы, абазы.

2

[Могила последнего имеретинского царя Соломона II]⁸

Пар. 123, стр. 76

...Греческий епископ [Трапезунта] восседает в церкви св. Георгия в квартале Дузли-чешме. Это древняя постройка — епископат, висящий непосредственно над морской скалой. Здесь находится могила последнего грузинского царя...

Пар. 152, стр. 102

... Последним [имеретинским] царем был Соломон, муж почтенный, который... умер в Трапезунте. Его могила находится в ограде греческой [соборной] церкви св. Георгия, украшена красивыми колоннами и куполом.

Пар. 153, стр. 103

...В наши дни в Трапезунте умер последний царь их (имеров) Соломон...

3

[Халты]⁹

Пар. 138—139, стр. 93—94

§ 138... Жители [Офа] — древние халты, хитроваты. Раньше их насчитывали 80 000 дымов. Однако теперь их не столько: едва ли будет 20 000 дымов. Они — бывшие христиане, говорят по-гречески. Но имеются среди них и хоромы [греческого исповедания]. Среди иноземцев находятся искусные муллы — мастера чародейства-колдовства. Они способны также чеканить [фальшивую] монету... [94]. Когда иноземцы дошли до этого места, то предложили им 3 вещи: [быть истребленными] ме[чом], [согласиться на перемену] религии или [быть обложенными] подат[ью]. Офцы приняли [магометанскую] религию с тем, чтобы внешне походить на чужеземцев (оккупантов). Но они теперь настоящие муллы. Вследствие этого они платят мало налогов под названием *имдади хезарие*. Они настолько человеконенавистники, что продолжают [взаимную] вражду из поколения в поколение. Среди них много таких, которые так и состарились, не переступив порога своего дома. Они как только выйдут из дому, должны обязательно перессориться и повздорить друг с другом. Только их жены ходят на работу.

Однако при появлении внешнего врага каждый из них дерется за другого, как за родного брата. По возвращении же домой снова запираются, выжидая — и днем и ночью, — [момента], как бы друг друга поколотить.

§ 139... *Иризз*, в древности *Ризос*... Прекрасны здесь плантации лимонов и апельсинов. Также производится здесь высокого качества тонкий холст (полотно), который экспортируется во все страны и везде славится.

⁶ Ср. Arriani Periplus Ponti Euxini, изд. C. Miller (Geographi Graeci Minores I, Parisiis, 1882) и R. Hercher (Teubneriana, Lipsiae, 1885), гл. 11 || 14.

⁷ Ср. И. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем [Материалы по яфетическому языкознанию, VII], СПб., 1914.

⁸ Г. Вешапел и, Турецкая Грузия. Лазистан, Трапезунд и Чорохский край, Москва, 1916, стр. 39—40. Соломон II, 1773—1815.

⁹ О халтах см. Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 325—333.

4

[Лазы]¹⁰

Пар. 140, стр. 95

...Относительно жителей этих мест (т. е. Кемера) Кятйб-Челеби¹¹ пишет, что они в большей своей части лезгины [sic], которых обычно называют *лазами*, и происходят они от древних колхов. И потому вся страна называлась Колхидой, а район Халтисей. Однако [на самом деле] природные лезгины живут в кавказских горах. Лазы же — прибрежные жители, которые очень различаются по языку и обычаям, хотя стараются выдать себя за чужестранцев...

5

Хамшен или Хамашшен¹²

Пар. 144, стр. 96—97

Хамшен или *Хамашшен*, на расстоянии однодневного пути вверх близ горы Пархал, — это разные деревни, где находится древний монастырь и где обнаружены весьма большой котел и дивную дорогу, которая, будучи прорублена в горе, доходит до реки Фуртуны. Здесь же находятся реки Еловита и Хачевана. Тут имеются весьма большие леса, дошедшие [до нас] со времен армянских царей и изобилующие различными деревьями и растениями, носящими армянские названия, среди которых попадается толстый самшит¹³. Жители [сих мест] доставляют царю¹⁴ 2000 окладных восковых свечей. Здесь производят много свечей. Главное поселение называется *Баш-Хамшен*, через которое проходит река, и на вершине горы имеется малая крепость. На этой горе выпадает большой снег. Иногда путники, не будучи в состоянии проехать, погружаются [в снег] в снежный сугроб и по несколько дней остаются живыми, ибо под снегом тепло, а затем выходят невредимыми.

Монастырь Хачикяр — это большое место богомслия для армян и иноплемеников. Близ этого монастыря нашли большие колокола. Здесь находится большая могила медведя с надписью [гласящею о том], что этот медведь верно служил монастырю в течение 12 лет. Армяне и турки до сих пор бессознательно ходят на богомолку этой могиле и [ежегодно] в тот день, когда медведь содох, творят над нею молитвы. *Хамшены* делятся на 2 части. Многие из них обращены [в ислам], однако соблюдают христианские обычаи. Они не скупились в приношениях и [раздаче] милостыни. Почти все в день преображения и успения богородицы¹⁶ отправляются в церковь, зажигают свечи и приносят жертвы за спасение душ своих предков. Все говорят по-армянски. Одна часть их ушла в Хуршунли и Сюрмене. Ушедшие в Хуршунли остались христианами. В земле нашли зарытое в древности оружие и много свечей. Это место построено армянским царем Хамамом¹⁸, и было оно в древности замечательным краем, как видно по строениям, и называлось оно Дампур.

Здесь находится старинная крепость на скале, которая называется *Зилка*. Внутри видны дивные сводчатые здания, сохранившиеся с древних времен, и большая башня. Нижний край его доходит до реки Фуртуны, где имеются другие укрепления, древние церкви и часовня на горах, а также обвалившиеся строения.

Пар. 82, стр. 49

...Село Хуршунли расположено близ Чарчанбая. Жители его — армяне, пришедшие из *Хамшена*, и все записаны в войски из поколения в поколение. Они имеют воеводою армянского князя, который и управляет ими. Они не боятся людей. Только лишь ведут войну с Дер-беєм. Они — сильные люди.

¹⁰ О лазах см. И. Кипшидзе, Дополнительные сведения о чанском языке (Из лингвистической экскурсии в Русский Лазистан) [МЯЯ, III], СПб., 1911.

¹¹ Турецкий историк и библиограф XVII в. (скончался в 1657 г.).

¹² О хамшенях см.: И. Мурадян, Хамшены-армяне. Этнографические материалы, «Азггракан Андес» (Этнографический журнал), Тифлис, кн. IV, 1898, стр. 117—143; кн. V, 1899, стр. 361—406; кн. VI, 1900, стр. 109—158 (на арм. яз.). Р. Ачарян, Исследование хемшинского армянского наречия, Ереван, 1947 (на арм. яз.), и др.

¹³ *Buxus Colchica*.

¹⁴ Турецкому султану или хонкару.

¹⁵ Мера весов.

¹⁶ В отличие от аналогичных праздников восточных и западной церквей, в армянской — это подвижные праздники, приходящиеся обязательно в воскресный день (см. В. В. Болотов, Об армянском церковном годе, «Христ. Восток», т. I, вып. 1912, стр. 267—276, особенно 267, 272).

¹⁷ См. литературу, указанную в прим. 12 настоящей работы.

¹⁸ Это — легендарный царь и вообще легендарная личность.

6

[Аджария]

Пар. 146—151, стр. 97—100

§ 146 ...Жители этих мест (т. е. Архава, Беромит, Кисе, Визе) все лазы [98]; те меньше их [числом] и грузин-торговцев.

Как пишет Кятиб-Челеби¹⁹, в этих местах раньше было много племен из еретиков. Теперь же почти все явные иноплеменики. Старики нам рассказали, что раньше были безрелигиозные люди, которые, отрицая бессмертие души, говорили, *инсан от'гиби битер, от'гиби Этер*, т. е.: «человек растет как растение и переведется как трава». Поэтому они не имели ни молитв, ни закона.

§ 147. *Хона...*

§ 148. *Гония...* Жители суть лазы, многие, обращенные из христианства... Этот край называют обычно *Лазикой*. Лазистанские женщины, в особенности [99] жены вельмож, подобные амазонкам, настолько властны, что повелевают своим мужьям...

§ 149 *Чорох...* впадает в Лазистанское море.

...Близ мыса Гонни находится в море камень, на котором изображены различные рыбы, большие и малые. В год раз рыбы проходят мимо этого места, направляясь как бы на паломничество. Так рассказали нам лазы.

Мы не смогли обследовать эти знаки. Однако кажется, что от удара волн образовались на камне различные изображения, ...как это мы видели в Триесте... [100]

§ 150. *Батум...* Здесь находятся древние церкви, разваливающиеся²⁰. Жители — обращенные из христианства [в ислам]... Здесь производят овечи... и много лазута или египетского зерна²¹.

§ 151. *Чаква...* — поселение и торжище лазов, близ которого *Цихис-дзири-калеси*,... *Чурук-су*,... где торжище и река Ачуха. Наверху древняя церковь, которую грузины называют *Самеба*, т. е. Троица.

Шекветила,... *Георюлет*,... *Аналбари* и *Ачи-су*...

7

Колхида²²

Пар. 152—153, стр. 100—105

§ 152. *Колхида* — это обширная страна Понта, которая простирается от Лазистана или Чороха до [101] [большого] Кавказа, а по суше до Персии. Древние историки говорят, что в момент [великого] переселения азийцев в Европу здесь жили люди. Это были потомки Эгриса, брата Гайка, и потому их называли *егерами*. По Геродоту, Сезострис со своим войском дошел до Колхиды и здесь оставил свой отряд. Тут царствовали 7 царей: первого звали Хелиос, которому наследовал сын Айнэа. В его время Фрикос направился в Колхиду для жертвоприношения в капище Гермеса. Сюда же пришли аргонавты и из капища Гермеса похитили золотое руно. После смерти Айнэа Колхида разделена была на отдельные части. Затем ее покорил Митридат. После этого Помпей поставил здесь царем одного из своих вельмож по имени Аристарх. Затем ее покорил Фарнас, и даже армянские цари владели ею. После же Траяна ею владели Понтийские претории...²³

Раньше в этой стране были значительные города, как, например, Пития, Дандар, Диоскурия, которая называлась также Эиа или Севастополь, и Фазис. На суше же были города Меклессо, Матиа, Сарах, Сурио, Цатрис и Сталинджеа, где хоронили царей. Говорят, что в горах много [залежей] руд. В настоящее время главнейшими жителями Колхиды являются иверы, т. е. гурджи, и мегрелы, хотя, впрочем, оба они считаются одним народом, имеющим единый язык, единый быт и единую религию. Однако гурджи называются *ачухбашами*²⁴ и их страна — *Гуриель*, которая простирается от Чороха до Фарша [Фасиса], а с юга до Персии. Главные метрополии суть Тбилиси и Мцхета, где находится католикосат. Страна же мегрелов — это *Имерети*²⁵, которая простирается от Фарша [Фасиса] до [Большого] Кавказа. Видимо, и сухумские абазы принадлежат к этим племенам. Впоследствии же они, став почитателями деревьев, соединились с коренными абазами.

Мегрелы хваستят, что их царь происходит из рода Давида [пророка — псалмопевца]. Также гурджи говорят, что их царь происходит от Соломона [Мудреца]. /102/. Царь Мегрелов Дадияни сидел в Котатисе. Из его рода были последние цари, которые вообще именовались Дадияни, что означает князь правосудия [sic], поскольку

¹⁹ См. выше, прим. 11.

²⁰ Они так и не дошли до наших дней.

²¹ Т. е. кукурузы (*Zea mays* L.).

²² См. С. Макалатия, История и этнография Мегрелии, Тбилиси, 1941 (на груз. яз.); там же, на стр. 374—378, библиография литературы о Мегрелии.

²³ Весь этот параграф и начало следующего представляют собой набор сведений (компиляцию) из армянских и классических греко-римских авторов.

²⁴ Т. е. обнаженные головой, беспашпочные.

²⁵ Наш автор, очевидно, хотел сказать: «Страна мегрелов — это *Самегрело*», или «Страна мегрелов [и имеретин] — это *Имерети*».

дад по-персидски означает справедливость²⁶. Гурджи более худошавые. Придвор князей у царя было 200, также 200 вельмож, кроме дворян. Придворных же цар было 60 женщин, нарядных, которые находились с нею. И когда цар выходил, также все вместе верхом на лошадях, наподобие мужчин, как амазонки, сопровождали его. Цар имел 30 000 войска. Они в наши дни добровольно передали свое сударство Московии. И последним царем был Соломон, муж почтенный...

§ 153. Страна эта покрыта лесами, где ввиду обилия дождей [вообще] сыро. И теплота солнца отравляет воздух, отчего, как говорят, и бывают смертные чаи. В последнее время со стороны черкесской земли здесь распространилась чума. Здесь родится особого рода зерно, которое называют *гоми* и сеют его подобно рожью. Хлеб белый и очень питательный. В лесах, как говорят, водятся лев, тигр, барс, медведь — черный и белый, также лисица, шакал и пр. С целью обороны от абазгов здесь построена была стена [протяжением] в 60 миль и прорублена дорога с Кавказа [Большой] Кавказ. Нам рассказали, что в очень многих местах Мегрелии, когда идут верхом на лошади, земля издает звук. Отсюда заключили, что под землей ходит дорога, которою Каспийское море сообщается с Черным. Ныне в Мегрелии чистых городов нет, [но] есть много сел. Близ моря дома построены там и тут имеется 9 или 10 крепостей. Более же сильная крепость называется *Рухи* жил князь.

Колхи хотя и сильные и [103] воинственные люди, однако... склонные к разбоям. Разбой они считают за большое геройство²⁷. Потому-то они часто объединяются и идут походом на страну лезгин и лазов. Людей захватывают в плен и продают. Они безжалостно продает своего ребенка. А некоторые считают делом милосердия умерщвление неисцелимых больных. Мегрелы делятся на три категории: *жиноскуа* или *дианганги*, т. е. дворяне; *саккура* [sic!], т. е. богатые, и *моанали*, т. е. [простой] народ. Главнейшее их занятие состоит в том, чтобы иметь как можно больше слуг и коней, дабы, будучи господами их, могли бы всегда продавать их. Они настолько любят охоту, что у них даже возникла поговорка: «Счастье человека состоит в том, чтобы иметь хорошего коня, собаку и сокола». Они очень любят выпить. В большие праздники они режут большую корову, которую жарят, и вместе едят и веселятся.

Их царь, царица, князья и слуги ели вместе. Ужасен их плач, который длится 40 дней. Они рвут себе одежду, распускают волосы и при страшном реве бьют себя в грудь, — так поступили они в Трапезунте, когда в наши дни [там] умер их последний царь Соломон. Когда царь умирает, епископ служит обедню и по всему городу обносят тело умершего. Потом выносят знамена и под одним из них сажают собиравшегося к нему усопшего, под другим — коня, а под третьим кладут меч. Старший из князей пригласив приступит к оплакиванию [которое начинается с того, что] он босой ногой по поясу оголенного колена преклоненно читает молитву под каждым знаменем за душу усопшего. После совершают поминки. Каждый человек на 2-й день пасхи доставляет к дверям церкви пищу — за упокой своих усопших. С цветами и зажженными свечами отправляются на кладбище. Затем перед церковью под деревом приступают к еде. Кое-где на кладбище режут животных и птиц²⁸ за спасение душ родственников, а также разливают вино и масло, что некоторые считают пережитком язычества. Однако суеверный народ хранит свои обычаи как благочестивое дело. Они имеют очень много праздных обычаев и очень верят в волшебные дела. Их священники подобными вещами также обманывают народ. Некоторые же, боясь луну, едят по понедельникам мясо, пятницу же очень почитают. Попадаются и такие фетиши, которые приносят в жертву рога лани, свиное рыло и крылья фазана, да иметь успех как на войне, так и во время охоты.

Мегрелы имеют вблизи моря церковь, [про которую говорят,] что апостол Андриан проповедал там. Однако просветителем их была дева Нина [в подл.: Нунэ], бывшая подругой святой Рипсимии [и еще с нею], от которых она отделилась и направилась в Грузию — в город Мухету, где и именем Христа стала творить чудеса, так что исцелила сына и жену царя Мириана, после чего царь и весь народ обратились в христианство. А святая Нина... водрузила деревянный крест, над которым появилось крестообразное свечение. Затем из Греции прибыли священники, которые утвердили их церковь согласно греческому канону.²⁸ Здесь (в Грузии) имеются 2 патриарха: один — грузинский, другой — мегрельский²⁹, юрисдикция которого (второго) распространяется до Абазы на 10 областей. Однако церковники большие невежды. Многие из них умеют служить только обедню и больше ничего не знают. Священники иногда отправляются на войну, и они [вообще] более искусные воины, нежели священники. Здесь имеются и монастыри и монахи по чину святого Василия [Кесарийского], которых зовут *береби*. Имеются также монахини. Многие церкви не имеют колоколов, только бьют в клепало. Большие церкви украшены позолоченными иконами. Они очень

²⁶ То же значение имеет и арм. «дат» — суд, тяжба.

²⁷ Чувствуется, что наш автор не имеет четкого представления о разбое как криминальном акте, который господствующие классы проводили с целью наживы и обогащения, между тем как под понятие «разбоя» древние авторы подводили проявления классовой борьбы, выражавшиеся в мятежах и расправе со своими угнетателями.

²⁸ Все это согласно арм. историку Моисею Хоренскому (История Армении, II, 86).

²⁹ Т. е. абхазо-имеретинский.

читают св. Георгия. Говорят, что при взятии [османами] Стамбула много мошей [105] спасли в этих краях. Здесь, говорят, обретается большой кусок деревянного креста [господня] и покров богородицы, которые хранил царь...

Мегрелы настолько упорные... и так прочно хранят свои обычаи, что кто бы ни мер, ничего не изменят и не отстанут от обычных дел. Очень любят они веселье и игры. Насколько внешне ревнивы к духовным делам и иконопочитанию, настолько же склонны к суеверию — как простой народ, так и священники. И, поскольку их нравы и наряды очень похожи на абазские, некоторые считают их за один народ, называя их, со всеми гурджами вместе, одним именем колхов. Однако гурджи и мегрелы — это грузины-христиане, которые хотя и разные племена, зато считаются за один народ³⁰. Гурджи, как гражданин, более приличный; среди них много стройных и красивых. Они имеют школы, так что и девочки умеют читать и писать. Иностранцы о них высокого мнения. Мегрелы же сравнительно дики и воинственны. Абаз же — из скифских племен, как видно, пришедших из великой Татарии [sic!] и поселившихся здесь. И, живя по соседству с мегрелами, они (абазы) со временем приобщились к христианству и смешались с ними на морском побережье; впоследствии же они, оставив христианство, стали почитателями деревьев.

Из Мегрелии вывозят воск, мед, сабли, шелк, полотно, шерсть, кожу, меха... лису, шакал и много такого товара, который поступает сюда с Кавказа. Потому-то ежегодно корабли шли до Фарша [Фасиса] и далее вверх до бывшей столицы Имерети.

8

Бичвинта³¹

Пар. 171, стр. 112—113

Бичвинта... это большая церковь, построенная из кирпича и увенчанная двумя [sic] куполами. Длина ее 150 [113], ширина 70 шагов. Имеет 3 двери. Внутри она расписана. В ней же имеется антиминс (распятие) и евангелие грузинские. Абазы ее очень почитают и, поклоняясь, осеняют себя крестным знаменем. Клятву они дают в этой церкви.

Эта церковь окружена оградой. Во дворе ее попадаются колонны с изображением креста. Имеется также 3 часовни порознь. Лоскутки [старого] облачения сохранились здесь и используются при исполнении духовных треб старцами, которые при церкви же и живут и, подобно священникам, заходят в церковь и выходят, и все духовные требы, молитвы и поминки справляют именно они. Все же они (абазы) вообще почитатели деревьев. Они, подобно мегрелам, раньше были христианами и следовали всему [христианскому]. Теперь же, впав в фанатизм, даже не соображают то, что делают. Однако во всем они легковерны.

9

Племя хойя

Пар. 172, стр. 113

...Между Деврентом и Бичвинтой обитает абазское племя хойя. Они — мятежники...

10

Адлер

Пар. 173, стр. 113—114

Адлер прежде было селение, а теперь тут деревни... Здесь находится большая церковь, внутри которой помещается очень большой [114] котел. Абазы ежегодно ходят сюда на богомолье, жарят целую корову и справляют поминки. Вблизи него находятся Сочи и Анакопия.

11

Кодош

Пар. 175, стр. 114—115

...Прежде река Кодош служила границей Абазии и Мегрелии, которая в древности называлась *Коракс*.

Здесь, говорят, находится огромное дерево под названием *кодош*, к которому ежегодно приходили на богомолье, оказывая ему божеские почести. Пленник и осуж-

³⁰ В вопросе о складывании народа или народности из отдельных племен, прослеженном на примере Грузии, наш автор не одинок: такова точка зрения и выдающегося армянского историка XV в. Фомы Мецопского (об этом см. нашу работу: «Фома Мецопец о Грузии», Тбилиси, 1937, стр. 20, на груз. яз.).

³¹ См. Л. Меликсет-Бекоев, Древнейшая Пицунда у Понта Евксинского, Записки Одесского об-ва истории и древностей, т. XXXII, 1914, и отдельное издание, Одесса, 1914, 16 стр.; Записки Кавк. отдела Рус. геогр. об-ва, т. XXXIX, вып. 4, Тифлис, 1916, стр. 59—73.

денный на смерть, пробегающие под этим деревом, получают свободу. Такие деревья везде имеются, которых почитают и которым доставляют приношения — лоскуты медной посуды и прочее. Потому-то оно выглядит украшенным многими объектами. Долго мы выясняли источник той тайны, почему народ этот так ревностно почитает дерево. И ничего иного не нашли, кроме природных предассудков, ибо естественно для человека, в особенности невежд, которые поражаются при виде крупных деревьев, и чем больше он удивляется, тем больше оказывает ему (дереву) божеские почести, как, например, древние египтяне, будучи подавлены величием Нила, почитали ее. Так точно и эти племена, восторгаясь высотой и объемом крупных развесистых деревьев, стали их почитать и оказывать им божеские почести, до какой степени, что невозможно срубить дерево или зеленое насаждение. И этот пошлый считается более тяжким преступлением, нежели человекоубийство. Потому-то (абазы) срубают только лишь засохшие деревья³².

По этой причине древние народы, восторгаясь большими реками и горами, почитали таковые. Точно так же понтийцы почти на всех горах построили храмы, зывая их священными...

...Выше Тухлара... обитают различные племена абазов, которые, будучи богуверными, имеют различные обычаи; однако они тоже почитатели деревьев...

12

Геленджик

Пар. 177, стр. 116

...В этих местах, кроме абазских, есть еще два села — *Атуха* и *Бзатух*, где жители армяне, которые имеют церковь и священника. Они — [бывшие] жители эпистопии Керман, пришедшие раньше из Аджемистана, а затем бежавшие сюда. Они имеют нравы абазов. Они более всего ревностны к поминкам. Другим обычаям следуют особенно. Они уважают священника как должно, хотя полны невежества. Они искусны в торговле и охоте, больше же ничего не знают. Они говорят по-абазски, но знают и армянский язык. Они имеют церковь, где раньше пребывал вардапет, который заботился о них, затем скончался, и его могилу мы видели. Девочки по одежде и всем поведением своим похожи на абазских. Они надевают на голову кокошник (халбах?), который сами же делают.

13

Абаза³³

Пар. 162—168, стр. 109—112

§ 162. Абаза простирается [от Сухума] до того места, где обитают скифские племена и где [абазы], будучи местами смешаны с мегрелами и турками, очень много отличаются от природных абазов Анапы. Хотя абазы язычники и почитатели деревьев, однако очень боятся креста и почитают его. Они привержены к христианству, к которому неравнодушны, — признак того, что они раньше, наподобие мегрелов, были христианами, а затем вследствие невежества и суеверий стали почитателями деревьев.

Среди них имеются колдуны-гадалки, которые на бобах и по виду плеч живых или костей делают ложные предсказания смешными способами. Принимают клятву над крестом, а некоторые даже поклоняются ему. Если боятся воров, то раз с спрятанным предметом кладут крест, дабы человек, опасаясь его, не подошел к нему. У них бесчисленное множество суеверий и весьма невежественных переверток. Удовлетворяются тем, чему раз уже научились в соответствии с обычаем, и совершенно не заинтересованы в том, чтобы научиться чему-нибудь новому и их представление о новых предметах.

Когда хотят судить, являются старики и выстраиваются на месте суда, которое называется *самалда*³⁴. После того как обе стороны будут внимательно выслушаны

³² О культе дерева см.: Е. Г. Вейденбаум, Священные рощи и деревья кавказских народов, Записки Кавк. отд. Рус. геогр. об-ва, т. V, № 3, 1878, стр. 137—179; его же, Кавказские этюды, Тифлис, 1901, стр. 69—100; В. Ломия (Бардвелидзе), Культ дерева в Грузии, «Вестник Музея Грузии», т. III, Тифлис, 1907, стр. 164—178; Г. Ниорадзе, Наземное погребение, «Известия Института языковедения и истории материальной культуры», V—VI (сборник, 1889—1939, посвященный академику И. А. Джавахишвили к 40-летию научной деятельности, Тбилиси, 1940, стр. 58—61; Г. Читая, Мотив «древо жизни» в лазском орнаменте, «Известия Института языка, истории и истории материальной культуры», X, 1941, стр. 303—305.

³³ Об абазлах-абастах-абхазах см.: Н. Марр, О языке и истории абхазов, Труды Института абхазской культуры, X, М.—Л., 1938; Д. Гулия, История Абхазии, Тифлис, 1925 (на стр. 1—6 библиография).

³⁴ Правильнее: самартали (груз.) — право.

удалиются и выносят справедливый приговор, согласно нормам естественного права. У них нет и взяточничества, [110] ни обычая оклеветать друг друга. Они не шатают тех, кто действует против обычаев и законов, и жестоко наказывают их.

§ 163. Они имеют племенных вождей и этнархов, которые являются судьями народа. Главного из них называют *чачба*, т. е. шах; *ачба* — бек; *налика* — феодал (дере-вей); *маан* — военачальник (беолок-баши); *чирик* — офицер (забит); *цумба* — унтер-офицер (малый забит); *дабо* — племенной вождь; *лакырба* — дворянин, сыновья которого также считаются дворянами³⁵. Они выбирают своего чачбу — главного бея. Они не имеют ни книг, ни законов; руководствуются естественным правом, хотя искусны в торговле и мастера в воровстве. Их жизнь проста и дика. Они бессловесны предальными [мира]. В еде умеренны, однако любят выпить. Ввиду того, что их страна гористая, у них [чувствуется] недостаток в зерне и овощах. Обычная же их пища — мясо, сыр; кукурузную муку жарят, готовят лепешки, и так едят. Их одежда из черного меха, которую сами вяжут. И летом и зимою все одинаково [одежды]. Их чер-тиков: *ага* — один, *юба* — два, *ихба* — три, *шиба* — четыре, *хыба* — пять, *уба* — шесть, *бецба* — семь, *саба* — восемь, *зоба* — девять, *чейга* — десять, *зогго* — двадцать, *зола* — тридцать, *гурушги* — сорок³⁶.

§ 164. Чужестранца они очень уважают. Если они кого-нибудь возьмут в плен, то безжалостно продадут. Если кто-нибудь [посторонний] попадет на их землю и ко-сенопреклоненно схватит за руку абхаза, то должен произнести слово *хонах*³⁷ в при-стутствии другого, который с клятвой примет гостя и тогда последний стан-ет гостем всего населения того пункта; и после этого никто не вправе его задеть. Равно и того гостеприимного абхаза, сколько бы гостей ни посылал другому абазе, никто не вправе задеть. Если же гостя заметят в открытом месте, то заберут в плен и продадут.

Эта клятва в их среде настолько священна и велика, что никакое тяжелое обстоятельство не может ее нарушить. И как бы жизнь гостеприимного хозяина ни была в опасности, как бы против многих людей он ни выступал, он гостя не выдаст [111], но, убеждая, возразит им, гостя же не предаст. Они настолько обходительны и человеколюбивы, что годами любезно угощают чужестранца, по утрам и вечерам предоставляя ему в обслуживание своих мальчиков и девочек. Они, как и подобает, очень вежливы: если [в чужестранце] заметят что-нибудь предосудительное, то не вышатают и, сразу же продав, безжалостно удалят.

§ 165. Они поклоняются большим деревьям, которых называют *тапиш*³⁸. Но они почитают также иконы, кресты и [священные] книги, иногда произнося нечто в роде молитв в древних церквях. Они быстро верят всему. Так как они раньше были христианами, то потому некоторые из них и теперь соблюдают посты. Они знают паху, которую называют *Тенефе*³⁹. Празднуют ее и справляют поминки, веселятся.

§ 166. Они не бреются, пока не женятся. Бриться же начинают после женитьбы и до смерти остаются безбородыми. Девушку из своего рода в жены не берут. Когда обручаются, устраивают большой кутеж. Из каждого дома что-нибудь при-носят и кладут под дерево. Затем собираются, совместно молятся с выкриками: *Тапиш мейрем*, держа в руках нечто вроде талисмана. Некоторые же являются с пустыми руками.

§ 167. После этого они едят и пьют; все вместе танцуют. Молодой же человек, который хочет жениться, достает платок и обтирает им свой лоб, затем кладет его на плечо девушки. Если и девушка согласится, то приложит платок к своему лбу и положит себе в грудь. И так закончится помолвка. Если же девушке [молодой человек] не понравится, то, кокетничая, положит платок на плечо того парня. Он же возьмет платок и положит на плечо другой девушки, которая ему нравится. Если она примет платок, то этим закончится помолвка. В противном же случае платок положит на плечо другой, и до тех пор, пока кому-нибудь не понравится и платок кем-нибудь не будет принят.

Когда сватаются, то после проведения приличествующего случаю веселья и изъ-вления пред своими стариками согласия [на брак], справляют свадьбу. Если с ними случится что-либо, нарушающее благопристойность, то [провинившегося] поведут к морю и бросят в воду, и никто не сможет заступиться. Они имеют песни, которые заканчиваются [112] поминанием имен достопамятных предков. Эти старики счита-ются их священниками, которые и совершают все ритуалы, как духовные, так и светские.

§ 168. Покойника обмывают и так хоронят, и все с плачем в один голос бичуют себя и, состоя 40 дней в трауре, не бреются, одевают черное, а также несут к могиле пищу и вино, дабы прохожие ели за [упокой] души, и в течение тех же 40 дней вокруг могилы зажигают свечи.

³⁵ Ср. эту номенклатуру в искаженном виде у М. Селезнева, Руководство к познанию Кавказа, кн. I, СПб., 1847, стр. 14, прим. 27.

³⁶ Ср. этот счет в искаженном виде, там же; ср. И. А. Джавахишвили. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков, Тбилиси, 1937, стр. 263—266 (на груз. языке).

³⁷ Т. е. гость.

³⁸ Ср. М. Селезнев, Указ. раб.

³⁹ Ср. там же.

После этого родные и друзья вновь приходят к могиле и с самобытным оплакивают [умершего]. Затем режут барана, едят, пьют и начинают плясать. Как бы ни были печаль и тяжелое испытание, они не бреются, пока неудача не придет. Это является древним обычаем азиатов, так точно, как это бытует до сих пор у армян...

Абазское государство делится на 2 части, при 2 беях. Один из них в районе Анапы, а другой в Сухуме, последний правит племенами сих мест до Абхазии.

Пар. 176, стр. 115—116

...Большинство абазов этих мест прокаженные вследствие того, что они употребляют пресную пищу. Они совершенно не едят рыбу. Мяса и молочных продуктов едят много; имеют овец и коз. Они, будучи дикими, очень любят охоту, и рассматривается у них за геройство, почему они обучают разбою и своих мальчиков, и рыле, достигнув возмужалости, учатся, как стрелять, охотиться и похищать людей. Потому-то [116] их крепости или древние города дошли разрушенными на поверхности земли. Праздным выглядит их город, а также их гражданские дела. Их город — это место для жительства приличного человека, а не для дикарей.

В эти места порой заходят корабли и ведут торговлю с абазами, которых, однако, не знают веса и мер, как и денег. Покупают лишь нужные им вещи, а нужные же обменивают. Рожь, кукурузу, меха и кожу отдают, [взамен] берут другие вещи. Есть племя, которое, будучи почитателем деревьев, поклоняется ветвям. Потому-то чужестранец в страхе перед вором на поклажку свою кладет ветви дерева, к которым абазы, боясь, не подходят. Если заметит, что кто-нибудь рубит зеленую ветвь, с содроганием вскакивает, что это — грех, и умоляет не совершать подобного убийства и не причинять им горя. Те же, которые общаются с чужестранцами, обнаруживают ослабление в отношении к таким вещам.

Пар. 180—181, стр. 117—121

§ 180. Абазы, обитающие в районе Анапы, отличаются от остальных. Главным местом обитания — окрестности реки Кубани; их бей сидит в Совук-су. Страна называется Абаза или Абаси или еще Абхас⁴⁰. Они почти все почитатели деревьев и поклоняются они большим деревьям, которые иногда украшают множеством различных предметов и цветов, а также вешают на них свои сабли и оружие. Духовные церемонии должны ими совершаться вблизи этих же деревьев. Иногда по утрам все, произнеся молитву, крутятся вокруг дерева и только после этого приступают к работе. Поразительно ревниво оберегают они [деревья]. Однако настолько суеверны, что слепо и [118] бессознательно, вроде животных, соблюдают свои обычаи, не зная ни причину, ни начало их. О чем бы их ни спросили, даже взгляд как юродивые, и о чем бы ни беседовали с ними, на все отвечают одинаково. Однако от того, что знают, не отказываются.

§ 181. В разных местах близ деревьев втыкают в землю деревянные шесты, нечто вроде пастырских жезлов, которые называют *тапиш*. При прохождении мимо них обнажают голову и, произнося молитву, поклоняются им. В какой бы ни была причина, невозможной, чтобы, не сойдя с лошади и без преклонения, проходили бы мимо этой *тапиш*, где к тому же, произнося нечто вроде молитвы, повидимому, всегда просят успеха в своем деле и очень благоволят перед совершением духовных дел. В обычных молитвах своих они вспоминают богородицу, очень и Иисуса, не зная, впрочем, причины, и называя его *Мейремох*, т. е. сын Марии. При всех случаях молятся так: *Г'саньп у г'семут'о ашнемджыр ц'фыр г'семт'о нып*, т. е.: «Если ты не дашь нам нашего счастья, никакой человек не может нам наше счастье». Они с виду очень кажутся набожными, очень почитают и до сих пор с благоговением хранят [кресты] в древних церквях. Если бояться то в соответствующее место кладут крест. Никто не может подойти.

Попавший к этим абазам чужестранец должен быть более твердым, не поддаваясь к остальным абазам; в противном случае опасно, поскольку в пре-Османского [государства] чужестранца арестовывают как заложника, который должен достигнуть границы, где находится гостеприимный абаз, и с клятвой вручить гостя. Какого бы племени не был он, безразлично — перед ними все равны. Даже гостеприимный абаз, как покровитель гостя, должен взять его к себе до продержания, сколько сам гость захочет. Абаз, конечно, постарается, чтобы закончил дела, всячески способствуя тому и, вместе с тем, остерегаясь, да гостем ничего плохого не случилось; постоянно будет вертеться при нем, гость от него не отдалился и, как бы безобразничая, [119] не попал бы в руки или же, будучи в одиночестве в чужих предалах, не попал бы в руки абазов, которые могли бы его продать, как это очень часто случается. Хотя и гостеприимный абаз не боится, однако считает это за большой грех и обязан больше заботиться о госте. Также все домохозяева и, в особенности, девочки обязаны угощать о нем и угощать его. Если же гость уйдет из дому веселым и признательным, то этим, как они считают, они могут очень гордиться, тем более, если тот же

⁴⁰ См. литературу, обозначенную в прим. 33 настоящей работы.

⁴¹ Ср. М. Селезнев, К познанию Кавказа, I, стр. 14, прим. 27.

ранец и другой раз к тому же хозяину пойдет. Если же он попадет к другому хозяину, а не к тому же, то это сочтется за большое оскорбление, за что постарается ему отомстить.

Абазы имеют привычку: когда от долгой ходьбы устают, зажигают вечером огонь и становятся прямо над пламенем; от того же, что дым от пламени прикоснется их голого тела, они набирают силу и от этого, как говорят, их нервы укрепляются. Поэтому-то они неукоснительно должны совершать все свои естественные обычаи. Никаких упущений не делают, хотя они отнюдь не ленивые и не слабосильные люди. Однако они очень любят веселье и пляски. Как только где-нибудь соберется несколько девушек или парней, тотчас же начинают в один голос петь, и если целый день будут так петь и играть, то им не надоест. Из этих песен мы узнали, как они, будучи пленными, [куда-то] шли. Однако они веселятся при пении своих обычных песен. Они имеют и эпические песни, сложенные в честь своих предков, которые постоянно поют по-мужичьи. Они не имеют музыки и музыкальных инструментов для игр. Только любят петь [закрытым] ртом при общем веселье.

Какие бы духовные дела любого народа они ни слыхали, в них это вызывает уважение, и они не знают, как слушать. Если проповедуешь истинного бога и рассказываешь о чудесах Иисуса, единогласно заявляют, что и они веруют в него и поклоняются ему. Однако от почитания деревьев они не отказываются [120].

Убитого молнией считают за мученика и 7 дней и 7 ночей проводят в веселье. Если убитого на 3 дня и 3 ночи кладут на дерево на том месте, где молния ударила под деревом пляшут. Затем в течение 3 дней веселятся дома, а потом хоронят. События: Ташхор ёвац', т. е.: «сын божий ударил». Среди древних римлян тоже существовал такой обычай, что уцелевшего от удара молнии считали священным и по имени Зевса (Арамзда), а его сородичи признавались дворянами. Есть племена, которые не хоронят умершего, а кладут труп в дупло дерева, привязывая его веревками; оружие и лоскутки же вешают на дерево⁴². Есть и такие племена, которые считают животных и собаку. Но они нутром как горцы и совершенные дикари, хотя и уважают гостя. Нам рассказали, как на краю деревни они заметили привязанную на особом месте большую страшную собаку. От нее, благодаря суеверию, они так дрожали, что каждый раз сначала собаке клали пищу, а затем сами ели остатки.

По свадебным обычаям и гостеприимству они похожи на остальных абазов, хотя и в языке их наблюдается разница. Например: *анг'ча* — бог; *оорак* — отец; *ачончк* — мать; *абав* — мальчик; *эфа* — девочка; *ачэй* — брат; *ахкчэй* — сестра; *аоо* — сердце; *якка* — голова; *ла* — глаз; *лоомба* — ухо; *эг'ша* — рот; *мараш* — солнце; *аиз* — луна; *азт'с* — звезда; *мизэт'шэ* — день; *пакан* — ночь; *коолбэз* — вечер; *аибнэ* — весна; *бкннэ* — лето; *бжака* — осень; *кээн* — зима *чээкоо* — год; *тээчээ* — смерть⁴³. Речь же кубанских абазов звучит иначе, и каждое племя имеет различия.

Они не имеют ни книг, ни письмен, ни законов. Однако они чинят суд и расправу по нормам естественного права. Они отнюдь не кровопийцы и не дурные люди, но хорошими задатками и противники зла. Однако они мастера в воровстве. Многие из них, живущие вблизи моря, переродились и изю дня в день перерождаются в чужестранцев, ибо чужестранец очень заинтересован в их эксплуатации. Но языческие [121] обычаи свои они не оставляют. Насколько они внимательны к чужестранцу-гостю, настолько безжалостно захватывают и продают того, кто не был их другом. Вот почему случается, что, когда они издали заметят чужестранца, мгновенно бегом настигают его и кидают кожаный аркан и схватывают, как животное, и заставляют следовать за лошастью. Несчастный же тот, пойманный, должен властвовать за ним. Быстро увозят и перепродают один другому. Абазы славятся ловкостью. Из их среды вышло много выдающихся и образованных людей. Также и среди османцев известны начитанные и разумные паши, выходцы из этого народа. Вообще жители гор сравнительно более дики и суеверны. Жители же приморской береговой полосы более близки чужестранцам.

14

Черкесы

Пар. 182, стр. 121—123

Черкесы — это жители Кавказских гор в районе Кабарды, который расположен между реками Кубань и Дон, занимаемая 600 миль в длину. Это — храбрый и сильный народ; однако несплоченность губит их. [Жители] района делятся на 3 сословия: князь, дворяне и [простой] народ.

Кабардинский народ находится под властью 3 князей. Князь более древнего племени является главой и судьей всего народа. Князья пользуются большим авторитетом и считаются как бы священными, хотя по одеянию, местожительству и пищею не особенно отличаются от простого народа. В общем все одинаковы. Они не имеют писаного закона, но следуют древним обычаям. В случае большой необходимости собираются, главный из князей предлагает выслушать дело, и старики выносят

⁴² Ср. Г. Ниорадзе, Наземное погребение, стр. 58—61.

⁴³ Ср. М. Селезнев, Указ. раб., стр. 14—15, прим. 27.

решение от имени народа. Благодаря легковерию, народ быстро подчиняется старикам, ибо старики очень уважают естественное право, и он (народ) следовал бы старикам.

Когда у князя рождается сын, то отец выбирает выдающегося мужа, который впоследствии должен стать ему воспитателем. Когда мальчику исполняется год, дают ему оружие и игрушки. Если мальчик возьмет в руки оружие, то все это за великое событие, устраивают большое веселье [122] в присутствии всех родственников. Когда же мальчику исполнится 7 лет, то его удаляют из отцовского дома и переселяют в дом воспитателя, который учит его, как оседлать лошадь, обращаться с оружием, разбю и воровству. И пока не выйдет успеха и не выйдет большой разбой, он не может вернуться в отцовский дом. Простой народ старается похитить княжича и воспитать его [в своем духе], ибо этим путем воспитатель может прославиться и вступить в ряды дворян. Крымские ханы своих сынов посылали сюда на воспитание и обучение, как оседлать лошадь.

Матери воспитывают дочерей и учат их брать с себя пример. С момента рождения затягивают их в широкий кожаный пояс и оставляют их опоясанными поясом, пока они не вырастут и пояс сам собой не разорвется. Тогда им делают новый пояс. Выросшие девочки — красивые и стройные, и получают хорошее воспитание. Их среды выходят остроумные и талантливые девушки, которые способны на всякую работу. И они славятся среди чужестранцев.

Во время помолвок все в одном месте пляшут. Молодой человек разными движениями заигрывает с девушкой, которая ему нравится, и так определяют помолвку. Воспрещено, чтобы муж явно сожительствовал с женой. Когда муж умирает, распускает волосы и, царапаям лица вступая в траур, долго оплакивает его.

Эти женщины верхом на хороших конях творят много геройства. Потомки некоторые считают их амазонками. Плутарх рассказывает⁴⁴, что в войнах албано-армянские женщины-амазонки, которые, как говорят, жили в Кавказских горах и в которых нашли щиты, полусапожки и прочее оружие с украшениями. У черкесов, твердой религии, хотя они приближаются к чужестранцам, и многие из них переродились, но действуют по-своему. Они имеют различные предрассудки и различные обычаи, притом каждое племя по-своему. Когда они вступают в войну, некоторые из них забирают пленных Москвитин и, закалывая, приносят в жертву во спасение души своих единоплеменников, которые должны умереть в той же жертве. И от неба ожидают вознаграждение за пролитую кровь.

Они не имеют письмен. Некоторые обучаются чужестранной грамоте. В их домах на надмогильных плитах имеются надписи, которые, однако, не читаются. Как говорят, что они имеют старинные книги. Происхождение черкесов не известно, но жется, что они гунны или хазары — жители Кавказа, согласно Истории Плиния.

Историк Константин Порфирородный (Порфирогенет) называет их⁴⁵ кабардскими, которые мол пришли с Востока, почему и страна названа была *Кабарда*. Их отличает от остальных. Например: *m'ha* — бог; *ята* — отец; *яна* — мать; *savo* — *p'sas* — девочка; *nahar* — брат; *шуг'к* — сестра; *ц'фэ* — человек; *най* — глаз; *ж'рот*; *к'у* — сердце; *ан'* — рука; и прочее.

Анапские абазы тоже говорят на этом языке. [Моисей] Хоренский упоминает апхаз и апшел, которые суть абхазские племена и которые живут в Кавказских горах, некоторые же на побережье моря. Однако жители гор более дикие и следуют странным обычаям, языческим предрассудкам и удивительным церемониям, как племя по-своему. Они очень любят заботиться о зеленых деревьях, жгут только засохшие деревья и очень боятся больших деревьев. Они считают, что деревья эти, имея душу, являются господними священными существами. Также благоговеют почитают могилы; не скупаются в поминках, вспоминая своих покойников и заботятся о них.

15

Кисты, ингуши, осы и скифы Пар. 183, стр. 123—124

Кисты — татарское племя, которое обитает в высоких горах. Они уважают чужестранцев. Их девочки заботятся о чужестранцах и обслуживают их с максимальной благопристойностью. Есть и другое племя, которое называют *Ингуши* (Энгюсы). Они сохранили пережитки христианства, [поскольку] признают единого бога, которого называют Дайл⁴⁶, больше же ничего не знают. Они соблюдают воскресные посты.

⁴⁴ Ср. Plutarchi vitae parallele, Помпей, XXXV, «Вестник древней истории», № 4, стр. 283.

⁴⁵ Это — измышленная ссылка на Плиния (Nat. hist.), ни на чем не основанная.

⁴⁶ De administrando imperio, гл. 39 и 40 (Περὶ τοῦ ἀρχαίου τοῦ Κεβάρου, περὶ τῆς ἐκείνου τοῦ Κεβάρου καὶ τοῦ ὅρκου) Ср. М. Селезнев, Указ. раб., стр. 15, прим.

⁴⁷ Правильнее было бы сказать: Аналий Ширакский упоминает (в гл. XII «Армянской Географии» VII века): arsilae et abasgi Géographie de Moïse de Corboud par S. Soukry, Venise, 1884, стр. 35, ср. 25.

⁴⁸ Правильнее: Дали.

шой и летом. Только один {124} раз совершают жертвоприношение. Они имеют жреца, вроде священника, который живет на горе, близ каменного храма, где на-
ходят украшения, памятники и книги, которые мы видели. Они ныне находятся под
владычеством Московии.

Осы — это независимое племя. Они живут близ Эльбруса. Все они — почитатели
древес. И во многом они похожи на абазов, хотя более фанатичны. Счета не
делают, и что бы ни ели, раздробляют на 3 куска и затем едят. Они верят в бес-
смертные души и очень чтят умерших.

Скифскую страну проповедью просветил святой Филипп или, по некоторым
сказаниям, святой апостол Фома. Отсюда был родом прославленный мученик Хри-
стофор. В этих местах некогда было много цветущих городов. Однако они (эти
земли) постепенно погрузились в темноту, благодаря фанатизму, и обвиняли —
в результате диких обычаев, как мы убедились на примере многих из них...

Е. Н. СТУДЕНЕЦКАЯ

О БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ У КАБАРДИНЦЕВ В XIX ВЕКЕ

В труде Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» уделяется значительное внимание большой семье или патриархальной семье, являющейся переходной формой к индивидуальной семье. При этом Энгельс отмечает роль М. М. Ковалевского в деле открытия и объяснения патриархальной семейной общины у ряда народов Кавказа, где она сохранялась очень долго, в отдельных местах вплоть до второй половины XIX в., входя в состав семьи общины, наряду с уже существовавшими индивидуальными семьями. Однако в литературе нет материалов о большой семье у кабардинцев. В сводной работе «Очерк по этнографии Кавказа» М. О. Косвена, где автор посвящает специальный раздел большой семье, он приводит лишь краткие упоминания двух авторов о большой семье у кабардинцев.

В связи с этим нам кажется полезной публикация тех данных, которые удалось получить во время экспедиций 1947—1948 гг. в Кабарду. Разумеется, через 31 год после Великой Октябрьской социалистической революции, преобразившей нашу страну вплоть до самых глухих ее уголков, сбор подобных материалов является трудной задачей и неизбежно будет неполным. Материалы, собранные нами, относятся к первой половине XIX в., когда большая семья среди кабардинцев была распространена еще очень сильно, но существовала в определенной обстановке, при наличии феодальных отношений. После освобождения зависимых сословий в 1867 г. в кабардинских деревнях начали развиваться капиталистические отношения. Но колониальное положение Кабарды способствовало сохранению отсталых форм хозяйства и (вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции) феодально-родовых пережитков.

Все наши старики-информаторы (в возрасте от 60 до 100 лет) говорят, что в времена их молодости большая семья была широко распространена. Большинство семей жило нераздельно. Если даже сын и пожелал бы выделиться из большой семьи, он молчал бы об этом — выдел считался неприличным, нарушающим вековой обычай. Говоря о причинах сохранения большой семьи, старики обычно указывают не только на «адыге-хабзе» — адыгейский обычай, но и на экономические преимущества большой семьи. Если нераздельно живущая кабардинская семья еще имела в глазах своих родоначальников — отца и мать, то она называлась бынэ шхуэ, буквально «большая семья». Ее отец носил название тхьамадэ, а мать — гуащэ, что в общесемейных случаях обозначало старшего. Термин гуащэ — старшая, свекровь — впоследствии приобрел значение — княгиня. «Унэзэш зэхэс» или «унэгьуэ зэхэс» обозначал нераздельную семью, в которой отца нет в живых, но братья со своими семьями жили одной большой семьей. Этот термин противопоставлялся «унэгьуэ закьуэ» — отдельной семье.

Во главе большой семьи, состоящей из братьев с их семьями и незамужних сестер, стоял унэфэц! — распорядитель дома, обычно старший из братьев. Унэфэц! существовал часто и при жизни отца, если тот был слишком стар и не мог сам управлять хозяйством. Число членов семьи доходило до нескольких десятков. Одна из моих информаторш образно выразилась так: «Были такие большие семьи, что когда целого барана резали и съедали сразу, то хватало каждому только по маленькому кусочку». Другой сказал: «Жили вместе, пока одного котла хватало». Это выражение родилось не случайно. В начале XIX в. Дебу писал: «...каждое семейство от прадеда до позднего поколения, живет нераздельно и употребляет пищу из одного котла. От сего в народе сем не говорится: столько-то семей или дворов, а столько-то котлов». Напомним, что и котел и, особенно, очажная цепь, на которой висел, были у кавказских народов почитаемыми предметами. По представлениям о тин, в очажной цепи жил Алард-Сафа — покровитель семьи.

В экспедиции 1947—1948 гг. нами был записан ряд примеров больших семей, существовавших еще лет 30—60 назад.

Приведу пример семьи Шабезгери Кодзокова.

Родители:	отец — Шабезгери		мать — Сарей		
Сыновья и дочери:	Мухамед-Мирза	Алимырза	Бачимырза	Кантемир	Куна Хужа
Жены сыновей:	Хаблина	Хуцу	Кусма	Дыхаужо	
Внуки:	Хазеша (м) Батырбек (м) Маржан (ж) Хажи Касым (м) Нальжан (ж) Тембот (м) Шухиб (м) Нафия (ж) Добына (ж) Фаризет (ж)	* Мац (ж) Мухамед (м) Гуаша (ж) Асланбек (м) Хажирет (м) Армазен (м)	Хаджаша (м) Зелимгирей (м) Камбулет (м) Казим (м) Безруко (м)	Едык (м) Фатимат (ж) Даут (м) Хажихан (ж) Батыр (м) Ауария (ж) Фетия (ж)	

Всего 40 человек, из них 22 — мужчины.

Звездочкой отмечена моя информаторша, 64 лет. Эта семья разделилась лет 30 назад. К моменту раздела она была еще больше, ибо старшие внуки Шабезгери успели жениться и имели детей. В селении Ст. Лескен жила семья Теуважуко Табулова, насчитывавшая 39 человек и состоявшая из следующих лиц.

Родители:	Табухов Теуважуко и его жена						
Сыновья с женами:	Жанхот ¹ и жена	Умар и жена	Темир и жена	Темиркан и жена	Каншао и жена	Машко и жена	Исуф и жена
Внуки:	Тут (м) Хузбер (м) Безир (м) Кайсын (м) Озырмес (м) Батина (ж) Хакулю (ж)	Каражан (ж) Салисат (ж) Дагалина (ж) Таужан (ж) Хуткия (ж) Жентаго (ж) Марура (ж) Мухамед (м)		Мариан (ж) Пыцыхо (м) Мухарби (м) Али (м) Мухамед (м) * Лялюша (м) Баби (ж) Вова (м)			

Всего 39 человек, из них 20 мужчин.

Звездочкой отмечен мой информатор, 24 лет. До сих пор жива жена первого сына Жанхота — Хабыц, которой около 100 лет. Ее старшая дочь уже бабушка. Хабыц была очень строгой и суровой по отношению к своим пяти снохам, и некоторые из них сейчас мстят ей тем, что не хотят взять старуху в дом. Она живет в семье младшего сына. Дом этой семьи, включавший в себя одно помещение для родителей и 6 отдельных комнат для сыновей, разрушен совсем недавно.

Можно привести и многие другие примеры неразделенных семей, в которых жили вместе три поколения.

Большая семья являлась единой хозяйственной единицей. Она входила в состав сельской общины и, как ее член, имела право на пашню и сенокос, выделяемый ей при ежегодном переделе. Вплоть до самой Октябрьской революции передел земель происходил по двсрам, т. е. «по котлам», и только при советской власти (до коллективизации) был установлен раздел по едокам, преимущество которого перед прежним порядком единодушно отмечают все старики.

Все недвижимое (усадьба с хозяйственными и жилыми постройками) и движимое (скот, орудия труда, домашняя обстановка и пр.) имущество большой семьи являлось общей собственностью семьи и находилось в управлении тхъамадэ или унэфэщI, а в известной части и гуашэ. УнэфэщI распоряжался покупкой или продажей и чаще всего сам проводил эти операции. Селения — куажэ — тогда были велики, что в некоторой степени объясняется политикой царского правительства, укрупнявшего кабардинские селения для облегчения надзора за «беспокойными» горцами.

¹ Семья Жанхота тоже жила нераздельно.

Главными занятиями кабардинцев были земледелие и скотоводство (до сих пор еще спорят о том, которое из них имело большее значение и большую древность, что и накладывало свой отпечаток на весь строй жизни).

В сборнике «Кабардинский фольклор»² помещено одной из сказаний нартовского цикла: «Если Сосруко вернется, иссякнет земное изобилие». Чем характеризуется изобилие? У старушки было трое сыновей — хлебопашец, пастух и кузнец. Когда она готовила гостям еду, то из одной четверти зернышка пшена сварила огромный котел каши. Это зернышко было оставлено ее умершим сыном — хлебопашцем. Из половины ребрышка барана она наварила котел мяса — оно было оставлено сыном пастухом, а котел был сделан сыном-кузнецом. В этом рассказе подчеркиваются основы хозяйства кабардинцев — земледелие и скотоводство. При этом упоминается наиболее старинный хлебный знак кабардинцев — просо.

Сочетание земледельческого хозяйства с экстенсивным полукочевым скотоводством требовало много рабочих рук. При сравнительно слабом развитии ремесла: потребительские нужды, начиная с постройки дома, изготовления большей части вещей труда (кроме железных частей), мебели, утвари, одежды было делом рук чужих нов семьи. Предметы не местного производства приобретались путем покупки, а во всем в отдаленных городских пунктах. В более ранние периоды такие предметы нередко приобретались путем набегов и грабежей.

Такое полунатуральное хозяйство, несомненно, содействовало сохранению большой семьи, с известным разделением труда между ее членами. Наши информаторы еще гласно указывали на установившееся в семье постоянное распределение обязанностей между сыновьями. Обычно выделялись пастухи, находившиеся почти все время в лучке со стадами, пахари, на которых лежали и основные работы по дому, так их отлучки были кратковременными. Обязанности закупок обычно лежали на тхъ дэ или унэфэщ. Так, например, в семье Дзадзу Дзамихова из сел. Каменномосте распоряжался сам отец — Дзадзу. Старший сын, Худад, был пахарем; второй, Ахмуд, учился, чтобы стать муллоу; третий, Булат, был мелюхо (пас овец); четвертый, Исуф, работал по дому и пахал.

При большом числе сыновей обычно один из них «учился на муллоу». Часто в составе семьи имелись и мастер-ремесленник. Заработки всех членов семьи, в том числе и муллоу и ремесленника, поступали в ее общую кассу. Наряду с более или менее постоянным разделением труда давались в семье и отдельные разовые поручения, которые обычно тхъмадэ или унэфэщ давал ежедневно. В условиях феодальной Кабарды каждая крестьянская семья должна была нести и барщину для владельца селения. Кроме того, владелец мог взять кого-либо из подвластных ему семей к себе для домашних услуг на длительное время. Если у хозяина не было рабов (уланов) для домашних услуг, то женщины-крестьянки поочередно несли эту работу. Вызвать человека из большой семьи, естественно, было легче, чем из малой, индивидуальной. Кабардинцы сеяли просо, ячмень, пшеницу и употребляли для вспашки тяжелые деревянные плуги сложного устройства, близкий к тяжелому плугу долиной Грузии и к украинскому плугу, в который запрягалось четыре пары быков. Такой плуг требовал для своего обслуживания нескольких человек (наличие сложного пахотного орудия указывает на длительный путь развития и, следовательно, на давность кабардинского земледелия). Деревянный плуг (пхъэ пхъэзэщэ) лет 50—60 назад был вытеснен железным плугом; число последних в каждом селении было, однако, весьма невелико. Члены большой семьи, на обязанности которых лежала пахота, вели эту работу не в одиночку. Наоборот, в процессе ее они объединялись в еще больший коллектив.

На пахоту выходили одновременно всем селением и до конца работы жили лагерем в степи. Пахота растягивалась иногда на большой срок, так что уйти домой можно было лишь после того, как будут обработаны поля всех жителей селения. Во главе производственной организации пахарей стоял тхъмадэ (старший) — лицо, выбранное всем коллективом пахарей и облеченное на период пахоты большой властью. Запряжка, требовавшая четырех пар быков и нескольких человек для ее обслуживания, в редких случаях могла быть составлена силами одной семьи. Частым явлением была супруга, объединявшая нескольких соседей или родичей. Несомненно, большая семья легче могла организовать собственную запряжку, ибо обладала большей экономической мощностью и большим числом рабочих рук. Сами кабардинцы увязывают величину семьи с производственным моментом — с земледелием. Так, фольклорный текст «Кабардинцы как жили» гласит: «Раньше кабардинцы семьи по четыре вместе были, семья каждая волов по четыре имела. Одну восьмерку волов запрягая, иногда восемь волов запрягши пахали»³.

Вторым и не менее важным занятием кабардинцев являлось скотоводство с отгонным стад на летние горные пастбища. Зимой скот держался на плоскости, при крупном хозяйстве — в отдельных кутанах, при мелком — на своем дворе. Кабардинцы разводили лошадей, крупный рогатый скот и овец. Каждый из этих видов скота был почти в каждом хозяйстве, ибо при полунатуральном хозяйстве кабардин-

² «Кабардинский фольклор», изд. «Academia», 1936, стр. 31.

³ Ученые записки Кабардинского научно-иссл. института, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 165.

дев семья только так могла обеспечить себя питанием, одеждой и тягловой силой. При пастбищном скотоводстве все указанные виды скота требуют раздельного содержания и особого ухода, а следовательно, большого количества людей, выделить которых большая семья могла легче, чем малая, индивидуальная. При отгоне на летние пастбища мелкого рогатого скота и лошадей имели место опять-таки производственные коллективы: например, мэлъхуэ-гуп — объединение пастухов овец. В этих случаях для совместного выпаса на определенных условиях объединялся скот нескольких хозяйств, члены которых в большинстве случаев и сами принимали участие в пастбе. Во главе объединения стоял лэгупэш — «старший котла».

Отметим, что в обоих случаях производственных объединений на (пахоте и во время пастбы) термин, обозначающий главу объединения, или буквально совпадает с наименованием главы большой семьи — тхьамадэ или весьма близок к последнему по смыслу: лэгупэш — «старший котла» (котел, как упомянуто, являлся символом большой семьи).

Обычно в большой семье выделялись несколько ее членов, специализировавшихся на скотоводстве. Они уходили на пастбища пастухами своего (а зачастую и чуждого) скота, отсутствуя несколько месяцев, но внося в семью и свой заработок.

Сенокос производился силами всех взрослых мужчин семьи. Нередки были случаи ухода на время сенокоса части мужчин на урысмакэ, т. е. «русское сено» — на работу к русским помещикам. Заработок отходника также должен был поступать в кассу семьи.

Женщина была почти полностью отстранена от земледелия (иногда принимала участие в уборке), сенокосения и, тем более, от пастбищного скотоводства. Все ее время уходило на домашнее хозяйство, обработку продуктов скотоводства (шерсти, овчины и частично кожи), изготовление одежды для членов семьи; для девушек и молодых к этому прибавлялось еще и рукоделие. Основным назначением женщины являлось продолжение рода.

Распределением работы среди женской половины семьи занималась свекровь — гуашэ, а после ее смерти жена старшего из братьев — унэфэцI, хотя бы она и не являлась старшей по возрасту. Работа распределялась или на долгий период, или каждое утро. При этом существовали определенные традиции. Дети обычно начинали работать довольно поздно. Девушки в семье занимались уборкой, стиркой и главным образом шитьем и вышиванием. Принимали они и некоторое участие в полевых работах (уборка). Невестки несли основную трудовую нагрузку. Но первые год — два молодая жена (нысашIэ) очень мало участвовала в общей работе семьи, так как она почти не выходила из своего помещения — лагьунэ. Приобщение ее к труду семьи происходило постепенно. Через некоторое время после свадьбы совершался ряд обрядов; важнейшим из них было унэишэ — введение молодой в унэшхуэ, помещение для родителей, святое святых большой семьи; этот обряд совершался через неделю после свадьбы. Молодую, закрытую покрывалом, сопровождали женщины. При вводе молодой в дом она становилась на шкуру барана, посланную у порога, ее осыпали орехами и сладостями, и свекровь угощала ее маслом с медом — все это служило пожеланием счастливой жизни, богатства и плодородия. Затем одна из родственниц мужа поднимала покрывало, и все приветствовали молодую. В унэшхуэ в это время присутствовала только женская часть родни мужа, во главе с гуашэ. Таким образом, этот обряд носит характер введения молодой в семью и установления определенных отношений с гуашэ.

После обряда введения в дом молодая может выходить из своей комнаты лагьунэ и входить в унэшхуэ; постепенно она начинает работать под руководством свекрови.

У осетин этот обряд сохранил более древние черты. Невесту обводили вокруг очага, и она касалась рукой очажной цепи, причем на нее призывали благословение покровителя дома и желали ей плодородия. После этого она мазала салом обувь свекрови в знак повиновения и уважения.

Упомянем также о кабардинском обряде мастаншэ (от слова мастэ — игла), состоящем в следующем: через 8 дней к нысашIэ в лагьунэ приходила родственница мужа и приносила с собой новую иголку, кусок красного шелка, шелковую нитку, угощение и сласти. В ее присутствии нысашIэ трижды прошивала шелк иголкой и отдавала его обратно девушкам, те делили шелк между собой. После этого нысашIэ получала право заниматься шитьем. Через год совершался обряд псыхэ — первый выход по воду. Парни и девушки с гармонией сопровождали нысашIэ, которая несла с собой платочки, учкуры, мыло и т. п. и дарила их встречным. Девушки набирали воды в котел, нысашIэ несла его с одной из девушек на палке. Все встречные старались разлить воду, бросать в нее грязь, чтобы заставить молодую вернуться за водой. Так делалось трижды; наконец, она благополучно доносила воду до гуашэ.

Эти обряды имели, помимо других сторон, элемент испытания пригодности невестки к работе и приобщения ее к общему труду семьи. В обязанности младших невесток входило ношение воды, уход за скотом (за той его частью, которая не угонялась на пастбище), а готовили пищу старшие снохи. Существует пословица: «Что пожилым сказано — выполняй, что молодым приготовлено — кушай». Распоряжалась приготовлением пищи гуашэ, она же выдавала продукты, хранившиеся в кладовой — лагьунэ цыкIу. Туда имела право заходить только гуашэ.

Интересно отметить, что в хозяйстве феодала хранение ключей и приготовление пищи лежало на обязанности рабыни — унаутки, которая носила название «цыклу», т. е. «маленькая сноха», хотя, она и не была ею. Одновременно с функцией приготовления пищи на рабыню перешел и термин.

Коллективное производство сопровождалось и коллективным распределением соответствующей организацией всего быта. Сообща строился большой длинный дом — унэ. Комната, в которой жили родители, — унэшхуэ («большой дом») была обычно просторной. Это было место, где готовилась пища (если не было отдельной кухни — шэфлэпэ). В унэшхуэ собирались для еды мужчины, там же ели и женщины (в семье) тхъамадэ. После еды мужчины уходили, и тогда ела гуашэ, а женщины и, наконец, дети.

Пищу, приготовленную невестками, приносили гуашэ, а последняя распределяла ее между всеми. Тхъамадэ подавал еду слуга, а если его не было, то это делал младший из сыновей или дочь.

В унэшхуэ ночевали родители, а также неженатые сыновья и дочери. И рядом с унэшхуэ была специальная комната для девушек — хыджебзунэ, вход в которую был через унэшхуэ. При наличии в доме хыэцлэш — кунацкой неженатые сыновья уходили ночевать туда. К унэшхуэ примыкали лагъунэ — помещения для отделившихся брачных пар, пристраивавшиеся позднее по мере женитьбы сыновей. Днем в лагъунэ находились только женщины, мужчины приходили туда лишь вечером. Каждая лагъунэ имела отдельный выход во двор. Проходных комнат не было. Количество лагъунэ определялось числом неженатых пар. Бывали дома, в которых было 5—7 и более лагъунэ.

Места в унэшхуэ распределялись определенным образом. Почетное место за столом носило название жъантлэ. Там сидел тхъамадэ, туда же сажали почетных гостей. В присутствии отца сыновья не сидели и находились во второй половине, у дверей. Невестки вообще не имели права заходить на жъантлэ, кроме как для уборки с собой там кровати гуашэ. На кровати гуашэ не мог сидеть никто, кроме нее самой. Напротив очага ставился деревянный диван — шэнтжъей. Это место мужчин, и женщины сидеть на нем не полагалось.

Общность потребления выражалась не только в еде из общего котла. Одежда вся семья снабжалась также из общего источника и распорядителем являлась мать — гуашэ. Она распределяла шерсть с овец поровну между всеми невестками, а последние готовили одежду для себя, своих мужей и детей. Если при этом у кого-нибудь оставалась шерсть, то она могла распорядиться ею по своему усмотрению. Моя информаторша сочла необходимым подчеркнуть, что это разрешалось только потому, что «шерсть уже была разделена поровну». Если что-либо из одежды порвалось (в городе или у бродячих торговцев), то всегда покупали поровну и одновременно, обычно осенью. При этом не принималось во внимание то, что у одного члена семьи одежда еще цела, а у другого уже износилась. Часто при этой «уравновешенности» не принималось во внимание и возраст детей и на грудного ребенка давали столько же, сколько на подростка. Такой же уравнительный подход распространялся и на подарки. Если при поездке в город покупался подарок, то воля гуашэ диктовала, кому он будет вручен. Таковы были строгие правила семейного коллективизма.

Из общего имущества семьи выделялась, однако, одна часть, над которой не имели власти ни старший в доме, ни князь-владелец, — это часть скота, которую приносила с собой невестка из дома родителей, а также приплод от него.

Роль женщины, вернее, только старшей женщины — гуашэ, в семье была, мы видели, весьма велика. Она в ряде случаев, являлась советчицей мужа. Если в семье умирал и нераздельная семья состояла из братьев и жила под руководством старшего брата, этот последний во всех серьезных случаях должен был с нею советоваться.

При женитьбе одного из братьев калым выплачивался из общего хозяйства распоряжению старшего. При выдаче девушек замуж калым вручался старшему употреблялся на покупку одежды и домашних вещей для невесты. Если один из сыновей умирал, то его вдова, если была бездетна, по большей части уходила к своим родным. При наличии детей она при уходе к родителям оставляла их с матерью мужа. Весьма часто прибегали к хыхъэж (левирату), при котором вдова умершего выходила замуж за его холостого брата.

Разбор семейных ссор лежал на старшем — тхъамадэ. Иногда для этого приглашались и старики-соседи. В случае неповиновения тхъамадэ имел право выгнать сына из дома «без копеек с одной палкой», по выражению одного из моих информаторов. Право наказания и поощрения имел в семье только старший (тхъамадэ или гуашэ). В присутствии старших отец и мать не имели права ни наказывать, ни приласкать своего ребенка. Вообще в отношениях к детям соблюдалась сдержанность. Младшие, как в семье, так и при всяком общественном собрании должны были соблюдать чуждость к старшим, выражавшуюся, в частности, в том, что младший при сидении не мог сидеть, не мог заговорить первым и т. п.

Во время экспедиционных работ 1947 г. произошел следующий случай. Фольклорист экспедиции (кабардинец) записывал материалы от одного старика, которому было свыше 100 лет. Во время записи в комнату вошел другой глубокий старик, не смотря на наличие в комнате свободных стульев, не сел, а остался стоять у пор

Когда участник экспедиции предложил ему сесть, он ответил: «Это мой отец». При этом он не мог сидеть, хотя ему самому было свыше 80 лет.

После смерти отца братья могли разделиться, но только при согласии большинства из них. При разделе имущество делили поровну. Так же делились и жилые постройки. Если кому-либо нехватало готовой постройки, то его долю выдавали деньгами. Унэшхуэ доставался обычно тому, кто дольше других жил с родителями — младшему. Старшему сыну при дележе выделяли сверх равной с другими доли — лошадь со сбруей и седлом и оружие. Если младший брат еще не был женат, то ему выделялась дополнительная часть имущества на уплату калыма.

Выводы

Все сказанное позволяет утверждать, что патриархальная семейная община — «большая семья», описанная М. М. Ковалевским для осетин и других народов Кавказа, имела место и у кабардинцев.

Большая семья у кабардинцев сохранилась вплоть до конца XIX в. Ярче всего она была выражена у крестьян, где являлась хозяйственной единицей. Среди крупных феодалов (пшэ) существовал обратный обычай обязательного раздела. Сыновья пшэ не только воспитывались вне родной семьи (аталычество), но и по возмужании и возвращении домой не жили вместе с отцом. Наоборот, они старались организовать собственное феодальное хозяйство. Рабы не имели права на законную семью.

Сохранение большой семьи в течение столь долгого периода объясняется: а) общей отсталостью экономического развития, полунатуральным характером хозяйства; б) спецификой хозяйства, сочетающего в себе оседлое земледелие с кочевым скотоводством и домашним ремеслом; в) необходимостью сохранения большей экономической мощности семьи для ведения хозяйства и обеспечения большей жизнеспособности и силы, столь нужных в обстановке постоянных междоусобий; г) искусственным препятствием разделу семьи (чтобы предотвратить ее экономическое ослабление) со стороны князей-владельцев, требовавших от семьи при разделе пару быков.

Большая семья сосуществовала с сельской общиной, являясь ее составной частью, что особенно ярко выражалось в производственной деятельности.

Разложение большой семьи в конце XIX в. шло параллельно с ростом капиталистических отношений, развитием частной собственности, ростом ремесла и торговли.

Обычай, создавшийся во время господства большой семьи, в некоторых случаях вклиниваются остатком прошлого и в советскую семью.

Так, в одном из кабардинских селений, в семье нераздельно живущих мужа с женой и двух вдов умерших братьев мужа с их детьми (что, конечно, не является «большой семьей»), мы все же наблюдали не только единое хозяйство, но и тот же принцип уравнивания подарков и т. п. Мануфактура, привозимая мужем из города, делилась поровну между двумя вдовами и женой, причем разделом ведала вдова старшего брата, а не жена единственного кормильца семьи.

Сохраняются еще и разделение труда внутри семьи, и обычай раздельной еды, и распределение мест в жилище. Однако новый колхозный быт отразился прежде всего на положении женщины, уничтожив ее замкнутость и оторванность от общественной жизни. Новое, внесенное Великой Октябрьской социалистической революцией и коллективизацией, успешно борется со старым.

Х Р О Н И К

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1949 г.

Работа Института в 1949 г. была подчинена задаче закрепления и дальнейшего развития того поворота этнографической науки в сторону изучения современного, который наметился уже в предыдущие годы. Поэтому основное внимание научного коллектива Института было направлено на изучение таких актуальных проблем советской этнографической науки, как социалистическая реконструкция культуры и быта народов Советского Союза, современное положение зарубежных народов, в первую очередь — народов колониальных и зависимых стран, углубленная разработка теоретических основ советской этнографии, фольклористики, антропологии, критика буржуазной этнографии.

В 1949 г. представлены к изданию томы «Народы Африки» и «Народы Австралии и Океании» подготовляемого Институтым многотомного труда «Народы мира». В томе «Народы Африки» (объем 60 п. л.) на большом историческом и этнографическом материале разоблачается несостоятельность буржуазных теорий об извечной отсталости народов Африки и убедительно доказывается, что единственной причиной этой отсталости являются пять столетий их порабощения, торговли африканскими рабами и империалистического колониального гнета. В этом томе впервые освещается история Африки как история самих африканских народов, развивающих свою собственную культуру, создающих свои государства, борющихся против империалистического господства за восстановление утраченной независимости.

Том «Австралия и Океания» (объем — 60 авт. л.) также содержит обширные материалы новейших исследований, обобщенные на основе марксистско-ленинской теории. Авторами показаны изменения в жизни народов Океании, вызванные колонизацией и длительным периодом империалистического гнета, приводящего иногда к физическому уничтожению целых народов (тасманийцы); наряду с этим освещается борьба народов Океании против империализма как составная часть борьбы сил демократии и социализма во главе с СССР против империалистической реакции.

В связи с подготовкой этих и других томов издания «Народы мира» Институт провел в феврале 1949 г. научную сессию, на которой были заслушаны и обсуждены 11 докладов, посвященных этнографии народов колониальных стран, в том числе И. И. Потехина — «Обострение кризиса колониальной системы империализма в условиях советской этнографии», Д. А. Ольдерогге — «Хамитская проблема в африканистике», С. А. Токарева — «Проблема изучения современного положения народов Океании», Л. Э. Каруновской — «Индонезийский народ в его борьбе за независимость», И. А. Золотаревской — «Современное положение индейцев в США», Г. Г. Тановича — «Экономическое и культурное строительство демократических республик Китая» и др.¹

Еще в 1948 г. Институтым было начато планомерное исследование социалистической культуры и быта народов СССР; в план всех экспедиций Института в качестве особой темы было включено монографическое изучение отдельных колхозов и районов. На сессии Ученого совета Института в марте 1949 г. были заслушаны и обсуждены результаты этих исследований; доклады переработаны в течение года в статьи, частично уже опубликованные²; большинство экспедиций продолжало в 1949 г. планомерное изучение быта тех же колхозов и районов; дополненные и снабженные

¹ Указанные доклады полностью или в сокращенном виде опубликованы в «Научных сообщениях» Института этнографии, вып. VII, М., 1949.

² Т. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула, «Советская этнография», 1949, № 2; В. Ю. Крупянская и Л. А. Старцева. Фольклор колхозной станицы, «Советская этнография», 1949, № 3; Л. Ф. Моногарова, Язгу. Западного Памира, там же; Б. О. Долгих, Колхоз им. Кирова Таймырско-

шим количеством иллюстраций статьи составят сборник «Культура и быт колхозов народов СССР», намеченный Институтом к сдаче в печать в 1950 году.

Направленность работ экспедиций в сторону изучения современности поставила перед исследователями ряд новых актуальных проблем; одной из них является изучение процесса национальной консолидации у тех народов СССР, которые в прошлом представляли собой отдельные разобщенные этнические группы, а в условиях социалистического строительства консолидировались или консолидируются в социалистические нации. Материалы по этой теме частично уже собирались в 1949 г. Дагестанской и Алтае-Саянской экспедициями; в начале 1950 г. проблема изучения процесса консолидации социалистических наций будет поставлена в качестве особой темы на обсуждение очередной отчетной экспедиционной сессии Ученого совета Института, которая подведет итоги полевых исследований 10 этнографических и комплексных экспедиций, работавших в 1949 г. в различных районах Советского Союза, в том числе в 6 союзных и 2 автономных республиках³.

Значительное место в работе Института в 1949 г. заняла разработка теоретических вопросов этнографии, фольклористики и антропологии. Подготовлен в авторской части сборник «Кризис буржуазной этнографии», содержащий ряд статей, в которых дана развернутая критика методологических основ реакционных зарубежных этнографических «школ» — функционализма (Англия), психорасизма (США) и других.

В декабре 1949 г. в Институте состоялась сессия Ученого совета, обсуждавшая статьи для теоретического сборника «Проблемы истории родового общества»; первая часть этого сборника, намеченного к изданию в 1950 г., посвящена вопросам происхождения родовой организации и переходу от матриархата к патриархату; вторая часть характеризует последние этапы родового общества — патриархально-родовой строй и военную демократию, а также дальнейшие судьбы родовой организации — формы и традиции общинно-родового уклада у разных народов в условиях развития феодальных и капиталистических отношений⁴. В сборнике участвуют 18 авторов — сотрудников Института.

В области фольклора также проведена значительная теоретическая работа, концентрировавшаяся около двух основных проблем: «Фольклор первобытных народов (Происхождение фольклора)» и «Русский фольклор как источник для изучения народного мировоззрения». Обе темы представляют собой коллективные исследования, над которыми работа начата лишь в 1948 г. В декабре 1949 г. в Институте состоялось совещание с участием Института философии АН СССР, посвященное обсуждению подготовленных статей по вопросам происхождения фольклора, изобразительного искусства и музыки, а также критическому разбору буржуазных теорий происхождения искусства⁵. Кроме того, в области фольклора в 1949 г. Институтом подготовлен в авторской части сборник исследований «Советский фольклор», содержащий статьи, анализирующие основные этапы в развитии советского фольклора и следующие судьбы фольклора Великой отечественной войны в послевоенные годы — его место и роль в современном народном поэтическом творчестве. Проф. Е. В. Гяппиус продолжал разрабатывать тему из области музыкального фольклора «Многоголосый строй русской народной песни»; это исследование, представляющее собой теоретический труд, посвященный русскому народному хоровому многоголосью и его местным стилям, намечено в дальнейшем к оформлению в виде отдельной монографии.

Антропологами Института проведена работа по завершению обширного коллективного палеоантропологического труда «Проблемы происхождения «Homo sapiens» и заселения эйкумены», в котором особый интерес представляет исследование древнейших переселений человеческих групп на территории Европы, Юго-восточной Азии, Австралии и Океании, Африки, Америки, Индии, Передней и Северной Азии.

К циклу работ, связанных с проблемой «Изучение этнического состава мира», следует отнести подготовку двух этнографических атласов (Западной Европы и Северной Азии), а также составление аннотированного «Списка народов СССР», начатое специальной комиссией, в состав которой вошли ведущие специалисты Института.

В области этногеографии продолжалась работа над трудом «Методология этногеографических исследований» (руководитель — П. И. Кушнер), для которого написана глава «Методы этнографического картографирования» и выполнен ряд опытных этнографических карт, составленных по разным методам (метод этнических территорий, метод плотности и др.). Экспедиция, проведенная под руководством П. И. Кушнера в Ростовской области в связи с указанным исследованием, изучала вопрос определения национального состава населения в полосе этнической границы (в данном случае между русским и украинским населением).

Значительное внимание уделялось Институтом исследованиям в области истории этнографической науки: сданы в производство два тома пятитомного академического

ционального округа, «Советская этнография», 1949, № 4; И. Ф. Симоненко, Колхозное строительство в Закарпатской области, там же; С. М. Абрамзон, В киргизских колхозах Тянь-Шаня, там же.

³ Об экспедициях Института см. заметку М. Г. Левина в настоящем номере журнала.

⁴ Отчет о сессии см. в настоящем номере журнала.

⁵ Отчет о совещании публикуется в настоящем номере журнала.

издания трудов Н. Н. Миклухо-Маклая, печатается подготовленное в 1949 г. из издание труда Н. Я. Бичурина (Иакинфа) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»; ряд статей по истории этнографии, антропологии и фольклористики опубликован в журнале «Советская этнография».

В 1949 г. было проведено 28 заседаний Ученого совета Института, на которых обсуждались научные доклады, научно-организационные вопросы, представлялись к печати труды сотрудников Института и осуществлялась защита диссертаций. В сколько заседаний Ученого совета было посвящено обсуждению идейно-политического уровня современной этнографической науки, критическому просмотру этнографических исследований, выявлению тех пережитков буржуазного объективизма и космополитизма, которые нашли отражение в ряде работ этнографов и фольклористов нашей страны.

Развернутой критике подверглись работы бывших сотрудников Института чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленина и проф. П. Г. Богатырева, а также работы фольклору профессора Ленинградского университета Проппа и деятельность кафедр этнографии Ленинградского государственного университета.

Кроме уже упоминавшихся выше научных сессий и совещаний Института этнографии, состоявшихся в 1949 г. в Москве и Ленинграде, Институт участвовал в работе сессии, посвященной вопросам этнографии Кавказа, происходившей в ноябре 1949 г. в Тбилиси, в Академии Наук Грузинской ССР. На этой сессии в числе других были заслушаны доклады сотрудников Кавказского сектора Института этнографии: проф. М. О. Косвена — «Проблема патронимии и структура рода», кандидата исторических наук Л. И. Лаврова — «Расселение сванов на Северном Кавказе в XIX в.» и «Советская культура и быт лаков» и кандидата исторических наук З. А. Никольской — «Этнографическое описание даргинского колхоза».

В 1949 г. вышел из печати ряд изданий Института этнографии, в том числе 4 номера журнала «Советская этнография» общим объемом 60 п. л., 3 сборника Музея антропологии и этнографии (тт. X, XI, XII), содержащих публикации ценных коллекций Музея и основанных на этих коллекциях исследований. Из статьи XI тома этого сборника следует особо отметить работу безвременно погибшего молодого советского ученого Б. Г. Кудрявцева «Письменность острова Пасхи», в которой автор впервые дал параллельную расшифровку идеографического письма туземцев этого острова.

Вышли в свет 4 выпуска «Кратких сообщений Института этнографии» (VI, VII и VIII), имеющих целью ознакомление советской научной общественности с проводящимися Институтом теоретическими, экспедиционными и другими исследованиями в области этнографии, антропологии и фольклора.

В серии «Трудов» Института изданы две монографии: Т. А. Трофимовой «Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии» (Труды Института этнографии, т. VII) и Е. М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура» (там же, т. VIII). Первая из этих монографий ставит своей задачей решение этногенетических вопросов на основе исследования антропологических материалов, в значительной части собранных лично автором в течение многолетних экспедиционных работ, а также имеющихся музейных коллекций и литературных источников. Широко привлекая и данные этнографии, археологии и лингвистики, автор дает развернутую картину формирования татар Среднего Поволжья. Выводы автора направлены против расистских и пантюркистских концепций, имеющих хождение в зарубежной литературе⁶. Книга Е. М. Шиллинга является результатом пятнадцатилетних полевых исследований автора и детального изучения хранящихся в различных музеях образцов материальной культуры кубачинцев. Книга посвящена этнографическому описанию этой маленькой народности, обитающей в одном из горных аулов Дагестана и пользующейся широкой известностью благодаря своему замечательному искусству в области художественной обработки металла (чеканка по золоту, серебру и т. д.).

Наконец, в числе публикаций Института следует отметить брошюру В. Ю. Кривянской «Фольклор Великой Отечественной войны (Задачи и методы собирания)» (Изд. АН СССР, М., 1949), представляющую собой методическое пособие по собиранию фольклора Великой Отечественной войны; брошюра эта всем тиражом разослана бесплатно на места различным заинтересованным учреждениям и лицам.

В 1949 г. сданы в печать 4 тома «Трудов Института этнографии», содержащих монографии: Т. А. Жданко — «Очерки исторической этнографии каракалпакского народа», В. Н. Белицер — «Народная одежда удмуртов. Материал к этногенезу», Г. С. Магловой — «Народный орнамент верхневолжских карел», С. Р. Смирнова — «Восстание махдистов в Судане». Сданы в печать также 3 выпуска «Кратких сообщений Института этнографии» (IX, X и XI), из которых первый содержит материалы происхождения и развития этнографии в Институте в апреле 1949 г. совещания по антропогенезу, а два остальных — материалы, связанные с экспедиционными исследованиями 1948 и 1949 гг., и рефераты прочитанных в Институте теоретических докладов и защищенных диссертаций.

⁶ Рецензию А. П. Смирнова на книгу Т. А. Трофимовой см. «Советская этнография», 1950, № 1.

Число аспирантов и докторантов Института этнографии в 1949 г. достигало 37, в том числе 24 человека находились в основной аспирантуре, 2 — в аспирантуре без отрыва от производства и 11 — прикомандированы к Институту академиями наук союзных республик и филиалами АН СССР (из Туркмении, Казахстана, Узбекистана, Каракалпакии, Таджикистана, Дагестана и Адыгейской Автономной области).

В 1949 г. защитили кандидатские диссертации аспиранты Института: И. С. Гурвич на тему «Оленекские и анабарские якуты», М. М. Ихиллов — «Горские евреи (Опыт этнографического исследования)», а также научн. сотр. Государственного Музея этнографии народов СССР М. А. Каплан на тему «Основные жанры нанайского фольклора» и прикрепленная к Институту для защиты диссертации Р. С. Липец на тему «Былины у промыслового населения Русского Севера».

Большую политико-просветительную работу провел в 1949 г. Музей антропологии и этнографии в Ленинграде, где были открыты две новые экспозиции по народам Индии и народам Индонезии. Состоявшиеся научные и общественные просмотры отметили высокий уровень содержания и оформления новых экспозиций. Посещаемость Музея в 1949 г. достигла 65 000 человек⁷.

В течение всего года велись работы по пополнению Ломоносовского музея, находящегося при Музее антропологии и этнографии, а также по подготовке постоянной выставки материалов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.

Т. А. Жданко

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ В 1949 г.

В 1949 г. Институт этнографии осуществил ряд экспедиций и тематических командировок в различные районы нашей страны. Значительная часть их явилась продолжением экспедиционных исследований прошлых лет, проводимых Институтом в плане монографического изучения отдельных народов.

Обзор полевых исследований 1949 г. мы начнем со Средней Азии. Здесь продолжала свои работы Хорезмская экспедиция под руководством проф. С. П. Толстова, включавшая, как и в предыдущие годы, археологический и этнографические отряды. Основным объектом археологических работ в 1949 г. явился дворец шахов Хорезма III в. н. э. в мертвом городе Топрак-Кала, на западной окраине пустыни Кызыл-Кум. Раскопки этого памятника, проводимые экспедицией с 1945 г., озаменовались, как известно, блестящими открытиями. Напомним об открытии в 1948 г. архива хорезмийских документов III в. н. э. В 1949 г. раскопкам было подвергнуто около 40 помещений дворца. В юго-восточной части дворца обнаружена новая серия документов, в том числе 2 крупные доски, длиной одна 30 см, другая — 36 см. В одной из комнат открыт огромный глиняный сосуд со скоплением документов на коже. Общее количество документов, обнаруженных в дворцовом архиве в 1948 и 1949 гг., составляет не менее 150 единиц.

Раскопки 1949 г. дали большое количество бытовых предметов и украшений: пластины из вызолоченной бронзы, диски из листового золота, ожерелье из 300 разнообразных бус из стекла, пасты, янтаря, коралла, раковин каури, биркзы, золота и другие. Очень интересны вновь открытые памятники живописи и скульптуры — многочисленные фрески, орнаментальная роспись, фрагменты статуй.

Из раскопанных в 1949 г. помещений надо особо отметить большой зал, в который открывались двери внутренних покоев дворца. Стены этого зала были украшены круглыми, до 1 м в диаметре медальонами, углубленными в плоскость стен и расписанными орнаментальными мотивами. Такое архитектурное решение интерьера, отмечает проф. С. П. Толстов, не известное ни в западном, ни в восточном древнем искусстве, так же как и обнаруженные экспедицией во дворце памятники живописи и скульптуры, свидетельствуют о самостоятельности и своеобразии хорезмийского искусства.

Другим объектом раскопок экспедиции в 1949 г. явилось городище Алтын-Асар из комплекса памятников Джеты-Асар в северной части пустыни Кызыл-Кум (Каракумский район Казахской ССР). По заключению проф. С. П. Толстова, Джеты-Асар — памятники крупного племени тохаров, сыгравшего большую роль в политической истории Средней Азии II в. до н. э. — I в. н. э. Раскопки гробницы Алтын-Асар, вскрывшие площадь около 500 м², позволили установить весьма своеобразную спиральную планировку здания и дали многочисленные бытовые находки.

Примерно в 1 км от Алтын-Асара раскопан большой курган. Внутренние стены погребальной камеры круглой планировки были покрыты богатой орнаментальной росписью в красных и синих тонах. Хотя курган был ограблен еще в древности, в нем найден целый ряд предметов: бронзовые детали пояса, бронзовая человеческая фигушка, разнообразные сосуды и др.

⁷ О работе Музея антропологии и этнографии в 1949 г. см. дальше заметку Т. А. Кислякова.

Как и в предыдущие годы, параллельно с раскопками экспедицией велась тальная аэросъемка памятников.

Этнографические работы Хорезмской экспедиции проводились несколькими командами. Каракалпакский отряд под руководством Т. А. Жданко провел этнографскую разведку в Шаббазском и Турткульском районах, где собраны данные по специальному составу населения для составления этнографической карты района. Подробные этнографические материалы по отдельным группам каракалпаков, живущих здесь среди численно преобладающего узбекского и туркменского населения. Отрядом были специально обследованы колхозы: «Октябрь», где сохранилось население, являющееся потомками арабов, и «Янги-юль» — один из центров населения, происходящего от иранцев — рабов хивинского хана и его приближенных, владевших здесь до русского завоевания крупными поместьями. Арабское население оказало полностью ассимилированным с местными узбеками, иранцы же сохранили значительные этнические особенности, отличающие их быт от окрестного населения.

Центральной темой работы отряда явилось продолжение монографического описания колхоза им. Ахунбабаева, начатого в 1948 г.

В Ходжейлинском и Куйбышевском районах Каракалпаки собирались материалы для составления этнографической карты.

Сотрудниками отряда, аспирантами Института Рэмбетом Косбергеновым и Ырым Камаловым собраны материалы по советскому фольклору каракалпаков; будут использованы в сборнике «Каракалпакский фольклор», издание которого запланировано Институтом этнографии совместно с Институтом экономики и культуры Каракалпакской АССР.

Южноузбекский отряд экспедиции под руководством М. В. Сазоновой работал в Кош-Купырском и Ханкинском районах Хорезмской области УзССР. В задачи отряда входит всестороннее изучение культуры и быта узбеков Хорезма. В качестве объекта монографического описания был выбран еще в 1948 г. колхоз им. Сталина Кош-Купырского района. Изучение этого колхоза продолжалось и в 1949 г.

Южнотуркменский отряд Хорезмской экспедиции под руководством Г. П. Сильевой проводил изучение колхоза им. Кирова Бахарденского района Апшхабадской области.

Научный сотрудник Института Я. Р. Винников в течение 3-х месяцев работал в колхозах Марыйской области Туркменской ССР, собирая материалы по теме «Изменения в производственном и семейном быте туркмен-колхозников за время советской власти». Основным объектом изучения явился туркменский колхоз «Зарпчи» Марыйского района.

Казахстанская экспедиция Института этнографии (начальник экспедиции О. А. Корбе) имела своей задачей изучение современной культуры и быта казахского колхозного аула¹. В качестве основных объектов изучения были выбраны, в согласовании с руководящими организациями республики, колхоз имени Сталина в горном Кегенском районе Алма-Атинской области (в 250 км от ж. д. станции и г. Алма-Ата) и колхоз «Белбасар» в степном Чуйском районе Джамбулской области. В работах экспедиции приняли участие сотрудники сектора этнографии Института истории АН КазССР и Центрального государственного музея КазССР. Из собранных экспедицией обширных материалов надо особо отметить материалы по современному народному декоративному искусству.

В 1949 г. продолжала свои многолетние исследования Дагестанская экспедиция Института. Первый отряд экспедиции под руководством З. А. Никольской проводил изучение даргинцев. Собраны обширные материалы, характеризующие современную экономику, социалистическую культуру и быт, новую социалистическую семью. Заслуживают внимания биографии нескольких поколений ряда колхозных семей, позволяющие наглядно проследить изменения семейного быта в связи с изменением социально-экономических условий жизни народов Дагестана. Монографическое описание велось в колхозе «Красный Партизан» Акушинского района. Особое внимание было уделено изучению процессов национальной консолидации народностей Дагестана, в частности, консолидации кубачинцев, даргинцев, кайтаков в даргинскую группу.

Второй отряд Дагестанской экспедиции под руководством Л. И. Лаврова работал среди лаков, имея своей центральной темой изучение современного быта лакской народности.

В Ростовской области под руководством П. И. Кушнера работала этнографическая экспедиция, имевшая своей специальной задачей изучение методов определения национального состава населения в районах этнической границы.

Продолжала свои исследования Северо-великорусская экспедиция Института под руководством Г. С. Масловой, начавшая свои работы в 1948 г. в бассейне р. Онега. В 1949 г. работы велись в западной части Архангельской области и в юго-восточной части Карело-Финской ССР. Основными объектами монографического описания были выбраны колхоз им. Ленина Федовского сельсовета, где проводилась стационарная работа, являвшаяся продолжением работы 1948 г., и колхоз «Красное Озеро» Архангельского сельсовета. Экспедицией собраны обширные материалы по хозяйству,

¹ См. О. А. Корбе. Программа этнографического изучения казахского колхозного аула, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. VI, 1949.

анизации труда, производственному и семейному быту, современному фольклору. Собраны также данные по дореволюционному прошлому селений, вошедших в колхозы, по общинным порядкам, классовому расслоению, быту дореволюционной деревни. Подробно изучалась история создания и развития колхозов. Участником экспедиции студентом Кафедры этнографии Московского университета Л. П. Лащуком собраны этнографические материалы по вепсам Шелтозерского района Карело-Финской ССР.

Работы Сталинградской фольклорной экспедиции под руководством В. Ю. Крупянской явились продолжением исследований, начатых в 1948 г. в колхозах Ново-Анненского района Сталинградской области². Основной задачей экспедиции было изучение новых форм труда и быта, определяющих формирование нового мировоззрения, а следовательно, и тех качественно новых явлений, которые имеют место в народном поэтическом творчестве.

В Эстонской ССР работала экспедиция под общим руководством Н. Н. Чебоксарова (начальник экспедиции В. Н. Белицер). Этнографические работы в Эстонии в 1949 г. имели реконтосцировочный характер. Основной темой было изучение колхозного строительства и перестройки хозяйства и быта эстонского крестьянства на данном этапе социалистического строительства в Эстонии. Для более детального изучения экспедицией были взяты колхозы южного уезда Вирума, а также колхоз «Оду» в уезде Лаанемаа (западная часть Эстонии). Собраны обширные материалы по хозяйству и быту эстонского крестьянства в прошлом и настоящем.

Переходим к экспедиционным работам в Сибири. Научный сотрудник Северо-восточной экспедиции Института В. Г. Кузнецова с июля 1948 г. работает среди племенных чукчей бассейна р. Амгуэмы. В. В. Храмова продолжала в 1949 г. этнографическое изучение сибирских татар. Ею были обследованы группы тюменских татар и бухарцев в Тюменском районе, тобольских татар в Тобольском районе Тюменской области и барабинских татар в Барабинском и Куйбышевском районах Новосибирской области. Собранные материалы существенно пополняют наши сведения об этих группах, в этнографическом отношении почти совершенно не изученных.

В 1949 г. начала свои исследования Алтае-Саянская экспедиция Института под руководством Л. П. Потапова. Работы велись в Горно-Алтайской, Хакасской и Тувинской автономных областях и были центрированы вокруг основной темы — изучения социалистической культуры и быта. Специальное внимание было уделено изучению процессов национальной консолидации среди алтайцев и хакасов, в недавнем прошлом представлявших собою отдельные племенные группы. Работы Алтае-Саянской экспедиции будут более широко развернуты в 1950 г.

Материалы, собранные экспедициями Института этнографии в 1948 и 1949 гг., лягут в основу подготавливаемого Институтом к печати сборника «Культура и быт колхозного крестьянства народов СССР».

Помимо указанных выше экспедиционных работ, Институт осуществил ряд тематических командировок аспирантов в различные районы страны для сбора материалов по диссертационным темам. Ю. В. Иванова продолжала изучение группы албанского населения в Приазовском районе Запорожской области, Б. А. Калоев — изучение группы осетин Моздокского района Северо-Осетинской АССР, которые, начиная со второй половины XVIII в. вплоть до начала XX в., переселялись сюда из разных районов горной Осетии и сохранили в культуре и быте ряд особенностей. О. А. Ганская собрала материал по культуре и быту белорусов-колхозников Бобруйского района БССР. Л. Х. Акаба вела работу в Очемчирском районе Абхазской ССР. Л. Н. Терентьева приняла участие в этнографической экспедиции Академии Наук Латвийской ССР, Г. И. Говина — в экспедиции Академии Наук Литовской ССР, собирая материалы для своих диссертаций.

Отметим в заключение, что Институт принял участие в работах Монгольской экспедиции, работавшей под руководством проф. С. В. Киселева. Старш. научный сотрудник Института этнографии К. В. Вяткина руководила, как и в 1948 г., работами этнографического отряда экспедиции.

М. Г. Левин

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1949 г.

Одним из основных мероприятий Музея антропологии и этнографии АН СССР в 1949 г. явилось создание ряда экспозиций и выставок. Экспозиции отделов Индии и Индонезии, расположенные в 10-м и 11-м залах Музея, были осуществлены к его открытию после летнего перерыва — 1 сентября. Цель обеих экспозиций — показ посетителям культуры и быта населяющих эти страны народов, ознакомление с их исто-

² См. В. Ю. Крупянская и Л. А. Старцева, Фольклор колхозной станицы, «Советская этнография», 1949, № 3.

рическими судьбами и героической борьбой против колонизаторов за свободу и независимость. Новые экспозиции разоблачают империалистическую ложь, что народы Индии и Индонезии — народы «дикие», малокультурные, нуждающиеся в опеке со стороны голландских, английских и американских империалистов.

Экспозиция Индии занимает две трети 10-го зала. Построена она по принципу показа отдельных отраслей хозяйства и других сторон культуры и быта всей Индии. Заключительный раздел экспозиции характеризует основные этапы национально-освободительного движения. Здесь показаны завоевания и ограбления Индии английской буржуазией, подъем индийского национально-освободительного движения в результате Октябрьской революции в России, новый его подъем после второй мировой войны, связанный с ведущей ролью Советского Союза в борьбе за демократическое переустройство мира. Показаны раздел Индии на два доминиона, осуществленный британскими империалистами в союзе с национальной реакционной буржуазией, предавшие интересы своего народа, а также революционные события последних лет, в частности восстание в Хайдер-абаде.

В отделе Индии представлено свыше 600 экспонатов, около 100 фотографий и рисунков, 10 карт и диаграмм, 4 манекена, а также макеты. Экспозицией руководил М. К. Кудрявцев.

Экспозиция Индонезии занимает остальную треть 10-го зала и весь 11-й зал (ротонду). Эта экспозиция построена по принципу показа отдельных народов Индонезии — минангабау и батаков Суматры, яванцев, даяков Борнео, тораджей Целебеса и альфуров Молуккских островов; она знакомит с историей этих народов, их порабощением, их хозяйством и культурой, классовым расслоением и системой угнетения, введенной голландскими колонизаторами. Заключительная часть выставки посвящена национально-освободительной борьбе за свою независимость народов Индонезии и в первую очередь — явинского народа.

В экспозиции отдела Индонезии представлено свыше 1000 экспонатов, 150 фотографий и рисунков, 16 карт и схем, 8 манекенов и 3 макета. Экспозицией руководил Л. Э. Каруновская.

Открытие новых экспозиций потребовало от Музея подготовки для них экскурсоводов. Было проведено 5 специальных занятий для экскурсоводов по выставкам Индии и Индонезии.

Проводились также работы по подготовке экспозиции отдела Передней и Средней Азии. Были разработаны планы экспозиции, составлены карты, диаграммы, а также подобраны тексты, фотоснимки и заказаны манекены, произведено предварительное монтирование экспонатов. Окончание экспозиции и ее открытие намечены на 1950 г. Экспозицией руководит старший научный сотрудник Н. А. Кисляков.

Экспозиция археологических памятников, добытых из раскопок в Хорезме экспедицией С. П. Толстова, развешивается в 13-м и 14-м залах Музея. Проведена большая работа по реставрации памятников, подготовке музейной мебели в залах, основные экспозиционные комплексы смонтированы и водворены на место; изготовлен большой макет реконструкции древней крепости Топрак-Кала, подготовлены фрески и художественные копии с них. Окончательная монтировка выставки и открытие намечены на начало 1950 г. Руководитель экспозиции — проф. С. П. Толстов.

В отчетном году произведена также реэкспозиция заключительной части экспозиции отдела Африки, посвященная вопросам колониальной политики, а также борьбы народов Африки за свое освобождение. Реэкспозиция вызывалась тем, что выставленный ранее материал в значительной части устарел и требовалось пополнить его новыми данными, характеризующими нынешнее положение в Африке. Изготовлены новые карты, планшеты с новыми фотографиями, тексты с революционными воззваниями, составлены новые экспликации, переделана серия рисунков. Руководитель работы — проф. Д. А. Ольдерогге.

Произведена реэкспозиция щита «Происхождение человека»; щит пополнен новыми рисунками, фотографиями, текстами. Работой руководил проф. В. В. Гинзбург.

Летом текущего года по просьбе городских организаций в Центральном парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова была устроена временная (на три месяца) выставка «Происхождение человека, расы и расовая дискриминация», пользовавшаяся большим вниманием населения. Выставка знакомила посетителей с марксистской теорией происхождения человека и марксистским учением о расах, противопоставляя ее лженаучным «теориям», оправдывающим расовую дискриминацию и угнетение народов.

В отчетном году общая посещаемость Музея достигла солидной цифры: в 69 тысяч человек (против 53 тыс. в 1948 г.), помимо того, упомянутую выше выставку Музей в ЦПКО посетила за 3 месяца 81 тысяча человек.

Помимо одиночных посещений, посетители осматривали Музей организованным порядком с экскурсоводами. В Музее, помимо сквозных или так называемых «обзорных» экскурсий, проводились многочисленные тематические экскурсии.

Музей вел работу и со школьниками. Было составлено новое методическое пособие по первобытному обществу для восьмых классов средней школы и проведена показательная экскурсия с педагогами, после чего были проведены 52 экскурсии со школьниками.

В 1949 г. продолжалась работа по переучету коллекций отделов Музея. Закончена работа по переучету коллекций отдела Сибири, продолжались работы по отделу

археологии и были начаты работы по отделу Северной Америки. В настоящее время 9 отделов Музея из 12 закончили переучет своих коллекций.

Отделами Музея проводилась также работа по оформлению и регистрации новых коллекционных поступлений последних лет. В отчетном году было зарегистрировано 76 таких коллекций.

В 1949 г. в Музей поступило 10 этнографических коллекций (206 предметов), среди них русский национальный костюм, ульчский национальный костюм, полученная Музеем в дар коллекция бытовых предметов народов Индии, три коллекции предметов быта энциев, ингансан и кетов, рисунки нанайцев и некоторые другие. Музеем получено также 9 коллекций с палеоантропологическим материалом из раскопок в Средней Азии и Сибири.

Наряду с указанными работами проводилась также и повседневная, более мелкая учетно-хранительская работа по перемещению коллекций в связи с экспозициями (фонды, стелы Индии, Индонезии, Средней Азии, Европы) и с оборудованием новых хранилищ (отдела археологии).

Н. А. Кисляков

СОВЕЩАНИЕ ПО ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

Согласно плану работ Академии Наук СССР, Институтом этнографии совместно с Советом по координации научной деятельности академий наук союзных республик было проведено с 27 марта по 1 апреля 1950 г. совещание по этнографии народов Советской Прибалтики. Основной задачей совещания являлось подведение итогов этнографических исследований по народам Прибалтики, осуществленных в 1945—1949 гг., и планирование дальнейших согласованных работ. В задачу совещания входило также обсуждение статей «Литовцы», «Латыши» и «Эстонцы» для подготавливаемого Институтом этнографии многотомного издания «Народы мира». К участию в совещании, представлявшем собой первую широкую встречу московских этнографов и этнографами Советской Прибалтики, были привлечены историки, этнографы, фольклористы и археологи из научно-исследовательских институтов, музеев и высших учебных заведений советских прибалтийских республик, ведущих этнографическую работу.

Совещанию предшествовала большая организационная работа. Для установления живой связи с научными учреждениями и предварительного ознакомления с состоянием этнографической работы во все три республики были командированы работники Института этнографии. Это способствовало в известной степени привлечению для участия в совещании широкого круга научно-исследовательских учреждений и подготовке докладов на разностороннюю тематику.

Приводим перечень заслушанных на совещании докладов: «Основные задачи и пути развития советской этнографии» (проф. С. П. Толстов, Москва); «Колхоз как объект этнографического изучения» (доктор историч. наук П. И. Кушнер, Москва); доклады о статьях для многотомного издания «Народы мира»: «Латыши» (канд. филологич. наук Я. Я. Ниедре); «Литовцы» (канд. историч. наук Ю. М. Юргинис); «Эстонцы» (проф. Х. А. Моора); «Развитие и основные черты литовского деревенского зодчества» (ст. науч. сотрудник Каунасского гос. художественного музея им. Чурляниса К. К. Чербуленас); «Земледелие Литвы в дофеодальный период» (научн. сотрудница Гос. Вильнюсского университета П. В. Дундулене); «Сельское ремесло в Литве» (ст. науч. сотр. Гос. исторического музея Латвийской ССР М. Я. Гринберг); «Значение Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в развитии латышской этнографии» (ст. научн. сотр. Института истории и материальной культуры Академии Наук Латвийской ССР Д. Э. Земзаре); «Эстоно-русские отношения по данным этнографических материалов» (ст. научн. сотр. Гос. народного музея Эстонской ССР А. Х. Моора); «Связи латышской и русской культуры» (проф. Р. А. Пельше); «Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных антропологии и этнографии» (доктор историч. наук Н. Н. Чебоксаров, Москва); «Вопросы этногенеза народов Прибалтики по данным археологии» (проф. Х. А. Моора); «Основные черты исследования литовских археологических памятников и ближайшие задачи их изучения в связи с общими задачами советской археологии» (канд. историч. наук З. Куликаускас); «Эстонский фольклор Великой Отечественной войны» (директор Гос. литературного музея Эстонской ССР А. Хабержан); «Отражение эстоно-русских отношений в эстонских народных сказках» (научн. сотр. Института языка и литературы Академии Наук Эстонской ССР Р. Я. Вийдалепп); «Идейная и тематическая общность литовских и славянских сказок о животных» (научн. сотр. Института истории Литвы М. Вимерите); «Тематика эстонских пословиц» (научн. сотр. Гос. литературного музея Эстонской ССР Э. Норман); «Проблема изучения музыкального фольклора в Литовской ССР» (ст. научн. сотр. Института истории Литвы Я. Чурлионите); «О русских влияниях в эстонских народных мелодиях» (ст. научн. сотр. Государственной консерватории Эстонской ССР Х. Тампере); «О состоянии изучения музыкального фольклора в Латвийской ССР»

(проф. Я. Витолинь); «Этнографическая экспедиция Института истории Лит. Академии Наук Литовской ССР в 1949 г.» (директор Этнографического музея В. Жиленас); «Этнографическая экспедиция Института этнографии Академии Наук СССР в Эстонию в 1949 г.» (канд. историч. наук В. Н. Белицер, Москва); «О работе Государственного музея народного быта Латвийской ССР» (директор Музея Н. П. Типайнис); «Обзор этнографической исследовательской работы Эстонского народного музея за 1945—1949 гг.» (директор Музея Э. Мяги).

Совещание открыл директор Института этнографии проф. С. П. Толстов.

Вслед за установочными докладами С. П. Толстова и П. И. Кушнера в порядке совещания стояли доклады о статьях для многотомника «Народы мира». Статьи были подвергнуты всестороннему обсуждению. В прениях выступили: Н. Н. Чебоксаров, П. И. Кушнер, В. Н. Белицер, Т. Зейдс, Р. А. Пельше и С. П. Толстов. Выступающие отметили большую работу, проведенную авторами по подбору и систематизации этнографических материалов для статей, а также стремление авторов осветить и проанализировать эти материалы с позиций марксистско-ленинской методологии. Выступавшими в прениях было обращено внимание авторов и на существенные недостатки статей: на отсутствие материалов по быту рабочих, слабое отражение происходящих в настоящее время социалистических преобразований в культуре и быте латышского, литовского и эстонского крестьянства; некоторую схематичность в выводах об этногенезе народов Прибалтики. Совещанием предложено авторам доработать статьи с учетом всех замечаний.

Значительный интерес представили прочитанные затем доклады по отдельным вопросам материальной культуры, особенно доклад т. Чербуленаса о литовском деревенском зодчестве. К его докладу в зале была развернута выставка графических материалов. Показом богатого иллюстративного материала сопровождался и доклад М. Я. Гринберг. После докладов развернулся оживленный обмен мнениями.

Канд. историч. наук Г. С. Маслова отметила большую научную ценность докладов т. Чербуленаса. К положительным сторонам доклада, указала она, следует отметить установление автором связи в развитии жилища с социальной жизнью и в развитии семьи, а также попытку дать точную хронологическую датировку различных этапов развития литовского жилища. Материал т. Чербуленаса представляет для этнографов работающих по восточным славянам, большой интерес.

Выступивший затем т. Зейдс, также отметив высокую научную ценность докладов т. Чербуленаса, высказал пожелание о быстрейшем опубликовании работы в виде монографии по литовскому зодчеству. Материалы о земледельческой технике, приведенные т. Дундулене в ее докладе «Развитие земледелия в Литве в феодальный период», т. Зейдс дополнил интересным свидетельством, относящимся к XIV в. Оно показывает, что древние пруссы обрабатывали почву лучше, чем пришедшие на их земли немецкие колонисты.

Н. Н. Чебоксаров присоединился к высокой научной оценке доклада т. Чербуленаса, данной ранее выступавшими товарищами. Тов. Чербуленас, указав Н. Н. Чебоксарову, систематизировал огромный фактический материал и сумел подойти к нему исторически, связав развитие народного жилища в Литве с историей самого литовского народа, с историей его хозяйства и общественных отношений. Этот единственно правильный, подлинно научный подход к изучению жилища красной нитью проходит через всю работу т. Чербуленаса и является ее большим достоинством. Материал о культуре жилища имеет большое значение для решения многих вопросов, связанных с проблемами этногенеза. Тов. Чербуленас совершенно правильно наметил основные этапы истории литовского жилища, а именно, что исходным типом литовского современного жилища была однокамерная срубная постройка с центральным очагом, над которым устраивался колпак для выхода дыма и сбора искр. Жилище это носило название «нумас». Подобные древнейшие типы жилища мы можем наблюдать и очень широкой территории, в частности на территории всей лесной полосы Восточной Европы. Наличие этих типов свидетельствует о большой культурной общности всего населения этой территории. Но в дальнейшем, как явствует из материалов т. Чербуленаса, развитие народного жилища даже и в различных районах Литвы пошло по несколько другим путям.

Конечно, в основе развития жилища в Западной и в Восточной Литве лежали большие сдвиги в области хозяйства, лежало развитие производительных сил и изменение общественного строя. Это очень хорошо показано т. Чербуленасом. Но конкретные формы, в которые вылилось это развитие, были различны.

В пределах Литвы выделяются вполне ясно две основные территории, с двумя характерными комплексами культуры жилища. В Восточной Литве (Аукштайтия) исходным типом жилища была двухраздельная постройка, состоявшая из холодной сеней и жилой избы («пиркя»), сперва с черной печью, а потом с печью, топившейся по-белому. Печь всегда топилась из самой избы, а не из сеней, и была обращена устьем к двери. Если же взять те типы жилищ, которые бытуют в Западной Литве, особенно в Жемайтии, то там мы имеем несколько иной тип развития. Для этой территории характерно центральное положение комнаты с очагом, который образуется в «копильню», куда выходят и устья печей из соседних помещений, также ставших жилыми и группирующихся вокруг этого центрального помещения, сохраняющего свое первоначальное название «нумас».

Таковы эти два основных типа, которые восходят к каким-то единым исходным формам, но которые уже в феодальную эпоху складываются как определенные этнографические комплексы.

Ряд различий в постройках Аукштайтии и Жемайтии существует также в устройстве клетей, гумен и т. д. Некоторые из них сложились более поздно, а другие более древнего происхождения. Чрезвычайно интересно с точки зрения вопросов этногенеза отметить, что весь комплекс культуры жилища восточных литовцев поразительно, иногда до полной идентичности во многих деталях напоминает жилище соседних восточнославянских групп и в первую очередь белоруссов. Это указывает, вероятно, помимо позднего русского влияния, на наличие более древней этнической общности, характерной для этой территории. Вопрос сводится, таким образом, не только к поздним заимствованиям, речь идет о древних культурных связях. Жилище Жемайтии поразительно образом напоминает также жилище соседних районов Латвии. Таким образом, мы вправе поставить вопрос об очень глубоких и тесных культурных и этнических связях между Жемайтией и соседними районами Латвии — Курземе. С этой точки зрения чрезвычайно любопытны археологические и этнографические данные, свидетельствующие о тесной связи между курами и жемайтами. Нужно сказать, что сходство между культурой куров и жемайтов охватывает не только жилища и хозяйственные постройки, но также и другие элементы материальной культуры, как, например, костюм, утварь и т. д. Эту работу необходимо продолжать дальше. Предстоит осмыслить еще немало чрезвычайно интересных выводов, может быть даже открытий, в вопросах этногенеза и культурного взаимодействия между различными народами нашей великой Родины, в частности между народами Прибалтики и соседними славянскими группами, — так закончил Н. Н. Чебоксаров свое выступление.

Историкографический доклад Д. Э. Земзаре ярко показал, как в условиях царской России, несмотря на шовинистическую национальную политику царского самодержавия и вопреки ей, росли и крепились культурные связи между народами, в данном случае между русским и латышским народом. В докладе т. Земзаре была показана помощь русской передовой общественности латышской интеллигенции и прогрессивная роль Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в изучении этнографии латышей. По докладу выступили П. И. Кушнер и Р. А. Пельше.

Доклады А. Х. Моора и Р. А. Пельше были посвящены выявлению исторических связей хозяйственных и культурных связей между народами Прибалтики и русским народом. Поднятые ими вопросы имеют в настоящее время особое значение, ибо они разбивают антинаучные концепции буржуазных ученых о зависимости культуры литовцев, латышей и эстонцев от западных «влияний» и «заимствований». В прениях по этим докладам выступили Н. Н. Чебоксаров, Р. А. Пельше и С. П. Толстов. Широкий обмен мнениями вызвали доклады Н. Н. Чебоксарова и Х. А. Моора, посвященные проблемам этногенеза народов Прибалтики, а также доклад З. Кули-аускаса об археологических исследованиях в Литве.

Проф. С. А. Токарев, выступив в прениях, указал на правильное, по его мнению, рассмотрение Н. Н. Чебоксаровым основных проблем этногенеза народов Прибалтики, и выразил сожаление, что докладчиком не были привлечены данные лингвистики. В данном случае, сказал С. А. Токарев, использование лингвистических материалов было бы особенно важным. Это помогло бы разобраться в том, почему при однородности антропологического состава и при значительной однородности культуры народов Прибалтики мы имеем перед собой представителей различных языковых групп.

П. И. Кушнер посвящал свое выступление вопросу об этногенезе литовцев, указав, что в сложении литовской народности участвовали не только восточные и западные славяне, но и более широкий круг народов и племен. В подтверждение этого П. И. Кушнер привел интересное свидетельство норманского путешественника Вульфстана (IX в.) об употреблении высшим сословием на Земландском полуострове кумыса, заимствованного, вероятно, от кочевых племен южной степной полосы. П. И. Кушнер обратил также внимание на бытовавшие у западных литовцев захоронения с конем. Остановившись далее на вопросе о курах (курах) и жемайтах, П. И. Кушнер высказал предположение о существовании в прошлом общности культуры куров, латышей и литовцев, распространявшейся, вероятно, на пруссов. Он привлек, в связи с этим, этнографический материал о типе надгробий, распространенных на территории древних пруссов, в Натангии, Вармии, по берегам Курского залива, в Курляндии и под Литвой. Этот тип надгробия представляет собой прибитую на высоком шесте досочку, напоминающую по форме растянутую шкуру животного. «Происхождение такого надгробия», — сказал П. И. Кушнер, — понятно; оно идет от распаленных шкур, которые, после принесения животного в жертву, верующие растягивали на шестах». Эти традиции объединяют целые районы и указывают на большую и длительную этническую связь пруссов, литовцев, куров и латышей.

С. П. Толстов начал свое выступление с указания на резкое отставание лингвистики в разрешении проблемы этногенеза отдельных групп народов, в том числе и народов Прибалтики. Оба докладчика, сказал С. П. Толстов, поставили вопрос в основных своих звеньях правильно, но проблема о древних исторических связях и лингвистической общности осталась неразрешенной. А между тем вопрос об этногенезе народов Прибалтики, особенно об этнических образованиях, предшествовавших данным конкретным народностям, представляет большую важность и выходит далеко

за пределы балтийских республик. Нельзя полностью разрешить проблему этногенеза славян, не решив ее для балтийских народов, так как связь между ними и славянами слишком тесна. Мне представляется, сказал С. П. Толстов, что историческую основу балтийской группы создает одна из протославянских лингвистических групп, причем значительная часть древних балтийцев, конечно, вошла в состав славян. Вопрос этногенеза конкретных народов поставлен, по-моему, правильно: латышский, эстонский и литовский народы как определенные этнические индивидуальности возникли действительно очень поздно. Необходимо рассматривать этот вопрос в конкретной исторической связи. Речь идет о различных балтийских племенах, территория которых не опадает с позднейшими областями консолидации литовского и латышского народов. Поворотным пунктом в развитии тех или иных обществ являлись, как известно, события XIII в. Затем мы имеем образование двух политических систем: с одной стороны латвийский народ оказывается покоренным немцами, а с другой стороны, литовский народ создает свое государственное образование. Крупные события — наступление на Западе немцев, на Востоке — монголов — были очень важным моментом, который привел к этой, а не другой группировке племен, легших в основу двух народностей в последствии ставших основой двух буржуазных, а еще позднее — социалистических наций. Попытки искать собственно литовские и собственно латышские племена и таковые в уже готовом виде, до того как происходит эта группировка, и перенести в далекое прошлое позднейшие национальные образования являются антинаучными.

С критикой некоторых положений доклада профессора Н. Н. Чебоксарова выступили докторант Института права АН СССР П. И. Пакарклис и кандидат филологических наук Б. В. Горнунг.

Н. Н. Чебоксаров в заключительном слове привел ряд дополнительных интересных данных в развитие своего доклада.

Два секционных заседания были посвящены докладам по фольклору. Канд. филологических наук Л. Н. Пушкарёв (Институт истории АН СССР) отметил большой интерес фольклорных докладов, особенно доклада т. Хаберман об эстонском народном творчестве в период Великой отечественной войны. В докладах, посвященных сказкам народов Прибалтики, указал т. Пушкарёв, видно стремление прибалтийских фольклористов вырваться из плена финской школы, которая оказала наибольшее влияние на методы изучения сказок, но больших успехов на этом пути товарищи из Прибалтики еще не добились. При установлении сходства с русскими сказками докладчики искали из сходства мотивов, тогда как надо говорить об образности сказок, об их идейной направленности и разработке сюжета.

Канд. историч. наук В. Ю. Крупянская, указав также на ценность доклада т. Хаберман, остановилась на некоторых вопросах, требующих, по ее мнению, дальнейшего развития при дальнейшей работе над этой темой, а именно — большого внимания национальной специфики эстонского фольклора, связи военного фольклора с боевым путем эстонского корпуса, отражения в фольклоре интимной бытовой тематики, выяснения послевоенных судеб фронтовых песен, раскрытие лица авторов песен.

Канд. филологич. наук Я. Я. Ниёдре (Институт фольклора Академии Наук Латвийской ССР) отметил некоторое отставание латышских фольклористов в изучении фольклора Великой отечественной войны по сравнению с эстонцами. Тов. Ниёдре подверг критике ряд положений в докладах тт. Вийдалеп и Вимерите. Он предложил также созвать в конце 1950 г. совещание фольклористов Прибалтики с участием фольклористов Москвы и Ленинграда.

Выступившие далее доктор историч. наук В. И. Чичеров и канд. историч. наук В. К. Соколова внесли предложение опубликовать доклад т. Хаберман в сборнике Института этнографии, посвященном фольклору Великой отечественной войны. Товарищи Чичеров и Соколова присоединились к общей оценке докладов Р. Вийдалеп и М. Вимерите, данной предыдущими выступающими. «Как здесь справедливо указывалось», — сказал В. И. Чичеров, — докладчики, направляя свои исследования про финской школы, сами еще не до конца преодолели ее влияние. Перед фольклористами Советской Прибалтики стоит неотложная задача борьбы с враждебными нам буржуазными теориями. Совместная работа фольклористов из Прибалтики и русских фольклористов должна помочь в этом».

Проф. Е. В. Гиппиус отметил большую разностороннюю работу по музыкальному фольклору в Латвийской ССР. «Институтом фольклора Академии Наук Латвийской ССР», — сказал Е. В. Гиппиус, — ставится ряд интересных проблем по связи исследований в области музыкальной фольклористики с задачами музыкальной практики, также с изучением народа в целом. Огромное значение имеет сейчас и постановка историкографических проблем. Работа т. Чурлионите приобретает в этой связи большой интерес. Однако в докладе имеются существенные недостатки, прежде всего отношения недостаточности разоблачения буржуазных теорий».

На секционном заседании были заслушаны доклады о полевой исследовательской работе и о деятельности музеев. Доклады сопровождался показом богатого иллюстративного материала. После докладов развернулся оживленный обмен мнениями. Тов. Юргинис указал на существенные отличия в методах полевой исследовательской работы, применявшихся экспедиций Института этнографии Академии Наук СССР, Эстонской ССР и Литовской этнографической экспедицией. «Наша этнографическая экспедиция, как теперь особенно явно видно», — сказал т. Юргинис, — изучала ма

риальную культуру в отрыве от людей. Наши этнографы совершенно не собирали социально-экономических сведений. При изучении жилища, например, члены нашей экспедиции не интересовались его обитателями, их экономическим положением, их бытом, в то время как в докладе т. Белицер мы увидели живых людей и их жизнь. Поэтому доклад этот для нас представляет большой интерес, и мы извлечем из него много полезного для своей работы». Проф. Х. А. Моора выразил благодарность Институту этнографии Академии Наук СССР за организацию экспедиции в Эстонскую ССР. «Мы получили ценные установки в подходе к изучаемым явлениям, в методах полевой исследовательской работы», — сказал Х. А. Моора. — В научных отчетах эстонских этнографов, работавших в составе экспедиции Института этнографии, уже сказались положительные результаты совместной работы. Весьма желательно, чтобы и в будущем году Институт этнографии продолжил свою полевую исследовательскую работу в Эстонии». Проф. Х. А. Моора указал также, что эстонские научные учреждения очень заинтересованы в прикомандировании молодых этнографов к составу экспедиций Института этнографии АН СССР, работающих в других республиках. Это значительно расширяло бы кругозор молодых научных работников и способствовало бы овладению ими новыми методами полевой исследовательской работы.

На одном из последних пленарных заседаний совещание заслушало доклад Р. А. Пельше о связях латышской и русской культуры. Доклад вызвал оживленный обмен мнениями.

Заключительное заседание было посвящено подведению итогов работ и принятию резолюций.

С. П. Толстов, подводя итоги работ совещания, отметил его большое научное значение и поставил ряд задач, требующих координации научной работы и совместных исследований прибалтийских и московских этнографов и антропологов в новом пятилетнем плане. С. П. Толстов предложил поставить в центр внимания проблему изучения социалистического колхозного и рабочего быта, а также проблему этногенеза народов Прибалтики. Эти предложения вошли в резолюцию совещания.

В целях дальнейшей координации научно-исследовательской работы, установления более прочной связи и оказания взаимопомощи по вопросам этнографической науки принято решение о проведении ежегодно совещаний по вопросам этнографии и фольклора, организации совместных экспедиций и пр. Очередное совещание по этнографии народов Прибалтики намечено провести в мае 1951 г. в Вильнюсе.

Л. Н. Терентьева

СЕССИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК, ПОСВЯЩЕННАЯ ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ РОДОВОГО ОБЩЕСТВА

15—17 декабря 1949 г. в Институте этнографии состоялась сессия, посвященная проблемам истории родового общества. Сессия была организована в связи с необходимостью обсудить итоги работы по выполнению одного из главнейших плановых заданий Института — подготовки теоретического сборника на тему: «Проблемы истории родового общества».

В течение 1948—1949 гг. научными сотрудниками Института было написано свыше 20 статей, предназначенных для сборника и освещающих различные вопросы истории и теории родового общества; некоторые из этих статей, затрагивающие узловые теоретические вопросы или же дискуссионные по своему характеру, и были вынесены (в авторских вариантах) на обсуждение указанной научной сессии.

Сессию открыл председатель Ученого совета, директор Института этнографии, профессор С. П. Толстов. Проблема развития родового общества, сказал он в своем вступительном слове, была разрешена в основных чертах Марксом и Энгельсом в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (явившейся, как известно, выполнением духовного завещания Маркса, конспекты и заметки которого были использованы Энгельсом в работе над книгой) и в других трудах основоположников марксизма. Но нельзя забывать, что в то время, когда писались эти труды, некоторые разделы истории первобытно-общинной формации не могли быть разработаны с должной полнотой из-за отсутствия достаточного фактического материала, собранного значительно позже. Перед советскими этнографами стояла задача дальнейшей разработки наследства Маркса и Энгельса в этой области по намеченному ими пути, задача расширения и детализации их блестящей концепции истории родового общества на основании вновь открытых и накопленных в большом количестве источников. Однако долгое время этнографам не удавалось продвинуться в разработке этой проблемы вследствие отрицательного влияния школы Покровского, которая и на этнографическую науку распространила характерные для нее черты схематизма и социологизма.

В 1945 г. при разработке списка теоретических проблем пятилетнего плана Института этнографии, мы пришли к выводу о необходимости сконцентрировать внимание

в первую очередь на изучении двух этапов истории родового общества: происхождения родовой организации и последнего периода развития первобытно-общинного строя — патриархального рода и военной демократии. В то время, когда писал свою книгу Энгельс, ранний период первобытно-общинной формации совершенно не был освещен источниками. Характеризуя низшую ступень дикости в вводной части своей книги, Энгельс указывал, что в настоящее время не сохранилось ни одного народа, стоящего на этой ступени, но все же следует предполагать наличие такого периода переходного от обезьяны к человеку, от низшей — к средней ступени дикости, к которой уже существовала родовая организация.

Мы знаем, что новейшие археологические материалы полностью подтверждают эту гипотезу Энгельса и, свидетельствуя, что общество верхнего палеолита было уже родовым обществом на ранней стадии его развития, — уводят нас в поисках времени возникновения рода на рубеж нижнего и верхнего палеолита, низшей и средней ступени дикости.

При исследовании этого древнейшего периода требуется на основе новых данных проверить ряд отдельных положений, высказанных в свое время Морганом и вошедших в работу Энгельса. Так, вопрос о кровнородственной семье, как особой форме развития семьи, возникший после промискуитета, — требует пересмотра. Мы знаем, что В. И. Ленин, писавший значительно позже, на следующем этапе развития марксистской теории, не выделял стадии кровнородственной семьи в развитии первобытного общества и характеризовал лишь два этапа этого развития — первобытное стадо и первобытную родовую клановую общину. Гипотеза Морганова о кровнородственной семье опиралась на полинезийский материал и на анализ малайской системы родства. Сейчас нам известно, что Морган ошибался в определении уровня социального развития полинезийцев, что полинезийцы должны быть отнесены не к средней ступени дикости, как он полагал, а по меньшей мере к рубежу высшей ступени варварства; это вызывает необходимость углубленного изучения сущности малайской системы родства на основании новых фактических данных.

Кроме того, необходимо продвинуть разработку центральной проблемы происхождения рода — происхождения экзогамии. Эта проблема, в сущности, не могла даже быть поставлена во времена Морганова, Маркса и Энгельса из-за отсутствия необходимых материалов, — теперь же перед нами стоит задача дополнить учение марксизма о первобытном обществе разработкой этой главы; это тем более важно, что советские этнографы не пришли еще к общей точке зрения по данному вопросу.

Позднейший период истории родового общества был значительно шире и глубже проанализирован классиками марксизма-ленинизма: мы имеем в этой области только главу «Варварство и цивилизация» книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», но и очень серьезные высказывания В. И. Ленина и особенности И. В. Сталина. Тем не менее этот последний период развития первобытно-общинного строя, эпоха перехода к классовому обществу, требует с нашей стороны особого внимания. За последние годы по этой теме накоплен огромный новый материал, относящийся ко всем странам света, и особенно обширный — по народам нашей советской страны, часть которых в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, стояла еще на патриархально-феодалной или даже на патриархальной стадии своего исторического развития.

Исследование сущности, классовой содержания общественной организации и отсталых народов проводилось Лениным и Сталиным, а вслед за ними целым рядом советских этнографов и историков в неразрывной связи с практикой социалистического строительства, с приобщением их к социализму. Наша задача заключается в том, чтобы, опираясь в первую очередь на труды и высказывания И. В. Сталина, посвященные характеристике общественного уклада отсталых народов и пути перехода при помощи передовых стран к социализму, минуя мучительную стадию капитализма, — развивать его учение, продолжать разрабатывать и исторически обобщать материал об общественном строе не только народов Советского Союза в их революционном прошлом, но и современных отсталых народов колоний и полуколоний, многие из которых стоят на этом же, переходном этапе своего исторического развития, сочетающем в условиях империалистического гнета глубокую классовую дифференциацию с остатками патриархальных форм родовой организации.

Основная масса поставленных на сессии докладов трактует в обобщенной и в конкретной форме, связанной с определенным исследуемым народом, проблему истории этого последнего этапа первобытно-общинного строя на разнообразнейших материалах, относящихся к народам Северной Сибири и Южной Африки, Кавказа, Средней Азии и т. д. Задача сессии — проверить, насколько соответствует направление наших теоретических исследований тем большим задачам по изучению истории родового общества, которые стоят перед этнографической наукой в свете указаний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Первый заслушанный на сессии доклад кандидата исторических наук Н. А. Бутинкова был посвящен проблеме происхождения классификационного родства экзогамии. Доклад, построенный в основном на австралийских материалах, вызвал серьезные возражения со стороны аудитории. Выступивший по докладу в прениях доктор исторических наук Н. Н. Чебоксаров подверг критике тезис Н. А. Бутинкова об «инстинкте кровного родства», который будто бы свойственен и животным.

явился непосредственным «естественным» источником возникновения экзогамии. По мнению Н. Н. Чебоксарова, невозможно предполагать, что экзогамия сложилась еще до возникновения человеческого общества. У нас нет данных утверждать, что среди животных, даже среди высокоорганизованных человекообразных обезьян существует инстинкт, способствующий запрету половых связей между ближайшими родственниками — родителями и детьми, братьями и сестрами. Представление о таком человеческом инстинкте несовместимо с научным пониманием возникновения человеческого сознания и с материалистическим учением И. П. Павлова о рефлексах, об основных этапах развития человеческого сознания. Утверждение Н. А. Бутинова, что инстинкт возник на дочеловеческой стадии, следует отнести к чисто гипотетическим, не имеющим никаких реальных оснований. Если же говорить о возникновении инстинкта в более поздний период, на стадии развития древнейших людей — антропа или неандертальца, — то это уже не инстинкт, а чисто человеческое установление, не имеющее никакого отношения к животной жизни, к биологии. Вряд ли можно сомневаться, что экзогамия возникла на этой раннечеловеческой переходной стадии. Далее Н. Н. Чебоксаров остановился на разделе доклада Н. А. Бутинова, касающегося возникновения классификационной системы родства, связанного, как утверждает докладчик, с группировкой членов первобытной общины вокруг брата и сестры и образованием 8 брачных классов. Все это построение звучало неубедительно, и аудитория осталась в недоумении, почему анализ распространенной лишь среди нескольких австралийских племен 8-классной системы родства привел автора к выводу об универсальном распространении и исходном значении этой формы. Крупным недостатком данного доклада Н. Н. Чебоксаров считает также изолированное рассмотрение проблемы экзогамии вне конкретной исторической обстановки, тогда как она тесно связана с общим вопросом о происхождении родового строя и с вопросом формирования первобытных племен. Нельзя забывать, что родовая организация и экзогамия, как явление, неразрывно с ней связанное, создавались в эпоху становления *Homo sapiens*, человека современного типа. Все данные, которыми мы располагаем, прежде всего данные антропологии, свидетельствуют, что именно в эту эпоху массовых преобразований в экономике, культуре, физическом типе человека — смежные (антропологическое) играли огромную роль. Преобразование первобытного племени в первобытную общину было не просто преобразованием отдельных стад в отдельные общины, — этому процессу сопутствовал процесс распада, скрещения, и уже на основе смешавшихся групп происходило формирование первобытных общин и первобытных племен. Вряд ли мы сможем разрешить проблему экзогамии без учета данных древнейших скрещений различных человеческих групп, более или менее близких.

Доктор исторических наук С. А. Токарев в своей критике доклада Н. А. Бутинова высказался на неправильной трактовке последним вопроса о первобытной орде, которая будто бы являлась бы устойчивым производственным коллективом с постоянным человеческим составом, а «сезонным» и после производственного акта (охоты) распадалась на мелкие группы, впоследствии присоединявшиеся обычно уже к другой орде. Бутинов таким образом рассматривает в качестве первичного человеческого коллектива не орду, а маленькую группу, состоящую из мужчины и его жены, т. е. он приходит к построению теории первоначального парного брака. С этой ошибочной концепцией тесно связан и другой вывод Н. А. Бутинова — отрицание им группового брака и признание парного брака в качестве первичного, исходного. Не менее ошибочное объяснение им экзогамии из инстинкта; в целом — можно считать, что проблема происхождения экзогамии докладчиком не решена.

Выступившие затем доктор исторических наук С. В. Киселев и Д. А. Ольдберг также подчеркнули в качестве грубейшей методологической ошибки положения Н. А. Бутинова об извечном существовании парного брака и отрицание им группового брака. По мнению выступавших, причиной этих порочных с научной точки зрения выводов является неправильный метод исследования — отрыв от конкретного материала, от анализа производственных основ существования первобытного общества, отступление от принципа последовательного исторического анализа.

Итоги прений по докладу Н. А. Бутинова подвел С. П. Толстов. Он отметил, что в своем докладе Бутинов не дал критики существующих теорий происхождения экзогамии и тем самым незаслуженно зачеркнул все, что было сделано до него для разрешения этой проблемы советскими учеными. В то же время его доклад представляет собой лишь общие рассуждения, не подкрепленные фактами и конкретными материалами; единственный правильный тезис — о необходимости учета при анализе происхождения родства их социального аспекта — также не нов, он неоднократно высказывался в советской этнографической литературе. Основная установка современных буржуазных ученых, под влиянием которых оказался Н. А. Бутинов, заключается в том, что происхождение человеческой семьи выводится из биологических законов; с этим можно связать и объяснение происхождения экзогамии из инстинкта кровного родства. Всем известно, что такого инстинкта не существует; запрет брака между близкими родственниками, несомненно, является институтом чисто человеческим, социальным, а не биологическим.

Теория Бутинова о 8-классной системе противоречит основному тезису советской этнографической школы в разработке первобытно-общинного строя, утверждающему,

что исходной формой родового строя является дуальная организация, из которой возникает экзогамия. Еще Энгельс впервые указал, что фратрия — это первоначальный род. Докладчику следовало обратить внимание на разделение дискуссионного вопроса о происхождении фратрии, а он отверг дуальную организацию, заявив, что брачные классы древнее ее. Между тем брачные классы не существуют вне дуальной организации; и кроме того, они в классической австралийской форме вообще встречаются сравнительно редко, тогда как дуальная организация распространена повсеместно, чрезвычайно устойчива и, возникая на первых этапах истории первобытного общества, в качестве пережитка сохраняется до его позднейших этапов. Надо не объяснение стойкости этого основного института родового строя, а не умять ее значение.

Далее С. П. Толстов присоединился к мнению выступавших в прениях товарищей по поводу того, что тезис об извечности парного брака в корне противоречит учению Энгельса об истории семьи. Мы не фетишизируем отдельных положений Энгельса, знаем, что он писал 100 лет назад, но его учение о семье принадлежит основным положениям марксистской науки о первобытном обществе, и докладчик привел никаких фактов, которые смогли бы его опровергнуть.

Для работы над своей темой Н. А. Бутинову следовало исторически подойти к австралийскому обществу, стоявшему в период открытия Австралии на средней ступени дикости и дающему классический материал для разработки проблем истории первобытного общества. Но при работе над темой следовало определить и изъять все элементы, которые были привнесены в результате 100—150-летнего господства в Австралии европейцев, надо было исторически восстановить австралийское общество, как оно было до вторжения европейцев, критически подойти к источникам, доказать правильность существующих теорий и попытаться вновь подвергнуть анализу весь материал, касающийся проблемы экзогамии. Отсутствие такого метода работы неизбежно должно было привести автора к неудаче исследования.

Вторым был заслушан на сессии доклад профессора Д. А. Ольдерогге «Малайская система родства в Африке», вызвавший общее одобрение; по мнению выступавших в прениях товарищей, новое исследование Д. А. Ольдерогге даст возможность окончательно решить вопрос о месте малайской системы родства в истории этих систем. Можно считать доказанным, что для племен, сохранивших родовой строй или еще живые его традиции, характерна ганованская система родства; в более высоких ступенях развития элементы ганованской системы полностью утрачиваются, для них становится типичной малайская система. Первоначальная гипотеза Моргана о древности малайской системы, таким образом, новейшим материалом опровергается; видимо, последняя представляет собой историческое явление не древнейшего типа, а более позднего, переходного. Это явствует и из убедительно доказанного Д. А. Ольдерогге тезиса о том, что малайские черты системы родства народов Гвинейского побережья являются результатом упрощения некогда существовавших у них систем родства ганованского типа. Выступающие выразили пожелание, чтобы при дальнейшей разработке своей темы Д. А. Ольдерогге обобщил материал по трем главнейшим центрам распространения малайской системы: кроме проанализированного в настоящем труде материала народов Нигерии — привлечь бы опубликованные уже ранее данные о переходных системах родства в Полинезии, а также китайский материал, который можно изучить по историческим источникам со времен глубокой древности.

Следующий доклад доктора исторических наук профессора М. О. Косвена был озаглавлен «Переход от матриархата к патриархату». Выступивший в прениях профессор Н. Н. Чебоксаров указал, что доклад представляет чрезвычайно большой интерес. Докладчик привел целый ряд примеров, характеризующих явления, типичные для периода перехода от матриархата к патриархату, — как авнуклат, биатеральная филиация, обычай возращения домой молодой замужней женщины, встречающиеся факты отчужденности в отношениях между отцом и сыном при наличии более тесных связей между дедом и внуком. Весьма важное значение для решения этой проблемы имеют также данные, полученные М. О. Косвеном в результате анализа свадебного ритуала у различных народов, его выводы о том, что самый обряд свадьбы в основном формировался в период, переходный от матриархата к патриархату. Разумеется, в свадебных обрядах можно проследить и наслоения позднейших эпох, однако элементы переходного периода в них особенно ярки. С этой точки зрения следует обратить внимание на значение в свадебном ритуале матери невесты, у которой обычно испрашивается, реально или символически, согласие на брак; велика также роль брата невесты, принимающего часто символический выкуп за нее, и т. д. Работу М. О. Косвена в исследовании данной темы следует признать весьма плодотворной. Остановившаяся на недостатках доклада, Н. Н. Чебоксаров в качестве основного из них указал на его неисторичность и на отсутствие внутренних связей между исследуемыми явлениями, которые рассматриваются лишь как случайные примеры, оторванных от материальной базы, от того способа производства, который в конечном счете определяет сложный процесс перехода от матриархата к патриархату. Следует определеннее наметить те историко-хронологические рамки, в которых происходил этот процесс. Новейший археологический материал свидетельствует, что для значительной области Европы и для Азии это — период смены энеолитических культур.

тур крашеной керамики так называемыми культурами степной бронзы — время, которое для многих районов датируется третьим — началом второго тысячелетия до н. э. Эта эпоха должна привлечь пристальное внимание всех занимающихся проблемой перехода от матриархата к патриархату.

Выступивший по этому докладу С. П. Толстов присоединился к Н. Н. Чебоксарову в оценке достоинств и недостатков исследования М. О. Косвена. Последний сделал большой вклад в науку, собрав отдельные важные факты, отражающие переход от матриархата к патриархату. Как и все работы М. О. Косвена за последние годы (касающиеся вопросов авукулата, обычая возвращения молодой женщины домой, свадебного ритуала), настоящее исследование дает достаточный материал для больших исторических обобщений; однако следует признать, что обобщенного труда пока еще нет. Материал анализируется вне времени и пространства, не как отражение определенного конкретно-исторического этапа в истории человечества, а как отражение какой-то абстрактной схемы закономерностей этого развития. Среди примеров, приводившихся докладчиком, фигурируют свадебные ритуалы русских и кавказских народов, и эти материалы не включены в конкретный исторический контекст, что необходимо для возможности их научных сопоставления. Докладчик слишком мало уделил внимания раскрытию одного из важнейших тезисов своей работы — о последнем этапе перехода к патриархату. Вскрытие огромного многообразия форм патриархата — одно из крупных достижений советской науки. На этом надо было подробнее остановиться. В связи с этим, следовало обратить внимание на вопрос о перерастании первобытной общины в сельскую общину. Неправильно считать, что историю первобытного общества надо строить в виде непрерывной цепи: матриархат, переход от матриархата к патриархату, патриархат, сельская община. Это — абстрактная схема, в конкретных исторических условиях все эти постматриархальные формы развиваются почти одновременно и, что самое главное, закономерность развития проявляется по-разному: иногда складывается патриархальный род; в других случаях — патриархальная семья сочетается с традициями матриархального рода; сельская община не всегда возникает на базе патриархального рода; наконец, в некоторых случаях переходный период от матриархата к патриархату доходит вплоть до классового общества, как например, в древнем Египте, где развитый патриархальный род так и не сформировался. Таким образом, бесспорно правильное положение о последовательном развитии первобытного общества от матриархата к патриархату в докладе М. О. Косвена оказалось сильно схематизированным, что является существенным недостатком его ценного исследования.

Четвертый заслушанный на сессии доклад, подготовленный двумя авторами — М. Г. Левиным и Б. О. Долгих, — «Переход от родовых к территориальным объединениям у народов северной Сибири» — вызвал чрезвычайный интерес и оживленные прения. Большинство выступавших отметило, что основной тезис доклада о том, что народы северной Сибири, несмотря на сохранение многих пережитков отношений родового строя и наличие элементов прежней родовой структуры, еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции перешли фактически к объединениям по территориальному принципу, — достаточно убедительно доказан авторами. Проф. М. О. Косвен высказал пожелание, чтобы неясный и не вполне удачный термин «территориальное объединение» был заменен общепринятым в марксистской литературе названием «соседская община». Под «территориальной» общиной может подразумеваться и родовая оседлая община, соседская же община — термин точный, он характеризует качественное отличие этой общественной формы от родовой общины. Как на существенный пробел в докладе, М. О. Косвен указал на недостаточную разработку вопроса об отмечаемом Марксом «дуализме» соседской общины — наличии в ней наряду с родовыми отношениями элементов частной собственности. Желательно подробнее осветить особенности соседской кочевой общины народов Севера; у нас в литературе имеются богатые данные об оседлых соседских общинах у разных народов и чрезвычайно мало сведений о кочевых. Вопрос о причинах, вызвавших переход от родовой общины к соседской, из доклада неясен: перечислен целый ряд причин — колонизация, появление новых центров тяготения и т. д., основное же значение имело развитие производительных сил, рост торговли, приведший к активизации процесса разрушения родовой общины. Необходимо этому важному вопросу уделить должное внимание в подготавливаемой статье. Н. Н. Чебоксаров в своем выступлении по этому докладу высказал пожелание, чтобы подобные же исследования процесса формирования территориальных общин были проведены на материале других народов, в частности народов севера Европейской части СССР. В русских исторических памятниках, начиная с летописей XI—XII вв. и кончая писцовыми и переписными книгами XV—XVI вв., наряду с племенными группами упоминаются территориальные. Так, например, в Житии Стефана Пермского, составленном Епифанием Премудрым в конце XIV в., в перечне народов, живущих около Перми, встречаются: вычегжане, вилежане, сысоличи и т. д., группирующиеся по течениям рек. Это типичные территориальные группировки, имевшие свое самоуправление, формировавшие свое ополчение и в дальнейшем вошедшие, как административные единицы, в Московское государство. Н. Н. Чебоксаров подчеркнул необходимость для изучения процесса перерастания родовых общин в соседские — широ-

кое привлечение, наряду с этнографическим, исторического материала, письменных источников.

Выступивший затем П. Е. Терлецкий высказал некоторые ошибочные положения, касающиеся общественного строя народов Севера, выразившиеся в том, что в Крайнем Севере, по его мнению, общество сложилось на основе семейных общин — мелких объединений из 2—3 хозяйств, близко родственных между собой. Выступивший в прениях С. П. Толстов указал по этому поводу, что П. Е. Терлецкий неправильно рассматривая общество народов Севера, как нечто специфическое, не укладывающееся в рамки закономерностей исторического процесса, составившееся из отдельных семей, не считаясь с общими тенденциями между собой не связанными и рассеянными на огромных пространствах тундры, подобные взгляды представляют собой не что иное, как воскрешение разоблаченного в свое время К. Марксом старинной теории «Робинзонады» — общества Робинзона (правда, в данном случае наделенных, по образцу так называемого «швейцарского Робинзона» семьями). Очевидно, корень столь серьезной методологической ошибки — в неправильной трактовке массового статистического материала, исходящегося из разпоражения П. Е. Терлецкого. Отметив, что М. Г. Левин и Б. О. Долгих в своем докладе совершенно правильно подошли к вопросу о сущности территориальных общин народов крайнего Севера, С. П. Толстов остановился на вопросе о конкретных формах частнособственных отношений на Севере; как известно, значительная часть народов Севера принадлежит к скотоводческим, оленеводческим народам. Сюда же является частной, семейной собственностью патриархальной семьи. Если у оседлых земледельческих племен дуализм территориальных общин проявляется в области владения землей, то здесь он проявляется в первую очередь в области владения скотом; скотоводство в общине находится как бы в двойственном, противоречивом положении: с одной стороны — скот всегда во владении отдельных семей, с другой стороны — он находится под коллективной защитой общины. Поэтому формы родовой общины иногда сохраняются так долго, в особенности у степных кочевых народов; у них, таким образом, складываются замаскированные родовыми традициями отношения территориальной — соседской общины, со свойственным ей дуализмом. Мелкие распыленные группировки, на которых остановил свое внимание П. Е. Терлецкий, в большинстве своем принадлежат к охотничьим племенам; но это не оленеводы-охотники, а члены общества с высоким уровнем развития товарных отношений. Развитие пушной охоты для охотника-промысловика бессмысленно без товарного хозяйства, и мы знаем, что охотничьи племена входили в систему товарных отношений на протяжении всего периода русского господства в Сибири, а в некоторых районах и значительно раньше. Традиция общинного владения охотничьими угодьями и индивидуальное использование продуктов охоты, поступающих на рынок — вопреки противоречие, которое является проявлением дуализма территориально-общинной организации у охотничьих племен Севера и причиной ее распада. По мнению С. П. Толстова, развитие патриархального рода на Севере связано с теми же процессами общественного развития, как и у других народов; особенность общественного строя чукчей, у которых не существовало патриархального рода и по данным XVII в. сохранялись лишь некоторые черты матриархата, — он склонен объяснять тем, что при соприкосновении отсталого общества чукчей, их примитивной патриархальной родовой организации с классовым обществом, втягивающим ее в свою систему, произошел процесс полного распада материнского рода. У других же племен Севера, более развитых, происходило еще задолго до русского завоевания закономерное развитие патриархального родového строя, пережитки которого оказались более устойчивыми и сохраняются у них до последнего времени. Кроме указанных выводов в прениях по докладу выступило еще несколько участников сессии, в том числе Д. А. Ольдерогге и соавтор доклада М. Г. Левин, подчеркнувший, что археологические и исторические материалы свидетельствуют о давности торговых связей Крайнего Севера с важнейшими центрами мировой торговли, в том числе с рынками Китая, Ирана и др.; это способствовало разложению первобытной родовой общины и племенных объединений, на базе которых образовались небольшие производственные соседские общины и более крупные объединения. М. Г. Левин присоединился к трактовке С. П. Толстовым вопроса об истории социального строя чукчей.

Следующие два доклада были посвящены проблемам военной демократии. Доклад кандидата исторических наук И. И. Потехина «Военная демократия у матабеле» получил весьма положительную оценку у участников сессии. Выступившие в его обсуждении африканисты (Д. А. Ольдерогге, М. В. Райт, Б. И. Шаревская) указали, что хотя африканский этнографический материал представляет собой исключительно богатый источник для решения проблемы поздних форм распада родového строя и образования государства, до сих пор в литературе он использовался мало — имелись лишь общие высказывания по этому вопросу; доложенная на сессии статья И. И. Потехина — первая работа, в которой на основе детального анализа общественного строя конкретного племени устанавливается наличие у него в XIX в. строю военной демократии. Очередная задача африканистов — провести подобные же исследования на зулусском материале, не менее ценном с точки зрения фактического материала для изучения настоящей темы.

Е. В. Таланова и С. А. Токарев в своих выступлениях высказали сомнения по поводу того, что общественный строй матабеле является формой военной демократии.

а не более высоко развитым общественным строем. По мнению С. А. Токарева, строй матабеле скорее может быть назван военной «деспотией», но никак не «демократией»; собрания воинов здесь представляли собой лишь пережитки военной демократии. Против такой точки зрения возражали Б. И. Шаревская и С. П. Толстов. Первая привела примеры ограниченности власти верховного вождя и значительности роли народного собрания у ряда африканских племен, стоящих на аналогичной матабеле стадии развития. С. П. Толстов отметил неточность понимания сущности строя военной демократии Е. В. Талановой и С. А. Токаревым; Токарев неправ, сказал он, пытаясь заменить научный термин «военная демократия» термином «военная деспотия» на том основании, что общепринятое понятие «демократия» не совмещается в его представлении с воинственным «государством» матабеле. Между тем — общество матабеле, как доказал И. И. Потехин, — типичный образец переходной формы от родового строя к государству. Весь смысл определения Энгельсом военной демократии состоит в том, что она представляет собой, с одной стороны, государство, с другой — родо-племенную общественную организацию. Военная демократия — государство, поскольку она является продуктом непримиримости классовых противоречий, но вместе с тем еще не государство, поскольку в ней сохраняются традиционная родо-племенная форма и организация, связанная с возрастными классами. Это диалектическое взаимопроникновение противоположностей характеризует военную демократию, как переходную форму к государству.

У матабеле, по мнению С. П. Толстова, мы видим не поздний этап военной демократии, а средний этап, когда проявились лишь зачатки классов и военная организация требует участия всей массы народа в военных походах; раб еще не стал основной фигурой социального строя; но хотя общинные традиции были здесь еще очень сильны — происходил процесс разрушения родовых учреждений. Военный вождь стремился сосредоточить в своих руках всю полноту власти, хотя поневоле вынужден был считаться, советоваться с вооруженным народом. Возникновение военной демократии зулусов и матабеле было подготовлено историческими событиями предшествующих периодов. Начиная с XVI в. в рамках этой же территории сменился целый ряд аналогичных варварских государств. Подобный же процесс происходил в Центральной Азии, на территории которой до возникновения монгольской империи существовало множество объединений, столь же могущественных, как восточно-африканские или южно-африканские союзы, но формы государства приобрела лишь монгольская империя Чингис-хана, которая, впрочем, также сохраняла сильные традиции кочевнической военной демократии.

Доклад канд. ист. наук З. А. Никольской — «Патриархальный род аварцев в эпоху военной демократии» вызвал много возражений. Выступившие в прениях Л. И. Лавров, М. О. Косвен, М. В. Саидова, М. М. Ихиллов, С. П. Толстов в качестве основных ошибок докладчика указали на архаизацию им общественного строя аварцев и на отсутствие историзма при анализе пережиточных черт, составляющих особенность этого строя. У участников сессии от доклада осталось впечатление, что вся Авария еще в середине XIX в. находилась на стадии военной демократии, тогда как пережитки последней сохранялись к тому времени лишь в некоторых глухих, отдаленных уголках этой страны с развитыми феодальными или полупатриархально-полуфеодальными отношениями. З. А. Никольская, сказал С. П. Толстов, как бы вырывает аварские вольные общества не только из всей северо-кавказской, но и из аварской действительности, изучает небольшую часть аварского народа, совершенно игнорируя его основную массу. Об «эпохе» военной демократии нельзя говорить здесь даже для значительно более ранних периодов истории, чем середина XIX в.; изучаемые автором явления можно рассматривать лишь как один из этапов феодального общества, характерный пережитками военной демократии. Доклад, составленный на основании интересных фактических материалов, собранных З. А. Никольской во время экспедиций в Дагестане, следовало принципиально иначе построить — как исследование пережитков военной демократии в аварских вольных обществах в первой половине и в середине XIX века.

Последние два доклада, заслушанные на сессии, были посвящены проблеме племени и рода у народов Средней Азии в условиях развитого феодализма и колониального периода XIX — начала XX в. Доклад кандидата историч. наук С. М. Абрамзонна «Формы патриархально-родового устройства и структура племени у кочевников Средней Азии» имел обобщающий характер; в докладе кандидата историч. наук Т. А. Жданко «Племя и род у каракалпаков в XIX — начале XX в.» эта же проблема анализировалась на примере одного конкретного народа со своеобразным полукочевым скотоводческо-земледельческим хозяйственным укладом.

При обсуждении докладов выступили М. О. Косвен и С. П. Толстов. Отметив интерес и содержательность докладов, М. О. Косвен высказал мнение, что в подходе к исследованию отдельных ячеек родового общества оба автора допускают методологическую ошибку, начиная это исследование от более широкого коллектива — племени — и кончая самой мелкой частью рода — патронимией. М. О. Косвен считает, что надо идти обратным путем. Мелкие, простейшие ячейки рода могут быть изучаемы этнографами в их недавнем, а иногда и современном реальном бытовании, тогда как племя и род — понятия сложные, путанные, в значительной мере ставшие уже отвлеченными, и информаторы, дающие сведения нашим экспедициям, часто сами в них

не вполне разбираются, что может представить большие трудности для исследователей. С. П. Толстов подробно остановился на разделе доклада С. М. Абрамзона, в котором автор раскрывает роль генеалогических сказаний в общественной жизни кочевых и полукочевых народов. С. М. Абрамзон отметил, что этнографы нередко принимают историческую традицию за действительно существовавшие общественные отношения. Мы мало еще до сих пор занимались вопросами истории мировоззрения, общественной идеологии изучаемых народов, сказал С. П. Толстов. Докладчик, по его мнению убедительно доказал, что вся та сложная структура родо-племенной организации, которая представляется в генеалогических схемах,—не более, чем историческая концепция, имеющая определенное классовое значение. Можно привести целый ряд примеров, подтверждающих этот тезис. Один из них относится к периоду 1224 года на Северном Кавказе произошло столкновение монголов с аланскими и кыпчакскими племенами, выступившими единым фронтом в борьбе с завоевателями. Тогда монголы обратились к кыпчакам с воззванием, в котором призывали покинуть чуждых им по происхождению алан и присоединиться к монголам, народу одного с ними происхождения, одной крови. Как известно, кыпчаки поддались этой провокации, в результате чего были разбиты монголами сперва аланы, а затем и сами кыпчаки. Другой пример относится к той же эпохе. После покорения монголами всей Средней Азии и Ирана наступает время появления интереснейших исторических трудов, в числе которых выдающееся место занимает труд Рашид-ад-дина «Сборник летописей». В этой книге детально излагается генеалогия тюркских племен, причем задача автора являлось обоснование одной из главных идей, пропагандируемых монголами в Средней Азии, единства генеалогии, единокровной общности тюрков и монголов таким образом, идеологическими средствами поддерживалось объединение монголов с тюркскими племенами, игравшими столь крупную роль в условиях создания монгольской империи. Повидимому, целый ряд звеньев традиционных генеалогий у народов Средней Азии, при их критическом изучении, может оказаться исторической фальсификацией, служащей интересам господствующей верхушки патриархально-феодалного или феодального общества.

Вторым вопросом, на котором остановил внимание в своем выступлении С. П. Толстов, был тезис С. М. Абрамзона о повсеместно наблюдающемся отличии родо-племенной структуры от ее материального, реального выражения в хозяйственно-общественной жизни кочевников казахов и киргиз—народов с классическим родо-племенным строем в их историческом прошлом. По существу, у них уже давно отсутствуют такие ячейки общества, которые могли бы быть названы родом или племенем, хотя родо-племенное деление устойчиво сохраняется. Доказательством этого служит определенность и разноречивость в номенклатуре делений родо-племенной структуры. Термины «тайфа», «ру», «эль» — самим населением употребляются применительно к различным подразделениям этой структуры—иногда они относятся к более мелким, иногда к крупным делениям. Это, в частности, хорошо видно при анализе надписей на казахских надгробиях, в которых, как правило, излагается родо-племенная принадлежность покойника — племя, род, подразделение. Чем ближе к нашему времени дата надгробия, тем большая путаница наблюдается в терминах, обозначающих племя, род, а в новейших надписях советского периода в качестве «племен» («тайфа») пишут «казах»; это очень интересное свидетельство развития национального самосознания и изживания пережитков родо-племенного деления. Подобная же неустойчивость номенклатуры родо-племенных делений наблюдается у туркмен. Туркменовед Г. И. Карпов положил много труда для уяснения системы терминов, обозначающих деления туркменской родо-племенной структуры, но зачастую от разных информаторов он записывалась различная последовательность этих терминов. Все эти факты говорят, что подразделения родо-племенной структуры не соответствуют реально существовавшим в XIX—начале XX в. общественным хозяйственным ячейкам — в противном случае они были бы вполне определенны. В свое время племенные и родовые подразделения играли значительную роль в жизни кочевых народов Средней Азии, в связи с регулированием использования пастбищ. Но в ходе исторических событий, различные более или менее крупные деления выступают в качестве наиболее важных и политически сильных; устойчивости племенных и родовых общностей, столь характерных для настоящего родового строя,—здесь давно нет. Словом, у этих народов в дореволюционный период существовала общественная организация, свойственная последней стадии разложения родового уклада, с теми пережиточными формами сохранения родовых традиций, которые характерны для кочевых и полукочевых народов в условиях господства феодальных и проникновения капиталистических отношений.

* * *

При подведении итогов работы сессии было признано, что обсуждение 8 замечательных докладов на различные темы истории родового общества оказалось чрезвычайно плодотворным. Организовывая сессию, дирекция Института ставила перед собой практическую задачу — убедиться в степени подготовленности сборника «Проблемы истории родового общества», который должен быть сдан в печать в 1950. В результате выяснилось, что, несмотря на ряд недоделок и необходимость доработки

большинства статей, второй раздел сборника, посвященный вопросам патриархального рода и военной демократии, обеспечен ценными и интересными исследованиями, которые представят значительный вклад в изучение данной проблемы. Кроме заслушанных на сессии работ М. О. Косвена, Б. О. Долгих и М. Г. Левина, И. И. Потехина, В. А. Никольской, С. М. Абрамзона, Т. А. Жданко, в редакцию сданы для этого раздела статьи: Е. Д. Прокófьевой «О селкупских родах и фратриях», К. Л. Задыхиной «Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии», Н. А. Кислякова «Калым и приданое у таджиков», Е. В. Талановой «Возрастные классы и система передачи власти в Восточной Африке», С. В. Иванова «Бурятские онгоны с изображением женщин и их роль в эпоху патриархально-феодальных отношений» и Л. И. Лаврова «Происхождение некоторых элементов военной тактики».

Что же касается первой части сборника, тематика которой связана с вопросами происхождения родовой организации и, в частности, происхождения экзогамии, то, как выяснилось на сессии, бесспорным вкладом в разрешение этой сложной теоретической проблемы является лишь исследование Д. А. Ольдерогге, обсужденное на сессии. Что же касается работы Н. А. Бутинова о происхождении экзогамии и Ю. М. Лихтенберга, представившей тезисы статьи на тему «Происхождение классификационных систем родства (турано-ганованской группы) и происхождение австралийских брачных классов», то эти статьи требуют серьезной переработки в связи с отсутствием в них принципиально нового по сравнению с предыдущими исследованиями австралийского материала, с отсутствием исторического подхода к изучаемым явлениям социального строя австралийских племен. Авторы должны покончить со старым методом схоластического отвлеченного изучения систем родства путем бесчисленных вариантов комбинирования терминов родства, а написать исторические работы, в которых проявилось бы уважение к историческому факту, характерное для нашей этнографической науки. Лишь после того, как весь фактический материал будет пересмотрен с точки зрения конкретной истории каждого изучаемого австралийского племени, для исследователя станет ясно, что представляло собой это племя на том этапе, когда собирался материал,— можно будет конструировать большие исторические обобщения, устанавливать процессы общественного развития. Авторы согласились с критикой и полученными указаниями, и статьи будут подвергнуты ими коренной переработке.

Т. Жданко

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

13 декабря 1949 г. аспирант Института М. М. Ихил о в защитил кандидатскую диссертацию на тему «Горские евреи» (опыт монографического исследования). Официальными оппонентами выступили: доктор исторических наук П. И. Кушнер и кандидат исторических наук Е. С. Зевакин. Диссертация освещает основные вопросы происхождения и истории этого небольшого горского народа, живущего в пределах Дагестанской АССР и отчасти Азербайджанской ССР, и дает основные сведения о его быте до Великой Октябрьской социалистической революции и при советской власти, о расцвете его хозяйства и культуры в настоящее время. Написана работа в основном по полевым материалам автора, собранным им во время его экспедиционных поездок в 1944—1948 гг., с привлечением большого литературного и архивного материала. Как отметил П. И. Кушнер, изложение М. М. Ихилова проникнуто основной идеей о близости культуры горских евреев культуре других народов Дагестана, вытекающей из общности их исторических судеб. Анализируя отдельные сельскохозяйственные орудия горских евреев и применяемые ими способы обработки земли и ухода за сельскохозяйственными культурами, диссертант приходит к выводу, что они аналогичны тем, которые применяются остальным окружающим населением, и что поэтому говорить об особой этнической специфике хозяйственных навыков горских евреев нельзя. Если и есть некоторые различия в хозяйственной деятельности горских евреев по сравнению с соседними национальными группами Дагестана, то эти особенности вызваны не этнической спецификой народа, а социально-экономическими причинами и отчасти различиями в предписаниях религии. К таким же выводам приводят анализ и описание жилища и одежды горских евреев. В отличие от многих дореволюционных авторов, подчеркнул оппонент, М. М. Ихилова считает горских евреев по преимуществу земледельцами и виноградарями; ремесло и мелкую лоточную торговлю он отодвигает на второстепенное место в хозяйстве этого народа, объясняя их развитие только лишением горских евреев права владеть землей. Они вынуждены были брать землю в аренду за высокую плату и, чтобы окупить эти расходы, стремились культивировать наиболее ценные в товарном отношении, хотя и трудоемкие, пищевые и технические культуры. В отличие от натурального хозяйства остальных горцев, хозяйство горских евреев носило более товарный характер—отсюда, возможно, и возникло предположение об этом народе как народе торговом. Приводимые диссертантом данные позволяют установить, что горские евреи были действительно земледельческим народом и что производительный сельскохозяйственный труд, а не торговля, был основным источником их существования. Торговля играла значительную роль у горских евреев, живших в городах, но и это была по преимуществу

мелкая торговля в разнос, крупных же купцов, обладавших недвижимым имуществом и большими капиталами, насчитывалось не более десятка.

Исследуя социальный строй и семейные отношения горских евреев в прошлом, М. М. Ихиллов развертывает на оригинальном материале личного сбора картину бытования у этого народа (в некоторых местах вплоть до Октябрьской революции) большой семьи, распада ее, изменения семейного быта. В главе о религии и верованиях диссертант четко формулирует и подкрепляет фактическим материалом положения о реакционной роли иудаизма и связи его с шовинистической идеологией сионизма.

В специальной главе автор, показав экономическое и национальное угнетение горских евреев до революции, суммирует изменения, происшедшие в жизни горских евреев за годы советской власти и раскрывает итоги ленинско-сталинской национальной политики в отношении этого небольшого народа. При этом он не вырывает процесс исторического развития национальной культуры горских евреев из общего процесса социалистического строительства в СССР и наглядно показывает расцвет хозяйства и культуры народов Дагестана и горских евреев в их числе. В результате исследования диссертант приходит к выводу о том, что материальная и духовная культура горских евреев все более сближается с культурой соседних народов и что недалеко то время, когда из множества разнородных народов Дагестана образуется одна социалистическая нация дагестанцев.

Подробно разобрав положительные стороны обсуждаемой работы, П. И. Кушнер остановился и на имеющихся в ней погрешностях и пробелах. В работе, сказал он, недостаточно выявлено положение женщины — горской еврейки — в прошлом, не приведен материал о процессе ее постепенного освобождения от власти мужа от власти религии, — процессе, начавшемся с первых дней Октябрьской революции и не вполне закончившемся еще и в настоящее время. Описание жилища ориентирует читателя в отношении внутреннего расположения и назначения отдельных помещений, не показано распределение жилищ по составу членов семьи и потому внутренний строй современных жилых домов не противопоставлен старому, дореволюционному их типу. В подробно разработанной автором главе о пище много места отведено способам приготовления отдельных кушаний, но не дается характеристики тех ограничений и особенностей в пище, которые вызывались религиозными правилами. А между тем анализ кулинарии дает чрезвычайно много в этом отношении. Серьезные возражения, сказал П. И. Кушнер, вызывает попытка автора поставить вопрос о путях формирования новых национальных образований в Дагестане. М. М. Ихиллов считает, что уже в настоящее время создается новая дагестанская социалистическая нация, приводимый же им материал совершенно недостаточен, чтобы делать такие выводы, ибо он сводится по существу к тому, что театральные пьесы и народные песни, исполняемые на языках отдельных народов Дагестана, охотно смотрят и слушают местные жители разных национальностей. Сложная, требующая специального углубленного изучения проблема формирования в СССР новых социалистических наций не может решаться на такой узкой основе. Имеющиеся в диссертации недочеты, подчеркнул П. И. Кушнер, не умаляют ее значения как ценного исследования, основанного на марксистско-ленинской методологии и кладущего начало действительно научному изучению истории горских евреев, их современной культуры и быта.

С. Е. Зевакин в своем выступлении присоединился к анализу и оценке диссертации, данным П. И. Кушнером. Указав на положительные стороны и недочеты в работе, он отметил ее боевую, политическую заостренность. Работа, сказал он, стоит на уровне советской науки; она внесла также много ценного фактического материала, таящегося в быту, но пока еще недоступного исторической науке. М. М. Ихиллову присуждена степень кандидата исторических наук.

29 декабря 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию окончивший аспирантуру Института И. С. Гурвич. Диссертация, озаглавленная «Оленекские и анабарские якуты», посвящена исследованию мало изученной части якутского народа, обитающего в бассейнах рек Оленека и Анабары, на крайнем северо-западе Якутской АССР. Официальные оппоненты — доктор исторических наук А. П. Окладников и кандидат исторических наук Б. О. Долгих, подробно разобрав представленную работу, отметили ее крупное значение для исторической науки, в частности, для этнографии. Работа, сказал Б. О. Долгих, содержит обширный исторический очерк и детальное описание хозяйства, материальной и духовной культуры, общественных и семейных отношений этой группы якутов, основанные на тщательном изучении литературных и архивных источников и на полевом материале автора, собранном им в течение 5-летнего пребывания на Оленеке. Очень ценно и имеет практическое значение данное диссертантом описание различных сторон и этапов социалистического строительства у оленекских и анабарских якутов. К числу несомненных удач автора, отметил оппонент, следует отнести раздел «Оснащение отрядов русских служилых людей: камня на камне не оставляющий от утверждений В. Г. Богораза о низкой мореходной культуре и авантюристском характере походов казаков XVIII в. Раздел «Вопрос о городе Оленске» кладет конец путанице и легенде об этом «мифическом городе». Следует отметить также данное диссертантом описание кочевых групп, состоявших из членов разных родов, что свидетельствует о переходе северных якутов на рубеже

XIX и XX вв. от родовых объединений к территориальным объединениям типа соседской общины.

Диссертант, сказал далее Б. О. Долгих, ставит и разрешает на своем материале чрезвычайно важный вопрос об этнической принадлежности рассматриваемого им населения. На основании архивных материалов он показывает, как первоначальное тунгусское население данного района с конца XVII, а главным образом в течение XVIII в. сменяется якутским, и неопровержимо устанавливает якутскую этническую принадлежность современного населения бассейнов Оленека и Анабары. Этот вывод имеет большое практическое значение, так как по вопросу об этнической принадлежности указанного населения вплоть до настоящего времени существовали разногласия, которые неблагоприятно отражались на практической работе на местах и искажали статистику этнического состава населения северной Сибири в целом и Якутской АССР, в частности. Важность постановки данного вопроса подчеркнул и А. П. Окладников. Он считает вполне правильным и убедительно доказанным основной вывод, к которому пришел диссертант, — вывод о том, что оленекские оленеды представляют собой в настоящее время северо-западную часть якутского народа, возникшую в сравнительно недавнее время в процессе взаимодействия и смешения трех этнических групп: коренного эвенкийского населения, главным образом племени эжан или элян (азян); якутов-переселенцев из Вилюйского и центральных районов Якутии; русских промышленников и служилых людей XVII—XVIII вв. Главная роль в этом процессе смешения, по мнению А. П. Окладникова, принадлежала якутам, влияние которых определило и этническое самосознание образовавшегося смешанного населения — как якутов. Процесс этот, как показал диссертант, достигает своего завершения лишь в советское время, когда складывается новая социалистическая нация, частью которой и являются эти оленево-эвенческие племена в бассейнах Оленека и Анабары.

Основные замечания оппонентов относились к историческому очерку. Неосвоенным, по мнению Б. О. Долгих, остался вопрос о том, к каким из тунгусских племен Оленека и Анабары XVII в. относятся отдельные роды, диссертанту следовало бы внести полную ясность в вопрос о родо-племенном составе оленекских и анабарских тунгусов того времени; советская историческая наука не может удовлетвориться оперированием родовых и племенных названий народов северной Сибири, не связывая каждое из них с конкретной группой населения и не прослеживая судьбы каждого племени и его составных частей. Необходим более последовательный историзм в изложении и освещении фактов. Одним из недочетов работы оппонент считает слишком краткую характеристику хозяйства оленекских тунгусов в XVII в. Диссертант не показал, что главным источником существования населения Оленека в то время была охота на диких северных оленей. Богатство этого района диким оленем и возможность забивать его на переправах через реку, повидимому, и было главной причиной того, что сюда после прихода русских устремились якуты, — обстоятельство, очень важное для доказательства общей концепции диссертанта, так как иначе трудно объяснить, что же привлекло якутов в этот район, бедный рыбой и непригодный для привычного им скотоводства. Неутраченным в диссертации остался вопрос о том, следует ли считать роды оленекских тунгусов большими семьями или патриархальными родами. По мнению Б. О. Долгих, группы родовой в 20—40 человек взрослых мужчин (т. е. 80—160 человек обоого пола всех возрастов) в условиях северной Сибири можно считать только родами. Предостерегая от преувеличения значимости родовых отношений у оленекских тунгусов XVII в., диссертант указывает на то, что среди них уже выделялись «князьцы» и были холопы (т. е. рабы). Однако существование патриархального рабства не может служить препятствием к тому, чтобы утверждать наличие патриархального рода и господства родовых отношений. Термин «князьцы» русские служилые люди относили и к родовым старейшинам. Наличие военных вождей, появляющихся уже в материнском роде, свойственно и развитым родовым отношениям и не может быть доказательством возникшей дифференциации в роде. В отношении же оленекских тунгусов термин «князьцы» во второй половине XVII в. вообще исчезает. Высказанные замечания, подчеркнули оппоненты, не умаляют значимости диссертации в целом, ибо она представляет собой серьезный труд, базирующийся на марксистско-ленинской методологии и насыщенный конкретным материалом, в значительной части почерпнутым из личных наблюдений автора; это делает работу И. С. Гурвича важнейшим источником, из которого специалисты будут черпать материал по самым разнообразным вопросам как общей этнографии, так и этнографии северной Сибири. Опубликование этой работы весьма желательно.

Выступивший затем профессор С. А. Токарев также дал высокую оценку представленной диссертации, как и всей научной работе диссертанта. Особенно большое значение, сказал он, имеет постановка И. С. Гурвичем вопроса об этнической принадлежности населения бассейна Оленека и Анабары. Вопрос этот имеет сугубо практическое значение, ибо здесь налицо до сих пор существующее этнографическое недоразумение, в результате которого указанное население считается эвенкийским, в район этот засылаются эвенкийская литература и учебники, которыми никто пользоваться не может, и т. д. Работа И. С. Гурвича поможет внести ясность в этот вопрос.

Вокруг этого вопроса на диспуте разгорелись оживленные прения. П. Е. Терлецкий, исходя из статистических данных, возражал диссертанту. Выступившие вторично

А. П. Окладников и Б. О. Долгих, а также Г. Ф. Дебеч, опираясь на историко-этнографические данные, поддержали концепцию И. С. Гурвича. К этой точке зрения присоединился С. П. Толстов, который, подводя итоги диспуту, указал на необходимость принять меры к исправлению глубоко укоренившейся этнографической ошибки и подготовить обоснованное научное заключение по данному вопросу и направить в соответствующим организациям.

И. С. Гурвичу присуждена степень кандидата исторических наук.

29 декабря 1949 г. защищена кандидатская диссертация научным сотрудником Государственного Музея Этнографии М. А. Каплан. Тема диссертации — «Основные жанры нанайского (гольдского) фольклора: «нингман» — сказки, «тэлуягу» — предания». Официальные оппоненты: доктор исторических наук В. И. Чичеров и доктор филологических наук В. И. Цинциус. Работа распадается на две части: первая посвящена исследованию указанной темы, вторая содержит собранные диссертанткой фольклорные тексты, послужившие основным материалом исследования. Как отметили оппоненты, представленная диссертация является первым фундаментальным трудом, посвященным исследованию богатейшего народного творчества нанайцев, до настоящего времени остававшегося не изученным. Данное в работе собрание фольклорных текстов, записанных М. А. Каплан в подлинниках и тщательно, со знанием дела переведенных ею на русский язык, является одним из самых крупных в области фольклора народов советского Севера и Дальнего Востока. Диссертантка, сказала В. И. Цинциус, не только собрала эти тексты, но впервые подвергла их систематизации и классифицировала по жанрам. Очень интересны наблюдения, сделанные М. А. Каплан в отношении бытования фольклорных жанров у нанайцев. Подвергнув тщательному анализу один из наиболее сложных жанров нанайского фольклора — определяемый ею как героико-эпическая сказка, диссертантка не ограничила в своем исследовании; хотя и в более схематичном виде, но все же достаточно рельефно ею очерчены особенности еще нескольких жанров. Таким образом, благодаря проделанной М. А. Каплан работе, перед нами раскрылись таившиеся до сих пор неизведанными богатства народного творчества этого небольшого народа нашей страны.

В. И. Чичеров сосредоточил свое внимание на разборе исследовательской части диссертации, ставящей ряд специальных вопросов фольклористики. Он указал на правильность пути, которым пытается идти диссертантка при решении этих вопросов. В противовес установившимся в буржуазной науке традициям отождествления народного творчества и религии на ранних этапах истории человеческого общества, М. А. Каплан, исходя из анализа собранных ею материалов, стремится доказать, что фольклор возникает в результате активной трудовой деятельности людей, что в его художественных образах отражены не мистические идеи, а реальная действительность и характерные черты экономики, социального строя, культуры, и быта данного народа. Преподлагая реалистическое в своей основе сказочное народное творчество религиозным представлениям, выраженным в шаманских легендах, мифах и преданиях, М. А. Каплан показывает их различную сущность, вместе с тем прослеживая, как включаются в фольклор и какую форму принимают образы первобытной религии и описания шаманских обрядов. Поставив сложную мировоззренческую проблему генезиса нанайского фольклора, диссертантка решает ее с материалистических позиций. Такое решение опровергает идеалистические по своей сущности взгляды на фольклор народов Севера и Дальнего Востока, пропагандировавшиеся в работах Д. К. Зеленина, И. Винникова, В. Я. Проппа и ряда других исследователей. Однако критическая часть исследования М. А. Каплан недостаточно четко связана с его позитивной частью. Диссертантка очень робко и слабо критикует порочные взгляды, против которых направлена вся ее работа. В исследовании не дается политической квалификации пороков буржуазной науки, а потому не чувствуется страстной борьбы за марксистско-ленинскую этнографию и фольклористику. Боязнь прямо сказать о принципиальном расхождении с Зелениным, Проппом и другими противниками защищаемой диссертанткой концепции приводит к некритическому использованию ею отдельных положений этих ученых. Так, ненужная цитация положений Д. К. Зеленина вносит диссонанс по отношению ко всей работе М. А. Каплан тезис о тотемическом происхождении всех сказок о животных. Та же несостоятельность критики характеризует и замечания диссертантки относительно отождествления Л. Я. Штернбергом фольклора и религиозных воззрений. Л. Я. Штернберг — крупный ученый, много сделавший в свое время, но у него были серьезнейшие ошибки идеалистического порядка; критика этих ошибок особенно необходима, так как до сих пор еще некоторые советские этнографы склонны канонизировать взгляды Л. Я. Штернберга.

Одним из несомненных достоинств обсуждаемой диссертации, сказал далее В. И. Чичеров, является то, что в ней наряду с анализом содержания сказок — нингман делается попытка рассмотрения их формы. Диссертантка при этом исходит из совершенно верного положения о том, что художественные средства нингман служат изображению героизма основных персонажей, будучи подчинены идейному содержанию произведений. Однако здесь М. А. Каплан еще не удалось преодолеть традиции рассмотрения отдельных поэтических приемов «самих по себе», — художественные средства не вскрываются в их смысловом значении и анализ формы заменяется перечнем типичных для нингман приемов. Диссертантка, отметил далее В. И. Чичеров, ограничилась сообщением ценных фактических данных о нанайских сказителях, не

связав этих данных с раскрытием идейного содержания их произведений. Сами ска-
зители показаны как одиночки, а не как носители коллективного творчества народа.
Недоучет коллективного начала в фольклоре обусловил и некоторые неточные и спор-
ные положения, высказанные М. А. Каплан в отношении советского фольклора. Тако-
ю утверждение, что советский фольклор — это литературная самодеятельность. Этот
тезис базируется на понимании устности, как основного признака старого фольклора.
В действительности же устность — следствие неграмотности народов дореволюцион-
ной России, а отнюдь не основополагающий признак народного творчества. Таким
признаком является коллективность, о чем имеется замечательное высказывание
М. И. Калинина в его речи при вручении орденов деятелям казахского и украин-
ского искусства в 1936 г. Специфика фольклора и в прошлом, и в настоящем опре-
деляется не устностью, или письменностью бытования, а коллективным началом твор-
чества, объединение в данном произведении творческой инициативы народа, непре-
рывно шлифующего свои произведения. Литературная же самодеятельность далеко
не всегда сочетается с такой творческой шлифовкой коллективом своих произведений.
Имеющиеся в работе недостатки, сказал в заключение оппонент, не умаляют ее
ценности, как серьезного вклада в нашу фольклористику. Работа вполне отвечает
требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации. Диссертантке присужде-
на искомая степень.

О. Корбе

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЧУВАШСКОЙ АССР

Мощное развитие социалистического строительства в нашей стране значительно
изменило и быт и культуру ее народов. Прежде отсталые народности быстро догоняют
более культурные народы, сравниваются с ними и совместно движутся вперед. Все
сказанное относится и к чувашскому народу, прежде забитому царскими чиновни-
ками и миссионерами, прилагавшими все меры к его обрусению. Но чувашские
трудовые массы и в этой обстановке сумели сохранить свою культуру — язык, обычай,
быт в целом, а после Великой Октябрьской социалистической революции, под ру-
ководством большевистской партии и ее вождей Ленина и Сталина, при широкой
помощи великого русского народа, успешно строят свою культуру, национальную
по форме, социалистическую по содержанию. В чувашской деревне идет огромная
работа по перестройке быта, идет борьба прогрессивного нового со старым, и этот
процесс необходимо изучать, фиксировать отдельные его моменты.

Не менее интересна и история быта чуваш. Народ в течение длительного периода
своего исторического существования создал свою оригинальную культуру, весьма
сложную по происхождению ее составных частей, несколько отличную в различных
местах обитания чуваш, но в целом единую, присущую только этому народу. В быту
чуваш сохранилось немало отдельных форм, которые дают возможность говорить об
этногенезе народа, об отдельных этапах его истории.

К сожалению, современный быт чувашской колхозной деревни до сих пор почти
не изучался, не имеется материалов и по старому быту, собранных с анализом
происхождения и развития его форм. Старые печатные работы в массе своей носят
лишь описательный характер, а собранные в музеях материалы весьма слабо дати-
рованы, и лица, не знающие достаточно хорошо чувашского быта, не в состоянии
в них разобраться.

В целях фиксации изменений быта трудящихся в процессе социалистического
строительства, а также для изучения старого быта, знание которого необходимо в
связи с работой над историей чувашского народа, Чувашским научно-исследователь-
ским институтом языка, литературы и истории (ЧНИИЯЛИ) совместно с Чувашским
краеведческим музеем (ЧКМ) организована этнографическая экспедиция. Экспеди-
ция в течение 3—4 лет должна собрать необходимые материалы как по строитель-
ству нового быта колхозной деревни, так и по его истории. Чувашским научным
организациям в этом деле серьезную помощь оказал Казанский филиал Академии
Наук СССР, выделивший руководителя работы.

1949 год был первым годом работы экспедиции. Она работала в полевой об-
становке в течение 25 дней единым отрядом в составе сотрудника ЧНИИЯЛИ
Н. Р. Романова, сотрудников ЧКМ А. Р. Симоновой и А. Н. Львовой под руковод-
ством автора настоящей заметки. Поскольку работа экспедиции в первом году носила
несколько разведывательный характер, исследования охватили выборочно районы
поселения различных групп чуваш. Были посещены Советский и Сундырский районы,
населенные верховыми чувашами, Комсомольский и Яльчикковский, занятые низовыми
чувашами, и Цивильский, где живут чуваша промежуточной группы, так называемые
средненизовые.

Работа велась по достаточно широкой программе. Собирались материалы по
экономике и культурному строительству современной колхозной деревни, по экономике

прошлого, по материальной культуре, современной и отживающей, по социальным отношениям прошлого и истории классовой борьбы, по элементам духовной культуры прошлого. Частично собирались материалы по фольклору и особенностям языка. всем этим вопросам собраны интересные данные, сделано до 150 снимков, собраны коллекции.

В 1950 и 1951 гг. намечено проведение работ по той же программе уже группами с тем, чтобы охватить исследованиями большую часть территории республики и собрать необходимые материалы. В 1952 г. будут проведены исследования быта чуваш, живущих вне территории ЧАССР, как на правом берегу Волги, так и в Заволжье. Эти чуваш, переселившиеся в XVII — XVIII вв., на месте своего нового обитания сохранили в быту много архаичных черт, исчезнувших уже в основных местах, занятых народностью. В исследовании примут участие еще ряд научных работников Чувашии, а также аспиранты Казанского филиала Академии Наук СССР.

Остановимся кратко на результатах работы экспедиции 1949 г. Прежде всего изучался современный быт колхозной деревни и те изменения в быту и культуре в целом, которые происходят все время, но особенно интенсивно после проведения коллективизации. Борьба за новый быт идет в каждом поселке, в каждом доме. Возглавляет ее молодежь, но и старшее поколение в своем большинстве встало прочно на путь перестройки быта.

Больше всего в колхозной деревне изменилось хозяйство. Теперь колхозники знают чересполосицы, крохотных полосок с бесконечными межами. Высокая агрокультура сняла с очереди прежний вопрос о малоземелье. Колхозные поля дают значительно больше, чем поля старой деревни, а после проведения сталинского плана преобразования природы дадут еще больше. Многополье с травосеянием все больше и больше разрешает проблему недостатка кормов для скота из-за малого числа лугов в большинстве районов ЧАССР. Животноводство в чувашских деревнях развивается. В колхозах имеются достаточно крупные фермы, почти нет колхозников, не имеющих в индивидуальном пользовании коровы, мелкого скота и птицы. Развивающееся хозяйство колхозов повышает благосостояние колхозников, создает базу для перестройки всего быта, для повышения культуры.

Постепенно начинают перестраиваться и сами колхозные поселки. Некоторые колхозы, как, например, колхоз имени Ворошилова Яльчиковского района, составили новые планы поселков и ведут по ним строительство; в других по-новому строят только отдельные дома. Новые дома строятся, как правило, многоквартирные, обставляются городского типа мебелью; переделываются и старые дома. Здесь также является стремление разделить дом на несколько комнат, оклеить обоями стены, обставить хорошей мебелью. Совершенно исчезли старинные нары, на стенах стали развешивать портреты руководителей партии и правительства и фотографии близких. Появились едва ли не в каждом доме полочки с книгами, а иногда и этажерки. В деле перестройки жилища, как и всего быта, большую роль играет интеллигенция, численность которой в современной чувашской деревне стала весьма значительной.

Северные чувашские деревни утопают в зелени, а в южных районах, где раньше было мало, ведутся большие посадки деревьев на улицах и дворах. Не редкость теперь в палисаднике перед домом или в саду встретить даже цветы, о которых прежний бедный чувашский крестьянин и думать не мог.

Изменяется и одежда, причем здесь наблюдается интересная модернизация старой национальной одежды и приспособление ее к новому, социалистическому быту. Так, верховые чувашки изменяют свою белую рубашку, которую они раньше носили туго подпоясанной, с выдернутыми вверх пояса напуском. Ввиду того, что этот напуск заметен преимущественно сзади, так как спереди он закрывается фартуком, то многие девушки теперь стали на заднем полотнище рубашки и на боковых клиньях застрачивать широкую складку, которая дает впечатление напуска, а в то же время становится ненужным пояс, который стягивался очень туго и доставлял ряд неудобств. Внешняя рубашка осталась той же, но по сущности превратилась уже в платье. Некоторые девушки идут еще дальше. Они делают юбку с крупными борами сзади и затем кофту с поясом, из-под которого спускается широкая складка, сзади и с боков пышно собранная. При надевании эта складка также дает впечатление напуска. Низовые чувашки свои рубашки из пестряди с оборками стали делать более пышными сзади, путем расширения заднего полотнища, которое пришивается к кокетке в сборку. Эти изменения еще только первые, но они интересны тем, что народ перестраивает свой быт, стремясь сохранить то национальное, что удобно и привычно. Здесь очень ярко проявляется национальное творчество.

Изменяется и питание народа. Зажиточный колхозник не только стал питаться разнообразнее и с большим количеством мяса и жиров, которые раньше нужда заставляла его продавать, но чувашки научились готовить многие кушанья, которых раньше не знали. Так, например, картофель, который прочно вошел в быт чуваш, начиная со второй половины XIX столетия, теперь употребляют не только в качестве приправы к жидким блюдам и в вареном виде, но и жарят его на сковороде. Кухонный инвентарь чувашки-колхозницы уже не ограничивается почти только одним котлом, а появляется большое количество посуды для изготовления пищи, что делает питание лучше и разнообразнее.

В корне изменились социальные отношения в колхозной деревне. Современный колхозник — это не прежний запуганный чувашин, боявшийся всего нового, стремившийся спрятать свою жизнь от постороннего взгляда, — нет, это сознательный и инициативный творец новой, социалистической жизни. Изменилась и чувашка. Она теперь не покорная исполнительница всяких работ, а активная участница новой жизни, инициативная. Показателен такой пример. Во время первой мировой войны, сводив на войну мужа, чувашка принуждена была идти на поклон к оставшимся в деревне мужчинам, просить их помощи и руководства, иначе она не могла справиться с хозяйством. В период же Отечественной войны 1941—1945 гг. женщины-колхозницы взяли на себя руководство хозяйством, полностью и хорошо справились с делом — выполняли с превышением поставки государству, все время слали подарки своим доблестным воинам и не плохо прожили сами. Мы видели не в одном колхозе председатели женщин, которые хорошо вели работу во время войны и сейчас держат свои колхозы в числе передовых (например, колхоз «Трактор» Комсомольского района).

Теперь в колхозной деревне почти всеобщая грамотность, есть библиотеки, клубы. Поднялось санитарное состояние деревни. Прежние болезни, как, например, трахома — результат грязи и общего бескультурья, почти совершенно ликвидированы.

Чувашская колхозная деревня строит новый быт, и наблюдения за этой перестройкой важны не только для чисто научных выводов, но и для руководителей хозяйственного и культурного строительства республики. Необходимо учитывать эти ростки нового, социалистического быта и культуры, помогать им развиваться и стать основными в культуре возрожденного народа.

Проводилось экспедицией и изучение старого, отживающего быта, который интересен с точки зрения выяснения истории его формирования и вместе с этим — вопроса этногенеза самого народа.

При изучении во всех элементах старого быта выявляются его древние корни — более поздние влияния, которые испытывал народ в течение достаточно длительного времени.

Старыми корнями являются наследие от местных предков чуваш, живших в условиях лесного края еще со времен первобытно-общинного строя, и бытовые формы тех пришлых степных племен, преимущественно булгарских, которые появились в крае в период становления классового общества и теснейшим образом сблизились с буригенами, внося много своего в их язык, быт и культуру. При этом наследия местных предков больше у верховых чуваш, живших в прошлом в густых лесах, и меньше у низовых, которые сильнее соприкасались со степняками в условиях лесостепной части места их современного обитания.

Лесные и степные формы прослеживались в жилище, одежде, питании, семейно-родственных отношениях, в древних обрядах и верованиях чуваш. Эти древние формы различного происхождения так тесно переплелись друг с другом, что создали единую своеобразную культуру, в которой трудно выделить отдельные составные части.

Позднее, когда верховым чувашам пришлось жить в тесной близости с горными народами, а низовым с мордовью и поволжскими татарами (казанскими и мишарями), между чувашами и соседями создались довольно многочисленные перекрестные влияния, выделять которые уже относительно легче. В быту чуваш чувствует также значительное и плодотворное влияние русской культуры, которое началось весьма давно и постепенно все увеличивается. Многие взяли чуваша у русского трудового народа, с которым они веками жили рядом, вместе трудились и боролись против феодального и капиталистического гнета, с которым рука об руку сейчас строят новую, социалистическую жизнь. Немало дала чувашам и передовая демократическая культура русского народа.

При помощи русской демократической интеллигенции чувашский народ получил в второй половине XIX в. свою письменность, начал создавать свою литературу. Кстати, отметим, большое участие, которое принял в деле создания и развития чувашской грамоты И. Н. Ульянов — отец В. И. Ленина. У чувашского народа истарино сложилось прекрасное отношение к русским, и напрасно националисты пытались разорвать эти связи, оттолкнуть чуваш от русских. Из этого ничего не вышло, да и не могло выйти. Чуваша уже давно научились отличать русский трудовой народ и его передовую демократическую интеллигенцию от представителей официальной царской России, многочисленных помещиков, чиновников и миссионеров-обрустителей, которые старались держать чуваш в темноте чтобы лучше их эксплуатировать.

В чувашском фольклоре мы видим резко отрицательное отношение к улуптам — так чуваша называли всех бар, чиновников и других царских угнетателей, и, наоборот, прекрасное отношение к русскому трудовому народу, стремление сблизиться с ним. Так, суеверные в прошлом чуваша создали легенду, что козмодемьянский помещик Цветков, убитый русскими крестьянами перед реформой 1861 г., являлся керемем (злым духом), приносящим вред и после своей смерти, а современные чувашские женщины, воспевая своих возлюбленных, всегда сравнивают их с русой,стройной майрой (русская женщина), желают, чтоб жены их были похожи на майру. Наименование майра служит похвалой для чувашки.

Свободный чувашский народ в братской семье советских народов строит новую

счастливую жизнь и вместе со всем советским народом воспевают творца этой великой Сталина.

Сталин ячĕ аслă ят	Имя Сталина великое
Тĕнчипĕлех янăрат,	По всему миру гремит,
Вăл эртсе пынипеле	Под его водительством
Халăх тÿрĕ сÿл тытат.	Народ идет по прямому пути.

(Записано в д. Сталино Цивильского района Чувашской АССР)

Н. И. Вог

КОЛХОЗНЫЙ МУЗЕЙ В АРМЕНИИ

Материал настоящей заметки собран мною в июле — августе 1948 г. и в мае 1949 г. во время моей полевой этнографической работы в селениях Лорийской области, куда я был направлен Государственным историческим музеем Академии Наук Армянской ССР. Этот материал показывает, как этнограф может оказать практическую помощь в деле культурного строительства колхозной деревни.

В результате колхозного строительства лорийские деревни основательно перестроились в экономическом, общественном и культурном отношении и совершенно изменили свой облик. Благодаря правильному сочетанию социалистического содержания и национальной формы во всех отраслях жизни и быта появились деревни нового типа, которые представляют собой совершенно новое качество и называются уже колхозными деревнями. Не углубляясь в детали, скажу только, что каждая из этих деревень превратилась в маленький городок, который отличается механизацией сельскохозяйственных работ, полнотой двухэтажных красивыми общественными, хозяйственными и жилыми зданиями с черепичными крышами, благоустроенными улицами, широким применением в производстве и в быту электричества, высокой культурой и т. д. Лорийские деревни прошли своеобразный, очень интересный с этнографической точки зрения путь развития, одним из выражений которого было территориальное перемещение этих поселений. В прежние времена лорийские деревни из экономических и оборонных соображений располагались большей частью на межах ущелий и равнин, прямо на скалах. С установлением советского строя и победой колхозного строя совершенно исчезли причины, прилепившие деревни к скалам. С начала 30-х гг. лорийские деревни начали отрываться от своих тесных скальных гнезд и выходить в широкие долины.

В настоящее время в каждой лорийской деревне можно отчетливо видеть две черты: старую, обычно уже необитаемую и заброшенную, либо настолько основательно перестроенную, что о старом напоминает там только церковь и сохранившиеся естественные полуземлянки, и новую деревню, развернутую по плану на ближайшем к старой поселению удобном и просторном поле. В центре такой новой деревни расположены административные, культурно-просветительные и прочие здания, а вокруг хозяйственная часть колхоза: скотоводческие фермы, гумна, мастерские, сады, огороды, поля и т. д.

В каждой лорийской деревне, на ее старой части, можно найти еще три сохранившиеся еще старинные полуземлянки. Они являются типичными жилищами прежнего Лори и называются «гхлатун» (главный дом). «Гхлатуны» теперь не обитаемы и не служат никакой практической цели. Большей частью в них до сих пор в неизменном виде сохраняются все те предметы быта и сельскохозяйственные орудия, которыми в свое время пользовались хозяева этого жилища и которые теперь востребованы экономическим и культурного подъема деревни, уже вышли из употребления.

И вот лорийские сельские организации по собственной инициативе взяли на себя дело сохранения этих готовых домов-музеев. Наблюдение и поддержание в благоустроенном виде такого дома-музея обычно поручается кому-либо из стариков деревни, «гхлатуну», за что он оплачивается либо трудоднями, либо в соответствии с суммой деньгами. Но большей частью старики сами с готовностью берут на себя дело без всякого вознаграждения.

Из числа этих домов-музеев самым образцовым можно считать «гхлатун», принадлежавший Мехаку Айвазяну в сел. Ваагни Кировоканского района. Охрану и уход за этим «гхлатуном» нес по поручению сельсовета сам бывший его хозяин, а после его смерти в 1943 г. эти обязанности с готовностью взяла на себя его вдова, 75-летняя старушка, Овсання Айвазян.

В левом конце «срах»а (сеней) «гхлатуна» расположен «чарх» — примитивное месленное оборудование для обработки дерева; в противоположном конце находится «бухари» — камин, в котором на «кыскаренке» (треножнике) стоит медная кастрюля («пгинда»), а на стене висит примитивный светильник, горящий на растительном масле («дзети джрак»). Около «бухари», в стене, находится печь для хлеба, которой Лори начали пользоваться с 70-х гг. прошлого столетия. «Гхлатун» имеет два отделения или комнаты: наружную и внутреннюю. Из наружной комнаты одна дверь открывается в кладовую («маран»), где хранились сушеные фрукты, маринады,

петки и прочие продукты (посуда для хранения этих продуктов сохраняется там же без изменений). В наружной комнате стоят деревянные грубые кровати с постельями (на одной из этих кроватей иногда ночует сама домохозяйка) и прочая утварь. В середине внутренней комнаты расположен «торон», или «тонир», — глиняная печь, вырытая в полу, над которой в кровле находится «ердик» — отверстие для выхода дыма. На усадьбе «гхлатуна» имеется амбар, в котором хранились зерновые продукты, полеволческие, скотоводческие, ремесленные, охотничьи, пчеловодческие и иные многочисленные, разнообразные орудия и предметы. Бережливая домохозяйка — смотрительница «гхлатуна» — все эти предметы аккуратно разложила по своим местам и любезно объясняет посетителям их роль и значение. На расстоянии 30 м от «гхлатуна» расположены хлев и сенник. Хлев состоит из нескольких отделений, в том числе из «ода», где проводили свое время исключительно мужчины и где сохраняются «пахт» и «очаг», и из отделений для разного скота соответственно породе и возрасту. «Гхлатун», хлев и сенник окружены каменным забором.

Лорийские дома-музеи с каждым днем обогащаются новыми экспонатами, теми предметами, которые выходят из употребления вследствие появления в общеколхозном хозяйстве и в хозяйстве отдельных колхозников новых, более усовершенствованных предметов.

Таким образом, наряду с известными нам до сих пор историко-археологическими памятниками, возник новый вид исторического памятника — этнографический. Учитывая значение этих стихийно, по местной инициативе колхозников, возникших домов-музеев, Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров Армянской ССР, которому по постановлению Совета Министров поручена охрана исторических и археологических памятников на территории советской Армении, взял на себя также охрану этих историко-этнографических памятников.

Но непосредственные инициаторы этого дела — организации армянской колхозной деревни — творят новые формы и способы более многостороннего освещения старой и новой жизни родной деревни и умело используют в этом деле метод противопоставления старого новому.

Один вид такого рода работы был введен в школьную практику в селении Куртапан Степанаванского района. До установления советского строя куртанцев называли в насмешку «амбоградцы» — из города Амбо и рассказывали о них много анекдотов на тему об их безграничной наивности, причем им приписывались разнообразные, мысленные и немислимые приключения. В настоящее время никто не может посягаться над куртанцем-колхозником. Колхоз Куртана приобрел известность уже давно, когда он получил рекордный урожай картофеля сорта «лорх» и за каждый трудодень выдавал 16 кг картофеля. Многие члены этого колхоза получили ордена Ленина и другие ордена и медали. По инициативе дирекции куртанской средней школы учащиеся этой школы стали рисовать картины, отражающие новую и старую жизнь своей деревни, развешивая эти картины в коридоре школы. На одном рисунке показывается, как в старину лекари «экимы» «лечили» больных посредством различных амулетов, а сами крестьяне «вылечивали» больных с помощью «карабагниса» — «каменной лани» (имеется в виду рассказ «Карабагнис Несо» армянского писателя С. Туманяна): больные сажали до шеи в большую бочку, наполненную холодной водой, в которую бросали раскаленные камни, бочка накрывалась несколькими коврами, — 6 сильных мужчин садились на ковры, чтобы больной пропотел и выздоровел. Рисунок показывает, что больной, вместо того чтобы выздороветь, умирает. Рядом с этим рисунком даны фотоснимки нынешней амбулатории и аптеки поселка. На другом рисунке представлен бедный крестьянин с сохой на пахоте своего маленького надела, а на нем же стоит жадный ростовщик, который требует от крестьянина уплаты долга. В этой картине противопоставлена другая, на которой изображена работа в колхозе с применением тракторов, комбайнов, молотилок и пр., на которых работают веселые и гордые колхозники. Надо, кстати, сказать, что в этом колхозе к 1949 г. все основные сельскохозяйственные работы были уже механизированы, а ставшие негодными старые орудия отправлены в дом-музей.

Прием показа прошлого и настоящего широко распространен в колхозах Лори в форме альбомов. Такие альбомы имеются теперь в большинстве колхозов. Образцово можно считать альбом колхоза сел. Катнагбюр Степанаванского района. В прежнее время это селение было одним из отсталых в Армении. Теперь Катнагбюр представляет собой богатый скотоводческий колхоз, в котором к 1949 г. были механизированы все основные виды скотоводческих работ: организована автопоилка, электрическое доение, электрическая стрижка овец и пр. Все эти явления получили свое отражение в колхозном фотоальбоме.

Наконец, лорийские колхозники хотят, как они сами выражаются, «иметь записанную историю своей деревни, своего колхоза, чтобы в свободное время читать и вспоминать, какой путь они прошли, начиная от свечильника и до лампочки Ильича».

В составлении одной из таких историй довелось принять участие и мне. 20 октября 1949 г. я прибыл в сел. Цатер Алавердского района, являясь к председателю колхоза и к секретарю парторганизации и объяснил им цель своего прибытия. Оказалось, что 4 ноября исполняется XX годовщина основания их колхоза. Для организации торжественного празднования этого юбилея общее собрание колхозников выбрало комиссию из трех членов. Комиссия эта собрала подробные материалы по истории своей

деревни, начиная с ее основания и до сегодняшнего дня. Богатый материал был собран о колхозном периоде деревни. Этот материал и составил основу истории колхоза, причем я помог комиссии дополнить материал и изложить самую историю.

Теперь Цатер имеет свою письменную историю, в которой подробно, на основе богатых этнографических данных, изложена жизнь цатерцев до установления советского строя в Армении и показана зажиточная, счастливая жизнь колхозного Цатера. В прошлом цатерцы страдали от недостатка воды, даже питьевой. Соседние селения не выдавали своих девушек замуж за «бездонных цатерцев», а деревня была так маленькая, что все ее жители были в родстве и по запрещал родственникам седьмого поколения связываться брачными узами. В результате многие цатерцы, особенно бедняки, не могли вступить в брак до 30—35-летнего возраста, до того пока не заработают достаточной суммы, чтобы подкупить попа и получить разрешение на брак с односельчанкой. «Деньги делали недостижимое достижимым», — говорил по этому поводу цатерцы.

Так сильно чувствовался недостаток воды и так тяжела была жизнь цатерцев, что они несколько раз решали всем обществом переселиться в другую местность, но этого они не могли сделать, потому что никто им не приходил на помощь, а сами они боялись своими силами приступить к такому трудному делу. Все же многие цатерцы со своими семьями в разное время переселились в другие места.

В годы советской власти Цатер получил питьевую воду. Теперь деревня имеет шесть родников, из которых один родник-памятник посвящен героям Великой Отечественной войны. Кроме того, для сельскохозяйственных работ, для ухода за новыми культурами — табаком, свеклой, кукурузой, подсолнечником и пр., для садов и полей деревня обильно снабжается водой из Лорийского канала. Показателем зажиточности колхозной жизни цатерцев является то, что они в 1949 г. получили на трудодень по 30 руб. деньгами, 3 кг пшеницы и ряд других продуктов. Теперь не только не отказываются, но радуются те родители, чьи дочери становятся членами зажиточного колхозного общества Цатера, вступая в брак с его людьми. В досоветское время число домохозяйств Цатера колебалось в пределах от 20 до 30 «дымов». В настоящее время число «дымов» достигает 145.

Таким образом, в лорийских колхозах стихийно возникла этнографическая работа в форме домов-музеев, разного рода зарисовок, составления фотоальбомов, наконец монографических историй колхозов. Все это на много облегчает работу этнографа изучающего эти колхозы. Однако этнограф обязан со своей стороны сделать много, чтобы придать этой прекрасной инициативе научную направленность. При этом этнограф должен одновременно активно участвовать в деле социалистического преобразования деревни, что поможет и ему самому ближе узнать и научно исследовать современный социалистический быт колхозной деревни.

Д. С. Вардуж

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА РУМЫН НА ВЫСТАВКЕ РУМЫНСКОГО ИСКУССТВА

В январе этого года в Москве, в залах Академии художеств СССР, проходила выставка живописи, скульптуры, графики и народного искусства Румынской народной республики. Не считая себя компетентными в области живописи и скульптуры, мы остановим свое внимание лишь на том разделе, который близок нам по тематике, — на народном творчестве румын.

Нельзя без восхищения смотреть на образцы народного творчества, представленного на выставке, причем все они — живые, бытующие у румынского народа до сегодняшнего дня. Здесь и национальные костюмы (по каждой области отдельно), и керамика, и богатейшие ковры, и домашняя утварь, и резная мебель. Как в зеркале, отразился во всех этих предметах материальной культуры и в разнообразном орнаменте их, в раскраске керамики и т. д. богатый народный вкус.

Полнее всего на выставке представлен национальный костюм румын. Остановимся на нем подробнее.

Традиция. Чаще всего встречающийся здесь женский национальный костюм представляет собой длинную домотканную белую рубашку туникообразного покроя или с полками. Рукав ее очень широкий, с четырехугольной ластовицей из той же материи. У кисти он собран таким образом, что манжет образует веер. Ворот крутой или четырехугольный, с разрезом спереди или сбоку и с завязками. Грудь, ворот, рукав и манжеты вышиты крестом цветочным орнаментом, черными или темнокрасными нитками. В качестве поясной одежды употребляется тканый шерстяной фартук с пришитым к нему широким и длинным поясом. В Бихоре вместо фартука надевают плиссированную юбку с оборкой на подоле. Головным убором является платок, а обувь — кожаные лапти. Мужчины носят белые узкие венгерские штаны с карманами спереди. Пояс и карманы расшиты шерстью. Рубашка белая туникообразная, с широким прямым рукавом и ластовицей. Заправляется она в штаны и богато орнаментирована по вороту, груди и манжетам. Головной убор — черная длинная фетровая шляпа. Обувь — кожаные лапти.

Непременной принадлежностью как женского, так и мужского костюма по всей Румынии является нагрудная одежда (пъептар), типа нашей душегрейки. Это прямой

жилет из овечьей или козьей шкуры, прекрасно выделанной. Шьется он мехом внутрь и богато орнаментирован снаружи.

Банат. Особенностью женского костюма Баната является поясная одежда. Она представляет собой передник, состоящий из длинной цветной бахромы, прикрепленной к тканю цветному поясу.

Мужчины, вместо лаптей, носят сапоги, в которые заправляются брюки. Головной убор — островерхая меховая шапка.

Молдова. Наиболее отличен мужской костюм, состоящий из длинной до колен туникообразной рубашки с широкими прямыми рукавами, которая надевается поверх штанов. На талии — широкий тканый пояс, которым обертываются несколько раз. Поверх рубашки надевается расшитый меховой пыштар, но уже не типа жилетки, а с рукавами. Очень интересен также вышитый шерстяной полуплащ с капюшоном.

Отличен также и женский пыштар в Северной Молдове. Он делается до колен, кроится клёшем и напоминает польский кунтуш. Женщины из Молдовы в качестве поясной одежды носят цветные тканые передники, а поверх них такие же плахты с разрезом спереди.

Мунтения. Как женский, так и мужской костюмы Мунтении сходны с молдовскими. Однако женщины Мунтении чаще носят короткие кофточки с длинными пышными рукавами. Мунтеньские плахты часто плиссированы, с оборкой по подолу и разрезом спереди. Под ними — тканые передники. Характерно сочетание белого верха и черного низа. В орнаменте также господствуют белые и черные тона.

В качестве особенностей мужского костюма можно указать обычай носить штаны поверх сапог.

Олтения. Для мужчин характерны очень длинные (ниже колен) туникообразные рубашки с широкими и прямыми рукавами. Женщины поверх длинной рубашки носят или два передника (спереди и сзади), или веерообразные плахты, напоминающие юбки, с разрезом спереди и сбоку.

В разделах выставки, посвященных Дубрудже и Трансильвании, представлена одежда национальных меньшинств, населяющих территорию Румынии: турок, болгар, татар, липован, венгров и немцев.

Чрезвычайно интересно внутреннее убранство румынского жилища, прекрасно показанное на выставке. Здесь мы ознакомились с превосходной резной мебелью и деревянной резной посудой для вина, с богато орнаментированной поливной керамикой, сохранившей в своей росписи некоторые традиции трипольской культуры, с обычаям украшать окна расшитыми рушниками.

Все эти элементы материальной культуры говорят, во-первых, об автохтонности местного населения Румынии и наносят сокрушительный удар по шовинистической концепции некоторых венгерских и немецких ученых, оспаривавших это положение; во-вторых, они позволяют сделать общий вывод о чрезвычайной близости румынского народа в области материальной культуры с восточными славянами, а особенно с украинцами.

Несколько слов о некоторых недостатках выставки. На наш взгляд, основной из них заключается в том, что, как правило, был экспонирован только праздничный костюм и мы не получили представления о повседневной одежде румынского народа. Имеются технические недостатки и в самой экспозиции. Так, в разделе, посвященном Трансильвании, представлены немецкий и венгерский женские костюмы, однако надписей к ним нет, и зритель остается в полном недоумении, к какому народу они относятся. Впрочем, эти замечания не могут и не должны умалять общей ценности и познавательного значения этой прекрасной выставки, ярко показавшей культуру и быт освобожденного народа Румынской народной республики.

М. Салманович

О РУМЫНСКОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

(По материалам выставок)

Произведения выставки живописи, графики, скульптуры и народного искусства Румынской народной республики, прошедшей в выставочных залах Академии художеств СССР, позволили советской художественной общественности и массовому зрителю довольно подробно познакомиться с историей и современным состоянием профессионального искусства и народного творчества Румынии¹.

Одним из интереснейших на выставке был раздел народного искусства, в котором экспонировалось около двух тысяч оригинальных произведений, созданных талантливыми представителями румынского народа. Эти произведения говорят о том большом и оригинальном творческом даровании, которое присуще румынскому на-

¹ Выставка произведений румынских художников и румынского народного искусства проходила в декабре 1949 г. — январе 1950 г. в Москве в залах Академии художеств СССР. Попутно мы останавливаемся в настоящем сообщении на некоторых материалах с выставки подарков товарищу Сталину от румынского народа. Публикуемые фотоснимки любезно предоставлены нам Н. Барабановым.

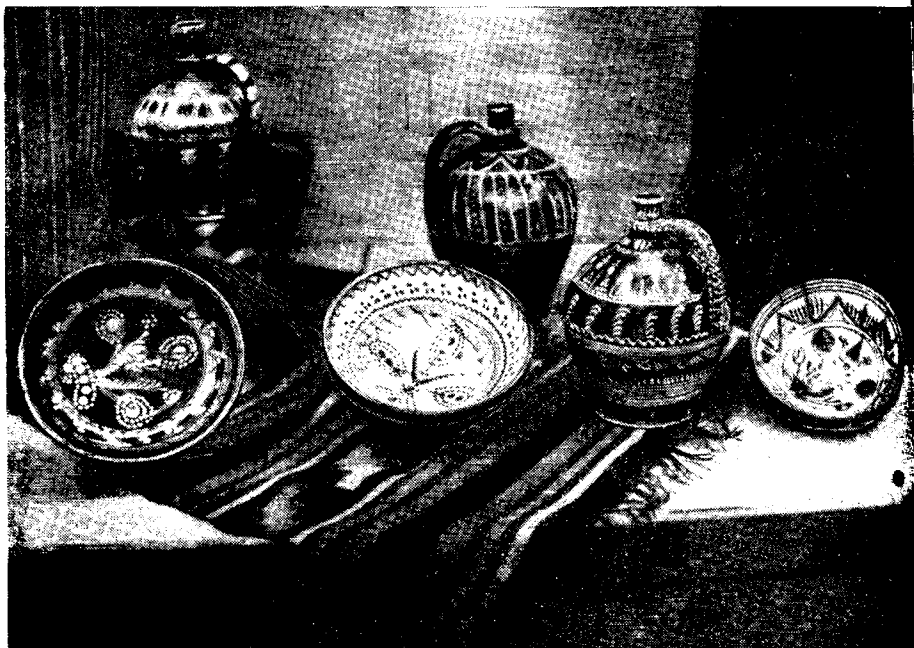

Рис. 1. Керамика из Молдовы

Рис. 2. Керамика из Мунтении

роду; они являются замечательными свидетелями того, какой силой фантазии, каким большим художественным вкусом обладают их создатели. Вместе с тем они показывают, как бережно мастера народного творчества Румынии хранят и развивают традиционные начала различных видов народного искусства.

Замечательна тесная связь румынского народного искусства с самой жизнью, его глубокое и органическое проникновение в быт. Интерьеры выставки, рисующие бытовую обстановку крестьянства различных областей и уездов Румынии, показали наличие в румынском народном искусстве своеобразного синтеза различных видов народного творчества. Мы легко могли представить себе, насколько велико эстетическое воздействие таких видов народного творчества, как вышивка, ткачество, роспись (на глине, на дереве), резьба по дереву, живопись бисером и т. д.— хотя бы при рассмотрении интерьеров из Олтении, Молдовы, Трансильвании.

Рис. 3. Женский костюм из уезда Бихор (обл. Мунтения)

Большинство экспонированных произведений было исполнено мастерами народного творчества Румынии до исторических событий 1944—1947 гг. Это, по существу, художественное наследие, к которому постоянно обращаются современные мастера. На материалах выставки можно было представить себе состояние вчерашнего дня румынского народного искусства, тенденции его развития в настоящее время, проследить жизненность вековых традиций, критически отнестись к прошлому и поставить некоторые вопросы, связанные с будущим народного искусства Румынии.

Рассматривая многочисленные произведения, экспонированные в пяти залах выставки, мы прежде всего убеждались в том, что народное искусство Румынии при всем разнообразии его видов представляет собой единый и безусловно самобытный организм. Последнее отнюдь не значит, что румынское народное искусство развивается изолированно. В различных произведениях народной вышивки, художественного качества, народной керамики и в других видах румынского народного творчества мы видим немало начал, присущих искусству русского, украинского и белорусского, а также южнодунайских народов. Общность исторического развития, близкие условия становления художественной культуры в Румынии и соседних с ней странах — неопоримы. Вместе с тем, художественные произведения, экспонированные на выставке, ярко показали национальное, имеющее свою специфику и традиции, своеобразие ру-

мынского народного искусства. Особенно яркое выражение это национальное своеобразие находит в таких художественных изделиях народного творчества, как мужской и женский костюм и различные украшения к нему, как румынские паласного и гобеленового типа ковры, как, наконец, очень интересная по многообразию узора и разнообразию технического выполнения народная вышивка на различных изделиях домашнего обихода. Сюда же следует отнести и представляющие несомненный интерес изделия художников гончарного дела, живопись бисером, золотойшейные изделия и художественную обработку кожи и дерева. Правда, в отношении последнего вида народного искусства Румынии следует оговориться, что на выставке художественная резьба по дереву была показана далеко не с той полнотой, как другие виды народного искусства, и не давала должного представления об историческом пути развития и о современном состоянии этого оригинального вида народного творчества.

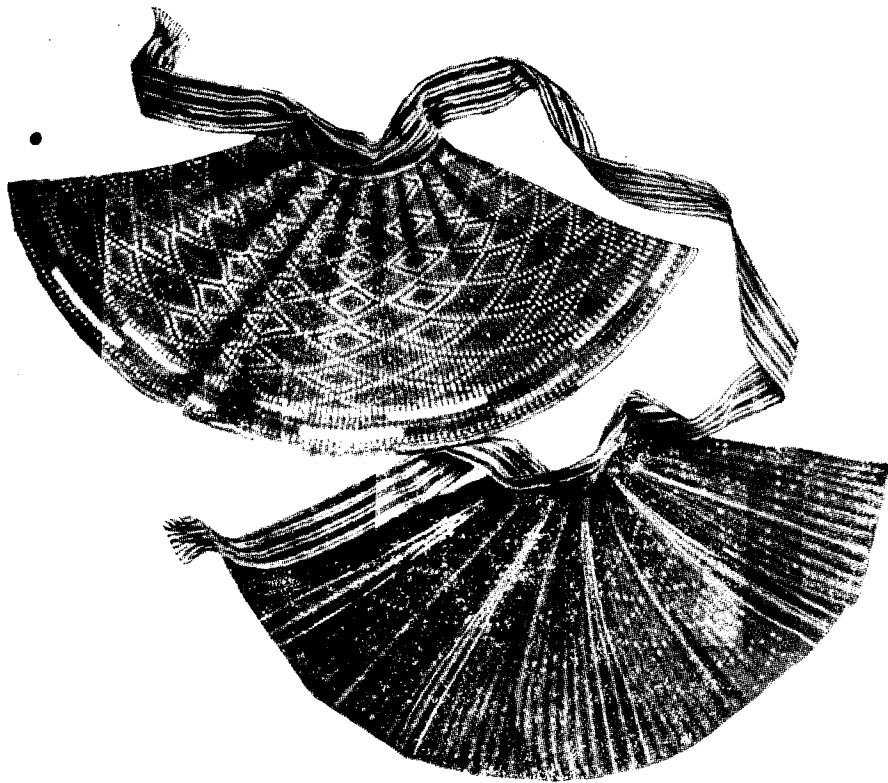

Рис. 4. Выльники из болгарской колонии в Олтении

Отдельным видам народного искусства Румынии присуща некоторая, при достаточно полноценной художественной форме, ограниченность, являвшаяся следствием ряда исторических и политических причин, к числу которых в первую очередь следует отнести ограниченность крестьянского мышления, обусловленную классовым — феодальным и капиталистическим — гнетом. Необходимо учесть, что вплоть до 1944 г. когда освобожденный героической Советской Армией от капиталистического гнета румынский народ стал полноправным хозяином своей судьбы, своей жизни, крестьянское искусство Румынии развивалось как искусство украшения своего домашнего быта, как прежде всего, — декоративное искусство. В отдельных произведениях, созданных за последние два года мастерами народного творчества Румынии, мы можем видеть обращение к новым темам, новым образам. Эти работы дают возможность констатировать, что румынское народное искусство в настоящее время начинает преодолевать указанную выше ограниченность. Вместе с тем большинство произведений, представленных на выставке, свидетельствовало о сохранении традиционных видов народного творчества, бытующих в Румынии и сейчас.

Для мастеров народного творчества Румынии, работающих в вышивке, ковроделии, ткачестве, росписи, резьбе и т. д., типичнее всего обращение к геометрическому орнаменту и геометризированному растительному узору, элементов которых у них более чем достаточно, но которые не отражают окружающий их реальный мир во всем его многообразии. Это не значит, что румынским мастерам народного творчества впредь следует вводить в орнамент, в узоры на национальных костюмах, художественных предметах одежды тематические мотивы или сюжеты. Речь идет об ином

На выставке были представлены в интерьерах типичные для различных областей Румынии уголки живого современного быта, опозитизированного творчеством мастеров народного искусства. В тончайших по технике выполнения вышивки рушниках красной и голубой расцветки Баната преобладает издавна бытующий там геометрический орнамент. Во многих интересных по композиционному решению коврах Олтении основой являются близкие к примитиву, схематизированные изображения птиц, животных и человека, также решенные в старых традициях. В коврах Мунтении и Молдовы тоже преобладает геометрический узор.

Но даже тогда, когда мастера народного творчества обращаются к реальному миру и стремятся передать образы этого мира в своих произведениях, они дальше схемы еще почти не идут².

Рис. 5. Женский козух из Романец. Олтении

Вот здесь-то и встает вопрос об ограниченности румынского народного искусства, которая обусловлена рядом исторических причин и которую в настоящее время мастера начинают преодолевать.

Генеральный секретарь Румынской рабочей партии, первый заместитель председателя Совета министров Румынской народной республики Г. Георгиу-Деж в одном из своих выступлений говорил: «Советский опыт помогает нам разрешить самые трудные задачи не только в экономике, но и в области народного образования, в литературе, искусстве и науке. Освоение советского опыта является залогом прогресса в странах народной демократии... Советскую помощь мы ощущаем как живитель-

² Примерами могут служить: орнаменты и узоры на мисках и тарелках из Трансильвании; асимметричное центральное поле ковра из Олтении, с изображением человеческой фигуры, вазонов с цветами, бабочек, птиц, барана, волка с датой «1937»; керамические художественные изделия из Северной Молдовы; олтенские «скорцы» — ковры паласного типа с горизонтально расположенными, как бы брошенными на пол ветками и с примитивными изображениями птиц.

ный источник новой энергии, веры в свои национальные силы в области политического, хозяйственного строительства, культуры, искусства, науки». Мастера народного творчества Румынии, приславшие на выставку подарков товарищу И. В. Сталину свои новые произведения, этими работами демонстрируют, как помогает им советский опыт в самом начале перестройки их творческой практики, на какие новые высшие содержательного, реалистического искусства смогут они подняться, критически осмысливая традиции национального искусства, в существе своем поэтического и живительного.

Новые, живительные начала социалистической перестройки сознания можно обнаружить в отдельных произведениях мастеров народного творчества на выставке подарков и, в меньшей мере, на выставке в Академии, ибо, как уже отмечалось, в ней в основном были собраны произведения, созданные мастерами до 1944 г. Это отдельные экспонаты, иногда недостаточно совершенные в плане творческого вымысла, говорят о тех новых тенденциях, которые намечаются в работе мастеров Румынии. В частности, об этом свидетельствуют отдельные ковры из Олтении и Мехов с растительным, реалистическим, правдивым и вместе с тем замечательно красивым по ритмам и колориту узором и некоторые изделия художественной керамики (которых, правда, еще очень мало), где видны и реалистическое отображение наблюдаемых явлений, и пластичность форм, и новые элементы узора.

Следует отметить, что хотя еще очень робко, но мастера начинают обращаться к эмблематике, стараясь вводить в орнаментальный строй художественных изделий эмблемы новой демократической Румынии. Усиление внимания мастеров к вопросам реалистической содержательности создаваемых ими композиций, дальнейшее углубление творческой деятельности в области расширения образного строя и тематики изделий пойдет им только на пользу.

По-новому осмысливают работу по украшению бытовых изделий, одежды, с появившихся нередко уникальными произведениями искусства, мастера и мастерицы и художественной вышивки. Приведем пример, характеризующий большие и глубокие процессы, происходящие в творческой психологии румынских мастеров народного искусства, являющихся создателями замечательных по узорам, оригинальных по формам, радостно красочных по цвету национальных костюмов. Хотя этот пример относится к искусству слова, к поэзии, но он отражает и работу мастеров изобразительного народного искусства. Румынская женщина-мастерица Саида Мовилэ, направив в подарок Иосифу Виссарионовичу Сталину расшитый ею кофуж³, пишет:

Дорогой товарищ Сталин,
Посылаю тебе кофужок.
Я вышивала его не только нитками,—
Все помыслы мои вложены в него.
Черной ниткой вышивала,
Чтобы не забыть о пережитом.
Вышивала красные звезды
Нитью богатой и яркой:
Ведь это звезды Кремля,
Освещающие жизнь без постылого

хозяина.

С тонкой стальной нитью
Слизалась моя игла —
Я вышивала серп соревнующимся
С рядом стоящим молотом,
И оба сна сверкают серебром и бирюзой.

Яркоголубую нитью
Я вышивала небесную синь —
В ней вся ясность мысли.
Пшеничные поля моей страны
Вышиты золотой нитью;
Освобожденные от тяжкого ига,
Они теперь богаче и обильней.
Теплые красные нити —
Как богатая осень,
Как урожай виноградников,
Как сады, полные плодов,
Как пламя борьбы.
Не будет ли мал кофужок
Для твоей богатырской души?
Дорогой товарищ Сталин!

Как хотела бы я, чтоб тебе было в нем
хороше

Это стихотворение, полное большой любви к товарищу И. В. Сталину, исчерпывающее и правдиво рассказывает о том, какие темы и образы волнуют сегодня мастеров народного творчества Румынии.

Говоря о румынском народном искусстве, которое для нас, советских людей представляет особый интерес в силу того, что это — искусство народа, находящегося в лагере демократии и социализма, мы вправе сделать вывод, что современное народное творчество Румынии в лучших своих произведениях смогло перешагнуть через ограниченность, присущую кустарю-крестьянину, и что творчество многих мастеров народного искусства приобретает новые качества. В румынском народном искусстве начинают приходить в движение своеобразные, исторически обусловленные процессы: сходные с теми, которым мы были свидетелями в нашей Советской стране.

³ Подстрочный перевод стихотворения и кофуж находятся на выставке подарков товарищу Сталину.

Освободившись от капиталистического буржуазно-помещичьего ига, народное искусство Румынии, на которое при капитализме смотрели главным образом как на варвар, — начинает в новых условиях жизни румынского народа интенсивно развиваться, стремясь достигнуть того расцвета искусства, социалистического по содержанию, национального по форме, о котором говорит товарищ И. В. Сталин.

Материалы раздела народного искусства выставки в Академии и румынского народного искусства свидетельствуют о том, что такие оригинальные виды народного румынского искусства, как вышивка, художественное ткачество, ковроделие (пазлы и гобелены), керамика, национальный костюм (в создании которого участвуют различные виды народного творчества), художественная резьба по дереву, находящиеся в наше время в состоянии развития и роста. Этому росту иногда мешает схематизм в создании художественного образа, примером чего может служить, в частности, вышитый ковер «Индустриальный пейзаж» с выставки подарков, в котором есть изрядная доля не изжитых еще формалистических влияний со стороны порочного буржуазного искусства. Справедливость требует отметить, что мастера названных выше видов народного искусства Румынии стремятся в последние годы приблизить свою творческую практику к думам и чаяниям демократического народа Румынии.

О том, как развивается и растет творчество румынского народа, и, прежде всего, дальнейших путях его развития говорят, в частности, два гобелена, экспонированные на выставке подарков товарищу Сталину. Один из этих гобеленов посвящен дружбе русско-румынского братства по оружию и воспроизводит битву 1877 г., другой, — содержание и сильный по композиции, всем своим образным строем слава Советскую Армию — освободительницу румынского народа от фашистского помещичье-капиталистического рабства. В этих гобеленах уже наличествует социалистическое содержание, выраженное в национальных формах, присущих румынскому народному искусству.

Мастера народного творчества Румынии многими, представленными и на выставке подарков и на выставке в Академии художеств произведениями доказывают, что искусство жизнеспособно и имеет тенденции развиваться, выражая те новые идеи, которые являются ведущими для всего румынского народа.

Безусловно, в Румынии будут и дальше развиваться такие виды народного искусства, как ковроделие, вышивка, народное ткачество, резьба по дереву, керамика, при этом мастерам в будущем придется выходить на широкую дорогу художественного оформления не только домашнего, но и общественного быта, а это увеличивает их ответственность перед румынским народом. Художественное оформление общественных зданий, клубов, дворцов культуры и т. п. потребует от мастеров напряженной и глубокой творческой работы.

На этом новом пути развития народного искусства Румынии примером может служить замечательная творческая работа советских мастеров народного творчества, в содружестве с архитекторами, скульпторами, живописцами создавшими и дающими такие ансамбли, как, например, ансамбль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939—1940 гг. или Государственный узбекский театр оперы и балета имени Алишера Навои в Ташкенте (за творческую работу над этим сооружением группа мастеров была удостоена высокого звания лауреатов Сталинской премии), Московское метро и многие другие. Синтез искусства, достигнутый в этих ансамблях, — разительный пример того, какими высотами идейного, содержательного искусства социалистического реализма могут овладевать мастера народного творчества.

Большинство произведений, показанных в залах Академии художеств, и ряд отдельных произведений, экспонированных на выставке подарков, дает возможность статистировать, что оригинальное и самобытное народное искусство дружественной Румынии в последние годы находится в непрерывном развитии и росте. Этот путь роста и совершенствования указан мастерам народного искусства демократической Румынии румынским народом, осваивающим опыт советского искусства и видящим в нем залог прогресса для своей страны, залог создания в Румынской народной республике новой, социалистической культуры.

Н. Соболевский

(Ст. науч. сотр. НИИ Академии художеств СССР)

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ БОЛГАРИИ

Монархо-фашистские правительства Болгарии на протяжении свыше двух десятилетий проводили в науке последовательно реакционную политику, рассчитанную на то, чтобы поставить науку на службу фашизму. Одним из орудий империалистов в их пропаганде реакционных идей являлась и болгарская этнография. Болгарская этнографическая наука в лице ее реакционных представителей использовалась для пропаганды великоболгарского шовинизма, для утверждения господства над национальными меньшинствами. Этнографические материалы и исследования не раз использовались представителями Сакс-Кобургской династии для обоснования своих претензий на чужие территории. «Культурная» политика болгарского фашизма носила ярко вы-

раженный антинародный характер. Искусственно задерживалось развитие тех сил народа, из истории народа вычеркивались героические страницы его славного, выбрасывалось все то, что свидетельствовало о его исторических связях с родственным русским народом. Болгарская буржуазия, проводя последовательно германскую политику, стремилась подчинить болгарский народ политически, экономически и духовно германскому империализму.

Вторая мировая война нанесла серьезный ущерб этнографической работе в Болгарии. Основной этнографический центр страны — Народный этнографический («Народен Етнографски музей») сильно пострадал от бомбардировки и пожара: потеряв большую часть своих экспонатов. 30 марта 1944 г. был уничтожен почти весь этнографический архив музея, содержащий богатые материалы по общественному строю, материальной и духовной культуре болгарского народа. Во время этого пожара полностью сгорела библиотека находящегося при музее этнографического общества, около 1/3 экспонатов музея, фольклорный архив, фото-лаборатория.

В первые послевоенные годы в Софийском университете, крупнейшем научном учреждении страны, отсутствовала кафедра этнографии; единственный этнографический музей в Софии, возобновивший свою деятельность, страдал от недостатка квалифицированных кадров.

Правительство Отечественного фронта совместно со всем болгарским народом энергично взялось за восстановление народного хозяйства и культурных центров Болгарии. Министерство информации и искусств и Камера народной культуры, реорганизованные в 1948 г. в Комитет по делам науки, искусства и культуры, в первый же год окончания войны проводят ряд мероприятий по возрождению этнографических центров. Музей и Этнографическое общество получили самостоятельные здания, где они частично разместить уцелевшие экспонаты; были увеличены штаты сотрудников, отпущены средства для пополнения коллекций музея. Сотрудники музея энергично принялись за приращение в порядок сильно пострадавших во время войны экспонатов и книжного фонда. Широкий размах приняла экспедиционная деятельность музея, систематическому собиранию на территории страны этнографического материала.

Централизация руководства культурно-просветительной работой в руках государства по делам науки, искусства и культуры обуславливает возможность тесного, научного сотрудничества Болгарской Академии наук с Этнографическим музеем. Большое значение для развития болгарской этнографии имела организация в сети Академии Наук Института этнографии, с передачей в его ведение Этнографического музея, и открытие при Софийском университете Кафедры славянской этнографии. В будущем предстоит стать основными центрами подготовки научных кадров. До времени этнографическая работа в Университете велась на Кафедре славянских языков и Историки-филологического факультета. С организацией Кафедры этнографии на Историко-филологическом факультете было введено чтение специальных этнографических курсов. После 9 сентября 1944 г. болгарское народное творчество вошло как обязательный предмет в курс гимназического обучения. Дипломные сочинения студентов-этнографов, представляющие собою обычно этнографические описания какого-нибудь населенного пункта, составляют особый архив Славянского института Софийского университета.

До последнего времени этнографическая работа сосредоточивалась в основном в двух учреждениях столицы: Этнографическом музее и Университете.

Народный этнографический музей возник в 1879 г. в столице освобожденной Болгарии. При Народной библиотеке, центральном культурном учреждении страны, наряду с археологическими памятниками, стали собираться и этнографические материалы. В 1892 г. от библиотеки был отделен Народный музей, в который были переданы этнографические коллекции, основательно пополнившиеся за счет экспонатов народной одежды, переданной в музей после закрытия Пловдивской выставки. С 1903 г. по стране начали собираться печатные и рукописные документы эпохи Возрождения. Собранные документы вместе со старопечатными болгарскими книгами под именем «Архива Возрождения» составили особый отдел музея.

В 1906 г. этнографические собрания Народного музея и «Архива Возрождения» были выделены в самостоятельный Народный этнографический музей, состоявший из этнографического и исторического отделов. В 1924 г. «Архив Возрождения» передан Народной библиотеке. Этим годом можно датировать возникновение Народного этнографического музея, как первого самостоятельного этнографического учреждения страны. Перед второй мировой войной музей насчитывал в своих фондах более 15 000 этнографических предметов, более 10 000 пластинок фотоархива и единственный в стране архив музыкального фольклора. Предметы народного быта различных областей страны экспонированы на 80 больших витринах Музея.

Все уцелевшие после войны и приобретенные за период 1945—1948 гг. экспонаты в настоящее время размещаются в 4 отделах музея: 1) Одежда и украшения, 2) Экономическая культура и ремесла, 3) Фольклор и социальная культура, 4) Музыкальный и хореографический фольклор. Кроме того, музей имеет еще отделения народного зодчества и народного искусства.

Наиболее богато в музее представлен отдел одежды и украшений. Здесь хранятся городские и сельские костюмы с конца XVIII столетия по сегодняшний день. В коллекциях отдела прекрасно представлены будничные и праздничные костюмы

личных возрастов, разного семейного положения, различных сословий и профессий. Большой интерес для историка материальной культуры представляют коллекции старинных украшений. Костюмы и украшения распределены по принципу их географической распространенности и исторического развития. В этом же отделе находится многочисленное собрание предметов домашнего ткачества, представленное домоткаными полотнами, покрывалами, дорожками из грубой шерсти, коврами различной вышивки и ткани. В 1948 г. в отдел поступили новые коллекции вышивок и тканей.

В отделе экономической культуры и ремесел находятся разнообразные предметы домашнего и хозяйственного быта. В 1948 г. этот отдел пополнился собранием ручного прялка, старинного огнестрельного и холодного оружия, коллекциями старых народных ремесленных инструментов. Поступившие на состоявшуюся в 1949 г. выставку болгарской народной керамики предметы гончарного производства почти полностью восполнили потери в гончарных изделиях во время воздушного нападения.

В отделе фольклора и социальной культуры собраны вещи, используемые в аграрно-обрядности, и предметы народной медицины (обрядовые хлеба, маски, амулеты, пасхальные яйца, култовые фигурки животных и людей, лечебные травы и т. д.). В 1948 г. этот отдел пополнился коллекциями новогодних и кукольных масок, собранных участниками экспедиции по изучению сурвакарских и кукольных обычаев.

Отдел музыкального фольклора располагает богатым архивом народных мелодий. В настоящее время большое внимание уделяется собиранию народного творчества наших дней. Сотрудники отдела совместно с членами Этнографического общества во время экспедиционных поездок и отдельных командировок собирают и систематически фиксируют все жанры партизанского фольклора, возникшего в годы второй мировой войны, песни, сказания, воспоминания о сентябрьском восстании 1923 г. и борьбе сопротивления болгарского народа фашистскому режиму. В 1948 г. впервые впервые были созданы специальные научно-исследовательские бригады по собиранию фольклора. В 1949 г. начато плановое, систематическое изучение партизанского фольклора во всех формах его проявления: песни, рассказы, предания и т. д. В помощь сотрудникам прикреплена группа студентов-филологов. Бригады обследуют крупные центры партизанского движения (Западная Болгария, Пиринская Македония, Родопы и Среднегорье). Это мероприятие всесторонне поддерживается правительством.

Несколько лет назад в отделе было положено начало собиранию записей народных танцев. В настоящее время усиленно собирается хореографический фольклор. В 1948 г. отдел приступил к созданию архива народного кукольного театра.

В отделе народного изобразительного искусства собираются художественно выразительные эскизы народных костюмов, архитектурные детали резьбы по дереву, копии рисунков стеной живописи на сюжеты из обрядовой жизни. Особый интерес представляют коллекции картин болгарских художников на бытовые темы.

Сотрудниками музея сделано ценное начинание по собиранию предметов культуры родственных славянских народов. В ближайшее время предполагается организовать в музее наряду с болгарскими отделами и общеславянский отдел с соответствующими коллекциями быта и культуры русских, украинцев, белоруссов, поляков, словаков, чехов и других славянских народов.

Работа музея после войны протекает по трем основным направлениям: 1) приведение в порядок имущества, уцелевшего после бомбардировки; 2) систематическое собирание новых экспонатов и пополнение архивов музея; 3) участие в культурно-выставочных мероприятиях путем организации выставок, проведения лекций, бесед, издания научной и научно-популярной литературы.

Учитывая большие опустошения, причиненные войной музейным и архивным коллекциям, музей в первый период своей послевоенной деятельности основное внимание обращает на собирание материалов. Вследствие ряда мероприятий, проведенных дирекцией музея, фонды его были основательно пополнены, что дало возможность восстановить работу охарактеризованных выше отделов. Наряду с восстановлением фондов музея сотрудники ведут плодотворную научно-исследовательскую работу.

Сотрудники музея фиксируют уходящие в прошлое формы народного быта, отдельные элементы материальной культуры. Одной из первоочередных задач музея в этой области является всестороннее изучение отдельных сел, расположенных в областях интенсивного строительства новой социалистической культуры. Резко изменился характер работы фольклористов, которые главное внимание обращают теперь на изучение современного народного творчества, создаваемого молодежными бригадами и другими трудовыми коллективами. Фольклорными экспедициями подчинены тщательному изучению фольклор и быт молодежных трудовых бригад, занятых на строительстве новой, демократической Болгарии. В 1948 г., в 25-ю годовщину сентябрьского восстания были предприняты специальные поездки в отдельные районы страны с целью собирания произведений народного творчества, в которых отразились события 1923 г.

Параллельно продолжалось изучение традиционного фольклора и календарной обрядности. В частности, всесторонне изучены новогодние маскарадные обычаи и величания кукольная обрядность. Сотрудники отдела фольклора производят исследования взаимосвязей между фольклором и художественной литературой, проводят изучение

методов, поэтических приемов и социального содержания творчества наиболее являющихся народных певцов.

В своей полевой работе сотрудники музея и Этнографического общества привлекают большую сеть корреспондентов на местах, число которых к концу 1948 г. доходило до 1200. Для музейных работников и добровольных сотрудников-корреспондентов дирекция музея разработала ряд инструкций, вопросников по сбору этнографического материала. В частности, с помощью анкет, разосланных сотрудникам провинции, были собраны в изобилии материалы относительно старых, уже исчезших ныне видов ремесел.

В первые же послевоенные месяцы музей резко меняет характер своей работы. Не ограничиваясь восстановлением фондов и сбором нового материала, сотрудники музея принимают активное участие в общественной жизни страны, живо откликаются на все культурно-политические мероприятия. Летом 1945 г. музей организовал в Пловдивскую бытовую выставку, демонстрировавшую предметы материальной культуры славянских народов. В первомайские дни 1945 г., когда весь болгарский народ демонстрировал свой трудовой энтузиазм в строительстве новой демократической Бургарии, в помещении Этнографического общества была открыта выставка картин и рисунков домашних мастеров. На выставке было представлено около 70 картин, отражающих труд болгарского трудящегося крестьянина в поле и дома. В течение 1945—1946 г. был организован еще ряд выставок картин на бытовые темы. Особый интерес посетителей привлекла организованная в 1946 г. выставка кукол в бытовых сценах из жизни простых людей, поделок и пр. По закрытии выставки ее экспонаты были переданы в Министерство земледелия для вновь организованного при нем Музея сельского хозяйства. 10 сентября 1947 г. в помещении Этнографического музея открылась выставка материальной культуры Среднегорья. Наиболее богато были представлены на ней предметы домашнего обихода и животноводческого хозяйства среднегорных овцеводов.

В день 4-летней годовщины провозглашения Народной демократической республики, 9 сентября 1948 г., Этнографический музей открыл выставку болгарских народных тканей, на которой были представлены материалы, собранные за весь 70-летний период существования музея. Несмотря на небольшие размеры помещения, на выставке были экспонированы ткани и готовые изделия, которые раскрывают многообразие болгарского ткацкого производства почти за 100 последних лет по отдельным географическим и экономическим областям. Здесь же были последовательно представлены все процессы ткачества, придельные и ткацкие инструменты — от простого гребня для расчесывания волокон и прялок разных образцов до современного ткацкого станка. Выставка привлекла много посетителей и обратила на себя внимание работников текстильной индустрии. По их инициативе в конце 1948 г. была созвана конференция, на которой обсуждались мероприятия по внедрению отдельных видов народных тканей в массовое текстильное производство.

Народный музей ведет большую научно-просветительную деятельность. Музейные работники проводят систематическую работу со студентами, выступают с лекциями и докладами перед широкой публикой в кино, по радио. Коллекциями музея пользуются работники искусства, архитектуры, художественных промыслов. Музей активно помогает коллективам художественной самодельности, консультируя их выступления, пополняя их репертуар народными песнями и плясками.

Сотрудники музея нередко выступают на страницах центральной периодической печати. Так, за период 1945—1949 гг. появился ряд статей научно-популярного характера, посвященных изучению современных видов фольклора, календарной обрядности, отдельных народных обычаев и т. д. Несомненный интерес для исследования народной болгарской одежды представляет изданная музеем многоцветная карта областного распространения народного болгарского костюма, иллюстрированная 57 рисунками. 1950 год обещает быть плодотворным. В течение прошлого года были подготовлены к печати 15-я книга «Известий Народного этнографического музея» (издание которых было приостановлено в 1942 г.), «История болгарской этнографии» и сборник народных партизанских песен, записанных сотрудниками музея во время экспедиционных поездок. Закончено составление библиографии этнографических работ, изданных в Болгарии в текущем столетии, и альбома художественно-документальных рисунков по болгарской народной одежде, новогодним и кукольным маскам. В настоящее время сотрудники музея работают над указателем опубликованных по сегоднешний день народных болгарских песен и данных по материальной культуре болгар.

Одной из существенных трудностей в работе музея является отсутствие достаточного помещения, где бы можно было развернуть постоянную экспозицию этнографических материалов. Здания, занимаемого в настоящее время музеем, едва хватает для размещения отделов и отчасти складов. Поэтому приходится прибегать к кратковременным и ограниченным тематикой выставкам. Однако по пятилетнему плану развития народного хозяйства Болгарии предусмотрена постройка в центре города специального здания для Этнографического музея. По плану реконструкции столицы Болгарской республики предполагается разбивка большого парка, где будет организован этнографический музей на открытом воздухе.

С переходом страны на рельсы мирного труда стала восстанавливаться этнографическая работа в разных городах страны. В Пловдиве, Варне, Шумене центральные

этнографической работы являются историко-этнографические и краеведческие музеи. Наиболее крупный из них — Пловдивский этнографический музей. Он расположен в прекрасном здании, представляющем собой памятник архитектуры середины прошлого столетия. Это здание давно привлекало к себе внимание художников и историков архитектуры, местная интеллигенция неоднократно обращалась с просьбой передать его под этнографический музей. Однако прежние городские власти проявляли полную халатность, и исторический памятник был обречен на разрушение. Сразу после 9 сентября 1944 г. Народный совет Пловдива принял деятельное участие в организации музея, направив призыв ко всем гражданам с просьбой передать во вновь организуемый музей все предметы, представляющие этнографический интерес. С энтузиазмом отозвалось на призыв городского совета. Было собрано много предметов народного быта, исторических документов эпохи Возрождения и последних лет турецкого господства. В настоящее время музей располагает достаточным количеством народных костюмов, женских украшений, предметов домашней утвари. В специальном отделе музея наглядно представлено производство самоковского хлеба, известного в турецкий период и после освобождения Болгарии как лучшего качества на всем Балканском полуострове. Макеты воспроизводят работу примитивных «заводов» и печей самоковской «индустрии». Музей располагает единственным в стране собранием фотоснимков, представляющих ценнейший документ быта населения Родопского края. В настоящее время перед научными работниками музея стоит большая и ответственная задача наглядно отразить все те изменения, которые произошли за последние годы в экономическом, общественном и культурном развитии населения этого края.

Перед болгарской этнографической наукой лежит широкое поле деятельности. Культурный рост народов демократической Болгарии, все возрастающий интерес освобожденного от экономического, политического и духовного ига фашизма болгарского народа к своему историческому прошлому властно диктует необходимость дальнейшего развития полевых исследований, всестороннего изучения богатой культуры болгарского народа, дальнейшего накопления этнографических материалов и их тщательной систематизации. Грандиозные задачи социалистического переустройства хозяйства, быта и культуры народов современной Болгарии очередным вопросом дня ставят необходимость переделки сознания народных масс, борьбу со всякого рода реакционными пережитками прошлого. Одно из ведущих мест в этой борьбе должна занять болгарская этнографическая наука.

Болгарская этнография должна выйти за пределы узких рамок музейной и краеведческой работы, в которых она находилась до сих пор, и не оставаться в стороне от изучения проблем общей и славянской этнографии. Работа болгарских этнографов должна протекать в тесном содружестве с советской этнографической наукой и переноситься этнографами демократических стран.

Перед лицом поставленных задач остро встает вопрос о необходимости скорейшей подготовки квалифицированных научных кадров. Важнейшее значение для болгарской исторической науки имеет состоявшаяся в 1948 г. историческая дискуссия и решения 5-го съезда Болгарской коммунистической партии о работе на идеологическом фронте. Сошедшая дискуссия показала, что не изжит еще полностью великоболгарский шовинизм и другие буржуазные течения в болгарской исторической науке, не очищена еще болгарская историография от фашистских и шовинистических извращений и фальсификации.

5-й съезд партии поставил перед работниками науки неотложные задачи перевоспитания старых научных кадров в духе марксистско-ленинской теории, подготовки молодой научной смены, осуществления тесного сотрудничества между наукой и социалистическим строительством народного хозяйства и культуры.

И. Калоева

С. В. БАХРУШИН

(1882—1950)

НЕКРОЛОГ

8 марта 1950 г. скоропостижно скончался С. В. Бахрушин, член-корреспондент Академии Наук СССР, лауреат Сталинской премии, один из виднейших советских историков.

Для этнографов имя С. В. Бахрушина связано с очень многим. Ему больше, чем кому-либо другому из историков, советская наука обязана тем сближением методологии исторической и этнографической, которое так благотворно сказалось, особенно за последние годы, на развитии обеих отраслей знания.

С. В. Бахрушин родился в 1882 г. и окончил Московский университет в 1904 г., будучи оставлен затем при нем для подготовки к профессорскому званию. С 1908 г. Сергей Владимирович — приват-доцент, а позже — профессор Московского университета; им он оставался до последних дней своей жизни.

Уже в самом начале своей научной деятельности Сергей Владимирович серьезно заинтересовался историей Сибири и принял усиленно работать над сибирскими фактами центральных архивов. В областной истории он уже тогда видел путь к более полному изучению истории нашей многонациональной страны. Этот путь впоследствии — уже в наши, советские, годы — привел Сергея Владимировича к тому, что он овладев вместе с другими историками старшего поколения марксистско-ленинским научным методом, стал одним из самых активных участников перестройки исторической науки нашей страны: превращения ее из буржуазной русской исторической марксистскую историю народов Советского Союза.

В этом-то месте и скрестилась линия научной работы Сергея Владимировича с линией развития советской этнографической науки. Первая работа С. В. Бахрушина, посвященная Сибири, появилась в свет еще в дореволюционные годы («Тузунские легенды в Сибирской истории С. Ремезова», «Исторические известия», М., 1916, № 3-4). После Великой Октябрьской социалистической революции Сергей Владимирович начинает серьезно заниматься вопросом о самом происхождении русского населения Сибири — о русской колонизации зауральской части нашей страны. Верным историческим чутьем он уже тогда понял, что это великое движение Руси на восток к Урал, было в основном именно народным движением, которое этнод не нельзя считать, как это делали иные, к «царскому завоеванию Сибири». В 1922 г. появилась его большая статья «Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в.» (в сборн. «Очерки по колонизации Севера и Сибири», вып. 2), остающаяся по сей день единственным общим обзором хода русской колонизации Сибири до эпохи капитализма. Более подробно освещены первые этапы этого процесса в капитальном исследовании Сергея Владимировича «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв.» (М., 1928).

В своем великом историческом движении на восток русский народ вплотную прикоснулся к туземным народами Сибири, с которыми у него установились разнообразные, но в целом дружественные и полезные для обеих сторон отношения. И, опираясь на логику исторического исследования, С. В. Бахрушин начал серьезно изучать быт и культуру народов Сибири.

Он изучал их не как специалист-этнограф, а как историк. В наших больших центральных архивохранилищах он нашел богатые документальные источники, содержащие в себе разнообразные сведения о народах Севера и Сибири: о самоедах (нэнцах), сибирских татарах, остяках и вогулах, якутах и других. Эти источники — различные официальные акты конца XVI и XVII вв., всевозможные отписки, указы, судебные списки, доезды, челобитные и пр. — оставались тогда совершенно вне поля зрения этнографов, и едва ли кто из них даже предполагал, как много эти документы могут дать для изучения интересующих этнографическую науку народов. Этнографы в те годы продолжали придерживаться дурной традиции буржуазной этнографии — рассматривать изучаемые народы как бы в одной хронологической плоскости, игнорируя их конкретное историческое развитие; вместо последнего в лучшем случае фигурировали более или менее отвлеченные «стадии развития».

И вот, уже в 1926, 1927 гг. С. В. Бахрушин приходил на заседания этнографического общества и делал там доклады. Он говорил о народах, хорошо известных этнографам, но ранее не упоминавшимся, о народах, о которых никто не знал. Именно тогда этнографы впервые узнали о хозяйстве, общественном быте и культуре самоедов (XVI—XVII вв.), кенесейских киргизов в XVII в., об остяках и вогульских княжествах (XVI—XVII вв.) (темы докладов покойного историка). Эти доклады были одним из толчков, ускоривших перестройку этнографической науки по историческому направлению. Они помогали этнографам приучаться к той — теперь для нас самоочевидной — мысли, что каждый народ, в том числе и бесписьменный, имеет свою конкретную историю. Теоретически это все мы знали и раньше, но С. В. Бахрушин был едва ли не первым, кто на деле и вполне конкретно показал, как можно изучать эту историю. Он был, бесспорно, первым, открывшим для советской этнографии этот ценный источник.

...дотоле почти совершенно неведомый вид источников — русские архивные документы XVI—XVII—XVIII вв.

Если среди историков С. В. Бахрушин был в сущности первым, начавшим широко изучать этнографический материал, то для этнографов он был первым, кто показал, как надо пользоваться историческим материалом.

Так возникла серия чрезвычайно ценных работ Сергея Владимировича, посвященных народам Сибири и Севера XVI—XVII вв.: «Самоеды в XVII в.» («Северная Азия», кн. 5—6, 1925); «Исторические судьбы Якутии» (в сборн. «Якутия», изд. АН СССР, 1927); «Ясак в Сибири в XVII в.» («Сибирские Огни», 1927, № 8); «Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г.» (в сборн. «Советский Север», I, 1929); «Остяцкие и вогульские князства XVI—XVII вв.» (Л., 1935); «Сибирские служилые татары в XVII в.» (Исторические записки, т. I, 1937); «Основные линии истории обских угров» (Ученые записки Ленинградского гос. ун-та, Серия военоведческих наук, вып. 2, 1948) и другие.

Воспитанник старой исторической школы, С. В. Бахрушин не сразу овладел методом исторического материализма и не сразу научился правильно понимать специфику общественной структуры того или иного народа. В более ранних из упомянутых выше его работ (о самоедах, о якутах) содержится на этот счет довольно неточные и даже ошибочные формулировки. Но и эти ранние работы С. В. Бахрушина имели вперед исследовательскую мысль. По его стопам шли другие ученые, историки этнографы, уточнявшие его характеристики. Некоторые из работ Сергея Владимировича, посвященных общественному строю народов Сибири XVII в., вызывали оживленную полемику. Сомнению подвергалось, например, предположение его о наличии феодальных отношений у остяков и вогулов того времени (Н. Н. Степанов), у эвтов (С. А. Токарев). Поднятые в работах Сергея Владимировича подобного рода вопросы и сейчас остаются во многом еще нерешенными, но сама постановка их стимулировала дальнейшее углубление историко-этнографического исследования.

Посвятив большую часть своей жизни и труда истории народов Сибири, С. В. Бахрушин не оставил без внимания и историю других братских народов Советского Союза. В последние годы своей жизни он много работал над вопросами истории Татарии, Коми, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана. Он принимал ближайшее участие в редактировании коллективных трудов, посвященных истории этих национальных республик.

Но народы Сибири остались до последних дней жизни Сергея Владимировича наиболее привлекавшим его предметом исследования. Особенно много внимания уделял он якутам. С Якутской АССР Сергей Владимирович был связан многими годами творческой научной работы. Научный авторитет его в этой республике всегда был очень высок. Он принимал участие в организации там Базы, в дальнейшем филиала Академии Наук СССР, активно участвовал в ее работе, не останавливаясь при своем преклонном возрасте и слабом здоровье и перед нелегкими поездками в эту отдаленную республику. С. В. Бахрушину больше, чем кому-либо другому, Якутская республика обязана организацией большого научного дела — пятитомной «Истории Якутии». К сожалению, Сергею Владимировичу суждено было увидеть при жизни выпущенным в свет только первый том этого издания. Не символично ли, что всего за два дня до своей — такой неожиданной для всех смерти, — 6 марта, он принял самое активное участие в общественном обсуждении этого первого тома, получившего очень высокую оценку от всех выступавших; Сергей Владимирович сам делал вводный доклад к этому обсуждению.

Будучи прекрасным педагогом, строгим и требовательным, но чутким и внимательным, С. В. Бахрушин воспитал не одно поколение молодых исследователей-историков. И отнюдь не случайно то, что в числе его учеников было так много представителей национальных республик, особенно из Сибири. Молодая историческая наука в этих республиках, еще недавно отсталых, своими кадрами никому так не обязана, как С. В. Бахрушину.

Жизнь Сергея Владимировича оборвалась еще в расцвете его творческих сил. В его научном наследстве осталось немало работ, которые он не успел довести до конца. Другие, законченные, остались ненапечатанными. С. В. Бахрушин был основным автором и редактором почти подготовленного им к печати второго тома «Истории Якутии». Им не закончен подбор и обработка документов XVII в., подлежащих публикации в серии «Материалы по истории Якутии XVII—XVIII вв.». До сих пор осталось не напечатанным интересное исследование Сергея Владимировича о киргизах бассейна Енисея XVII в. Вероятно, разборка научного архива С. В. Бахрушина даст и еще немало ценных и для историка и для этнографа материалов. Наш долг перед памятью покойного ученого и одновременно перед советской наукой в целом — выявить и опубликовать все, что только можно, из этого ценного научного фонда.

С. Токарев

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

KALEVALASEURAN VUOSIKIRJA, 1947—1948, 1949
Helsinki-Porvoo, стр. 340 + 460

Юбилейный год карело-финского народного эпоса «Калевалы» отмечен в Финляндии выходом из печати ежегодников финляндского общества изучения «Калевалы» за 1947, 1948 и 1949 гг., по содержанию которых можно судить о том, в каком методологическом тупике зашла финляндская буржуазная этнография и фольклористика.

Критический обзор этих ежегодников целесообразно осуществить в виде наблюдений по отдельным статьям, помещенным в этих ежегодных изданиях, с тем, чтобы как в вступительной части, так и в заключении обзора отметить то общее, что объединяет разные статьи, и выявить их особенности, характеризующие современное состояние изучения карело-финского эпоса в буржуазной Финляндии.

В откровениях реакционно настроенных любителей «Калевалы» читатель напрасно стал бы искать ответа на вопросы, связанные с развитием карело-финского эпоса на вопросы об условиях его бытования среди современных носителей этого эпоса. Не найдет читатель и сведений об исполнителях эпических песен карело-финского народа. Лишь буржуазный финский филолог А. О. Вьясянен в ежегоднике за 1949 г. как-то случайно оговорился о поездке финского композитора Сибелиуса в конце XIX в. к певцу рун западной Карелии Петру Шемейкке, но сразу же поспешно заявить, что даже этот певец рун не повлиял на творчество Сибелиуса (стр. 309).

Игнорирование не только живых сказителей, но и завоевавших себе известность в XIX в. певцов рун «Калевалы», равно как фактическое отрицание народности карело-финского эпоса; признание в «Калевале» объективной реальности лишь постольку, поскольку этот памятник культуры признается буржуазным западом и прежде всего Америкой; демонстративное желание ограничить круг своих интересов по «Калевале» лишь тем, что в ней воспринимается хозяевами Уолл-стрита, — вот та платформа, которая объединяет почти всех авторов, участвующих в рецензируемых ежегодниках. С этой платформы они не сходят даже в тех случаях, когда для видимости пытаются полемизировать друг с другом.

Чтобы не быть голословным в своих утверждениях, перехожу к критическому анализу отдельных, наиболее типичных и показательных статей.

Юбилейный ежегодник общества по изучению «Калевалы» за 1949 г. открывается статьей Уно Харва, где в качестве непреложной истины снова приводится истасканная ссылка на епископа Агриколу, якобы подтверждающая западнофинское происхождение рун о Вяйнямейнене (стр. 7). Автор полемизирует с В. Кауконеном (не называя его по имени) по вопросу о роли Леннрота в составлении «Калевалы». Критика позиций В. Кауконена, во многом ошибочных (см. нашу рецензию в журнале «Советская этнография», 1949, № 2), проведена Уно Харва с откровенно реакционных позиций. Подход В. Кауконена к «Калевале» как к «продукту творческого духа» Э. Леннрота Уно Харва считает оскорблением Э. Леннрота и преувеличением его роли (стр. 8). Уно Харва одновременно подвергает критике Э. Леннрота за стилистические погрешности, длинноты «Калевалы», за включение в нее закллинательных песен, уменьшающих художественную ценность «Калевалы» (стр. 9). В своей статье Уно Харва (в свое время сменивший шведскую фамилию Гольберг на финскую — Харва) не может обойтись и без ссылок на Похьолу, которую он, смотря по политической ситуации, в разных своих «трудах» за последние годы населяет то шведами, то финнами. В млечном пути, рассекающем небо Похьолы, Уно Харва увидел явные признаки воспламеняемого в рунах на сюжеты «Калевалы» огромного дуба (стр. 11—12). В заключение Уно Харва заявляет, что «маленький народ в годы мировых потрясений»

ний может потерять многое, но никогда не потеряет вечное творение благородного духа своих предков». С этим заключением Уно Харва можно бы и согласиться, с той душевной поправкой, что карельский народный эпос все же возник именно среди предков карел и как творение их благородного духа принадлежит карело-финскому народу.

До самого последнего времени в Финляндии остаются в силе теории западнофинского или даже скандинавского происхождения карельского эпоса. Так, в статье о Похьоле Калевалы (стр. 104—121) буржуазный фольклорист Н. Лид рассматривает карело-финские руны как прямое продолжение скандинавского эпоса. Вслед за А. Кроном, автор статьи в чисто космополитическом плане проводит параллели и аналогии между эпосом «Калевалы» и исландскими доисторическими фэрнольд-сагами. Даже само название Похьола автор механически сводит к скандинавскому термину *bolten*, хотя термин Похьола без особых скандинавских этимологий переводится как «страна Севера».

В статье на тему «Художественные достоинства Калевалы» (стр. 154—162) финляндский филолог И. Ойнонен также дает космополитическую постановку вопроса о происхождении карело-финского эпоса и отрицает народный характер «Калевалы».

«Кто создал Калевалу?», — пишет Ойнонен, — Топелиус в свое время отвечал: финский народ. Он имел в виду, что это — народная поэзия. Но именно против такой концепции восстает концепция современной науки о «Калевале». Она утверждает: Калевала и не является в полном смысле слова народной поэзией. В ней есть и такое, чего народ никогда и не складывал. Конечно, народ сложил отдельные ее стихи, но при объединении их достигнуто то, что не является народной эпикой. А объединение осуществлял Леннрот, который не обладал поэтическим даром. Как же в таком случае могли возникнуть прекрасные образцы поэзии, высокое искусство?» (стр. 156). Ойнонен отвечает на этот вопрос явно идеалистическим толкованием природы коллективного народного творчества, в частности эпоса, тут же предостерегая от ссылок на древних финнов.

Под коллективизмом, создавшим наш эпос, филолог Ойнонен понимает не конкретные этнические группы, даже не древних финнов (не говоря уже о древней Кореле); автор статьи как типичный космополит и идеалист видит в этом коллективе какую-то освобожденную от материалистически-объективной реальности древнюю идеалистическую сущность народа, проявляющуюся на «значительно более широких просторах земного шара», чем Финляндия (стр. 157). В связи с этим он считает, что «можно говорить о древних чертах характера эпических героев «Калевалы», совершенно не учитывая характера первоначальных народных вариантов эпических песен».

В том же юбилейном ежегоднике финляндский филолог М. Хаавио выступил с космополитической статьей на тему о мировых корнях финской пословицы: «*Sitä musta kuuleminen, jonka juurella asunto*» (букв. «ту ель надо почитать, на корнях которой твое жилище») (стр. 14—33). Автор отказывается от мысли о финском характере этой пословицы. Разные ее версии он прослеживает во всех странах Северной и Западной Европы: Швеции, Дании, Германии, Голландии, Исландии. Выясняя функцию этой пословицы, автор сопоставляет ее даже с одой Горация Диане (III, 22). При чтении статьи М. Хаавио становятся ясными причины интереса к этой пословице со стороны буржуазного фольклориста, сомневающегося в концепции о западнофинском происхождении карело-финского эпоса и тем не менее защищающего эту удобную для реакционной финляндской буржуазии концепцию. Опираясь на авторитет американского исследователя А. Тейлора, финский фольклорист М. Хаавио утверждает, что хотя наиболее древний вариант этой пословицы отмечается в отношении к XII в. исландской Эгль-саге, тем не менее, она не могла зародиться в Исландии, где нет, как заявляет М. Хаавио, таких огромных деревьев, под которыми можно строить жилище. Автор статьи между строк намекает на возможность поисков «родины» этой пословицы в той западной стране, которую до Колумба открыли скандинавы.

Почти все статьи юбилейного ежегодника свидетельствуют о реакционно-идеалистической, космополитической их направленности. В этом отношении некоторые отдельные исследования, помещенные в ежегоднике за 1947—1948 гг., составляют радное исключение и говорят о наметившемся во время существования в Финляндии правительства Пеккала объективно-научном и стихийно-материалистическом подходе к изучению фактов славяно-финских связей и других актуальных проблем, проясняющих подлинные пути развития карело-финского эпоса и затрагивающих, например, вопрос о проявлении интереса к карело-финским народным песням со стороны гения творчества — Карла Маркса.

Именно такой благодарной теме посвящена статья Эриха Кунце (стр. 95—108) о карело-финских рунах, включенных в рукописный сборник народных песен, подготовленный молодым Карлом Марксом в подарок его будущей жене — подруге детства Женни Вестфален.

Среди этих песен имеется и руна о рождении кантеле — карельского народного музыкального инструмента, воспетого в рунах «Калевалы». Автор статьи высказывает предположение о том, что эта карело-финская руна как-то повлияла на появление соответствующего абзаца в материалах к диссертации К. Маркса, написанных в 1839 г., где говорится о творческих силах, пробуждаемых игрой на чудесном музыкальном инструменте, под струнами которого рождается буря (стр. 100). Интерес

К. Маркса к этим народным песням Э. Кунце объясняет влиянием кружка младых гегельянцев и борьбой К. Маркса против правых гегельянцев.

Из других статей ежегодника за 1947—1949 гг. интересна статья Густава Вилкуна на тему «Древние финско-славянские связи» (1947—1948 гг., стр. 244—290). Автор статьи, вопреки укоренившимся домыслам Томсена, допускает законную мысль о расселении отдельных групп древних славян, подобно представителям других племен в непосредственном соприкосновении с прибалтийскими финнами. Он видит в этих группах древних славян представителей торговой знати. Однако еще на высшей степени варварства устанавливались связи между теми доисторическими племенами, которые приняли участие в этногенезе восточных славян и прибалтийских финнов. Если в методологическом отношении концепция Г. Вилкуна неприемлема, то тем не менее нельзя безразлично относиться к таким фактам, когда буржуазный ученый интересуется проблемой финско-славянских связей и пытается доказать их древность и органичность. По мнению Г. Вилкуна, о расселении групп славян среди прибалтийских финнов говорят такие старые термины, как имеющие общность: «supnio» — судья, «turki» — торг, «tavara» — товар. Г. Вилкуна отстает мысль об искусственности теории, прикрепляющей имя венедов к каким-то другим, не славянским племенам. В подтверждение положения о том, что финское название русских непосредственно восходит к названию древних славян — венедов, Г. Вилкуна ссылается на чуждость этого имени прибалтийско-финскому племени ливов, которые на протяжении многих столетий не соприкасались со славянскими народами и до последнего времени продолжали называть русских кривичами. В связи с этим Г. Вилкуна еще раз отмечает известные сведения о сохранившемся в топонимике Латвии упоминание славянского племени венедов, которым в 1225 г. миссионеры проповедовали на языке, сильно отличающемся от латышского. Наличие аналогичной топонимии восточнее и севернее Латвии, а также соответствие русского названия Славянка ижорскому названию реки Вентьёки, недвусмысленно говорит об отложениях в этой топонимии какого-то названия славянского племени. Наоборот, нет никаких доказательств в пользу того, чтобы под названием вендов понималось какое-то неславянское племя.

В том же плане Г. Вилкуна рассматривает и прибалтийско-финское название Западной Двины — Вайня, Вейна, считая вслед за другими исследователями, что эти, как и другие варианты, восходят к славянскому названию Двина. Для убедительности своих положений Г. Вилкуна анализирует и славяно-финские лексические связи. Останавливается он и на вопросе о соседях венедов — феннах или финнах, упоминаемых Птолемеем и Тацитом. Он ссылается на вышедший в 1946 г. в Хельсинки «труд» небезызвестного Э. Линкомиэса, где этот гитлеровский проходимец от науки берет из тацитовского упоминания 98 г. до н. э. одно лишь голое название феннов как имя древних предков финнов, но тут же сбрасывает со счетов в качестве «пустой риторики» данную Тацитом характеристику дикости этих финнов, относя эту за счет лопарей. Однако все же пребывание финнов при Таците на стадии дикости совершенно бесспорно, как бесспорно и то, что в сравнение с их человечностью не могут идти одичавшие звери из лагеря белофинской реакции. В заключение Г. Вилкуна солидаризируется с профессором Краковского университета Тадеушем Лер-Сплавинским, пришедшим в 1946 г. в своем исследовании к выводу о расселении древних славян на Одере. Этот польский ученый, по мнению Г. Вилкуна, вполне убедительно относит ряд прибалтийско-финских слов к кругу древних славяно-финских лексических связей. Другая статья Густава Вилкуна, помещенная в юбилейном ежегоднике за 1949 г., в этнографическом плане освещает вопрос о границах рыбных угодий между реками Торнео и Кеми на Ботническом заливе. Вопрос об этой границе особенно важен потому, что она разделяла в XII в. обосновавшихся на реке Торнео западнофинских ушуйников, известных под названием «пирккалайсет», от группировавшейся на прибоитнической реке Кеми карельской вольницы, осуществлявшей Прибоитнии государственные интересы Новгородской Руси. В полемике, разгоревшейся в 1926—1931 гг. между реакционным историком Я. Яккола и проф. К. Ф. Меландером, Густав Вилкуна приходит к той мысли, что Я. Яккола был в корне неправ, считая реку Кемь границей рыбных угодий.

Однако даже в ежегоднике за 1947—1948 гг. далеко не все статьи целесообразны в направлении стихийно-материалистического и хотя бы просто добросовестного освещения актуальных проблем, содействующих подлинно научному изучению карело-финского эпоса. Реакционно-идеалистическая сущность идейных устремлений многих финляндских буржуазных филологов в ежегоднике за 1947—1948 гг. была завуалирована, ограничена; в юбилейном ежегоднике 1949 г. она проявилась вполне четко, что, несомненно, связано с политикой финской буржуазии в 1949 г.

В ежегоднике за 1947—1948 гг. видное место занимает статья финляндского фольклориста В. Кауконена, где «Калевала» трактуется исключительно как эпос Леннрота. Эта концепция характерна и для другой, уже рецензированной мной в № журнала «Советская этнография» за 1949 г. работе В. Кауконена — монографии «Kalevala ja todellisuus».

Сложное и пестрое переплетение методов реакционной функциональной этнографической школы и космополитических концепций финляндских фольклористов с идеалистическими теориями можно видеть в статье А. Руоталайнена на тему «Недержание мочи у детей в свете этнографии» (стр. 103—128). Отмечая тот факт, что ма

протяжении многих столетий медицина будто бы не в состоянии была разгадать природу отмеченного недуга и найти способы его излечения, автор статьи по существу сводит изучение этой детской болезни исключительно в круг компетенции становящихся на позиции реакционного прагматизма этнографов. Сопоставление основанных на суеверии представлений об этом недуге у разных племен и народов в разные времена приводит А. Руоталайнена к космополитическим исканиям путей блуждания из страны в страну разнообразных приемов «лечения» этой болезни, притом он тут совершенно не интересуется действительными причинами развития этих суеверий. Религиозные заговоры, колдовство рассматриваются специалистом по идеологической диверсии в гуманитарных науках как единственно возможные, испытанные житейским опытом сотен поколений человечества способы объективного познания природы неприятной детской болезни. Фольклористские и этнографические «функции» заговоров, якобы помогающих изжить этот недуг, берутся автором рецензируемой статьи в неопределенно антиисторическом плане, в прямом соответствии с реакционным функционализмом в этнографии.

Общие выводы и «философские» корни изысканий А. Руоталайнена выражены очень кратко и выразительно. «Многие поверия и основанные на магии способы излечения болезни,— пишет этот мракобес,— указывают на то, что этот печальный недуг, возможно, находится в какой-то связи с царством мертвых и с Маналой и откуда происходит» (стр. 128).

В заключение автор обещает в другом исследовании более детально показать мистическое появление из потустороннего мира не только суеверий об этом недуге, но и самого этого недуга.

В целом ряде статей рецензируемых ежегодников финляндскими лингвистами дается этимология отдельных слов и терминов, упоминаемых в тех или иных вариантах рун на сюжеты «Калевалы». Из подобных статей можно отметить статьи Еуко Каутала (1947—1948, стр. 28—38), Яло Калима (1947—1948, стр. 61—64; 1949, стр. 34—40), М. Рясянена (1947—1948, стр. 158—175), Лаури Хакуланена (1949, стр. 34—40), Р. Нирви (1949, стр. 141—153), Мартти Рапола (1949, стр. 163—171), Э. А. Туннело (1949, стр. 288—295).

Свойственный финляндским лингвистам компаративизм, ведущий к тенденциозным попыткам обоснования с помощью лингвистических данных западнофинской и даже скандинавской теории происхождения карело-финского эпоса, объединяет большинство этих статей.

Настойчивые поиски скандинавских корней во всех мотивах и сюжетах рун «Калевалы» характерны для помещенной в ежегоднике за 1947 и 1948 гг. статьи финляндского лингвиста И. Тойвонена о термине Вихки, Вихти, появляющемся в вариантах рун в качестве параллельного имени основного героя Вяйнямейнена.

В заключение своей статьи Тойвонен пишет: «германское слово *vihti* — знахарство, магия, заклинание, заговор — очевидно, было источником нашего *vihti*, что значит знахарь, колдун, приречитель. В этом случае слово *vihti* является поздним искажением слова, ставшего редким и чуждым. Таким образом *vihti*, *vihti* принадлежит к той же группе германских заимствований, как и, например, слово *руно*, *руной*» (стр. 182—183).

Одна из статей юбилейного ежегодника за 1949 г. посвящена теме о финнизмах в русском заговоре и принадлежит перу лингвиста Яло Калима в первой ее части и фольклориста Мартти Хаавио во второй части статьи (1947—1948 гг., стр. 45—50). В составленном Д. К. Зелениным за 1914—1916 гг. описании рукописей архива Русского географического общества Я. Калима обнаружил записанный в Саратовской губернии заговор, применяемый при успокоении плачущего ребенка и содержащий формулу: «Зоря зорница, красная девица, возьми крик с лопсы, возьми крик на лес», где слово лопсы рассматривается авторами статьи как прибалтийско-финское лапси «ребенок». Калима отмечает и тот факт, что в севернорусском диалекте, где «достаточно много заимствований из прибалтийско-финских языков», то слово тем не менее отсутствует. Финский лингвист обращает внимание и на то, что, судя по официальным данным переписи, расселение карел доходило до Тамбовской губернии к северо-востоку от Тамбова. Фольклорист же М. Хаавио указывает на бытование той же самой формулы заговора, согласно записям М. В. Михайловской опубликованным в Сборнике Музея антропологии и этнографии при Академии Наук СССР, V, 2), полностью на карельском языке среди калнинских карел. Он же приходит к выводу о несомненной славянской природе этого заговора, переведенного калнинскими карелами на карельский язык и позднее в Саратовской губернии вновь подвергнутого переводу с карельского языка на русский язык; притом в качестве видительства об этом повторном переводе выступает сохранившееся в русском контексте карельское слово лапси «ребенок».

Значительное число статей в рецензируемых ежегодниках общества «Калевалы» посвящено изучению разных проявлений культуры лопарей-саамов, беззловесно наложивших свой отпечаток на развитие карело-финского эпоса. Отмечу статью И. Итконена «О характере лопарей-саамов» (1947—1948 гг., стр. 49—61), где характер по существу рассматривается как качественно неизменная функция биологической хоби. В том же духе написаны статьи А. О. Вайсянена «О духе лопарей» (1947—1948, стр. 291—294), Конрада Нильсена «О лопарях Норвегии» (1947—1948, стр. 295—302), Густава Ранка об источниках религиозных верований лопарей (1949, стр. 180—248).

У последнего автора особенно ярко проявляется применение реакционной функциональной теории в этнографическом изучении духовной культуры лопарей-саамов (например, стр. 197). Вместо того чтобы говорить о качественных изменениях в развитии пережитков матриархата у лопарей-саамов, автор договаривается до утверждения о переносе функций скандинавских норм и вульгарно-христианских предположений о богородице на примитивные верования саамов, что якобы и обусловило некие количественные изменения в них.

Отдельные статьи рецензируемых ежегодников сводятся к этнографическому описанию разных явлений материальной культуры прибалтийско-финских народов. Сюда относятся статьи С. Халцонена «Из истории изучения финской народной одежды» (1947—1948, стр. 7—27), А. Хирсъярви «О нарезных деревянных календарях финской лесной полосы Скандинавии» (1947—1948, стр. 39—48), Густава Ранка «Водское жилище» (1947—1948, стр. 129—157), В. Руоппила «Финские обычаи, связанные с похоронами бани» (1949, стр. 174—179), Т. Ватер «О вышивке пермских женщин» (1949, стр. 296—317) и ряд других статей.

Функционализм, местами подкрепленный завуалированными проявлениями реакционной расистской теории, пыльным цветом цветет во многих из этих статей.

В статье «Бирка и Финляндия» (1949, стр. 56—70) Э. Кивикоски глазами археолога взглянула на встречающиеся в ижорских рунах упоминания о разорении поселения Койвисто-Бьорк, тенденциозно толкуемые реакционным финляндским историком Я. Яккола. В найденных около древней Бирки, на одном из островов шведского озера Мэлар, немногочисленных предметах захоронений Э. Кивикоски видит нескаандинавские вещи, которые, по ее мнению, в силу своей малоценности и примитивизма отделки не могли появиться там в качестве предметов торговли. Однако в самом деле эти вещи принадлежали исключительно лишь представителям прибалтийских финских племен, якобы захороненным в X в. в древнем Бьорке? Отмечаемые Э. Кивикоски подковообразные пряжки и подвесные утки могли принадлежать не только прибалтийским финнам, но и их соседям — заезжим ильменским славянам. Так вещи обнаружены не только в 1949 г. на Ояти А. М. Линевским (где они, может быть, и являются прибалтийско-финскими, точнее древневесскими), но они же встречаются и в чисто славянских захоронениях. Поскольку разоренная в конце X древняя Бирка находилась неподалеку от стертой несколько позднее с лица земли карелами и новгородцами древней столицы Швеции Сигтуны, — постольку в ижорских рунах (где говорится о герое, видевшем пожар Койвисто) могло сохраниться смутное воспоминание не только о разорении древней Бирки — Койвисто (как это предполагает Я. Яккола), но и воспоминание о других аналогичных событиях, что в силу своей повторяемости и стимулировало сохранность подобного рода исторических отражений в устной карело-финской народной поэзии.

Две статьи в ежегоднике за 1947—1948 гг. принадлежат перу буржуазного финляндского фольклориста-музыковеда А. О. Вайсянена. Статью о манере исполнения рун на сюжеты «Калевалы» (стр. 184—243) А. О. Вайсянен начинает ссылкой на путевые заметки одного итальянского путешественника Есепы Ацерби, отметившего в 1799 г. факт амейбного исполнения карело-финских рун двумя певцами. Хотя это же обстоятельство значительно раньше засвидетельствовал в своей диссертации первый финский филолог Портан, тем не менее — такова уж природа преклонения перед иностранцами — А. О. Вайсянен готов уступить приоритет изучения карело-финской народной поэзии пресловутому итальянцу, а заодно делает реверансы перед итальянскими ревнителями «Калевалы» в XIX—XX вв. — ее переводчиком Паволли и иллюстратором Коркосом. Лишь попутно А. О. Вайсянен ссылается на Портана, чтобы вновь вернуться к итальянскому путешественнику 1799 г., как бы невзначай отмечая, что цитаты с итальянского переведены им самим — Вайсяненом. Автор не во всем верит показаниям 1799 г. В вопросе о сопровождении пения игрой на кантеле он сомневается в достоверности рисунка итальянца, изобразившего рядом с двумя певцами рун третье лицо — кантелиста. Вайсянен склонен считать пение рун и игру на кантеле попеременной способностью одного и того же человека, что этнографически засвидетельствовано и подтверждается многими стихами вариантов рун. Изучение манеры исполнения рун у разных групп прибалтийско-финского населения приводит А. О. Вайсянена к полемике с буржуазным филологом Андерсоном. Принципиальной разницы в концепциях полемизирующих филологов нет. Оба они не считают карельским народный эпос, увековеченный в «Калевале», сходясь на том, что этот эпос заимствован карелами с запада. Но спор начинается при определении географических координат этого запада. А. О. Вайсянен стремится оставить карельский эпос в качестве неделимого сокровища юго-западной Финляндии. Андерсон же склонен развезти этот эпос из юго-западной Финляндии по всему свету с тем, чтобы наибольшую их часть отвести к Скандинавии. В противовес доводам Андерсона, А. О. Вайсянен заявляет: «Кантеле, по всей видимости, бывало уже в прафинский время, т. е. еще до скандинавских культурных влияний» (стр. 237).

Если Андерсон пытается доказать, что кантеле Вийнямейнена — смычковый музыкальный инструмент скандинавского происхождения, то для подтверждения своего предположения о кантеле как щипковом инструменте А. О. Вайсянен начинает подсчитывать, сколько раз в вариантах рун упоминаются пальцы играющего на кантеле Вийнямейнена. В противовес космополитической концепции Андерсона о скандинав-

ском происхождении руны рождению кантеле, Вьяйсянен совершает не менее космополитическое путешествие в Индию, якобы по путям следования международных сказочных сюжетов (стр. 238). С этой целью А. О. Вьяйсянен прибегает к ссылкам на трех былинных богатырей: Добрыню, Ставра и Садко, которые, как и Вьяйямейнен, одновременно обладали способностью петь и играть на близком кантеле музыкальном инструменте — гуслях. Кстати, Вьяйсянен, вслед за Ю. и К. Кронами и представителями русской «исторической» школы фольклористов, говорит о прибалтийско-финском происхождении образа Садко. В заключение Вьяйсянен рассматривает Вьяйямейнена как историческую личность и в то же время, будучи убежденным космополитом, сопоставляет руны о кантеле с первой песней Одиссеи и соответствующими местами из Ветхого Завета.

В другой статье А. О. Вьяйсянена на тему «Калевала и музыка» (стр. 303—322) с особой навязчивостью подчеркиваются случаи интереса западноевропейских и американских деятелей искусства к напевам «Калевалы». Тут мы узнаем о том, как в 1880 г. высоко отзывался о музыке «Калевалы» некий третьеразрядный английский писатель, как он в письме своему другу — американскому композитору — посоветовал использовать этот эпос как материал для оперы (стр. 304). Указывает автор и на то, что интерес к финской музыке пробудился уже в конце XVIII в. у вышеупомянутого итальянского путешественника-композитора Есепа Ацерби, посетившего гор. Улеаборг (Оулу), где в бумагах тамошнего чиновника, интересовавшегося музыкой, найдена партитура его квартета, в котором красной нитью проходит напев рун «Калевалы» (стр. 305). Не оставляет А. О. Вьяйсянен без внимания и попытки немецких композиторов откликнуться на темы «Калевалы». Наконец, особо подробно автор этой статьи останавливается на поездках известного финляндского композитора Сибелиуса по Западной Европе и Америке. Восторженно говоря о том, как поездка в Америку повлияла на творчество Сибелиуса (стр. 315), Вьяйсянен лишь мимоходом упоминает о том, как Сибелиус впервые услышал живое исполнение рун карельским певцом Петром Шемейкка (стр. 309).

В юбилейном ежегоднике уделяется внимание и изучению связанного с «Калевалой» образительного искусства. Этой теме посвящена статья Л. Веннервирта «Ээро Ярнефельт и национальная романтика» (1949, стр. 318—342), где автор старается уничтожить самобытность финского художника Ярнефельта. В полотне, на котором художник изобразил западноевропейского рыцаря, автор статьи упорно хочет видеть Лемминкяйнена, хотя нет никаких данных, говорящих за то, что тут художник пытался изобразить этого героя «Калевалы».

Литературные темы, непосредственно не связанные с «Калевалой», представлены статьей В. Таркканена о поэме финского поэта-нищеенца Эйно Лейно «Коута» (стр. 248—265).

В юбилейном ежегоднике нашли себе место и переводы на финский язык двух стихотворений шведского поэта Финляндии Рунеберга (стр. 172—173).

Наконец, видное место в юбилейном ежегоднике занимает статья о переводах «Калевалы» в Америке, принадлежащая перу некоего американского финна, сменившего финскую фамилию Моуккунен на вполне американскую Майн (стр. 121—140). В этой статье навязчиво рекламируются и подтверждаются факты исключительного внимания и интереса американцев к финской народной поэзии и «Калевале». Чтобы отнять приоритет знакомства с «Калевалой» у русских общественных деятелей, например, декабриста Ф. Глинки, чьи переводы карельских рун на русский язык печатались уже в 1827 г., финские «исследователи» идут на явные подтасовки фактов, лишь бы доказать якобы огромную роль Америки в деле популяризации «Калевалы». Автор указанной статьи утверждает знакомство с финской поэзией у американских поэтов Персиваля и Лонгфелло будто бы уже до появления первого издания «Калевалы» на финском языке. Но даже подтасовка фактов не дала возможности Э. Майну доказать раннее знакомство Лонгфелло с обзором финской поэзии, напечатанным в 1827 г. в Лондоне на английском языке (с автором этого лондонского обзора Лонгфелло столкнулся лишь в 1835 г., во время своей поездки в Швецию). Это, правда, не смущает американского финна-космополита Э. Майна. Он делает предположение о возможности знакомства Лонгфелло с финской поэзией уже молодым студентом в Германии через немецкие переводы Гете «Finnisches Liedlein». Но, оставив и это предположение недоказанным, он ссылается на то, что в личной библиотеке американского поэта Персиваля (сделавшего в 1943 г. для своего рукописного сборника несколько переводов финских народных песен на английский язык) имелись опубликованные в 1802 г. путевые заметки итальянского путешественника Есепа Ацерби, где даны некоторые сведения о финской народной поэзии. Переходя затем к скандальной полемике Лонгфелло и Потера в связи с публикацией в 1855 г. поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате», Эрнест Майн подчеркивает, какое исключительное внимание в мировой литературной общественности вызвала эта поэма, испытывавшая влияние «Калевалы». Автор с американским деличеством между строк говорит о том, какой хорошей рекламой для «Калевалы» была поэма американского поэта. Из статьи Эрнеста Майна можно сделать только тот нелепый вывод, что без Америки «Калевала» не вошла бы в сокровищницу мировой литературы, без Америки не могло быть и «Калевалы»!

Таковы те веняния, которые восторжествовали в канун юбилейного года карело-

финского эпоса и во время юбилейных торжеств в финляндском обществе по изучению «Калевалы», рельефно отразившись на страницах его ежегодников.

На фоне систематической фальсификации научного изучения «Калевалы» вполне закономерно замалчивание работы по собиранию и изучению карело-финского эпоса в Карело-Финской ССР. Тут мы можем быть лишь признательны хозяевам финляндского общества «Калевала» за то, что они не бросили нас в общий кузов с космополитами разных мастей, спекулирующими «Калевалой».

Разные авторы статей в рецензируемых ежегодниках разными способами пытаются доказать одну и ту же мысль — мысль о некарельском и ненародном характере эпоса «Калевалы». При этом одни авторы вообще игнорируют устные народные версии этого эпоса и видят в «Калевале» объективную реальность лишь постольку, поскольку «Калевала» стала известной за границей; другие — не могут отрицать реальное существование устного эпоса, но с помощью чисто умозрительных рассуждений идеалистического толка снимают, сбрасывают его со счетов.

Сделанный нами обзор статей, опубликованных в ежегодниках финляндского общества по изучению «Калевалы» за 1947—1949 гг., показывает, в какой тупик зашла буржуазная наука. Вместе с тем становится совершенно очевидным, что все эти реакционеры от науки защищают интересы империализма, борются за них, являются прислужниками англо-американской реакции. Финские буржуазные реакционные фольклористы продают и предают искусство и культуру трудового народа, враждебны ему, «научная» деятельность этих исследователей свидетельствует о том, что современная буржуазная наука достигла пределов падения.

В. Евсеев

НАРОДЫ СССР

Академия Наук СССР, Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. *Сборники Музея антропологии и этнографии*, X, XI, XII, М.—Л., 1949.

Каждому, кто занимается историей культуры народов Советского Союза и их историческим прошлым, а также этнографией, антропологией и археологией не только СССР, но и зарубежных стран, хорошо известны сборники Музея антропологии и этнографии Академии Наук. Сборники эти стали выходить с 1900 г., сначала отдельными выпусками, а с 1913 г. — томами. Всего с 1900 по 1930 г., когда на основе Музея антропологии и этнографии был создан Институт этнографии Академии Наук СССР, было опубликовано девять томов сборников. В 1949 г. вышли сразу три тома — X, XI и XII, содержащие 54 статьи различных авторов, общим объемом более 77 печатных листов, с многочисленными вкладными таблицами и рисунками. Уже одни эти внешние, чисто количественные показатели дают представление о значительном объеме проделанной работы.

В сборниках, естественно, преобладают этнографические исследования, а среди них — работы, относящиеся к народам Сибири, Советского Дальнего Востока и кочевым народам Средней Азии.

Значительная часть таких статей посвящена изучению материальной культуры и хозяйственного быта.

В статье «Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни» (т. XII) Л. П. Потапов дает детальную характеристику элементов материальной культуры скотоводов-казахов, основанную главным образом на изучении музейных этнографических коллекций, относящихся к быту не байско-султанской верхушки, а трудового народа. Привлекая, наряду с вещественными этнографическими материалами, также данные фольклора, письменных источников (китайские летописи) и археологические факты, Л. П. Потапов убедительно показывает тесную связь всех изучаемых им элементов своеобразной материальной культуры казахов с их основным производством — разведением коней и рогатого скота — и кочевым образом жизни степных скотоводов, генетически восходящим к первому тысячелетию до нашей эры. Автор берет объекты своего исследования в их тесной диалектической взаимосвязи и закономерной внутренней обусловленности потребностями общества, условиями и характером его производственной жизни; не ограничиваясь статически наблюдаемой для недавнего этнографического времени картиной, он смело выходит за пределы этой «этнографической современности» в глубь веков и показывает отдаленнейшие исторические корни казахского быта и культуры.

Из отдельных недочетов этой работы следует отметить явно неудачное объяснение происхождения кумыса. Если верить Л. П. Потапову, подоенное кобылье молоко, слитое в кожаный сосуд из сыромятной кожи, подверглось взбалтыванию при езде в жаркий день и в результате «дало кумыс само собой». Стоило однажды утолить жажду этим напитком, легким, бодрящим, даже слегка пьянящим, как «качества» его были открыты и постепенно усовершенствованы приемами изготовления. На

этой гипотезе лежит явный налет общеизвестного и традиционного для идеалистической буржуазной этнографии способа разрешения всех таких генетических проблем, например, проблемы открытия огня, обработки металлов или изобретения лука в результате некоего единичного случая, давшего толчок творческому уму индивидуального изобретателя, от которого его открытие должно было распространиться повсюду. В действительности, как известно: «В первоначальной истории каждое изобретение должно было делаться ежедневно заново и в каждой местности независимо от других»¹. О том, что этот срыв случаен и зависит скорее всего от некоторой поспешности формулировки автора, не продумавшего свой вывод до конца, свидетельствует противоречащее ему дальнейшее утверждение, по существу — вторая гипотеза, отвергающая первую. «Впрочем, — пишет автор, — в приемах изготовления кумыса у казахов до последних дней сохранялись все основные элементы, которые в древности, будучи соединены случайно или сознательно, дали первый кумыс. Кумыс казахи делали в кожаной посуде и лучшим считали тот, который долго и равномерно болтался в кожаном мешке во время длительного пути. Приготавливая кумыс на летних длительных стоянках, его постепенно взбалтывали в кожаной посуде, при помощи специальной деревянной болталки — мутовки («пскек»). Так, вероятно, был открыт кумыс — любимый напиток кочевников». Вопреки идеалистической по ее смыслу вставке о том, что «элементы» приемов изготовления кумыса были соединены «случайно или сознательно», Л. П. Потапов убедительно рисует здесь подлинный процесс изобретения кумыса, естественный и неизбежный в условиях степной кочевой скотоводческой жизни, независимый ни от игры случая, ни от усилий сознательной творческой воли единичного гения — изобретателя.

Я остановился на этом частном случае не потому, что он в какой-то мере характерен для рецензируемой статьи, а потому именно, что он противоположен ее смыслу и духу; потому, что перед нами пример случайного проникновения давно изжитых и самим Л. П. Потаповым, и всей нашей этнографической наукой черт традиционной «этнографического мышления», характерного для эволюционистской буржуазной школы. Пример этот свидетельствует лишь о том, насколько важно для каждого советского исследователя быть настроенным и бдительным ко всяческим случайным рецидивам буржуазного мышления.

В. Н. Чернецов в статье «Быт хантов и манси по рисункам XIX века» (т. X) публикует замечательные шторы или, вернее, панно, на которых изображены различные сюжеты из жизни обских племен в конце XVIII или начале XIX в. С удивительной реалистической точностью и глубоким знанием трудовой повседневной жизни хантов и манси автор росписей-панно изобразил на них орудия труда и промыслы обских рыболовов и охотников, а также в значительной мере и их одежду и жилища. Правда, с точки зрения В. Н. Чернецова как строгого наблюдателя-этнографа, автор росписей Н. Шахов не всегда давал детали изображаемых предметов с исчерпывающей полнотой и точностью, но все же он оставил нам единственную в своем роде по многообразию и полноте картину трудовой и отчасти общественной жизни хантов и манси в прошлом. Рисунки Шахова представляют таким образом как бы своеобразное графическое описание быта этих племен, которое по выразительности и силе можно отчасти сопоставить с аналогичными по характеру известными работами Кутлина, посвященными североамериканским индейцам. Не исключено при этом, что в некоторых случаях критические замечания В. Н. Чернецова по адресу работы Шахова вызваны не одними только неизбежными упущениями и вольностью последнего, но и естественным несоответствием этнографических наблюдений 20-х гг. нашего века рисункам конца XVIII и начала XIX в.

В статье В. В. Антоповой (т. X) с большой полнотой описана такая важная деталь материальной культуры арктических собаководов, как собачьи сани камчадалов. В основу работы положена уникальная коллекция таких саней, принадлежащая Музею антропологии и этнографии, а также различные литературные источники, начиная с классической монографии Крашенинникова о Камчатке и ее обитателях. Достоинством статьи В. В. Антоповой являются многочисленные и превосходные рисунки, полностью документирующие и дополняющие текст. Интересна небольшая заметка Г. М. Василевича о корытообразной нарте сымских эвенков (т. X). Отмечая особую архаичность быта сымских эвенков, давно уже изолированных от прямого общения с родственными им другими тунгусскими племенами, Г. М. Василевич указывает здесь в числе таких архаичных элементов древнего охотничьего уклада и описываемую ею корытообразную нарту «нгат» или «нат». В ряде случаев, по ее данным, подобная нарта заменяется еще более древним, подлинно первобытным по своему характеру приспособлением — замороженной или засушенной в форме корыта звериной шкурой. И в этом и в другом случае такую нарту с поклажей тянут не олени, а люди и собаки, впряженные вместе. Этот интереснейший пережиточный факт бросает, таким образом, яркий свет на древнейшее, дооленоводческое прошлое предков тунгусов, когда они были пещными лесными охотниками и рыболовами.

В другой статье — о тунгусском нагруднике (т. XI) Г. М. Василевич подробно описывает виды этой интереснейшей в историко-этнографическом отношении детали

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 45.

тунгусской народной одежды и прослеживает их распространение на всей огромной территории расселения тунгусских племен. Не ограничиваясь этим, автор ставит в своем материале и общие вопросы истории одежды, с одной стороны, этногенез тунгусов, — с другой. Подчеркивая глубокую древность тунгусского костюма и длительную его историю, Г. М. Василевич справедливо ссылается на археологические факты, которые свидетельствуют о его наличии во вполне устоявшемся и оформленном виде уже за две с половиной — три тысячи лет тому назад в погребениях глинковской стадии на Ангаре и в низовьях Селенги у Байкала. В дополнение следу указать, что аналогичные факты установлены археологическими раскопками и в низовьях р. Лены, в самой глубине Якутии, за полярным кругом (находки на реч. Иччилях вблизи с. Говорова)². Особую важность для постановки этногенетических проблем на севере Азии имеют наблюдения Г. М. Василевича, касающиеся связи отдельных видов нагрудников и разновидностей их орнаментации с особыми группировками тунгусских родов и племен. Проследившая вариации нагрудников и их собственных им украшений, Г. М. Василевич приходит к выводу, о том, что, зародившись к востоку от Енисея (всего вероятнее, в собственно Прибайкалье, домене байкальской неолитической культуры), тунгусский нагрудник впоследствии широко распространился по Сибири в ходе расселения тунгусских племен и освоения ими новых территорий.

Большой интерес представляет монографическая статья А. А. Попова о старинной берестяной юрте якутов — урасе (т. X). В этой небольшой статье изложены основные сведения об этом древнем виде якутского жилища, замечательном уже своими своими необычными, на первый взгляд, для берестяного шатра размерами. Достаточно сказать, что некоторые из старинных якутских урас достигали 10 м высоты, будучи таким образом равными двухэтажному дому. Еще интереснее эти урасы по их особой роли в старинном бытовом укладе якутского народа и по их значению для истории искусства якутов как памятников самобытной архитектуры и высокого орнаментального мастерства. О последнем дают наглядное представление превосходные иллюстрации, в том числе десять больших красочных таблиц, существенно дополняющих скупой на слова лапидарный текст статьи.

Как полагает А. А. Попов, якутская ураса выросла из более древних переносных войлочных жилищ степных кочевников — южных предков якутов. Ее большие размеры, по его словам, соответствуют древнему назначению ее в качестве коллективного жилища большой семьи. Очень существенно также, что в описании урасы автор приводит, хотя и без комментариев, сведения, глубже раскрывающие социальные характер этого вида жилища: распределение оронов (лежанок) в том числе для «спящих домашней челяди», место для почетных гостей (ортоку орон и бастынга-орон), а также указание на тот факт, что лежанка самих хозяев жилища устраивалась несколько выше остальных, чтобы «хозяева, сидя ниже гостей, не унижали этим себя перед ними». В свете других известных нам фактов, характеризующих социальные отношения у якутов в прошлом, из всего этого можно сделать вывод, что старинная якутская ураса с ее богатством отделки и монументальными размерами соответствовала прежде всего потребностям якутской скотоводческой патриархально-родовой знати, хотя по своему происхождению она и могла уходить в еще более отдаленное прошлое. Было бы поэтому полезно, если бы А. А. Попов полнее осветил историю и значение этого вида якутского жилища на более широком историко-культурном фоне, с использованием богатейших данных якутского фольклора. Не менее полезно было бы углубить рассмотрение вопроса и о происхождении берестяной якутской урасы. Выдвинутый А. А. Поповым важный тезис о происхождении ее из войлочной степной юрты, к сожалению, в данной статье повис в воздухе, так как остался неаргументированным. Большое значение здесь могли бы иметь прежде всего лингвистические данные — названия тех или иных конструктивных деталей и частей урасы. Не менее интересны, однако, и другие факты — археологические. В ряде пунктов на средней Лене, в районе между Олекминском и Якутском, на ленских скалах, нами обнаружены древние рисунки, бесспорно изображающие жилища типа древней якутской берестяной юрты — урасы. Рисунки эти, выполненные красной минеральной краской — охрой, по их стилистическим признакам не могут быть моложе эпохи неолита или бронзового века и, следовательно, предшествуют образованию на Лене собственно якутской скотоводческой культуры. Они ставят, таким образом, проблему возникновения якутской урасы в ином свете, в плане скрещения местной автохтонной традиции с новыми, принесенными переселенцами-южанами, т. е. в духе тех новых положений о скрещенном характере современного якутского народа и его культуры, которые лежат в основе работ С. А. Токарева и автора данной рецензии.

Материальной культуре народов Поволжья посвящена единственная статья во всех трех томах — Т. А. Крюковой (т. XII), в которой детально рассматриваются редчайшие образцы одежды мордвы, чуваш, башкир и мари, собранные в XVIII столетии П. С. Палласом и хранящиеся в собраниях кусткамеры. Работа В. В. Екимовой (т. X) посвящена материальной культуре оседлых народов Средней Азии; в ней

² А. П. Окладников. Ленские древности, вып. II, Якутск, 1946.

идет речь об оригинальных по технике изготовления кувшинах для масла, делавшихся из необычного материала — мездры, специально обработанной и приготовленной в виде своего рода «пластмассы».

Одна единственная работа во всех трех томах касается и материальной культуры русского народа. Н. П. Гринкова весьма детально и обстоятельно рассматривает в ней русскую женскую одежду понёву (т. XII), расчлняя собранный в юго-западных районах РСФСР материал на две основные группы — собственно понёву, характерную для южнорусских районов, и понёву-пахту, отличную от первой рядом существенных особенностей. В свою очередь понёва, как таковая, делится автором на три типа и на частные варианты последних. Н. П. Гринкова детально анализирует и ткань понёв, их украшения и приемы надевания. В результате она приходит к выводу о том, что собранные ею материалы еще раз подчеркивают давнюю историческую связь трех народов восточнославянской группы — русских, украинцев и белоруссов, «тесно соприкасавшихся на своих исторических путях друг с другом и выработавших близкие формы быта и материальной культуры».

Социальным отношениям и общественной жизни различных народов посвящен ряд этнографических статей сборников. Наиболее обширной, богатой фактическими сведениями, а вместе с тем и общими выводами является статья Л. П. Потапова «Черты первобытно-общинного строя в охоте у северных алтайцев» (т. X). Она начинается краткими сведениями о хозяйстве населения Северного Алтая с каменного века и до X в. н. э., свидетельствующими о важном значении охоты для жителей Алтая с древнейших времен. Довольно подробно описываются хозяйственные занятия алтайцев за последние три столетия, причем снова отмечается исключительная роль охоты и в это время. Указывая на общий низкий уровень развития производительных сил у охотничьих по преимуществу племен северного Алтая, на их глубокую в прошлом культурную и хозяйственную отсталость, Л. П. Потапов детально рассматривает сохранявшиеся на этой основе пережитки первобытно-коллективных форм труда (коллективные охоты, следы общинно-родовой собственности, пережитки общей собственности на продукты охотничьего промысла). Все эти черты отдаленного прошлого, указывает он, отчасти сохранялись у северных алтайцев почти до 1930 г., когда в их жизни произошел великий перелом — к новой, колхозной, жизни. С этого времени «первобытная уравниловка в распределении и связанные с ней отжившие обычаи исчезли из жизни северных алтайцев навсегда и стали достоянием истории». Тем интереснее, следовательно, сохраненные в этнографических записях Л. П. Потапова обломки прошлого алтайцев, сравнивая которые с новой, колхозной жизнью, исследователь может наглядно увидеть гигантский скачок от первобытных форм хозяйства и полупатриархального-полуфеодального быта к социализму, совершившийся в результате проведения в жизнь политики большевистской партии, в результате осуществления великого ленинского-сталинского плана социалистической реконструкции хозяйства и культуры народов нашей страны.

Ю. М. Лихтенберг в своей статье (т. XII) критически рассматривает положения Риверса о системе родства и геронтократии в Меланезии. В результате тщательного анализа имеющихся материалов она приходит к выводу, что Риверс, пользующийся непререкаемым авторитетом в буржуазной этнографии, не только изобрел несуществовавшие и невероятные формы брака, но и завел в тупик своих последователей, стремящихся следовать его порочному методу.

Две статьи XI т. посвящены первобытной письменности. В. В. Сенкевич-Гудкова приводит новые данные о пиктографическом письме у казымских хантов. Б. Г. Кудрявцев в посмертно опубликованном исследовании о письменах на деревянных табличках «кохау ронго ронго» с о-ва Пасхи пришел к важным результатам, продвинувшим вперед понимание этой загадочной письменности. Как выяснилось, это была самобытная идеографическая письменность с элементами фонетического письма, стадильно близкая к древнеегипетской иероглифической на ранних этапах развития последней.

Особое место занимает впервые публикуемая в XI т. статья из архива В. Г. Богораза об играх малых народов Севера. С характерной для него художественной силой слова В. Г. Богораз нарисовал живую картину разнообразных и темпераментных северных игр, яростных северных состязаний, своеобразной музыки и поэзии коренного населения Крайнего Севера.

Среди работ, посвященных рассмотрению верований и мировоззрения, особый интерес по богатству фактического материала и широте общих положений представляет статья А. Ф. Анисимова об эвенкийских шингкэн'ах (т. XII). Используя многочисленные этнографические, а отчасти и археологические данные, А. Ф. Анисимов по-новому ставит коренные вопросы истории первобытной религии, стремясь прежде всего разрешить исходную проблему о возникновении религиозных верований вообще. А. Ф. Анисимов на своем материале наглядно показывает конкретные корни религии, заключающиеся в беспомощности человека перед грозными силами природы, а также процесс оформления позднейших представлений о сверхъестественных силах из первоначальных «грубо натуральных» предметных, как он пишет, образов. Особую ценность представляют данные автором описания древних охотничьих обрядов «шингкэлауэн», «гиркумки», которые должны были, по мысли древних эвенков, магически гарантировать успех охотничьего промысла и возобновление звериного поголовья в тайге. Обряды эти уходят исследователей в глубины каменного века, разясняя смысл различных археологических памятников; они позволяют восстановить мировоз-

зрение и быт первобытного общества той отдаленной поры, когда впервые возник материнский род. Вряд ли только можно согласиться с тяжеловесным и условным термином «чувственно-сверхчувственные представления», который А. Ф. Анисимов употребляет вслед за Ю. П. Францевым.

С. В. Иванов в работе «Сидячие человеческие фигурки в скульптуре алеутов» (т. XII) анализирует эти уникальные образцы культового искусства. Как показывает автор, статуэтки эти не были ни «идолами», ни «куклами», ни амулетами в нашем смысле этого слова, хотя и имели много общего и с теми, и с другими. Они служили временными «вместилищами» душ умерших, которые и передавались девочкам как будущим матерям в виде своего рода кукол для игры и ухода за ними. При этом такие куклы-вместилища считались одновременно и душой умершего родственника и душой будущего ребенка. Материалы С. В. Иванова имеют значение не только для этнографии, но и для первобытной археологии, в особенности для объяснения загадочных женских изображений верхнего палеолита. Нет никакого сомнения в том, что при всех дальнейших попытках анализа смысла и назначения таких статуэток исследователям придется считать их с интереснейшими наблюдениями и выводами С. В. Иванова. В другой статье, опубликованной в XI т., С. В. Иванов дает не менее интересные материалы, приводящие к тому же выводу на эскимосском материале. В третьей статье, продолжая свои целеустремленные исследования, направленные на объяснение смысла и назначения памятников этнографического искусства в связи с образом жизни, общественным строем и мировоззрением отсталых в прошлом племен севера, С. В. Иванов публикует интереснейшие данные относительно образа мамонта в искусстве народов Сибири. Его материалы, раскрывающие своеобразные космические представления о чудовище преисподней как живом конкретном олицетворении «нижнего мира» первобытной космологии, существенно дополняют серию опубликованных в том же томе статей Г. М. Василевич, В. В. Сенкевич-Гудковой, Е. Д. Прокофьевой и А. И. Новикова, затрагивающих ту же тему.

В. А. Аврорин и И. И. Козьминский публикуют в т. XI материалы, рисующие замечательные с точки зрения истории первобытного конкретно-образного мышления прежние представления орочей о вселенной как живом звере — лосе (или лосях), о переселении душ и путешествиях шаманов.

Богатый свежий материал по древним верованиям и культам народов Сибири содержится в работах Е. Д. Прокофьевой «Костюм сельского шамана» (т. XI), Н. Ф. Прытковой «Жертвенное покрывало казымских хантов» (т. XI), «Металлическая культовая посуда у угров» (т. X), Н. П. Дыренковой «Охотничьи легенды кумандицев» (т. XI), «Материалы по шаманству у телеутов» (т. X), Л. П. Потапова «Бубен телеутской шаманки и его рисунки» (т. X), А. А. Попова «Материалы по религии якутов б. Вилюйского округа» (т. XI). С. М. Абрамзон подробно описывает старинные верования и обычаи, связанные с рождением и детством киргизского ребенка (т. XII). Религиозных верований и искусства африканских племен касается статья Д. А. Ольдерогге, в которой он описывает культовые статуэтки племени бари, изображающие предков (т. X). Как показывает автор, образцы искусства этого племени раскрывают тенденционный характер расистских утверждений Фробениуса о том, будто нилотско-хамитские и хамитские племена «лишены чувства пластики».

Интересен выполненный Н. А. Бутиновым обзор неопубликованных рисунков Н. Н. Миклухо-Маклая, характеризующих искусство, верования и общественный быт папуасов. Нельзя не согласиться с автором обзора в том, что ценнейшее собрание рисунков Миклухо-Маклая, хранящееся в фондах Музея антропологии и этнографии, заслуживает издания полностью и в соответствующем его научной ценности виде.

Археологические работы, связанные с деятельностью и богатейшими коллекциями археологического отдела Музея антропологии и этнографии, представлены в этих трех сборниках обстоятельной сводкой В. В. Антроповой «К истории археологического изучения Камчатки» (т. XI), весьма ценной и содержательной, как все, что принадлежит этому автору, статьей С. Н. Замятниной о нижнепалеолитических находках на Кубани и публикацией К. В. Вяткиной «Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения» (т. XII). Археологи должны быть благодарны К. В. Вяткиной за проделанную ей большую работу, в результате которой богатые и разнообразные материалы Адрианова по Шалаболинским наскальным изображениям, известные раньше лишь в немногочисленных и несовершенных первых зарисовках И. Т. Савенкова, наконец увидели свет в более полном объеме и в хорошем издании. Хотелось бы, однако, чтобы выдающиеся образцы наскальных изображений в долине Енисея были со временем изданы еще полнее, отдельным альбомом. Возражения вызывает высказанное К. В. Вяткиной утверждение о принадлежности «значительной части Шалаболинских наскальных изображений» VII—IX вв. н. э., основанное на том, что две выбитых фигуры пересекают здесь руническую тюркскую надпись. Фигуры эти слишком просты и схематичны для того, чтобы их можно было отнести к какой-либо определенной группе. Кроме того, как известно, в технике выбивания исполнялись на Енисее наскальные рисунки самого различного времени, вплоть до XIX в. Вопрос о датировке Шалаболинских рисунков требует специального, тщательного анализа и обязательного обследования их на месте. Нельзя согласиться и с безоговорочным отношением Шалаболинских наскальных изображений к киргизам VII—IX веков. Настоящие киргизские писаницы IX в. известны нам достаточно хорошо, как, например, изображения в Су-

леке. По стилю, технике и сюжетам они совершенно отличны от Шалаболинских писанин. Последние же в их массе, несомненно, относятся к гораздо более раннему времени, отражают совершенно иное мировоззрение и быт.

В X—XII тт. опубликованы двенадцать антропологических работ: Е. В. Жирова, В. В. Гинзбурга, М. Г. Левина, А. Н. Юзefовича, Г. Ф. Дебеца и др., — большая часть которых носит палеоантропологический характер. Большой интерес с исторической точки зрения представляют выводы Г. Ф. Дебеца и Е. В. Жирова, касающиеся так называемой готской проблемы. Так, Е. В. Жиров в статье о костях из каменных ящиков Крыма пришел к заключению, что средневековые жители горного Крыма были в основном потомками его древнейшего населения — тавров, происшедших в свою очередь от палеолитических обитателей крымских пещер. Что касается крымских готов, то об их составе, полагал Е. В. Жиров, можно судить по населению варварских государств средневековых германских народов, где, по его словам, «германской была только численно ничтожная социальная верхушка, основная же масса населения не подвергалась процессу даже языковой германизации, не говоря уже о расовой». В свою очередь Г. Ф. Дебес в статье об антропологическом составе населения средневековых городов Крыма подчеркивает, что, вопреки взглядам сторонников германского происхождения населения горного Крыма в средние века, при бесспорной связи так называемых «готских» памятников материальной культуры с тавро-скифскими и сарматскими, в антропологических материалах тоже нет «никаких указаний на специфически скандинавские или прибалтийские элементы».

Не меньший интерес представляют и результаты исследований современного антропологического материала, относящегося к племенам Северной Азии. М. Г. Левин, например, ставит и разрешает на антропологических данных больше этногенетические вопросы северо-востока Азии. Как следует из его статьи, антропологические факты позволяют, наконец, подойти с новыми данными к решению спора о так называемом эскимосском этническом клине, который, по мнению некоторых исследователей, отделил чукчей от родственных им индейских племен Северной Америки. Полученные М. Г. Левиным краниологические данные свидетельствуют о том, что эскимосы не были таким чужеродным телом на северо-востоке Азии и на севере Америки, а наоборот, явились потомками того древнего населения, которое вошло в состав современных чукчей; эти данные служат таким образом «одним из доказательств автохтонного развития чукотского этнического и антропологического типа».

Таково в самых общих чертах содержание трех рецензируемых очередных томов сборников Музея антропологии и этнографии. Даже и этот беглый обзор дает возможность установить, какой обширный, свежий и разнообразный фактический материал, в основном непосредственно связанный с ценнейшими коллекциями Музея — прямого потомка старейшего русского музея, петровской кунсткамеры, — содержится в этих трех томах. Этот материал должен являться документальной основой для исследовательской работы советских ученых, направленной на разрешение больших и важных исторических проблем, в постановке которых соревнуются и объединяют свои усилия этнографы, археологи и антропологи. Следует, однако, пожелать, чтобы дальнейшие томы сборника имели еще более резко выраженный целеустремленный, боевой и наступательный характер, направленный против чуждой и враждебной советской науке буржуазной идеологии. Совершенно необходимо также, чтобы в следующих томах сборников МАЭ были шире и полнее представлены работы, связанные с историей культуры великого русского народа и славянских народов вообще.

А. П. Окладников

И. Гуторов, *Борьба и творчество народных мстителей*, Государственное издательство БССР, Минск, 1949.

И. Гуторов написал полезную книгу. Неудивительно, что книга о народном творчестве, о песнях, стихах и частушках вышла из редакции политической литературы, как это обозначено на титульном листе. Книга вся пронизана мыслью об органическом единстве политической борьбы и художественного творчества.

И. Гуторов сражался с немецкими фашистами в рядах партизан. Он лично испытал организационное, агитационное, направляющее воздействие художественного слова. И он написал книгу о том, как в среде партизан — народных мстителей, и советских людей, находящихся на территории, временно подпавшей под иго фашистских варваров, и советских людей, угнанных в немецкую неволю, возникали поэтические произведения, которые воспевали неугасимую любовь советского народа к товарищу Сталину, величие и славу Родины, готовность защищать ее до последней капли крови, которые прославляли героев и звали вперед, к победе.

Достоинством книги Гуторова является то, что, приводя тексты произведений партизан, он сообщает, как, в какой обстановке создавалось то или иное произве-

дение, кто его автор, если он известен, какое или какие события явились толчком к появлению этого произведения, где и как оно рассказывалось или пелось и как оно воздействовало на слушателей, какие вызывало ответные чувства и главное — действия.

В книге И. В. Гуторова проходят все этапы борьбы советских партизан с гитлеровцами, начиная от дня 3 июля, дня выступления по радио товарища Сталина. Эту невиданную по масштабам и по героизму борьбу читатель видит преломленной в народном творчестве.

Сама речь товарища Сталина по радио немедленно создала песню — призыв к борьбе:

Речь по радио звучит,
С нами Сталин говорит.
Он приказ нам отдает
Истреблять фашистский сброд.

«Тематика партизанского фольклора, — пишет Гуторов, — полностью обусловлена теми событиями, которые характерны для жизни и борьбы наших людей во вражеском тылу», «...партизанский фольклор представляет собою своеобразный исторический документ о боевых событиях партизанской войны. Причем документ один из наиболее объективных и верных, потому что народ всегда был и остается истинным и справедливым судьей исторических событий».

Наиболее полно представлены в книге частушки. Они воссоздают не только основные этапы борьбы партизан с гитлеровцами, но отражают и формы партизанской борьбы. И. В. Гуторов справедливо отмечает, что «частушка создавалась буквально в ходе боев». Приведенные автором частушки рассказывают о первых днях организации партизанского движения, о «новом порядке», установленном гитлеровцами после их прихода, о развертывании партизанского движения, о партизанском быте, о чувствах и переживаниях советских людей во время войны, об уверенности в победе, о фашистском плене, наступлении советских армий, о жизни в «партизанском крае», о всенародном размахе партизанского движения, о «рельсовой войне», о «партизанских буднях», о разгроме немецких армий, о приближающемся конце войны и, наконец, — о победе.

Особую главу автор отводит частушкам, обращенным к товарищу Сталину. «Животворное и вдохновляющее имя Великого Сталина, — пишет т. Гуторов, — было всегда могучей организующей силой и боевым знаменем для партизан». Боевые приказы товарища Сталина, обращения к партизанам в его исторических докладах и выступлениях были неистощимым источником для народных творцов.

Помимо частушек, распространенной формой партизанского творчества явилась песня. Автор приводит значительное число партизанских песен, дает различения. Интересен его анализ песенного репертуара. Наряду с основным «массивом» — самостоятельной партизанской песней, так же как и частушка, но в ином плане и в иной форме отражавшей тактику и технику партизанской войны, мысли и чувства советских людей — бытовали и традиционные песни и переработки стихов и песен наших классиков или массовых советских песен. «Фольклоризация лучших произведений советской и классической литературы свидетельствует о всеобщей грамотности и высоком культурном уровне народных мстителей... о политическом стремлении наших людей расширить арсенал идеологического вооружения советских патриотов в борьбе против фашистско-немецких захватчиков» (стр. 131). Очень показательно приводимое т. Гуторовым использование стихов и изречений Маяковского в виде пословиц, поговорок:

Говорим с фашистской сворой
Очень ясным языком.
Мы ведем все разговоры
Бомбой, пулей и штыком.

Таким образом, т. Гуторов правильно решает вопрос, неоднократно поднимавшийся и нередко превратно толковавшийся в нашей печати, — вопрос о взаимодействии современного и традиционного народного творчества, о роли художественной классической и современной литературы в становлении советского фольклора. Он подчеркивает, что использование старого песенного материала является сознательным творческим актом, направленным к тому, чтобы активизировать имеющийся старый материал, идеологически переосмыслить его и поставить на службу задачам и нуждам нашей великой действительности.

Автор отмечает очень интересный процесс своеобразной циклизации. Наиболее полюбившиеся песни, будь то новые, традиционные или классические, окружаются вновь создаваемыми произведениями. Таковы песни-сказания на мотив «Крутится,

вертится шар голубой» — о социальных, военных и интимно лирических событиях в жизни советского молодого патриота Максима и его невесты Нasti; таковы же «Ответ» на стихотворение К. Симонова «Жди меня», песни на мотив «Парень молодой» из кинофильма «Большая жизнь», песни на мотив «Катюши» Исаковского.

Совершенно новым жанром народного творчества явились партизанские походные марши. Эти марши, приводимые Гуторовым, интересны особенно тем, что их текст отражает историю образования и деятельности данного отряда или соединения и что они являются своего рода программным документом, излагающим цели и задачи партизанской войны. Автор совершенно правильно указывает на большое историко-познавательное значение партизанских маршей.

О повествовательных жанрах партизанского фольклора в книге Гуторова говорится, к сожалению, менее подробно, чем о песнях и тем более частушках. В сущности, эти жанры автор почти только перечисляет, приводя скудные примеры. Так, он указывает на чрезвычайно интересное явление — на то, что самым распространенным жанром были сказания, в которых более значительное место, чем в других видах творчества, занимают домысел, фантазия (в книге приведен только один пример — сказание о чудесном спасении Ковпака). Автор совсем не анализирует это явление; между тем на материалах таких сказаний можно было бы показать, как существенно изменилось мировоззрение народа за годы советской власти. Ведь даже приведенный Гуторовым пример указывает, что мышление автора сказания о спасении Ковпака — материалистическое. В сказании нет элементов сверхъестественного. А ведь еще совсем недавно, например, в сказаниях о чудесном спасении Чапаева, созданных в годы гражданской войны, элемент сверхъестественного иногда встречался.

Без анализа излагаются также сказки и анекдоты. Очень ценно наблюдение автора над тем, что военная присяга — клятва партизан, этот официальный акт, став объектом вдохновенного творчества. В тексте этих клятв, которые вначале еще не были единообразными, великолепно отражается индивидуальность партизан, их душевное состояние, огромный патриотический подъем, преданность коммунистической партии и товарищу Сталину. Тема принятия присяги вызвала и поэтическое творчество. Автор приводит хорошее, написанное с большим душевным подъемом стихотворение на эту тему партизана Н. Егорова.

Довольно полно представлены в книге пословицы и поговорки о Гитлере и его «восточном походе», о фашистских злодеяниях, о пресловутом «новом порядке». Партизаны говорили:

Сколько Гитлер ни крути, а от смерти не уйти,

Гитлера порядки — пелли да податки и т. д.

Пословицы и поговорки эпохи Великой Отечественной войны, приводимые Гуторовым, часто имеют характер «военных советов», памяток, поучений, боевых заповедей. Самый большой раздел пословиц так и озаглавлен автором: «Боевые заповеди партизан». Если бы расширить этот раздел, он один смог бы служить материалом для целой книги о боевых подвигах партизан, их настроениях, думах, об их ратном труде, о приемах борьбы, об обстановке, в которой они боролись и жили. Среди партизанских пословиц есть много прекрасных, патриотических изречений: «со Сталиным-вождем до Берлина дойдем»; «нас никто не побьет — нас Сталин ведет»; «жить — Родине служить»; «не мели языком, а коли штыком»; «эшелон под уклон, паровоз под откос»; «чем глубже в лес тем, хуже для эс-эс».

Этот раздел также, к сожалению, не сопровождается серьезным анализом. Не сделана даже (по крайней мере на страницах книги) первая черновая классификация — какие пословицы и поговорки созданы заново, какие являются перефразировкой старых (а таких не мало; например: «в партизанах и смерть красна»). Это было бы нужно сделать. Проанализировать вновь созданные пословицы и поговорки нужно для того, чтобы показать, как новая, социалистическая эпоха развивает и шлифует мышление народа, как социалистическое сознание, материалистическое мировоззрение отразились в пословицах и поговорках, вызванных к жизни в годы Великой Отечественной войны. Очень важно было бы также показать, что лучшие старые пословицы и поговорки не являются каким-то пережитком, а в полном объеме находятся на вооружении у советского человека, служат ему.

В главе «Вопросы традиции и письменной культуры в партизанском творчестве» автор показывает, как творчески осваивается многолетнее наследие народной поэзии как эта традиция проявляется в композиции произведения, в употреблении постоянных эпитетов, в синтаксических повторах и пр. В этой главе, которая должна была бы быть более разработанной, автор рассматривает очень значительную проблему изменения характера народного творчества в нашу, социалистическую эпоху. «Партизанское творчество периода Великой Отечественной войны, — пишет автор, — не ограничивается только устными произведениями, а включает в себя и письменный материал». И. В. Гуторов приводит много произведений народных мстителей, написанных ими, даже напечатанных в партизанской печати, но от этого не утерявших характера произведений народного творчества, имеющих широкое распространение

и бытующих наравне с массовыми безымянными произведениями. Однако т. Гуторов в своей книге ограничивается только констатацией этого интересного и нового явления. Следует сказать, что эта глава, наполненная интересным и ценным текстовым материалом и содержащая серьезные литературоведческие положения, не отчеканена, не доработана. Так, в части главы, где говорится о традиционных композиционных приемах частушки, вклинивается рассуждение о текстуальных заимствованиях из дореволюционных частушек; «вводным эпизодом» является портретная зарисовка партизанского поэта Валентина Шульчева, без достаточного обоснования оканчиваемая замечанием, что во время нашего стремительного наступления стала бытовать веселая песенка; а это замечание в свою очередь переходит в рассуждение о творчестве партизанских поэтов Шубина, Незлобина и других. Так же внезапно от творчества поэта Незлобина, много писавшего о Заслонове, автор переходит к безымянному партизанскому творчеству о Заслонове и его походах и приводит примеры. Далее автор буквально попутно рассказывает об особой роли политической и художественной литературы не только в творчестве, но и в деятельности партизан. Недостаточно разработан раздел о ведущей теме партизанского творчества, которой автор дает очень яркое и верное название: «Народ и вождь». Эти два огромнейших вопроса укладываются автором в пять страниц, из которых четыре занимают тексты стихотворений. Далее на 15 страницах следует обобщающая, подводящая итог всему изложенному в книге характеристика партизанского творчества, которую следовало бы расширить и выделить в особую главу. В этом разделе есть и спорные положения. Например, на стр. 279 автор утверждает: «Раньше фольклор создавался только на основе личного житейского опыта людей...». Высказанная в этой форме мысль звучит одиозно. Фольклор всегда являлся аккумулятором векового народного опыта. Исходя из последующих рассуждений автора, надо думать, что он хотел высказать мысль о том, что грамотность, политическая зрелость, общее развитие советской культуры и доступность всех ее видов для каждого человека в нашей стране несказанно расширяют, обогащают творческие возможности народных творцов. Это совершенно справедливо. Но формулировка, в какой выражена эта мысль, неприемлема. На следующей странице автор заявляет, что «реальные факты жизни и борьбы народных мстителей сами по себе были настолько увлекательными, что сказителям не было надобности прибегать к поэтическому вымыслу и вообще домыслам». Во-первых, автор здесь противоречит самому себе, ибо на стр. 232 он пишет: «...фантазия, домысел в этих сказаниях (речь идет о прозаических жанрах партизанского фольклора) занимает более значительное место, чем в других видах партизанского творчества»; во-вторых, разве наличие элементов фантазии в художественном произведении говорит о скудости изображаемой жизни, о тусклости реальности? Ничуть! Наличие фантастики в произведении говорит скорее о миропонимании автора, чем об изображаемой им реальной действительности, да к тому же фантазия фантазии рознь. Есть фантастика Гофмана, но есть фантастика Гоголя и русских народных сказок!

Последняя глава книги — «Сталина слово — всех успехов основа». В ней автор суммирует данные, изложенные на протяжении всей книги, и показывает, как партизанское движение, созданное гением Сталина, отразилось в партизанском творчестве, в котором образ товарища Сталина явился ведущим, основным.

Основной упрек, который следует обратить к автору рецензируемой книги, заключается в том, что поставленная в работе тема, конечно, не исчерпана и исследовательски в полной мере не раскрыта. Книга называется: «Борьба и творчество народных мстителей». Не только о борьбе народных мстителей (это не являлось основной задачей автора), но и о творчестве их сказано далеко не в полный голос. Много интересных положений дано тезисно; многие только обозначены. Можно упрекнуть автора и в том, что часть приводимых им текстов художественно слаба и не может считаться образцами народной поэзии. И. Гуторов сам знает это и говорит об этом на стр. 274, но все же широко цитирует их, а иногда приводит полностью. Автор почти не дает и художественного анализа цитируемых произведений, ограничиваясь очень короткими замечаниями о системе образов, о языке.

К недостаткам издания книги надо отнести значительное количество опечаток. Достоинством книги являются очень интересные иллюстрации. Это — репродукции с картин, зарисовок, плакатов, опубликованных в свое время в партизанских изданиях и принадлежащих кисти и карандашу художников, работавших в партизанской среде. Иллюстрации эти не связаны с текстом непосредственно, но являются прекрасным его дополнением, так как запечатлели интереснейшие и характернейшие моменты партизанской жизни и партизанской борьбы.

Е. Фонберг

Проф. Л. П. Семенов и А. Г. Кастуев, *Музей краеведения Северной Осетии, 1897—1947 гг.* Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1947, 83 стр.

8 апреля 1947 г. Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика отмечала 50-летие со дня открытия одного из старейших научных учреждений Северного Кавказа — республиканского музея краеведения, истории которого и посвящена рецензируемая книга.

Книга состоит из двух очерков: первый, — дающий «краткую историю музея от его основания до 1927 г.», принадлежит одному из старейших сотрудников Музея, археологу и литературоведу проф. Л. П. Семенову, второй, — рисующий историю Музея с 1927 по 1947 г., написал директор Музея А. Г. Кастуев.

Идея открытия Владикавказского музея, выдвинутая местной интеллигенцией еще в 1892 г., осуществилась лишь через пять лет. За это время была проведена большая подготовительная работа по сбору средств и экспонатов. Лица, взявшие на себя задачу открытия музея краеведческого типа, пишет проф. Семенов, главное внимание уделяли сначала собиранию памятников древности. Во второй половине XIX в. Владикавказ стал средоточием оживленной археологической работы, привлекавшей внимание ученых всего мира. В 1869 г. в Северной Осетии был обнаружен знаменитый Кобанский могильник, находившийся на близком расстоянии от города. Вслед за этим в различных местах нагорной Осетии были открыты и другие археологические памятники.

Первые предметы кобанских могильников, обнаруженные в 1869 г. местным осетинским алдаром Хобашом Кануковым, из-за отсутствия научного учреждения на Северном Кавказе были переданы им в Тифлисский музей, где их в первый раз описал Г. Д. Филимонов, посетивший Кавказ в 1877 г. в связи с подготовительными работами к Антропологической выставке в Москве. В том же году Филимоновым были произведены первые систематические раскопки в Кобани. Позднее с целью научного исследования кобанской культуры этот район раскопок был посещен другим русским ученым В. Б. Антоновичем. Вслед за русскими Кобань посетили и западноевропейские ученые. Зарубежные ученые, побывавшие в Кобани, с помощью осетинских феодалов и царских чиновников ограбили и увезли наиболее ценные памятники кобанских могильников, обогатив ими коллекции музеев Вены, Лиона, Берлина и др. Больше других в этой местности, по свидетельству П. С. Уваровой, «поработал» вышеупомянутый Хобаш Кануков, который, «живя на месте, составил себе из раскопок доходный промысел и добыл из могильников массу предметов, обогативших главным образом Сен-Жерменский музей близ Парижа, музей в Лионе и в Вене»¹. По данным Уваровой, число предметов кобанской культуры, представленных в этих музеях, в несколько раз превышало их наличие в московском Историческом музее и в Эрмитаже. К сожалению, автор рассматриваемого очерка обходит эту преступную антинародную практику царских властей, ограничиваясь упоминанием, что после открытия кобанских памятников древности нашлось много кладовщиков и скупщиков археологических предметов, которые вели во Владикавказе бойкую торговлю подлинными и поддельными образцами местных древностей (стр. 16).

Инициативу по созданию Музея принял на себя, как указывает проф. Семенов, Терский областной статистический комитет, проводивший экономические и этнографические обследования и опубликовавший собранные им, начиная с 70-х г., материалы. Комитет, в состав которого входили, кроме чиновников Терской области, и представители местной интеллигенции — учителя, главным образом из Владикавказского реального училища, за пять лет (1892—1897), предшествовавших открытию Музея, проделали большую организационную работу. Автор подробно останавливается на этом, показывая на конкретном материале активное участие местного населения, главным образом народной интеллигенции, в сборе средств и памятников старины.

Наконец, 8 апреля 1897 г. Музей был открыт для посетителей в помещении Статистического комитета. Событие это имело значение не только для народов Северного Кавказа, но и для всей русской исторической науки.

Открытие Владикавказского музея быстро «стало известно не только местным жителям, но и археологическим кругам Москвы, Петербурга, Тбилиси и других крупнейших городов России» (стр. 21). Музей стал быстро пополнять свои витрины новыми экспонатами, но за неимением средств долгое время находился без помещения. Строительство здания, начатое еще в 1902 г., тянулось целых пять лет. Наконец, в 1907 г. было закончено по проекту инженера И. В. Рябина здание Музея, представляющее довольно красивый памятник архитектуры прошлого столетия. Сотрудники Музея развернули широкую работу во всей Терской области по сбору памятников старины.

Из всех отделов Музея, как указывает Л. П. Семенов, наиболее ценным был археологический отдел с богатыми коллекциями из могильников Северной Осетии, относящимися к эпохе кобанской и аланской культур. Этнографический отдел Музея располагал хорошими коллекциями предметов материальной культуры Терской обла-

¹ П. С. Уварова, Материалы по археологии Кавказа, вып. VIII, стр. 24, 35

сти. Здесь были представлены костюмы различных народов Северного Кавказа, вышивки, кустарные изделия, старинное оружие и т. п. Таким образом, еще до Октябрьской революции Музей, трудами сотрудников и благодаря общественной поддержке создал коллекции по всем основным отделам.

Однако по целому ряду причин, на которых автор останавливается ниже, становление Музея в крупнейшее научное учреждение протекало довольно медленно. Одной из этих причин была зависимость Музея от высшей войсковой администрации. С переходом в новое здание Музей был передан в ведение терского войска, во главе ряда его отделов были поставлены военные чиновники, игнорировавшие инициативу широких народных масс и местной интеллигенции в деле развития Музея, стремившиеся превратить национальный музей в простое хранилище памятников казачьей старины. «Орское население области, — пишет проф. Семенов, — в лице интеллигенции или сельчан, в среде которых было так много хороших знатоков края, совершенно не привлекалось к музейной работе» (стр. 25). Автор правильно отмечает, как один из существенных недостатков, совершенно случайный, беспланный характер работы Музея. «Никакой систематичности его деятельности не было. Выезды в различные места области, раскопки, приобретение экспонатов для разных отделов музея выполнялись по инициативе и личным побуждениям отдельных сотрудников».

Автор рецензируемого очерка, подробно останавливаясь на проделанных Музеем археологических исследованиях, очень мало уделяет внимания деятельности Музея в области этнографии, хотя в то время, как известно, на Северном Кавказе проводилась и большая этнографическая работа, в которой принимали участие местная интеллигенция и ряд русских ученых. Владикавказский музей, являвшийся единственным научным учреждением на Северном Кавказе, не мог не стать центром этнографической науки. Об этом говорят многочисленные этнографические коллекции до-революционного времени, имеющиеся в Музее краеведения Северо-Осетинской АССР.

Во втором разделе очерка автор останавливается на характеристике деятельности Музея с 1917 по 1927 г. В нем подробно отмечается реорганизация Музея, замена старых сотрудников его новыми людьми из местной интеллигенции, переход Музея в ведение народного комиссариата просвещения.

В первые же годы после революции в Музее была организована «Особая комиссия по охране культурных ценностей г. Владикавказа», в состав которой вошли видные краеведы. Особенно развернул Музей свою деятельность после изгнания белогвардейцев с Северного Кавказа и оживления общественной и научной жизни Горской республики. Владикавказский музей становится крупным научным центром вместе с Северо-Кавказским институтом краеведения, в состав которого он был включен. Эти два научных учреждения сыграли огромную роль в деле изучения народов Северного Кавказа.

В очерке отмечается научная деятельность отдельных сотрудников, тесная связь Музея как с крупными научными учреждениями страны, так и с местным населением, помощь последнего Музею. «Жители различных горных районов охотно посещали музей, лично сообщали о случайных, интересных для него находках горных пород или археологических предметов, присылали в музей письменные известия с ценными сведениями того же характера» (стр. 33).

Благодаря активной помощи населения и включению в деятельность Музея лучших сил профессорско-преподавательского состава вузов и учебных заведений республики, Архив музея за указанный период «исполнился ценными материалами по истории края и историко-литературными документами о Лермонтове» (стр. 34). Некоторые из этих документов были опубликованы в «Известиях Северо-Кавказского педагогического института» и в разных газетах, называя которых автор указывает. Несомненно, что архив Музея пополнился за этот период также многими этнографическими и археологическими материалами, хотя в рецензируемой книге ничего об этом не сказано.

Проф. Семенов подробно останавливается на той огромной политико-просветительной работе, которая проводилась и проводится Музеем и его сотрудниками среди населения республики путем организации временных выставок (как в Музее, так и на заводах, фабриках, в парках), бесед, докладов, лекций о новых исторических и археологических находках экспедиций Музея и т. д.

Работа второго автора рецензируемой книги «Краткий очерк истории Северо-Осетинского республиканского музея краеведения с 1927 по 1947 год» — состоит из следующих разделов: а) общие сведения, б) охрана и изучение исторических памятников и памятников природы, в) экспозиционная работа, г) массовая работа и научно-просветительная пропаганда, д) фонды Музея. В первом разделе автор отмечает ущерб, нанесенный зданиям Музея бомбежкой вражеской авиации в дни Великой Отечественной войны, затем — открытие нового отдела в Музее (отдел природы), работу Краеведческого совета, состоящего из представителей партийных и общественных организаций и профессорско-преподавательского состава вузов республики и являющегося руководящим научным центром. Далее автор сообщает о развернувшейся в настоящее время большой работе Музея по охране и изучению памятников старины. В очерке говорится об экспедициях Музея, особенно в послевоенный период, в наименее изученные районы республики, о реставрации некоторых ценных исторических памятников и т. д.

Подробно останавливаясь на характеристике археологических исследований, проводимых Музеем совместно с учеными республиканских и союзных учреждений, автор оставляет без внимания его этнографическую работу. Мало говорится и о фольклорной работе Музея, хотя, как известно, сотрудники его принимали активное участие в сборе нарских сказаний.

Деятельность Музея тесно связана со всеми районами республики. «При музее, — пишет А. Г. Кастуев, — имеется постоянный актив краеведов как в городе Дзауджикау, так и в сельских районах, поддерживающих постоянную письменную и личную связь с музеем» (стр. 55).

В 1946 г. по указанию бюро обкома ВКП(б) Северо-Осетинской АССР в Музее была произведена большая реэкспозиционная работа. В соответствии с этим указанием при расстановке экспозиций руководству Музея придерживалось следующих целей:

а) всесторонний показ Северо-Осетинской АССР как части нашей страны (ее природа, история, экономика, культура и быт, а также участие населения в Великой Отечественной войне), в основном — на подлинном музейном материале: вещевом, документальном, художественно-изобразительном и пр.;

б) содействие развитию производительных сил республики путем отображения в экспозиции местных природных богатств и возможностей их практического использования;

в) воспитание граждан в духе советского патриотизма, в духе марксистско-ленинского мировоззрения и повышение их общего культурного уровня. В экспозиции особое внимание уделяется развитию истории экономических, политических и культурных связей осетинского народа с великим русским народом (стр. 54).

Реэкспозиция была проведена во всех отделах Музея. Характерно, что в отделе истории после реэкспозиции насчитывается более 20 разделов, среди которых большое место отведено археологическим материалам, в частности всемирно известной кобанской культуре, занимающей в Музее целый зал. В отделе истории имеется также раздел этнографии, однако в рецензируемой книге об этом ничего не сказано. Помещен только один фотоснимок из области материальной культуры Осетии с надписью «Отдел истории, образцы рукоделий у осетин», по которому читатель может догадаться о существовании в Музее этнографического отдела.

Большое место отведено в Музее отделу социалистического строительства.

В разделе «Северная Осетия в годы гражданской войны» ярко отражена революционная деятельность С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе, с именами которых связана победа советской власти на Кавказе, в частности в Северной Осетии. Автор перечисляет экспонаты, показывающие борьбу трудящихся горцев Северного Кавказа под руководством С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе за восстановление власти Советов.

В отделе «Великая Отечественная война» ярко отражена борьба советского народа, в частности народов Северного Кавказа против немецко-фашистских захватчиков. Государственным и общественным деятелям, прославленным сынам Осетии — генералам и Героям Советского Союза отводится здесь специальный раздел. В отделе также много трофеев, захваченных нашими войсками после разгрома вражеских войск у стен Дзауджикау зимой 1942 г.

Далее А. Г. Кастуев отмечает научно-просветительную и пропагандистскую работу, проводимую сотрудниками как внутри Музея, так и вне его. Особенно подчеркивается деятельность Музея в годы Великой Отечественной войны и участие Музея в проведении историко-революционных праздников. Автор приводит интересные отзывы жителей, говорившие об огромном политико-воспитательном значении Музея, его работе и обслуживании населения.

Фонды Музея, как указывает Кастуев, достигают в настоящее время тридцати тысяч экспонатов. Из них свыше пяти тысяч предметов экспонировано в четырех залах Музея, который расположен в двух зданиях. Многие из этих экспонатов имеют выдающееся научное значение. Фонд Музея все время пополняется новыми материалами. Так, в 1946 г. в Музей поступили 1975 экспонатов, среди которых имеются материалы по Великой Отечественной войне, альбом зарисовок осетинского орнамента, зарисовки акварелью памятников старины по Махченскому району и др. В 1947 г. фонд Музея пополнился серией картин, созданных художником Северо-Осетинской АССР М. С. Тугановым, ярко иллюстрирующей сказания о нартах.

Следует отметить, что в очерке Кастуева, как и в работе проф. Семенова, очень мало сказано об этнографической работе, проводящейся сотрудниками Музея в республике. Видимо, он действительно уделяет мало внимания этой работе, в частности, изучению современного колхозного быта, что и нашло свое отражение в рецензируемой книге.

Книга имеет большой практический и научный интерес, и отмеченные непознательные недостатки не умаляют ее значения. Это первая работа, всесторонне освещающая историю основания, развития и деятельности Музея краеведения Северо-Осетинской АССР, явившегося первым научным центром народов Северного Кавказа.

Б. Калоев

Е. М. Шиллинг, *Кубачинцы и их культура (Историко-этнографические этюды)*. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Новая серия т. VIII, М.—Л., 1949.

Все неповторимое своеобразие многонационального кавказского мира, несмотря на давность его изучения, полностью еще не исследовано. Поэтому нужно приветствовать всякую попытку научного и историко-культурного освещения даже отдельного уголка этого мира. Это приближает нас не только к познанию прошлой культуры того или иного народа Кавказа, но и помогает выявить возможности для максимального использования культурных достижений определенного народа в развитии нашей советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

В этом плане большого внимания заслуживает книга Е. М. Шиллинга, посвященная знаменитым златокузнецам Дагестана — кубачинцам. Это нужная и своевременная книга, популяризирующая оригинальное металлопроизводство и замечательное художественное мастерство кубачинцев. Ценность книги увеличивается и тем обстоятельством, что написана она не кабинетным ученым, а по свежим этнографическим материалам, собранным лично автором за время его многократных поездок в селение Кубачи (1925—1944 гг.). От наблюдательного глаза опытного этнограф-исследователя и прекрасного полевого работника, каким является Е. М. Шиллинг, не ускользнули не только особенности изумительного искусства одаренного народа, но и своеобразие хозяйства, быта, общественного уклада и культуры кубачинцев. Все это нашло свое освещение в работе Е. М. Шиллинга, носящей характер монографии, хотя в целом она таковой не является, ибо не дает исчерпывающего представления об изучаемом общественном коллективе и его культуре.

Рецензируемая книга состоит из трех отдельных глав, написанных в виде самостоятельных этюдов. Глава 1-я — «Общий очерк материальной культуры Кубачино-Даргинского нагорья» — содержит краткие исторические и этнографические сведения о кубачинцах. Они касаются сельского хозяйства, средств передвижения, домашних и кустарно-ремесленных производств, а также освещают характер кубачинских построек, обстановку жилищ и одежду кубачинцев. Во 2-й главе — «Кубачинские металлообрабатывающие производства» — подробно описывается состояние современных художественных производств, являющихся важнейшей стороной культуры кубачинцев. Глава 3-я — «Из истории социального строя кубачинцев» — представляет собой самостоятельный исторический экскурс в далекое прошлое кубачинцев. Она содержит попытку наметить по сохранившимся пережиточным формам основные этапы развития общественных отношений кубачинцев. Перечисленным главам предпослано предисловие автора. В трех приложениях к работе приводятся данные о кубачинских амuleтах, о гончарах Сулевкента и о кубачинских песнях, ранее опубликованных Л. И. Жирковым.

Книга снабжена большим числом иллюстраций; к сожалению, с технической стороны не все они одинаково хороши.

Население знаменитого дагестанского «города златокузнецов» известно по описаниям арабов еще с IX в. под названием «Зирехгеран» (по-ирански — «кольчужники»). В историю, начиная с XVI в., это население вошло под турецким наименованием «кубачи» или «кубеччи», по смыслу равнозначным иранскому «кольчужники». Само название же этого местного населения Южного Дагестана «урбуг», «урбуган» и «урбуганте» (множеств. число), хотя и сохранено кубачинцами, но мало известно не только на Кавказе, но даже в Дагестане.

Оригинальными чертами своего быта и производства кубачинцы с давних пор привлекали к себе внимание окружающих народов, купцов, путешественников и исследователей. Описанию отдельных сторон их жизни и производственной деятельности посвящена значительная литература (начиная с XVIII в.). Образцы художественных изделий кубачинцев хранятся в советских и зарубежных музеях и служат объектом специального изучения искусствоведами. Но в целом этнография кубачинцев освещена еще слабо, а история этого общества изучена еще слабее. Этот существенный пробел в кавказоведении в значительной мере и заполняется рецензируемой книгой Е. М. Шиллинга.

Вооруженный прекрасным знанием источников, автор нарисовал яркую картину хозяйственной основы, быта и культуры кубачинцев. Кратко познано читателя с их прошлыми историческими судьбами, он показал, что кубачинцы как аборигены некогда были более многочисленны и входили в состав местных племен кавказской Албании. Е. М. Шиллинг обстоятельно описал только отдельные стороны хозяйства, производственной деятельности, социальных отношений и культуры кубачинцев, и тем не менее ему удалось представить весьма своеобразный облик малочисленного (ок. 2½ тыс. человек), но даровитого народа (живущего всего в одном селении) с его эндогамными запретами, с его архаичным, но совершенным мастерством обработки металла, с его художественными вкусами, проявленными во многих областях народного творчества. Детальным анализом разнообразных памятников материальной культуры, украшенных рисунками, автор установил, что кубачинцы давно уже создали свой художественный «кубачинский» стиль, раньше всего проявляющийся в орнаменте. Неповторимые кубачинские орнаменты «тутта» и «мархарай» явля-

ются верхом подлинно народного искусства, только в социалистических условиях получившего блестящие перспективы для успешного развития.

Рецензируемая книга представляет большой интерес как для этнографа, так и для историка-кавказоведа. Приводимым в ней вещевым материалом и описанием техники обработки металла, камня и глины, она очень ценна и для археолога. Наконец, ее с интересом прочтет и работник, имеющий отношение к кустарно-художественной промышленности. Без преувеличения можно сказать, что для историка материальной культуры многие факты и явления, приведенные в книге Е. М. Шиллинга, являются ценнейшими находками.

Пронизывая научный анализ исторических источников и фольклорного материала, Е. М. Шиллинг показал, что некогда «урбугская» территория была значительно шире современного Даргинского нагорья, а само население ее на протяжении веков претерпело процесс ассимиляции. К сожалению, автор не дал хотя бы самого общего наброска этнического состава Дагестана и не определил места в нем даргинцев и их кубачинских собратьев. Неподготовленному читателю самому ориентироваться в этом будет трудно. Автор справедливо отменяет всякую попытку приписывать кубачинцам «франкское» (европейское) происхождение и, следуя мнению акад. И. А. Орбели, намечает сугубо местный характер их этногенеза (стр. 14, 147). Можно пожалеть только, что эти положения не подкреплены анализом вещевых материалов.

Ценными для всякого историка материальной культуры являются наблюдения автора над практикой кубачинцев — вещи на вывоз изготовлять с соблюдением стилистических черт и бытовых потребностей той среды, для которой эти предметы предназначены. Но, кроме того, известно распространение изделий и чисто кубачинского стиля. В этой связи крайне важно было бы проследить не только появление отдельных мастеров-кубачинцев в других районах Северного Кавказа, но точнее установить районы отхода части жителей из селения Кубачи (стр. 15), куда они перенесли с собой и свои производственные навыки, и свои художественные вкусы. Учет этих данных позволил бы полнее оценить значение кубачинского мастерства в системе общекавказского производства, а может быть показать и влияние «кубачей» на металлопроизводство некоторых народов Северного Кавказа, например, соседней вейнахской группы, что более чем вероятно.

Чрезвычайно интересны соображения автора об архаичности кубачинской войлочной обуви с загнутыми носками и в особенности кубачинского костюма, предшествовавшего северокавказской черкеске, появление которой, судя по археологическим данным, не может уходить в глубь далее VIII в. н. э.

Наибольшей конкретностью отличается 2-я глава. В ней дается обстоятельное описание всех процессов производства кубачинцами медной посуды, медного литья, сталекузнечного производства, монтировки, гравировки, насечки, филигранны, камнерезного дела и даже работы по эмали. С глубоким знанием дела и с любовью автор описывает технику того или иного производства и характеризует носителей высокого кубачинского мастерства, в некоторых отраслях доведенного до совершенства. И мы действительно должны признать, что, скажем, в искусстве черни по серебру кубачинцы достигли непревзойденных высот.

Подлинно художественную восприимчивость кубачинцев автор иллюстрирует творческой деятельностью ряда лиц и в том числе братьев Топчиевых, которые не только поставили на более высокую ступень свое старое традиционное кубачинское искусство, но явились и пионерами по внедрению в практику кубачинцев эмалевого дела. На ряде примеров в книге блестяще показано, что кубачинцы не рабски копировали чуждые их вкусам орнаменты, но творчески перерабатывали их. Так возникали орнаменты «московнакыш» (московский узор), «чаргас-накыш» (черкесский узор) и др.

Большое научное значение представляют открытые Е. М. Шиллингом в кубачинском обществе следы очень архаичных общественных явлений и целых институтов, как «батирте» или «союз неженатых». Последние в качестве пережиточных явлений сохранялись в Кубачах вплоть до 1927 г. Анализ этих фактов позволил автору установить важные этапы общественного развития кубачинцев, начиная с периода матриархата. Интересны приведенные автором обычаи, знаменующие процесс вытеснения материнского права отцовским (стр. 172); они характерны для переходного периода от матриархата к патриархату. Но не столь убедительны доводы автора в пользу признания у кубачинцев феодальных отношений (стр. 171, 198). Перечень повинностей, накладываемых на кубачинцев феодалом — удмий Кайтакским, и наличие в их среде свободных и рабов еще не доказывает, что кубачинское общество было классовым, притом феодальным. Удмий Кайтакский, не будучи кубачинцем, стоял над ними. Из самой же кубачинской среды фактов феодальной зависимости автор не приводит. И нам представляется, что стадию окончательного распада родовых отношений кубачинцы прошли не перед арабским нашествием, как думает автор, а накануне русского проникновения на Кавказ. Настоящего же феодализма местная среда, повидимому, не знала совсем. Поэтому вполне естественно и отсутствие в кубачинском обществе цехового устройства.

Безусловно с положительной стороны характеризует книгу и данный в ней широкий показ связей кубачинцев с внешним миром. Они способствуют ясности значимости кубачинского художественного мастерства.

Но, при наличии несомненно крупных достоинств, книга не лишена и некоторых недостатков. В ряде случаев в ней преобладает описательный элемент. Разумеется в такой этнографической работе он крайне необходим, ибо автором преподносится новый и важный материал. Больше того, мы можем признать, что в отдельных разделах этот элемент справедливо составляет самую ценную и сильную сторону книги. (например, 2-я глава). Но мы вправе требовать от автора применения более строго научно-исследовательского анализа применительно к изучаемым источникам. Е. М. Шиллинг явно недостаточно использовал богатейший сравнительный материал как кавказский, так и сопредельных стран. Между тем сопоставление кубачинских изделий с шедеврами прикладного искусства народов Сев. Кавказа, и в особенности Армении, Грузии, Азербайджана и всего Ближнего Востока, позволило бы не только точнее установить место и роль кубачинского художественного искусства в системе кавказского и вообще «восточного» производства, но и проследить его глубокие местные корни.

Не проявлен в работе в должной мере и исторический подход к изучаемым материалам. Во всяком случае именно исторический аспект в работе чувствуется слабо. Проблема преемственности кубачинского мастерства от более древнего кавказского производства по существу только поставлена, но не решена автором. Упомянув о наличии более глубоких традиций в изготовлении кубачинской кованой и медночеканной утвари, автор не решает проследить зачатки этих традиций раньше XII—XIII вв. н. э. (стр. 139). Совершенно игнорируя богатейшие археологические собрания предметов меднолитейного и кованого дела Кавказа, автор и не подозревает более глубоких истоков в кубачинских изделиях. Между тем корни именно той трудоемкой техники изготовления кубачинских медных котлов и кувшинов («кнукус» и др.), с выколатыванием медных листов по специальным выкройкам, а затем соединением их медными заклепками, покоятся еще в недрах I тысячелетия до н. э. Выполненные такой техникой бронзовые сосуды в VIII—VI вв. до н. э. украшенные звереподобными ручками, известны из разных мест Кабардино-Пятигорья, Северной Осетии, Грузии, Армении и даже Азербайджана. Близкая же кубачинским приемам отливка меднобронзовых вещей в двухстворчатых формах известна на Кавказе с еще более древних времен.

Игнорирование автором этих данных сузило историческую перспективу в определении генезиса кубачинского производства и ослабило правильные позиции автора в установлении кавказского происхождения кубачинцев и давности их материальной культуры. Между тем освещение тех же самых этнографических данных о кубачинцах в историческом плане прояснило бы вопрос этногенеза кубачинцев и их культуры, теснее связало бы их с древнекавказским миром и обеспечило бы автору возможность еще раз показать, что этнография есть подлинно историческая наука, содействующая решению крупных исторических и историко-культурных проблем. К сожалению, в полной мере эту возможность Е. М. Шиллинг не использовал.

Сделанные замечания не преследуют цели хоть в какой-либо степени умалять достоинства рецензируемого труда. Они несомненны. Работа Е. М. Шиллинга написана хорошим литературным языком. Она демонстрирует плодотворный и систематический и целеустремленный этнографический изучения автором кубачинского общества и его культуры. «Кубачинцы и их культура» Е. М. Шиллинга является ценным вкладом в кавказоведческую науку. Вместе с тем книга отражает и неподдельное уважение автора к маленькому талантливому народу Кавказа, чье изумительное художественно-прикладное искусство он так любовно изучил и популяризировал. Дорога к читателю этой книге обеспечена.

Е. Круппов

НАРОДЫ АФРИКИ

Peter Abrahams, *The path of thunder*, New York and London, 1948.

На русском языке: Питер Абрахамс, *Тропой грома*, Издательство иностранной литературы, Москва, 1949.

Рецензируемая книга представляет большой интерес в двояком отношении: как знаменательный документ в истории южноафриканской художественной литературы и как доброкачественный этнографический источник.

Художественная литература неевропейских народов Южной Африки еще очень бедна; условия чудовищного социально-экономического угнетения и расовой дискриминации являются труднопреодолимым препятствием на пути развития национальной культуры этих народов. Наибольшее число литературных имен дали басуто, затулу и коса. Большинство авторов прошли через миссионерские школы, получили миссионерское воспитание, и христианская проповедь смирения, покорности в той или иной мере окрашивает все их произведения.

С точки зрения идеологической направленности, большинство этих произведений является еще очень незрелым. Внимание авторов направлено назад, в прошлое своего народа; они предпочитают описывать прошлое, любят этим прошлым, воспевают былую отсталость, примитивность старой жизни. Они сравнивают прошлое своих народов с современными колониальными условиями, и современность, конечно, не выигрывает от такого сравнения.

Сегоете в «Старом скорпионе» показывает, что в прошлом басуто не имели такого разнообразия пищи, но они имели ее достаточно, их тела были здоровыми и сильными, они не скрывали свои мускулистые, прекрасные тела в мешках одежды, тогда как теперь люди стали хилыми и могут заболеть «даже в середине дня». Подчас меткие, яркие сравнения заставляют читателя задуматься, заставляют искать пути изменения современных условий, но авторы или совсем не указывают этих путей или указывают ложные пути. Тот же Сегоете порицает молодежь за то, что она тянется к европейской культуре, и зовет ее назад к сельской патриархальной жизни. Свое «Богатство есть туман, дымка» он заканчивает тем, что измученный превратностями жизни герой принимает христианство.

Роман Питера Абрахамса рисует мрачные картины современной жизни «цветного» населения Южной Африки. Сюжет романа очень прост и совершенно типичен для современной Южной Африки: Ленни, герой романа — «цветной», — приехал в родную деревушку учительствовать, полюбил белую девушку, она ответила ему взаимностью; не смея заявить о своей взаимной любви, они решаются бежать в Мозамбик и там искать счастья; белые узнают об этой «незаконной» любви, нападают на них, и в перестрелке с фашиствующими хулиганами герой романа гибнет. В плане основной линии романа автор показывает абсолютное бесправие неевропейского населения, расовую дискриминацию и крайнюю, потрясающую бедность.

Герой романа еще не освободился от вредных иллюзий возможности мирного сосуществования «цветных» — рабов и белых — рабовладельцев. Он все еще надеется путем распространения грамотности вывести свой порабощенный народ на широкую дорогу прогресса. Но мысли автора выражает не он, а зулусский учитель Мако, который имеет уже ясную программу действий: объединение всех демократических сил для открытой борьбы за свержение власти местных помещиков и английских империалистов.

Выход в свет романа «Тропой грома» знаменует рождение в Южной Африке новой литературы, боевой, антиимпериалистической. И вместе с тем, он является показателем роста антиимпериалистических демократических сил Южной Африки.

Роман Питера Абрахамса интересует нас и с другой стороны: мы находим здесь яркие и правдивые картины народной жизни.

На высоком холме стоит большой европейского типа дом бурского помещика Герта Вильера. На многие километры кругом раскинулась его латифундия. Тут и там на его земле расположены маленькие деревушки, населенные «цветными» или банту. Ближе всех к усадьбе Вильера расположилась родная деревушка героя романа — Стиллвельд («тихое место»). Первые Вильеры держали здесь своих «черных» рабов. «В давние дни — а также в дни не столь давние — случилось, что белый фермер, живший холостяком в своей одинокой усадьбе, замечает, что дочь или жена одного из подвластных ему туземцев хороша собой; или она попадалась на глаза приятелю этого фермера, приехавшего к нему погостить из далекого Кейптауна; или ею соблазняялся какой-нибудь белый бродяга, пробравшийся в глубь страны в поисках, где бы ему обосноваться и разбогатеть не хуже других...» (стр. 36).

Вся деревушка Стиллвельд населена «цветными» — мулатами. И героя романа мать родила от Вильера.

Жители Стиллвельда, как и все окрестное население, живущее на земле Вильера, находятся в полной и всесторонней от него зависимости. Они работают на него (пасут овец, обслуживают усадьбу), он творит над ними свой суд и расправу. В Стиллвельде никто и никогда не умел ни читать, ни писать, даже проповедник неграмотный. Единственный грамотный человек в деревне — лавочник-еврей.

Нищета стиллвельдцев исключительна. «В Кейптауне он (Ленни. — И. П.) тоже встречал нищету среди цветных, но там она не была такой поголовной. Были очень бедные, и не очень бедные, и люди с достатками. Но здесь было не так. Здесь, казалось, все были заранее обречены родиться в беспросветной нищете, и жить в нищете, и в нищете умирать... Нищета влезала им в душу — и это было еще хуже, чем та нищенская обстановка, в которой они прозябали» (стр. 40).

«Дома» расположены в два ряда, по середине грязная улица; в дождливые дни тут непролазная грязь и стоячие гнилые лужи, в сухое время года носятся тучи пыли. Воду берут из колодца на краю деревни; вода мутная, желтая и отдаст глиной. Лома — это жалкие лагути, покрытые старым гофрированным железом. В родной хижине Ленни мать «подбросила сухого хворосту в странное сооружение, стоявшее в углу и служившее печью. Дым из нее уходил наружу по кривым, измятым трубам из гофрированного железа, но половина выбивалась в щели и расплзалась по комнате» (стр. 27).

Приезд Ленни, первого уроженца Стиллвельда, получившего образование, был большим событием для деревни, и в связи с этим было устроено поэтому общественное торжество. Вечером около большого костра были поставлены столы с неприхотливыми кушаньями. Проповедник произнес речь, собравшиеся поели, и началось

веселье. Зазвенела гитара, грянула гармоника, и молодежь пошла танцевать. Старик продолжали пить пиво и курили трубки. Книжки, радио, кино или театр — это все и только не доступно стилевельдцам, но для тех, кто не бывал в городе, и незнакомо Маленькое захолустное местечко; забитое, придавленное нуждой и расовой дискриминацией население. Но и здесь уже зреет протест против существующей колониальной, феодально-крепостнического режима, благородная ненависть к угнетателям, неукротимая тяга к новой жизни. Это характерно прежде всего для молодых поколения. Молодежь находит выход пока в бегстве в город. Сестра Ленни работала прислугой у Вильера, приезд брата разбудил молодые силы, оформил неясные метания, и она тайком уехала в Кейптаун. В вечернюю школу, организованную Ленни записалась вся молодежь деревни.

Роман «Тропой грома» является ярким свидетельством того, что старые времена безмятежной эксплуатации стилевельдцев бурским помещиком Вильером подходят к концу.

И. Потехи

НАРОДЫ АМЕРИКИ

A. Posnansky, *Tiuanacu, La cuna del hombre americano*, vol. I, VIII + 158, LXIV pl., 20 fig.; vol. II, 246, 180 fig., plans, New-York, 1945.

Рецензируемая работа, изданная в двух параллельных текстах: испанском и английском, является результатом почти полувекового труда автора. В начале этого века Артур Познанский, профессор университета в Ла-Пас (Боливия), занялся изучением развалин доинкского поселения Тиуанаку и в течение более чем сорока лет вел археологические и этнографические исследования в этой области. Настоящая работа содержит сводку всего археологического материала и теоретические выводы автора. По мысли Познанского, эта работа, представляющая собой первую часть серии публикаций, посвященных археологии Южной Америки, должна состоять из трех томов. Третий том будет посвящен исключительно керамике. Первый том содержит краткую характеристику археологии Тиуанаку, обзор основных периодов его истории и заканчивается разделом о так называемых «Солнечных вратах» в Каласасайя и идеографических письменах на них. Во втором томе подробно описываются основные архитектурные памятники Тиуанаку: так называемый «Храм Солнца» (Каласасайя), представляющий собой, по мнению автора, «древнейшую астрономическую обсерваторию», Пума-Пунку («Храм Луны»), Акапана и др. Специальная глава посвящена датировке тиуанакской культуры. Заканчивается второй том анализом скульптурных памятников Тиуанаку, главным образом статуй.

Автор делит историю Тиуанаку на три периода. Первый — «примитивный», когда племя колья, внедряясь в среду племен араваков, оказывает на них сильное культурное влияние; этот период характеризуется возделыванием растений, постройками из песчаника, грубо высеченными статуями; этому периоду принадлежит строительство Акапана, Пума-Пунку и др. Второй период — вершина развития тиуанакской культуры: богатое развитие получают керамика и скульптура, строятся «Храм Солнца» и другие крупнейшие архитектурные памятники; к этому же периоду относится появление идеографического письма. Извержения вулканов и землетрясения кладут конец второму периоду. Третий период характеризуется все большим опустошением плоскогорья; племена, создавшие тиуанакскую культуру, покидают его. В начале третьего периода еще заметна строительная деятельность (постройки в Сильюстани), но вскоре жизнь в Тиуанаку окончательно замирает.

Наиболее интересны главы, посвященные идеографическому письму Тиуанаку. Правильно определив изображения на «Солнечных вратах» в Каласасайя как идеографическую надпись, имеющую календарное значение, автор слишком увлекается толкованием отдельных знаков, придавая им ничем не доказуемые значения. Иногда эти толкования носят явно фантастический характер. Так, знак «лестница» может обозначать, по Познанскому, океан, землю, внутренность земли, землю, освещенную солнцем, луной, землю во тьме и пр. Соединением знаков «пума» и «земля» обозначались, по его мнению, плутонические силы земных недр и т. д. Познанский неоднократно говорит о большом числе идеографических надписей, найденных в Тиуанаку, но так как в книге даны в сущности только две из них, причем вторая даже без разбора, то убедиться в правильности предлагаемого автором толкования знаков представляется невозможным.

Если вопрос о значении идеограмм у Познанского спорен, то его общие выводы о культуре Тиуанаку представляют собой попросту вздор. Они являются ярким доказательством того тупика исследовательской мысли, в котором находится современная буржуазная американистика. Состояние производительных сил, социальный строй,

общественные отношения племен Тиуанаку совершенно не интересуют автора; о них в книге нет ни слова. Имея в руках богатейший археологический и этнографический материал, автор не нашел ничего лучшего, как повторять старые отжившие теории о возникновении культуры в одном месте и распространении ее путем миграционных волн. Эта тенденция выражена уже в заглавии работы: «Тиуанаку — колыбель американского человека». По мнению автора, вся культура древней Америки имеет своей родиной Тиуанаку и оттуда распространилась по всему континенту; культуры майя и племен Мексики — позднейшие ответвления культуры Тиуанаку. В качестве «доказательства» автор приводит легенду ацтеков об их пришествии из мифической страны Астлан; ибо «Астлан — несомненно Тиуанаку». Другим доказательством является, по Познанскому, наличие зигзагообразного знака, связанного с представлением о «земле» и «воде» как в Тиуанаку, так и у центральноамериканских племен. Предисловие даже предлагает «из-за этих причин» создание новой ветви археологии — «тиуанакологии».

Совершенно неприемлема и датировка культуры Тиуанаку, предлагаемая Познанским. Так, он относит начало второго периода истории Тиуанаку приблизительно к 155—150 вв. до н. э., основываясь на том, что Каласасайя представляет собой якобы «гигантский каменный календарь».

Книга Познанского интересна только как обширная сводка материала по археологии Тиуанаку. Исследовательской ценности она собой не представляет.

Р. Кинжалов

СОДЕРЖАНИЕ

И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании	21
К некоторым вопросам языкознания	
И. И. Потехин. В. И. Ленин о национально-освободительном движении в колониальных и зависимых странах (К тридцатилетию тезисов по национальному и колониальному вопросам для Второго конгресса Коммунистического Интернационала)	2

Вопросы этногенеза

А. П. Окладников. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири (Население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке)	31
М. Г. Левин. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (К проблеме этногенеза народов Северной Азии)	5

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

М. О. Косвен. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дво-рище	65
Т. А. Крюкова. Современная женская одежда народов Поволжья (удмуртов, мордвы)	77
З. А. Никольская. Этнографическое описание даргинского колхоза „Крас-ный партизан“	93
Я. Р. Винников. Современное жилище колхозников-туркмен Марьинской области	107

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Б. И. Шаревская и Ю. А. Зубрицкий. Кечуа — индейский народ Андийского нагорья Южной Америки	120
---	-----

Из истории этнографии и антропологии

Г. Бомштейн. Фольклорные материалы в работе С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»	142
--	-----

Заметки. Сообщения. Рефераты

А. Н. Рейнсон-Правдин. Советская песня в искусстве палешан	159
Л. М. Меликсет-Беков. Pontica Transcaucasica Ethnica (по данным Миния Медици от 1815—1819 гг.).	163
Е. Н. Студенецкая. О большой семье у кабардинцев в XIX веке.	176

Хроника

Т. А. Жданко. Работа Института этнографии Академии Наук СССР в 1949 году	182
М. Г. Левин. Полевые исследования Института этнографии в 1949 году	185
Н. А. Кисляков. Музей антропологии и этнографии АН СССР в 1949 году.	187
Л. Н. Терентьева. Совещание по этнографии народов Советской Прибал-тики	189
Т. Жданко. Сессия Ученого совета Института этнографии Академии Наук СССР, посвященная проблемам истории родового общества	193
О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии	201
Н. И. Воробьев. Этнографические исследования в Чувашской АССР	205
Д. С. Вардумян. Колхозный музей в Армении	208
М. Салманович. Народная одежда румын на выставке румынского иску-ства	210
Н. Соболевский. О румынском народном искусстве (По материалам выста-вок)	211
И. Калоева. Этнографическая работа в демократической Болгарии	217
С. Токарев. <u>С. В. Бахрушин</u> (Некролог)	222

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

В. Евсеев. Kalevalaseuran vuosikirja, 1947—1948, 1949	224
---	-----

Народы СССР

А. П. Окладников. Сборники Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР, X, XI, XII	230
Е. Фонберг. И. Гуторов. Борьба и творчество народных мстителей	235
Б. Калоев. Проф. Л. П. Семенов и А. Г. Кастуев. Музей краеведения Север-ной Осетии, 1897—1947	239
Е. Крупнов. Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура (Труды Института этнографии, н. с. т. VIII)	242

Народы Африки

И. Потехин. Peter Abrahams, The path of thunder	244
---	-----

Народы Америки

Р. Кинжалов. A. Posnansky, Tihuanaku, La cuna del hombre americano	246
--	-----